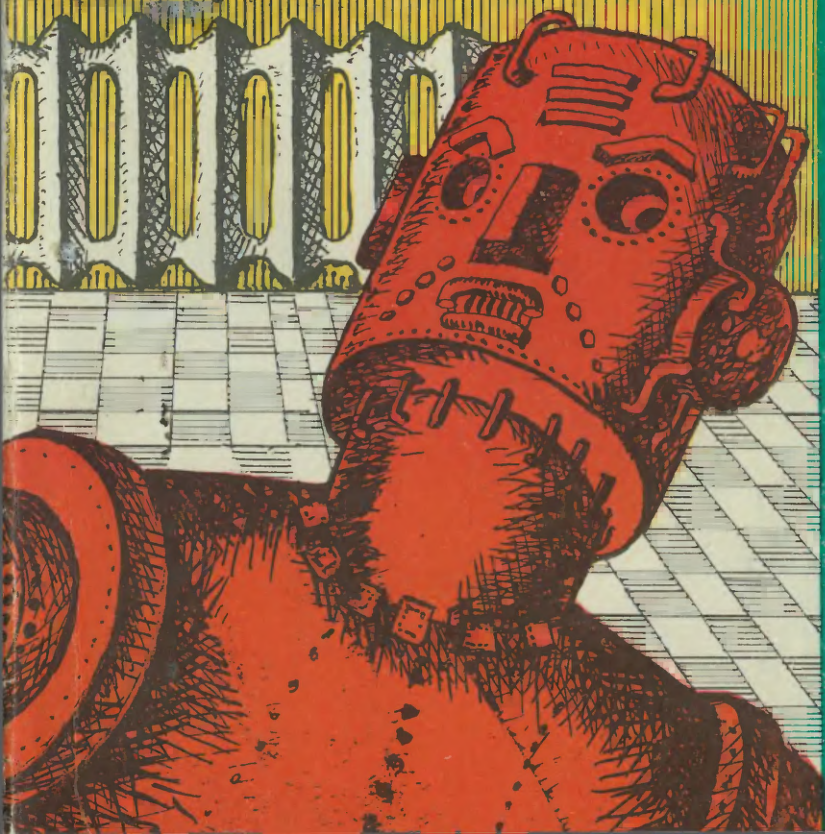
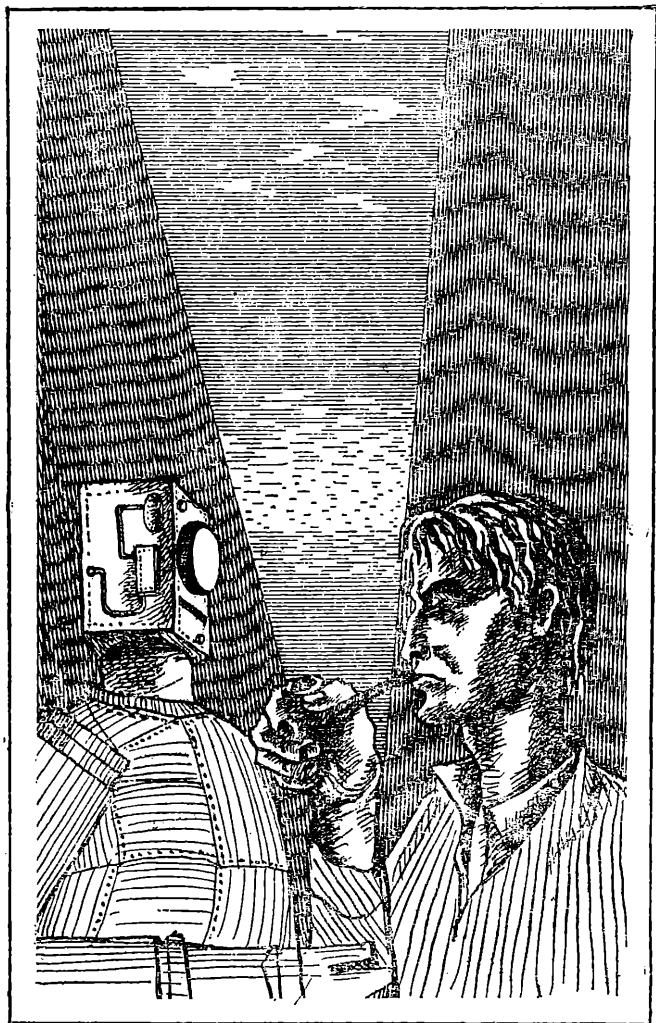

ШУТНИК

З
А
Р
У
Б
Е
Ж
Н
А
Я
Ф
А
Н
Т
А
С
Т
И
К
А

ШУТНИК

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ
О РОБОТАХ

Послесловие Е. Парнова

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МИР»
МОСКВА
1971

Сб 3
Шу 95

Шу 95 Шутник. Сб. науч.-фантаст. произведений. Переводы. Послесл. Е. Парнова. М., «Мир», 1971.
376 с. (Зарубежная фантастика)

В этом сборнике представлены рассказы и повести фантастов различных стран о роботах. Смешные и веселые, занимательные и назидательные — такими предстают перед читателем эти создания из металла и пластика, которым, конечно же, уготовано большое место и в жизни человека будущего и в произведениях писателей-фантастов.

7-3-4
183-71

Сб 3

Редакция научно-фантастической и научно-популярной литературы

Айзек Азимов

ЖЕНСКАЯ ИНТУИЦИЯ

Три закона роботехники

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые отдает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому закону.

3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму законам.

Впервые за всю историю существования фирмы «Ю. С. Роботс энд мекэникл мэн инкорпорейтед» робот стал жертвой несчастного случая на самой Земле.

В этом некого было винить.

Воздушный лайнер потерпел катастрофу в пути, и комиссия по расследованию никак не могла решиться, объявить ли предполагаемую причину взрыва: столкновение с метеоритом. Ни одно тело, кроме метеорита, не могло двигаться с такой огромной скоростью, иначе самолет успел бы автоматически отклониться от курса. И ничто не могло бы вызвать таких разрушений, кроме атомного взрыва, о котором, разумеется, не могло быть и речи.

А если к этому добавить сообщение о вспышке в ночном небе, замеченной как раз незадолго до катастрофы, причем не каким-нибудь любителем, а астрономами обсерватории Флагстаф, и упомянуть об обнаруженной всего лишь в милях от взрыва и глубоко врезавшейся в землю внушительной массе железа совершенно очевид-

по метеоритного происхождения, то становится понятным, что все эти факты не могли привести к иному выводу.

Правда, ничего подобного еще не происходило, к тому же подсчеты вероятности такого события показали, что практически она была нулевой. Но ведь случаются иногда и более невероятные вещи!

Для фирмы «Ю. С. Роботс» вопросы «как» и «почему» отходили на задний план. Реальностью был разрушенный робот, и факт этот казался плачевным уже сам по себе. Но еще трагичней было то, что JN-5 — первый удачный образец после четырех пробных моделей — предназначался для дальнейших испытаний.

JN-5 был роботом совершенно нового типа, полностью отличным от всех ранее сконструированных. И от одной этой мысли можно было впасть в отчаяние!

А то обстоятельство, что перед катастрофой JN-5 решил проблему неслыханной важности и ответ, быть может, навсегда утерян, повергло ученых в настоящую скорбь.

При такой невозместимой потере вряд ли стоило упоминать, что вместе с роботом погиб и Главный Робопсихолог фирмы «Ю. С. Роботс».

Клинтон Мадариан появился в фирме «Ю. С.» десять лет назад. Первые пять лет он проработал под руководством неуживчивой Сьюзен Кэлвин, но никто не слышал от него ни одной жалобы.

Способности Мадариана были настолько выдающимися, что Сьюзен Кэлвин, без малейших угрызений совести, повысила его в должности раньше многих старых сотрудников. Но ни за что на свете не стала бы она объяснять причины этого повышения начальнику исследовательского отдела, Главному Математику Питеру Боргерту, хотя на сей раз он в объяснениях не нуждался — все и без того было ясно.

Во многих отношениях Мадариан был полной противоположностью знаменитой Сьюзен Кэлвин. Он вовсе не был таким толстым, как можно было бы предположить по его массивному двойному подбородку, но при этом прямо-таки подавлял своим присутствием, тогда как Сьюзен Кэлвин почти всегда оставалась незаметной. Его крупное лицо, взлохмаченные волосы цвета меди, кожа красноватого оттенка, рокошущий голос и громовый смех, а главное, непоколебимая вера в себя и стремление немедленно сообщить всем и каждому о собственных успехах заставляли людей, находящихся с ним в одном помещении, ощущать тесноту окружающего их пространства.

Когда Сьюзен Кэлвин ушла, наконец, на пенсию, столь решительно отказавшись присутствовать на банкете, который собирались устроить в ее честь, что об ее отставке даже не решились оповестить прессу, освободившееся место занял Мадариан. И тотчас же — не прошло и дня, как он вступил на новый пост, — он начал обдумывать проект JN.

Проект этот требовал ассигнований, превышающих все, что «Ю. С.» когда-либо тратила на одну разработку, и фирма долго бы еще колебалась, если бы Мадариан небрежным жестом руки не отклонил ненужные разглашательства.

— Цель оправдывает средства, Питер, — сказал он, — оправдывает до последнего пенни, и я очень рассчитываю, что вы сможете убедить административный совет.

— Изложите мне свои доводы, — ответил Богерт, спрашивая себя, захочет ли Мадариан это сделать, ведь в таких случаях Сьюзен Кэлвин всегда отказывалась.

Но Мадариан ответил:

— Пожалуйста.

И поудобнее устроился в широком кресле против стола начальника Исследовательского отдела, который разглядывал своего собеседника с чувством, похожим на суеверный страх. Волосы Богерта, еще недавно черные,

совсем поседели. Не пройдет и десяти лет, как он тоже, вслед за Сьюзен, выйдет на пенсию.

Его уход ознаменует собой конец старой «плеяды», которая превратила «Ю. С. Роботс» в фирму мирового значения, по сложности решаемых проблем соперничающую с задачами государственной важности. Ни ему, ни его предшественникам и в голову не приходило, что фирма когда-нибудь приобретет подобный размах.

Пришло новое поколение. Оно привыкло к другим масштабам. Эти новые люди утратили способность удивляться и могли двигаться только семимильными шагами.

Но они шли вперед, а это было главное.

Мадариан сказал:

— Я предлагаю приступить к конструированию роботов, лишенных ограничений.

— Как? Не считаясь с Тремя законами?

— Да нет же, Питер! Это ведь не единственные ограничения. Вы же сами участвовали в первых разработках позитронного мозга. Мне ли напоминать вам, что независимо от Трех законов все процессы в таком мозге обусловлены заранее. Наши роботы предназначаются для выполнения специальных заданий и наделены только необходимыми для этого качествами.

— И вы предлагаете...

— Я предлагаю, чтобы на любом уровне, подчиненном Трем законам, были сняты все ограничения. Это совсем не трудно!

— Конечно, не трудно,— сухо ответил Богерт.— Бесполезные действия никогда не вызывают затруднений. Трудно лишь так отрегулировать процессы, чтобы извлечь из роботов максимальную пользу.

— Мы напрасно все усложняем. При жесткой фиксации процессов затрачивается много усилий. Ведь принцип неопределенности существен для частиц, имеющих массу позитрона, и хочется, насколько возможно, уменьшить эффект неопределенности. А зачем? Если нам

удастся воспользоваться принципом так, чтобы допустить возможность существования различных решений в непредвиденных обстоятельствах...

— Тогда у нас будет незапрограммированный робот?

— У нас, Питер, будет робот, наделенный творческим мышлением.— В голосе Мадариана появились нотки нетерпения.— Если и существует свойство, которое присуще человеческому мозгу и которого наистро лишен мозг робота, то это непредсказуемость действий как следствие неопределенности на субатомном уровне. Я знаю, что проявление этого свойства нервной системы еще ни разу не было подтверждено экспериментальным путем. И все же, не будь этого свойства, человеческий мозг в принципе не превосходил бы мозг робота.

— И вы полагаете, что, наделив этими особенностями мозг робота, вы в принципе доведете его до уровня человеческого?

— Вот именно,— подтвердил Мадариан.

После этого они еще долго продолжали спорить.

Как и следовало ожидать, убедить административный совет оказалось не так-то просто.

Скотт Робертсон, самый крупный из акционеров «Ю. С. Роботс», заявил:

— И без того нелегко поддерживать промышленное производство роботов на прежнем уровне, когда широкая публика неодобрительно относится к этим механизмам и в любую минуту может объявить им открытую войну. Если только станет известно, что роботы больше не контролируются — пожалуйста, не говорите мне о Трех законах,— то средний обыватель перестанет верить, что находится под их защитой, едва лишь услышит слово «неконтролируемый».

— В таком случае не будем употреблять этого слова,— сказал Мадариан,— назовем лучше нашего робота интуитивным.

— Интуитивный робот? — пробормотал кто-то. — А почему бы не женщина-робот?

По залу заседаний пробежал смехок. Мадариан решил сразу же взять быка за рога:

— Да! Женщина-робот! Наши роботы, разумеется, существа бесполое, и этот также не будет отличаться от остальных. Но у нас уже вошло в привычку рассматривать роботов как представителей мужского пола. Мы даем им мужские имена, говорим: он, его. Что же касается данного робота, то, учитывая предложенную мной математическую структуру его мозга, он скорее всего попадет в систему координат JN. Первый из них, JN-1, я собирался назвать Джоном-1, хотя, признаться, это имя было бы на уровне оригинальности заурядного конструктора. А почему бы, черт побери, не назвать нашего робота Джейн-1? И если уж непременно нужно информировать широкую публику о всех делах фирмы, то сообщим, что сейчас мы конструируем женщину-робота, надежного интуицией.

Робертсон покачал головой:

— А что от этого изменится? Ведь по сути вы хотите уничтожить последнюю преграду, препятствующую мозгу робота подняться до уровня человеческого мозга. И как же, по-вашему, на это будет реагировать широкая публика?

— А вы собираетесь ей обо всем докладывать? — возразил Мадариан. После минутного размышления он сказал: — Послушайте, ведь испокон веков считается, что мужчина по интеллекту превосходит женщину.

Все присутствующие настороженно переглянулись, как если бы Сьюзен Кэлвин сидела на своем обычном месте.

Мадариан продолжал:

— Если мы объявим о создании женщины-робота, не существенно, какой она будет. Публика заранее настроится на то, что интеллектуальный уровень нового робота

будет ниже, чем у обычного. Нам лишь останется сообщить о появлении Джейн-1, и тогда мы ничем не рискуем.

— Но этого мало,— вмешался Питер Богерт.— Мы с Мадарианом тщательно произвели все вычисления и пришли к выводу, что вся серия JN — будь то Джон или Джейн — вполне безопасна. Такие роботы проще обычных, а их интеллектуальный уровень ниже, чем у предыдущих серий, от которых JN будет отличаться лишь одним дополнительным свойством — условимся называть его интуицией.

— Кто знает, к чему оно приведет,— пробормотал Робертсон.

— Мадариан,— продолжал Богерт,— предлагает такое решение: как вы знаете, Межзвездный Прыжок теоретически разработан. Человек в состоянии достигнуть сверхсветовых скоростей, проникнуть в другие солнечные системы и вернуться на Землю спустя короткое время, скажем, не более чем через несколько недель.

— Все это давно известно,— прервал его Робертсон,— и может быть осуществимо без помощи роботов.

— Совершенно верно, но фирме это не принесет никакой выгоды, поскольку сверхсветовой двигатель может быть использован только один раз для демонстрационного полета. Межзвездный Прыжок — дело весьма рискованное. Он сопряжен с чудовищными затратами энергии и тем самым с огромными расходами. Если уж мы на них решимся, то было бы неплохо открыть заодно и какую-нибудь обитаемую планету. Назовите это, если хотите, психологической необходимостью, но выложить двадцать миллиардов долларов ради полета, который ничего не принесет кроме научных данных! Налогоплательщики непременно потребуют, чтобы им разъяснили, на что расходуются такие средства. Но стоит вам объявить, что существует еще один населенный мир, и вы станете меж-

звездным Колумбом, никто даже не вспомнит о потраченных деньгах.

— Ну и что из этого?

— А то, что нам негде взять такую планету. Или скажем так: какая из трехсот тысяч звезд и созвездий в пределах досягаемости Межзвездного Прыжка, то есть в радиусе трехсот световых лет, с наибольшей вероятностью может быть заселена разумными существами? В нашем распоряжении масса подробных сведений обо всех звездах, отстоящих от нас не более чем на триста световых лет, и мы считаем, что почти каждая из них обладает своей планетной системой. Но в какой же из этих систем находится обитаемая планета? На какую из них нужно высадиться? Увы, этого мы не знаем.

— При чем же тут робот Джейн? — спросил кто-то из директоров.

Мадариан собрался было ответить, но передумал и сделал знак Богерту. Тот все понял: в данном случае слово начальника Исследовательского отдела имело большой вес. Сам Богерт не был в восторге от затеи Мадариана. Если серия JN окажется неудачной, то он уже достаточно ввязался в это дело, чтобы навлечь на себя град упреков. С другой стороны, его уход на пенсию не за горами, и в случае удачи он покинет свой пост в ореоле славы. Быть может, он просто заразился уверенностью Мадариана? Как бы то ни было, но теперь Богерт искренне верил в успех. И он сказал:

— Не исключено, что, опираясь на сведения, которыми мы располагаем об этих звездах, можно оценить вероятность существования обитаемой планеты земного типа в одной из таких систем. Нам нужно подойти к этим данным не шаблонно, а творчески и обнаружить правильные соотношения. Ведь ничем подобным мы еще не занимались. Даже если какой-нибудь астроном и сделал это, он не смог бы в полной мере оценить достигнутое. Робот типа JN установит такие соотношения быстрее и

с гораздо большей точностью. За один день он способен составить и отбросить столько вариантов, сколько человеку не сделать и за десять лет. Кроме того, он будет действовать наугад, тогда как человек оказался бы в плену предвзятых соображений.

Воцарилось молчание. Наконец Робертсон прервал тишину.

— Разве дело только в вероятности? Предположим, что робот изречет: «Наибольшая вероятность существования обитаемой планеты, скажем Сквиджи-17, в радиусе столько-то световых лет, в такой-то системе». И вот мы устремляемся туда, чтобы лишний раз убедиться, что вероятность всегда остается только вероятностью и что в действительности там нет никакой обитаемой планеты. В каком положении мы окажемся?

На этот раз вмешался Мадариан.

— Все равно мы останемся в выигрыше, так как узнаем, что привело робота к подобному заключению, когда он, простите она, расскажет нам об этом. Таким образом мы сможем собрать колоссальные сведения в области астрономии и тем самым оправдаем нашу затею, даже если и не совершим Межзвездного Прыжка. Кроме того, мы сможем рассчитать вероятности не для одной, а для пяти планет; в таком случае вероятность, что хотя бы одна из них окажется обитаемой, будет больше девяноста пяти процентов, и тогда можно почти не сомневаться в успехе.

Прения еще долго не прекращались.

Ассигнованной суммы оказалось совершенно недостаточно, но Мадариан надеялся, что сработает привычный рефлекс — административный совет фирмы не даст пропасть уже потраченным деньгам. Когда истрачено 200 миллионов долларов, не стоит скупиться еще на сот-

ню, чтобы спасти всю сумму. И Мадариан не сомневался, что ему выделяют эту сотню.

Но вот Джейн-1 была наконец смонтирована и предстала пред испытующим оком Питера Богерта.

— Почему у нее такая тонкая талия? — спросил он. — Это что — технический дефект?

Мадариан хмыкнул:

— Послушайте, раз уж мы решили назвать ее Джейн, лучше, если она не будет похожа на Тарзана.

Богерт покачал головой:

— Что-то мне это не нравится. А в следующий раз вы ей сделаете бюст? Да и вообще вся эта затея дурацкая! Если женщины вообразят, что появятся похожие на них роботы, могу себе представить, какие сумасбродные мысли придут им в голову! Вот где вас подстерегает настоящая враждебность!

— Возможно, вы и правы, — ответил Мадариан, — ни одна женщина не захочет признаться даже самой себе, что ее может заменить механизм, у которого не будет ни одного недостатка, присущего женскому полу. Да, да! Вполне с вами согласен!

У Джейн-2 уже не было тонкой талии. Это был мрачный, малоподвижный, неразговорчивый робот.

В период его создания Мадариан редко навещался к Богерту со своими новостями, из чего было легко заключить, что дела идут далеко не блестяще. В противном случае, Богерт в этом ничуть не сомневался, Мадариан не постеснялся бы ворваться к нему в спальню в три часа ночи, чтобы выложить очередную идею.

И вот именно теперь, когда Мадариан, казалось, как-то сник, когда поблек его яркий румянец, а толстые щеки ввалились, Богерт сказал, чувствуя, что попадает в самую точку!

— Что, отказывается говорить?

— Нет, она говорит, — ответил Мадариан, тяжело опускаясь в кресло, и добавил, покусывая нижнюю губу, — по крайней мере изредка.

Богерт поднялся, чтобы осмотреть робота.

— А если она говорит, то ее слова бессмысленны? А если вообще не говорит, значит, она не настоящая женщина? Не так ли?

Мадариан тщетно попытался изобразить какое-то подобие улыбки.

— Сам по себе мозг вполне исправен.

— Знаю, — подтвердил Богерт.

— Но как только его вложили в робота, он, естественно, изменился...

— Естественно, — бросил Богерт, не пытаясь даже перекинуть спасительный мостик вконец запутавшемуся Мадариану.

— Но изменился непредсказуемо, и это приводит меня в отчаяние. Трудность состоит в том, что как только вы пытаетесь рассчитать неопределенность в N-мерном пространстве, то все очень...

— Неопределенно? — перебил Богерт, удивляясь собственной реакции. Убытки фирмы достигли уже весьма значительной суммы. Прошло около двух лет, а результаты, мягко говоря, необнадёживающие. И в то же время он чувствовал, что, задевая Мадариана, сам невольно забавляется этой игрой.

Какую-то минуту Богерт засомневался, уж не к Сьюзен ли Кэлвин обращены его стрелы? Но Мадариан был одновременно таким вспыльчивым и общительным, какой Сьюзен никогда не бывала, даже если все шло как нельзя лучше. В отличие от Сьюзен, которую не могли сломить неудачи, Мадариан был куда более уязвимым. Богерт отыгрывался за прошлое, сделав Мадариана мишенью для своих шуток, чего Сьюзен Кэлвин никогда бы не допустила.

Мадариан никак не отреагировал на последнее замечание Богерта, как это сделала бы и Сьюзен Кэлвин, но по другой причине: она бы смолчала из презрения, а он просто не расслышал.

Он начал приводить свои аргументы.

— Трудность в опознавании. Джейн-2 блестяще справляется с соотношениями. Она может сопоставить все что угодно, но, к сожалению, не умеет отличать важных результатов от второстепенных. Это не легкая задача — запрограммировать нашего робота на нахождение существенных соотношений, если мы заранее не знаем, какие именно соотношения она находит.

— Я полагаю, вы намеревались понизить потенциал на соединении диода W-21 и связать через...

— Нет, нет и нет! — Голос Мадариана упал до шепота. — Мы не допустим, чтобы из-за нее все рухнуло. Нужно заставить ее распознавать главные соотношения и научить делать правильные выводы. Когда мы этого добьемся, робот Джейн будет находить решения интуитивно, тогда как мы получаем их благодаря случайным удачам.

— Мне кажется, — сухо заметил Богерт, — что, имея такого робота, вы в любую минуту смогли бы заставить его выполнить то, что среди простых смертных в состоянии совершить только гений.

Мадариан одобрительно кивнул.

— Золотые слова, Питер! Я бы и сам сказал это, если бы не боялся испугать наших администраторов. Пусть это пока останется между нами.

— Вы действительно хотите создать гениального робота?

— Слова, одни слова... Я хочу сконструировать робота, способного находить случайные соотношения с невероятной быстротой, а также безошибочно выделять ключевые проблемы, то есть пытаюсь превратить эти мало что выражающие понятия в уравнения позитрон-

ного поля. Мне казалось, что я уже близок к цели, но, видимо, я заблуждался.

Он бросил недовольный взгляд на робота и приказал:

— Джейн, сформулируй самое важное из того, что ты обнаружила.

Джейн-2 повернула голову к Мадариану, но не произнесла ни слова.

Тогда Мадариан покорно сказал:

— Она все это зафиксировала в своей памяти.

И тут-то Джейн-2 отреагировала голосом, лишенным всякого выражения:

— Как раз в этом у меня нет уверенности.

Это было первое, что она произнесла. Глаза Мадариана, казалось, вылезли из орбит:

— Она составляет уравнение с неопределенными решениями.

— Так я и думал,— сказал Богерт.— Одно из двух — либо вы чего-нибудь добьетесь, либо покончите с этим делом, пока убытки фирмы еще не перевалили за полмиллиарда!

— Нет, я что-нибудь придумаю,— пробормотал Мадариан.

С Джейн-3 они потерпели полную неудачу. Ее даже не допустили к испытаниям, и Мадариан был вне себя от ярости. На этот раз ошибся человек, точнее говоря, сам Мадариан. И хотя он был совершенно подавлен, все остальные сохраняли спокойствие. Пусть в него бросит камень тот, кто сам никогда не ошибался в дьявольских математических премудростях позитронного мозга!

Прошло около года, прежде чем появилась Джейн-4. К Мадариану вернулся его былой оптимизм.

— Все в порядке,— говорил он,— у нее большие способности к опознаванию.

Он был настолько уверен в себе, что заставил Джейн-4 решать задачи перед административным советом. Нет, не

математические — с ними справился бы любой робот,— а с нарочито запутанными условиями, задачи, которые в то же время нельзя было признать неверными.

— Ну что ж,— сказал ему потом Богерт,— в этом не было ничего ошеломляющего.

— Разумеется, для Джейн-4 все это достаточно элементарно, но ведь нужно было им что-нибудь показать?

— Вы знаете, сколько мы уже потратили?

— А вы знаете, Питер, сколько мы уже возместили? Наш труд не пропал даром. Три года я работал как проклятый и все-таки нашел новые способы математических подсчетов, которые сэкономят нам по меньшей мере пятьдесят тысяч долларов на каждой новой модели позитронного мозга. Отныне и навеки. Разве я не прав?

— Ну что ж...

— Никаких «ну что ж». Это непреложный факт. И мне кажется, что N-мерные исчисления неопределенностей будут широко применяться, если мы только задумаемся, где их применять. А вот роботы Джейн наверняка додумаются. Как только мне удастся полностью осуществить мой замысел, новая серия окупит себя раньше чем за пять лет. Даже если мы утроим уже затраченную сумму.

— А что вы подразумеваете под словами «полностью удастся осуществить замысел»? Что-нибудь не в порядке с Джейн-4?

— С ней-то как раз все в порядке, вернее, почти все. Она на верном пути, но ее можно усовершенствовать, и мне хочется это сделать. Раньше, когда я ее конструировал, мне казалось, я знаю, чего хочу, но теперь, после того как я ее испытал, я знаю, какова моя цель, и я ее достигну.

Джейн-5 полностью соответствовала замыслу. Мадариану потребовалось больше года на ее создание, но на

сей раз он не делал никаких оговорок — он был абсолютно уверен в своем роботе.

Джейн-5 была меньше и изящнее, чем обычные роботы. Не будучи карикатурой на женщину, как Джейн-1, она обладала какой-то женственностью, несмотря на отсутствие внешних признаков пола,

— Просто у нее такая манера держаться, — заключил Богерт.

Она изящно двигала руками, а когда поворачивалась, казалось, что ее туловище слегка изгибается.

Мадариан сказал:

— А теперь послушайте ее, Богерт! Как ты себя чувствуешь, Джейн?

— Прекрасно, благодарю вас, — ответила Джейн-5 настоящим женским голосом. Это было приятное и даже слегка волнующее контральто,

— Зачем вы это сделали, Клинтон? — нахмурясь, спросил удивленный Богерт.

— Это важно с психологической точки зрения, — ответил Мадариан. — Я хочу, чтобы люди воспринимали ее как женщину, чтобы обходились с ней, как с женщиной, объясняли ей...

— Какие люди?

Мадариан сунул руки в карманы и задумчиво оглядел Богерта.

— Мне бы хотелось, чтобы вы договорились о нашей с Джейн поездке во Флагстаф.

Богерт не мог не заметить, что, говоря о работе, Мадариан больше не употреблял порядкового номера. Она была именно той Джейн, о которой он мечтал. И Богерт повторил с сомнением:

— Во Флагстаф? Но зачем?

— Флагстаф — всемирный центр общей планетологии. Там изучают звездные системы и пытаются вычислить вероятность существования обитаемых планет, не так ли?

— Безусловно, но он же находится на Земле.

— Для меня это не новость.

— Перемещения роботов по Земле строго контролируются. В данном случае эта поездка вовсе не обязательна. Выпишите сюда всю литературу по общей планетологии, и пусть Джейн ее основательно проштудирует.

— Ну нет! Питер, почему вы не хотите понять, что Джейн не обычный логический робот? Она наделена интуицией!

— Ну и что?

— А то, что невозможно предугадать, что ей требуется и что может навести ее на нужную мысль... Все серийные металлические модели наделены способностью читать книги и черпать информацию, но это мертвые факты и к тому же устаревшие. Джейн нужны свежие мысли, она должна слышать интонации, она должна знать даже второстепенные детали и обладать сведениями, не имеющими прямого отношения к данному вопросу. Как же, черт побери, мы сможем догадаться, что и когда ее взволнует и выльется затем в осмысленный образ? Если бы мы все это заранее знали, Джейн была бы нам не пужна, не так ли?

— В таком случае, — теряя терпение, сказал Богерт, — пригласите сюда всех специалистов по общей планетологии.

— Это ни к чему. Они будут себя здесь чувствовать не в своей тарелке. Их реакциям будет недоставать естественности. Я бы хотел, чтобы Джейн наблюдала за ними в процессе работы, чтобы она рассмотрела оборудование, кабинеты, столы — все, что их там окружает. Прошу вас, распорядитесь, чтобы ее отвезли во Флагстаф. И, признаться, мне неприятно продолжать этот бесплодный спор.

В голосе Мадариана Богерт уловил нотки, скорее свойственные Сьюзен. Он поморщился и запротестовал:

— Все это очень сложно. Транспортировка экспериментального робота...

— Джейн — не экспериментальный робот! Она — пятая в серии.

— Но ведь предыдущие четыре были неудачными! Мадариан сделал протестующий жест.

— А кто вас просит сообщать об этом правительству?

— Как раз сейчас я беспокоюсь не о неприятностях со стороны правительства. В особых случаях его можно убедить, что это необходимо. Нет, меня тревожит общественное мнение. Мы достигли больших успехов за последние пятьдесят лет, и мне бы не хотелось быть отброшенным на двадцать пять лет назад только потому, что вы можете потерять контроль над...

— Но я не потеряю над ней контроль. Что за дурацкая мысль! Послушайте, Питер, «Ю. С. Роботс» может зафрахтовать специальный лайнер. Мы приземлимся в ближайшем коммерческом аэропорту и тут же затеряемся среди сотен других кораблей. Нас будет ждать фургон, который доставит нас во Флагстаф. Джейн поместят в ящик, и никто даже не заподозрит, что в лабораторию привезли не машину, а робота. На нас просто не обратят внимания. Но Флагстаф будет информирован о цели нашего визита. И они сами будут заинтересованы помочь нам и проследить, чтобы никто ничего не пронюхал.

Богерт размышлял.

— Самой опасной частью пути будет перевозка в самолете и в машине. Если что-нибудь произойдет с ящиком...

— Ничего не произойдет.

— Ну что ж, быть может, все и обойдется, если только отключить Джейн на время пути. Тогда, если даже кто-то и заметит, что она внутри...

— Нет, Питер. Это допустимо с любым роботом, но не с Джейн-5. Ведь стоило ее подключить, как у нее за-

работали свободные ассоциации. Все сведения, которыми она обладает, могут как бы «законсервироваться» на время отключения, но только не свободные ассоциации. Нет, Питер! Отныне ее вообще нельзя отключить.

— Но если вдруг обнаружится, что мы перевозим действующего робота...

— Можете не беспокоиться.

Мадариан продолжал настаивать на своем, и в один прекрасный день самолет поднялся в воздух. Это был автоматический реактивный самолет новейшей конструкции. Но ради предосторожности на нем находился пилот — один из служащих фирмы. Ящик с Джейн без всяких приключений прибыл в аэропорт и уже потом на борту автомашины был переправлен в целости и сохранности в научно-исследовательскую лабораторию Флагстафа.

Питер Богерт получил первое сообщение от Мадариана меньше чем через час после их прибытия во Флагстаф. Мадариан просто купался в блаженстве. Это было в его характере: он не мог дольше ждать, чтобы не похвастаться. Сообщение было передано посредством лазерного луча засекреченным способом, абсолютно исключаящим перехват. Но Богерт все же волновался. Он знал, что при том высоком уровне техники, какой располагало правительство, все же при достаточной настойчивости можно было перехватить сообщение. Единственное, что успокаивало, это то, что у правительства не было оснований интересоваться такого рода сообщениями. По крайней мере, Богерт на это надеялся.

— Господи, вовсе не обязательно было вызывать меня! — воскликнул он.

Но Мадариан, не обращая никакого внимания на его слова, захлебывался от восторга:

— Настоящее вдохновение! Ну просто гений!

Какое-то мгновение Богерт молча смотрел на трубку, и вдруг его прорвало:

— Что, уже? Готов ответ?

— Что вы, конечно, нет. Черт возьми, дайте нам время! Я говорю о ее голосе, здорово меня осенило. Вы только послушайте. Когда нас довели до административного корпуса Флагстафа, открыли ящик и Джейн выпила, все так и попятились. Испугались. Болваны! Если уж ученые не понимают Законов роботехники, чего ожидать от необразованных людей? Прошла минута. Я уже думал: «Ну все. Они не станут при ней говорить, а если она рассердится, то вообще разбегутся, потому что они не способны мыслить».

— И чем же все кончилось?

— Она их приветствовала. Произнесла своим красивым контральто: «Здравствуйте, джентльмены! Счастлива с вами познакомиться!» Да, это то, что надо! Один парень стал поправлять галстук, другой — пальцами расчесывать шевелюру. Но лучшие всех отреагировал самый пожилой из них — он стал проверять, в порядке ли его одежда. Честное слово! Они прямо без ума от нее. Им не хватало как раз такого голоса. Это больше не робот — это женщина.

— Неужели они с ней разговаривали?

— Еще как! Мне нужно было наделить ее сексуальными интонациями, и тогда бы они назначали ей свидания. Условные рефлексy? Глупости! Вы же знаете, мужчины чрезвычайно чутко реагируют на голоса.

— Да, кажется, это так, Клинтон, я что-то припоминаю. А где сейчас Джейн?

— С ними. Они не отпускают ее от себя.

— Черт возьми! Идите же к ней и не теряйте ее из виду!

В последующие десять дней пребывания во Флагстафе количество сообщений Мадариана сокращалось по мере

того, как восторги его явно шли на убыль. Джейн, докладывая он, ко всему внимательно прислушивается и время от времени отвечает на вопросы. Она по-прежнему пользуется успехом и ходит куда хочет. Но пока что безрезультатно.

— Ничего нового? — спросил Богерт.

Мадариан тут же занял оборонительную позицию.

— Еще рано о чем-либо говорить. Нельзя употреблять слово «ничего», когда речь идет об интуитивном роботе. Разве можно предвидеть, что с ней произойдет? Сегодня утром, например, она спросила Дженсена, что он ел на завтрак.

— Роситера Дженсена, астрофизика?

— Ну да. Оказалось, что он не завтракал, только выпил чашечку кофе.

— Итак, ваша Джейн учится светским беседам? Вряд ли это оправдывает расходы...

— Послушайте, Питер, не валяйте дурака. Это не пустые разговоры. Для Джейн все важно... Раз она задала такой вопрос, значит, он как-то ассоциировался с ее мыслями.

— А о чем она могла думать?

— Откуда мне знать? Если б я знал, то сам был бы Джейн, и вы бы в другой не нуждались. Но я убежден: что бы она ни делала, во всем есть скрытый смысл. Ведь заложенная в ней программа имеет главную цель — определить, существует ли планета с оптимальными условиями для жизни на расстоянии...

— Ну ладно. Теперь вызовите меня не раньше чем Джейн выдаст это решение. Мне вовсе не обязательно быть в курсе мельчайших подробностей о возможных соотношениях.

Богерт перестал надеяться на сообщение об успехе Джейн. С каждым днем его интерес ослабевал, и, когда новость наконец пришла, она застала Богерта врасплох. Да и поспела она к самому концу...

Это последнее, самое главное сообщение Мадариан произнес вполголоса. Его восторги прошли все фазы развития, и теперь он был почти спокоен.

— Она решила, — сказал он. — Она решила, когда сам я уже в это не верил. После того как она два или три раза подряд записала в лаборатории то, что ей было нужно, и ни разу не произнесла ничего заслуживающего внимания... Теперь все в порядке. Я говорю с борта самолета, на котором мы возвращаемся. Он только что вылетел.

Богерт наконец перевел дыхание.

— Слушайте, Клинтон, хватит болтовни. У вас есть ответ? Говорите без обиняков.

— Да, ответ получен. Он у меня в кармане. Джейн назвала три звезды в радиусе восьмидесяти световых лет, в системах которых, по ее мнению, вероятность нахождения обитаемой планеты составляет от шестидесяти до девяноста процентов, а вероятность того, что по крайней мере одна из них та самая, которую мы ищем, — девяносто семь и две десятых процента, иначе говоря, уверенность почти полная. Как только мы вернемся, она сможет объяснить нам ход рассуждений. Помяните мое слово, теперь вся астрофизика и космология будут...

— Вы в этом уверены?

— А вы полагаете, я спятил? У меня даже есть свидетель. Бедняга просто подпрыгнул от неожиданности, когда Джейн вдруг принялась излагать решение своим мелодичным голосом...

И именно в эту минуту произошло роковое столкновение. Мадариан и пилот превратились в куски окровавленного мяса, а от Джейн вообще почти ничего не осталось.

Еще никогда в фирме «Ю. С. Роботс» не царил такого отчаяния. Робертсон пытался утешить себя мыслью, что по крайней мере эта катастрофа скрыла нарушения правил, в которых была повинна фирма.

Богерт сокрушенно качал головой:

— Мы упустили превосходнейшую возможность помочь роботам завоевать доверие людей и преодолеть наконец этот проклятый комплекс Франкенштейна. Какой успех выпал бы на их долю! Один из роботов нашел решение проблемы обитаемых планет, а другие помогли бы осуществить Межзвездный Прыжок. Роботы открыли бы для нас Галактику. И, помимо всего прочего, мы продвинули бы науку вперед в десятках различных направлений! Бог мой! Невозможно даже вообразить все преимущества, какие мы могли извлечь для человечества и для нас самих...

Его перебил Робертсон:

— Но разве мы не в состоянии создать новых Джейн, пусть даже без помощи Мадариана?..

— Конечно, в состоянии. Но вряд ли следует рассчитывать на то, что соотношения снова будут удачными. Как знать, насколько мала вероятность полученного Джейн результата? А вдруг Мадариану просто бешено повезло, как это бывает с новичками? И только для того, чтобы затем его постиг такой сокрушительный удар? Метеорит, направленный на... Нет. Это просто невероятно!

Робертсон пробормотал в нерешительности:

— А может, это... не случайно. Я хочу сказать, может, мы и не должны были знать то, что знала Джейн, может, метеорит был возмездием...

Испепеляющий взгляд Богерта заставил его замолчать.

— Не думаю, чтобы это был полный провал, — сказал начальник исследовательского отдела. — Другие Джейн помогут нам. Никто не помешает наделить их женскими голосами, если это как-то способствует их популярности. Но как это воспримут женщины? Знать бы только, что сообщила Джейн!

— В последнем разговоре с вами Мадариан уверял, что у него есть свидетель,

— Знаю. Я размышлял над этим. Как вы думаете, неужели я не связался с Флагстафом? Но там никто не слышал, чтобы Джейн сказала нечто из ряда вон выходящее, что хотя бы отдаленно походило на решение проблемы обитаемых планет. А там-то уж было кому понять подобное заявление, если оно вообще было сделано...

— Неужели Мадариан солгал? А может, он просто помешался? Или хотел себя выгородить?

— Уж не хотите ли вы сказать, что он стремился спасти свою репутацию, утверждая, будто знает решение, а затем словчил — заставил Джейн навеки замолчать и потом заявил бы нам: «Как жаль, но с ней что-то неладно!» Нет, меня в этом никто не убедит. Уж легче поверить, что он нарочно столкнулся с метеоритом!

— Что же нам делать?

Богерт решительно сказал:

— Отправимся во Флагстаф. Ответ должен быть там. Нужно заняться этим вплотную, вот и все. Я возьму с собой нескольких сотрудников Мадариана. Мы перевернем там все вверх дном.

— Но послушайте, Богерт, даже если и был свидетель, который все слышал, к чему нам это? Ведь Джейн больше нет и некому объяснить ход рассуждений.

— Поймите, важны даже мельчайшие детали. Джейн скорее всего назвала не звезды, а их номера по каталогу. Ведь ни у одной из звезд, имеющих собственные имена, нет планетных систем. Если кто-нибудь слышал, пусть мельком, как Джейн упоминала какой-то номер, то с помощью психозонда его можно было бы восстановить. Это было бы уже нечто. Располагая конечными результатами и сведениями, сообщенными Джейн вначале, мы могли бы потом проследить ход ее умозаключений. И тем самым, возможно, спасли бы положение!

Через три дня Богерт вернулся из Флагстафа в подавленном настроении.

Когда Робертсон нетерпеливо осведомился о результатах поездки, он покачал головой:

— Ничего!

— Ничего?

— Абсолютно. Я разговаривал с учеными, техническим персоналом и даже студентами, со всеми, кто хоть как-то общался с Джейн или ее видел. Их немного — должен признаться, Мадариан действовал с большой осторожностью. Он позволял ей беседовать лишь с планетологами, у которых она могла бы почерпнуть нужные новые сведения. Их было всего двадцать три человека. Двадцать три, которые вообще видели Джейн, и лишь двенадцать из них разговаривали с ней, а не просто обменивались любезностями.

Я расспрашивал обо всем, что бы ни говорила Джейн. Они хорошо помнят ее слова, все они весьма толковые люди, занимающиеся проблемой громадной важности. И потому они были заинтересованы в том, чтобы все вспомнить. Они ведь имели дело с говорящим роботом — этот факт уже сам по себе примечателен, — да еще с голосом, как у актрисы телевидения, — такое невозможно забыть.

— А с помощью психозонда... — начал было Робертсон.

— Если бы хоть у одного из них остались пусть даже смутные воспоминания о какой-нибудь важной беседе с Джейн, я бы добился его согласия подвергнуться испытанию психозондом... Но мыслимо ли подвергать подобной процедуре добрых два десятка человек, для которых мозг — главный источник существования! Честно говоря, это ни к чему не приведет. Если Джейн упомянула три звезды, утверждая, что в их системах есть обитаемая планета, представляете, что творилось бы в их черепной коробке... Это, наверное, можно было бы сравнить с извержением вулкана... Ну разве хоть один из них мог бы такое забыть?

— Значит, кто-то из них лжет,— мрачно произнес Робертсон.— И эти сведения нужны ему для собственных целей, чтобы позднее прославиться.

— А что он может из них извлечь? Вся обсерватория знает, с какой целью Мадариан и Джейн приезжали туда. Они осведомлены также и о цели моего визита. Если в будущем какой-нибудь ученый, из тех, кто сейчас работает во Флагстафе, вдруг представит совершенно оригинальную, но справедливую теорию обитаемых планет, то не только во Флагстафе, но и в нашей фирме ни у кого не останется сомнений, что это плагиат. И этот номер у него не пройдет.

— Значит, ошибся Мадариан.

— Нет, в это я также не могу поверить. Конечно, Мадариан был крайне неуравновешенным человеком, как и все робопсихологи, видимо, по той причине, что они привыкли общаться с роботами больше, чем с людьми. Это несомненно. Но дураком-то он не был! В подобном случае он никак не мог ошибиться.

— Получается...— но тут Робертсон исчерпал запас своих гипотез. Оба зашли в тупик и несколько минут недовольно смотрели друг на друга, пока Робертсон не нарушил тишину:

— Питер!

— Да?

— А что, если спросить у Сьюзен?

Богерт весь внутренне напрягся:

— Как вы сказали?

— Позвоним Сьюзен и попросим ее прийти сюда.

— А что она, собственно, сможет сделать?

— Не знаю. Но ведь она тоже робопсихолог и наверняка лучше, чем кто-либо другой, поймет замыслы Мадариана. И кроме того, она... О, вы ведь знаете, у нее всегда было больше серого вещества, чем у любого из нас!

— Не забывайте, ей около восьмидесяти лет!

— А вам семьдесят. Ну и что?

Богерт вздохнул. Кто знает, быть может, за эти годы бездействия извительности у нее поубавилось? И он сказал:

— Хорошо! Я ее приглашу,

Войдя в кабинет Богерта, Сьюзен Кэлвин внимательно оглядела все вокруг, прежде чем встретиться глазами с начальником исследовательского отдела. Она очень постарела со времени своего ухода. Ее волосы стали белоснежными, а лицо — морщинистым. Она сделалась такой хрупкой, что казалась почти прозрачной. И только ее проницательные глаза оставались прежними.

Богерт двинулся ей навстречу и протянул руку, Сьюзен Кэлвин обменялась с ним рукопожатием и произнесла:

— Вы выглядите вполне прилично для старика, Питер. На вашем месте я не стала бы дожидаться будущего года. Уходите на пенсию, освобождайте место для молодежи. А Мадариан-то погиб. Неужели вы вызвали меня, чтобы предложить занять старое место? Так вы дойдете до того, что будете дсржать стариков еще год после их смерти.

— Нет, нет, Сьюзен! Я просил вас прийти... — он замялся, не зная, с чего начать.

Но Сьюзен читала его мысли так же легко, как и раньше. Она села с предосторожностями, каких требовали ее плохо сгибающиеся суставы, и сказала:

— Питер! Вы обратились ко мне потому, что дело плохо. Иначе, даже мертвую, вы не подпустили бы меня ближе, чем на пушечный выстрел.

— Право же, Сьюзен!

— Не тратьте время на пустые разговоры! У меня на это никогда не хватало времени, даже когда мне было сорок, ну а сейчас — тем более... Смерть Мадариана и ваш вызов наверняка связаны между собой. Случайное совпадение двух таких необычайных событий слишком маловероятно. Начните с самого начала и не бойтесь показать,

какой вы дурак. Я уже давно заметила эту вашу особенность,

Богерт с несчастным видом прочистил горло и принялся говорить. Она внимательно слушала, время от времени поднимала высохшую руку, останавливая его, и задавала вопросы. Когда он упомянул интуицию, она презрительно фыркнула.

— Женская интуиция? Для этого понадобился такой робот? Ох, уж эти мужчины! Вы не можете допустить, что женщина, которая делает правильные умозаключения, равна или даже превосходит вас по интеллектуальному уровню, и тогда вы придумываете какую-то «женскую интуицию».

— Но, Сьюзен, я еще не кончил.

Когда же он заговорил о контральто Джейн, она заметила:

— Иногда просто трудно решить — то ли возмущаться мужским полом, то ли раз и навсегда признать всех мужчин абсолютными ничтожествами...

Богерт настаивал:

— Дайте же мне рассказать, Сьюзен!

Едва он кончил, Сьюзен спросила:

— Можете вы уступить мне кабинет на час-другой?

— Да, но...

— Я хочу изучить все: программу Джейн, сообщения Мадариана, ваши беседы во Флагстафе. Надеюсь, вы разрешите в случае надобности воспользоваться этим прекрасным секретным лазерным телефоном и вашим вычислительным устройством.

— Ну, разумеется!

— Тогда избавьте меня от вашего присутствия, Питер!

Не прошло и сорока пяти минут, как Сьюзен прошаркала к двери, открыла ее и позвала Богерта. Он вошел в

сопровождении Робертсона, которого она приветствовала не слишком любезно:

— Привет, Скотт!

Богерт тицетно пытался угадать что-либо по лицу Сьюзен. Это было всего-навсего суровое лицо старой женщины, которая не имела ни малейшего желания облегчить его участь. Он осторожно осведомился:

— Как вы думаете, Сьюзен, вы сможете нам помочь?

— Помимо того, что я уже сделала? Нет, не смогу.

Богерт недовольно поджал губы, но тут вмешался Робертсон.

— Что же вы сделали, Сьюзен?

— Я немного поработала мозгами. К сожалению, сколько я ни старалась, я не могла никому другому привить эту привычку. Сначала я думала о Мадариане. Я ведь его хорошо знала. Он был умен, но легко возбудим и к тому же — весь нараспашку. Думаю, после меня вы ощутили приятную перемену, Питер.

— Да, это кое-что изменило, — не смог удержаться Богерт.

— И он, как мальчишка, сразу же прибежал к вам с каждой новой идеей, так ведь?

— Да!

— И все же его последнее сообщение, где он заявил, что Джейн нашла решение, было сделано с самолета. Зачем он ждал так долго? Почему не связался с вами из Флагстафа, сразу же после того, как Джейн назвала ему планету?

— Быть может, — сказал Богерт, — он впервые в жизни решил проверить все досконально. Ведь ни разу с ним не случилось ничего более значительного, и он предпочел выждать, пока у него не будет полной уверенности...

— Напротив. Чем серьезнее дело, тем меньше стал бы он ждать. А раз уж он доказал такое редкостное терпение, почему он не выдержал до конца, чтобы, приехав, проверить решение с помощью вычислительной техники,

которой располагает фирма? Короче говоря, с одной стороны, он ждал слишком долго, а с другой — слишком мало.

Робертсон прервал ее:

— Значит, по-видимому, он просто нас разыгрывал?

Сьюзен возмутилась:

— Послушайте, Скотт, не пытайтесь соревноваться с Питером в идиотских замечаниях. Итак, я продолжаю. Другой интересный факт — это свидетель. Судя по записям последнего разговора, Мадарнан сказал: «Бедняга просто подскочил от неожиданности, когда Джейн вдруг принялась излагать решение своим мелодичным голосом». Это были его последние слова. Возникает вопрос, почему подпрыгнул свидетель? Мадарнан объяснял вам, что все в Флагстафе с ума посходили от ее голоса и что они провели там десять дней. Почему же тот факт, что она вдруг заговорила, мог так их удивить?

— Я думаю, оттого, — ответил Богерт, — что Джейн сообщила наконец решение проблемы, которая вот уже столетие волнует умы планетологов.

— Но ведь именно на это они и рассчитывали, такова была цель поездки. Кроме того, вдумаясь в эту фразу. По заявлению Мадарнана свидетель был потрясен, а не просто удивлен — если, конечно, вы в состоянии уловить разницу. К тому же он отреагировал, «когда Джейн вдруг принялась излагать решение», иначе говоря, в самом начале ее речи. Свидетелю нужно было послушать хотя бы несколько мгновений, чтобы удивиться смыслу ее фразы. В этом случае Мадарнан сказал бы, что он подпрыгнул после того, как услышал слова, произнесенные Джейн. В его фразе тогда бы не фигурировало «вдруг».

Богерту стало не по себе.

— Не думаю, чтобы все дело было в одном слове...

— А я думаю, — ледяным тоном парировала Сьюзен. — Потому что я робенсихолог и могу предположить

такое же отношение к вопросу со стороны Мадариана. Он тоже был робопсихологом. Следовательно, остается объяснить две странности: необычную задержку Мадариана и необычную реакцию свидетеля.

— Вы в состоянии их объяснить? — спросил Робертсон.

— Естественно. С помощью элементарной логики. Мадариан сообщил новость без промедлений, как это делал обычно, или так быстро, как смог. Если бы Джейн решила проблему во Флагстафе, безусловно, он позвонил бы оттуда. Но поскольку он сообщил это прямо с самолета, значит, она выдала результаты после того, как они покинули обсерваторию.

— Но тогда...

— Дайте же мне кончить. Значит, Мадариан прямо с аэродрома поехал во Флагстаф в большом, полностью закрытом фургоне? А Джейн в своем ящике вместе с ним?

— Да, так.

— Стало быть, Мадариан и запакованная Джейн на обратном пути возвращались к самолету в той же машине? Это точно?

— Да.

— И они в этой машине были не одни. В одном из сообщений Мадариана есть такие слова: «Когда нас довели до административного корпуса». Я думаю, что не ошибусь, утверждая, что если их довели, то значит был шофер — еще один человек в машине.

— О боже!

— Ваше слабое место, Питер, в том, что вы полагаете, будто свидетель высказываний Джейн по планетологии был не иначе как планетологом. Вы делите человечество на категории, из коих большинство вы презираете или не принимаете в расчет. Робот так рассуждать не в состоянии. Первый закон гласит: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред». Речь идет о любом челове-

ке. Для роботов в этом и заключается сущность их взгляда на жизнь. Робот не делает разграничений. Для него все люди совершенно равны, и для робопсихологов, имеющих дело как с людьми, так и с роботами, — тоже. Мадариану и в голову не пришло уточнить, что заявление Джейн слышал шофер фургона. Для вас шофер — одушевленная принадлежность машины, и только, но для Мадариана это был человек и свидетель. Ни больше ни меньше!

Богерт недоверчиво покачал головой.

— А вы в этом уверены?

— Конечно, уверена! А как же иначе можно объяснить замечание Мадариана, что свидетель был так потрясен? Ведь Джейн находилась в ящике, но не была отключена. Насколько мне известно, Мадариан никогда не разрешал хоть ненадолго отключать интуитивного робота. Кроме того, Джейн-5, как и остальные роботы ее типа, была на редкость молчаливой. Мадариану, вероятно, и в голову не пришло запретить ей разговаривать в ящике. Но, судя по всему, именно в ящике последние детали решения окончательно сформировались в мозгу Джейн. И вот она заговорила. Внезапно из ящика раздалось прекрасное контральто. Что бы вы испытали на месте шофера в подобной ситуации? Наверняка были бы потрясены. Чудо, что не произошло аварии.

— Но если этот шофер и в самом деле был свидетелем, почему же он не сообщил?..

— Почему? А откуда ему было знать, что произошло нечто из ряда вон выходящее, как он мог оценить значение того, что услышал? К тому же Мадариан мог дать ему приличные чаевые, чтобы он держал язык за зубами. Вы бы хотели, чтобы стало известно, что действующего робота тайком перевозят по Земле?

— Но вспомнит ли шофер, что сказала Джейн?

— А почему бы и нет? На ваш взгляд, Питер, шофер по уровню своего развития мало чем отличается от обезь-

яны и не способен ничего удержать в памяти? Но есть шоферы, которым ума не занимать. Заявление Джейн было весьма примечательным, и, возможно, он хоть частично его помнит, даже если он неточно назовет несколько букв или цифр. Ведь мы имеем дело с довольно ограниченным числом звезд или звездных систем. Примерно пять тысяч пятисот звезд в радиусе восьмидесяти световых лет. Я точно не проверила это число. Но вы сможете сделать правильный выбор. И, кроме того, в случае необходимости у вас будет достаточно веский повод, чтобы воспользоваться психозондом.

Двое мужчин устали на Сьюзен. Наконец, Богерт, который боялся верить своим ушам, прошептал:

— Откуда у вас такая уверенность?

Сьюзен чуть было ему не ответила:

«Потому что я связалась с Флагстафом, идиот! Потому что я разговаривала с водителем фургона, и он рассказал мне то, что услышал. Потому что я велела проверить эти данные на вычислительной машине Флагстафа, и мне назвали три звезды, которые соответствуют полученным сведениям. Потому что их собственные имена у меня в кармане!»

Но она сдержалась. Пусть он сам дойдет до этого. Она осторожно поднялась и ответила саркастическим тоном:

— Откуда у меня такая уверенность? Если угодно, назовите это «женской интуицией».

Айзек Азимов

РАБ КОРРЕКТУРЫ

Дело слушалось без присяжных, при закрытых дверях. Ответчиком была фирма «Ю. С. Роботс энд мекэникл мэинкорпорэйтед», а при ее влиянии и могуществе добиться подобных уступок не составляло труда.

Впрочем, истец и пальцем не шевельнул, чтобы воспрепятствовать такому обороту событий. Слишком уж хорошо представляли попечители Северо-восточного университета реакцию общественного мнения на известие о проступке робота. То обстоятельство, что этот проступок был совершенно необычного свойства, не играло никакой роли. Попечителям невольно мерещилось, как бунт против роботов превращается в бунт против науки.

Равным образом и правительство в лице судьи Харлоу Шейна не горело желанием раздувать это дело: не имело никакого смысла портить отношения с «Ю. С. Роботс» или с ученым миром.

— Итак, джентльмены, — начал судья, — поскольку здесь нет ни присяжных, ни репортеров, ни публики, мы можем отбросить процедурные формальности и перейти прямо к делу.

Он криво улыбнулся, не слишком веря в действенность своего призыва, и, подобрав мантию, уселся поудобнее. У судьи была добродушная румяная физиономия с мягким округлым подбородком, крупным носом и широко расставленными светло-серыми глазами. Словом, не такая внешность подобала бы могущественному вершителю правосудия, и судья в глубине души сознавал это.

Первым был приведен к присяге свидетель обвинения Барнабас Гудфеллоу, профессор физики Северо-восточного университета. Он пробормотал стандартную формулу

клятвы с такой кислой миной, словно его фамилия, означающая «славный парень», была дана ему в насмешку.

Покончив с формальными предварительными вопросами, адвокат истца засунул руки в карманы и начал:

— Скажите, профессор, когда и при каких обстоятельствах к вам обратились с предложением воспользоваться услугами робота И-Зэт-27?

На маленьком угловатом личике профессора появилось беспокойное и еще менее приветливое выражение.

— Я поддерживаю профессиональные контакты и личное знакомство с руководителем научного отдела «Ю. С. Роботс» доктором Альфредом Лэннингом. Это обстоятельство побудило меня чуть более терпимо выслушать то странное предложение, с которым он обратился ко мне 3 марта прошлого года...

— 2033 года?

— Совершенно верно.

— Простите, что прервал вас. Продолжайте, будьте добры.

Профессор сухо кивнул, сосредоточенно нахмурился, припоминая все обстоятельства, и заговорил.

Профессор Гудфеллоу смотрел на робота с тревожным беспокойством. В соответствии с правительственными предписаниями о перевозках роботов на поверхности Земли робот был доставлен в подвальное помещение склада в закрытом контейнере.

Профессор знал о прибытии робота; оно не было для него неожиданностью. После того первого телефонного разговора 3 марта он шаг за шагом поддавался настойчивым уговорам доктора Лэннинга и в результате этих уступок оказался с роботом лицом к лицу.

На расстоянии вытянутой руки робот казался пугающе огромным.

В свою очередь Лэннинг тоже пристально оглядел ро-

бота, словно желая убедиться, что его не повредили при перевозке, а затем повернул голову с гривой седых волос в сторону профессора и посмотрел на него из-под мохнатых бровей.

— Перед вами робот И-Зэт-27, первый робот данной модели, выпускаемый для широкого использования.— Лэннинг повернулся к роботу.— Познакомься с профессором Гудфеллоу, Изи.

— Здравствуйте, профессор.— Бесстрастный голос робота прозвучал столь неожиданно, что профессор вздрогнул.

Робот был похож на пропорционально сложенного человека семи футов росту — внешний вид роботов всегда был рекламной изюминкой «Ю. С. Роботс». Внешний вид да еще основные патенты на позитронный мозг — вот что сделало компанию монополистом по производству роботов и почти монополистом по производству вычислительных машин.

После того как двое рабочих, распаковывавших робота, вышли, профессор Гудфеллоу несколько раз перевел взгляд с робота на Лэннинга.

— Я полагаю, он не опасен,— произнес он без особой уверенности в голосе.

— Куда менее опасен, чем я, например,— ответил Лэннинг.— Меня можно разозлить до того, что я вас стукну. Изи никогда этого не сделает. Надеюсь, вам известны Три закона роботехники?

— Ну, конечно.

— Позитронный мозг робота устроен таким образом, что робот просто не в состоянии их нарушить. Первый закон — охранять жизнь и благополучие всех людей — составляет смысл существования робота.— Он помолчал, потер щеку и добавил: — Как бы нам хотелось, наконец, убедиться в этом всю Землю.

— Просто он так велик, что становится как-то не по себе.

— Согласен. Но вы убедитесь, что, несмотря на свою пугающую внешность, он сумеет оказаться полезным.

— Не понимаю, каким образом? Наши беседы не слишком просветили меня на этот счет. Но я согласился посмотреть на ваше изделие, и вот я здесь.

— Мы не ограничимся простым осмотром, профессор. Вы захватили с собой книгу?

— Да.

— Могу я взглянуть на нее?

Не спуская глаз с металлической громадины в человеческом облике, профессор нагнулся и достал из портфеля объемистый фолиант.

Лэннинг взглянул на корешок.

— «Физическая химия растворов электролитов». Прекрасно. Вы выбрали ее сами, наугад. Я не просил вас захватить именно эту монографию. Не так ли?

— Совершенно верно.

Лэннинг протянул книгу роботу.

— Стойте,— подскочил профессор,— это очень дорогая книга!

Лэннинг поднял лохматые, словно у Деда Мороза, брови.

— Уверяю вас, Изи вовсе не собирается рвать книгу с целью продемонстрировать вам свою силу. Он умеет обращаться с книгами не менее осторожно, чем я или вы. Начинай, Изи!

— Благодарю вас, сэр,— сказал Изи. Слегка повернувшись, он добавил: — Если позволите, профессор Гудфеллоу.

Профессор в изумлении уставился на робота.

— Да... да, разумеется.

Медленными и плавными движениями металлических пальцев Изи принялся перелистывать книгу; он кидал взгляд на левую страницу, затем на правую, переворачивал страницу, снова смотрел налево, потом направо, и так минута за минутой.

Ощущение скрытой мощи, исходившее от робота, словно бы принизило цементные своды подвала, а двое людей, наблюдавших за его действиями, и вовсе казались карликами.

— Освещение здесь неважное,— пробормотал Гудфеллоу.

— Ничего, сойдет.

— Но что он делает? — уже более резким тоном спросил профессор.

— Капельку терпения, сэр.

Наконец робот перевернул последнюю страницу.

— Что же ты скажешь, Изи? — спросил Лэннинг.

— Книга сделана в высшей степени тщательно и аккуратно, и я могу указать лишь на несколько мелких погрешностей,— начал робот.— На странице 27, строка 22, слово «положительный» напечатано как «пойложительный»; на странице 36 в 6-й строке содержится лишняя запятая, а на странице 54 в строке 13 запятая пропущена. Знак плюс в уравнении XVI-2 на странице 337 следует заменить на знак минус, иначе это уравнение будет противоречить предыдущему...

— Постойте! — вскричал профессор.— Что это он делает?

— Делает? — с неожиданным раздражением переспросил Лэннинг.— Да он уже давно все сделал! Он откорректировал вашу книгу.

— Откорректировал?!

— Да. За то короткое время, пока он перелистывал страницы, робот обнаружил все ошибки в правописании, грамматике и пунктуации. Он отметил все стилистические погрешности и выявил противоречия. И он сохранит эти сведения в своей памяти — буква в букву — неограниченное время.

У профессора отвалилась челюсть. Он стремительно зашагал в дальний угол подвала и столь же стремительно

вернулся обратно. Затем скрестил руки на груди и установился на Лэннинга и робота. Помолчав, он спросил:

— Вы хотите сказать, что это робот-корректор?

Лэннинг кивнул.

— В том числе и корректор.

— Но зачем вам понадобилось демонстрировать его мне?

— Чтобы вы помогли уговорить ректорат университета приобрести его.

— Для правки корректуры?

— В том числе, — терпеливо повторил Лэннинг.

На морщинистом личике профессора появилось выражение брюзгливого недоверия.

— Но ведь это нелепо!

— Почему?

— Да потому, что университету не по средствам приобрести этого пятисоткилограммового — никак не меньше — корректора.

— Его возможности не ограничены корректурой. Он может составлять отчеты по заранее подготовленным материалам, заполнять анкеты и ведомости, проверять студенческие работы, служить хранилищем информации, картотекой...

— Пустячки!

— Нисколько, — возразил Лэннинг, — и я сейчас это вам докажу. Но мне кажется, нам будет удобнее беседовать у вас в кабинете, если только вы не возражаете.

— Разумеется, — машинально произнес профессор и повернулся к выходу. Внезапно он осекся.

— Позвольте, а робот? — раздраженно выпалил он. — Не можем же мы взять робота с собой. Послушайте, доктор, вам придется снова упаковать его.

— Успеется. Мы можем оставить Изи здесь.

— Без присмотра?!

— А почему нет? Он знает, что ему надлежит оставаться здесь. Давно уже следовало бы понять, профессор

Гудфеллоу, что на работа можно положиться куда спокойнее, чем на человека.

— Мне придется отвечать за любой ущерб...

— Никакого ущерба не будет. Я это гарантирую. Послушайте, рабочий день уже кончился. До завтрашнего утра, я полагаю, сюда никто не войдет. Грузовик и подсобные рабочие ожидают снаружи. «Ю. С. Роботс» берет на себя полную ответственность за все последствия. Впрочем, бояться нечего. Будем рассматривать этот эпизод как экспериментальную проверку того, насколько можно полагаться на работа.

Профессор позволил увести себя из подвала. Но и пятью этажами выше, в стенах собственного кабинета, ему по-прежнему было не по себе. Он промокнул белым платком капельки пота на лбу.

— Вы прекрасно знаете, доктор Лэннинг, что существуют законы, запрещающие использовать роботов на поверхности Земли, — указал оп.

— Законы — вещь тонкая, профессор Гудфеллоу. Роботов нельзя использовать на оживленных магистралях или внутри общественных сооружений. Их нельзя также использовать на земельных участках или внутри сооружений, принадлежащих частным лицам, без соблюдения определенных ограничений, которые, как правило, оборачиваются запретом. Но университет — это крупное частное заведение, пользующееся значительными льготами. Если работа будут использовать только в особом помещении и только для академических целей, если при этом будут соблюдаться определенные ограничения и если к тому же мужчины и женщины, имеющие доступ в это помещение, согласятся выполнять установленные правила, то мы будем действовать в рамках закона.

— И весь этот сыр-бор ради того, чтобы править корректуры?

— Поле деятельности робота практически безгранично, дорогой профессор. До сих пор роботов использовали

только для избавления человека от утомительного физического труда. А разве в науке не существует черновой работы? Если профессор, способный заниматься творческим созидательным трудом, вынужден тратить две недели своего драгоценного времени на нудную правку корректуры, а я вам предлагаю машину, способную выполнить то же самое за тридцать минут,— это, по-вашему, пустичок?

— Да, но цена...

— Цена пусть вас не смущает. Купить И-Зэт-27 невозможно. «Ю. С. Роботс» не продает своих изделий. Но университет может арендовать робота за тысячу долларов в год — это куда дешевле какой-нибудь самопишущей приставки к микроволновому спектрографу.

Гудфеллоу никак не мог прийти в себя. А Лэннинг добавил, закрепляя успех:

— Впрочем, я прошу вас лишь об одном: поставить этот вопрос перед теми, кто уполномочен принимать решения. Если им понадобится дополнительная информация — я всегда к их услугам.

— Ладно,— неуверенно проговорил Гудфеллоу,— я расскажу о вашем предложении на ближайшем заседании ректората на следующей неделе. Только я ни за что не ручаюсь.

— Само собой,— ответил Лэннинг.

Защитник — невысокого роста толстяк — держал себя с такой напыщенной важностью, что от этого казалось, будто его двойной подбородок еще сильнее выдается вперед. Он долго разглядывал свидетеля, переданного ему обвинением, и затем спросил:

— А ведь вы охотно дали себя уговорить, не так ли?

— Дело в том, что мне не терпелось избавиться от доктора Лэннинга,— с живостью ответил профессор,— в тот момент я был готов согласиться на что угодно.

— С тем чтобы, как только он уйдет, позабыть про всю эту историю?

— Видите ли...

— Но тем не менее вы все же подняли этот вопрос на заседании административного совета ректората?

— Это так.

— Следовательно, вы согласились на предложение доктора Лэннинга с чистой совестью. Ваше согласие не было пустой отговоркой. Вы дали его охотно. Не так ли?

— Я действовал согласно принятой у нас процедуре.

— Если уж на то пошло, вы вовсе не были так уж обескуражены присутствием робота, как вы пытались нас уверить. Вам известны Три закона роботехники, и вы знали их к моменту вашей встречи с доктором Лэннингом?

— М-м-да.

— И вы легко согласились оставить робота одного и без присмотра?

— Доктор Лэннинг заверил меня...

— Не сомневаюсь, что, будь у вас хоть малейшие колебания, вы нисколько не посчитались бы с его заверениями.

— У меня были все основания полагаться... — начал было профессор вызывающим тоном.

— Достаточно, — оборвал его защитник.

Когда профессор Гудфеллоу, еще более раздраженный, чем обычно, освободил свидетельское кресло, судья Шейн слегка наклонился вперед и спросил:

— Поскольку мне не приходилось иметь дело с роботами, я был бы не прочь узнать точный смысл Трех законов роботехники. Не мог бы доктор Лэннинг процитировать их суду?

Лэннинг вздрогнул, как человек, застигнутый врасплох. Он о чем-то шептался с сидящей рядом седовласой женщиной; их склоненные головы почти соприкасались.

Когда Лэннинг вскочил на ноги, женщина подняла голову — лицо ее было совершенно непроницаемо.

— Слушаю, ваша честь, — сказал он, сделал паузу, словно собираясь произнести длинную речь, и заговорил, четко выделяя каждое слово:

— Закон первый: робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред. Закон второй: робот должен повиноваться всем приказам, которые отдает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому закону. Закон третий: робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму законам.

— Понимаю, — сказал судья, делая быстрые заметки. — И этими законами определяется поведение каждого робота?

— Каждого, без исключения. Любой специалист может это подтвердить.

— В том числе и робота И-Зэт-27?

— Да, ваша честь.

— Не исключено, что вам придется повторить свое заявление под присягой.

— Я готов, ваша честь.

Он сел.

Его седовласая собеседница — доктор Сьюзен Кэлвин, главный робопсихолог фирмы «Ю. С. Роботс» — взглянула на своего обремененного учеными титулами начальника без особого одобрения. Впрочем, люди редко пользовались ее расположением.

— Показания Гудфеллоу были точными, Альфред? — спросила она.

— По существу, да, — пробормотал Лэннинг. — Правда, он вовсе не был так уж напуган роботом, а когда услышал цену, то был готов вполне по-деловому обсудить мое предложение. Но в целом никаких серьезных искажений он не допустил.

— Было бы разумнее запросить с них более высокую цену,— задумчиво проговорила доктор Кэлвин.

— Мы стремились пристроить Изи.

— Знаю. Возможно, даже с излишним рвением. Они представят это так, словно мы преследовали тайные цели.

— Так оно и было,— раздраженно заметил доктор Лэннинг.— Я сам это признал на заседании ректората.

— Они могут представить это так, будто мы признались в одних замыслах, чтобы скрыть другие, еще более тайные.

Скотт Робертсон, сын основателя «Ю. С. Роботс» и владелец контрольного пакета акций, наклонился к Сьюзен Кэлвин с другой стороны и произнес оглушительным шепотом:

— А почему бы вам не заставить Изи рассказать, как все было, чтобы мы знали, что к чему?

— Вы же знаете, Робертсон, что он не в состоянии говорить об этом.

— Так заставьте его. Вы же психолог, доктор Кэлвин. Заставьте его говорить.

— Если я психолог, мистер Робертсон,— сухо произнесла Сьюзен Кэлвин,— то уж позвольте мне решать самой. Я не допущу, чтобы моего работа принуждали к действиям, угрожающим его благополучию.

Робертсон нахмурился и собирался ответить резкостью, но судья Шейн укоризненно постучал молоточком, и он нехотя замолчал.

Свидетельское место занял Фрэнсис Дж. Харт, заведующий кафедрой английского языка и декан факультета аспирантов. Это был полнеющий мужчина, одетый в безукоризненный темно-серый костюм неброского покроя; несколько прядей волос под разными углами пересекали его розовую лысину. Он уселся поглубже в свидетельское кресло, аккуратно сложил руки на коленях и время от времени натянуто улыбался.

— Впервые о роботе И-Зэт-27 я услышал на заседании административного совета ректората от профессора Гудфеллоу,— начал он.— Позднее, 10 апреля прошлого года, мы посвятили этому вопросу специальное заседание, на котором я был председателем.

— У вас сохранился протокол?

— Видите ли,— слегка улыбнулся декан,— мы не вели протокола. Наше заседание носило конфиденциальный характер.

— Что же произошло на этом заседании?

Сидя на председательском месте, декан Харт чувствовал себя не вполне уверенно. Впрочем, и другие члены комитета заметно нервничали. Лишь доктор Лэннинг являл собой картину безмятежного спокойствия. Худой и высокий, с копной седых волос, он напоминал Харту старинные портреты президента Эндрю Джексона.

На столе, за которым заседал комитет, были разбросаны образцы заданий, выполненных роботом. Профессор Майнотт, заведующий кафедрой физической химии, одобрительно улыбаясь, разглядывал вычерченный Изи график.

Харт откашлялся и начал:

— Не приходится сомневаться, что робот способен вполне компетентно выполнять определенного рода черновую работу. Перед началом заседания я просмотрел эти образчики и, должен сказать, обнаружил в них очень мало ошибок.

Он взял со стола длинные печатные листы, каждый примерно втрое длиннее обычной книжной страницы. Это были гранки, куда авторы вносят исправления, прежде чем текст будет сверстан в виде книжных полос. С обеих сторон печатный текст окаймляли широкие поля, на которых были видны каллиграфически выписанные корректурные знаки. Отдельные слова были вычеркнуты,

а вместо них на полях написаны другие слова — таким красивым и ровным почерком, что казалось, будто они тоже напечатаны. Голубые корректорские знаки указывали, что ошибку допустил автор, красные — наборщик.

— Полагаю, что ошибок было даже меньше, чем «очень мало», — сказал Лэннинг. — Осмелюсь утверждать, доктор Харт, что их не было вовсе. Я совершенно уверен, что, каким бы ни был исходный текст, корректура проведена безукоризненно. Если же рукопись, гранки которой правил Изи, содержит не грамматические или стилистические погрешности, а ошибки по существу, то робот здесь ни при чем.

— С этим никто не спорит. Однако в некоторых местах робот изменил порядок слов, а я не уверен, что правила английской грамматики сформулированы с достаточной строгостью, позволяющей во всех случаях надеяться на правоту робота.

— Позитронный мозг Изи, — ответил Лэннинг, обнажая в улыбке крупные зубы, — буквально до предела напичкан содержанием главнейших трудов по грамматике и стилистике английского языка. Я уверен, что вы не в состоянии указать хотя бы на одну явную погрешность робота.

Профессор Майнотт оторвался от графика и поднял голову.

— Я хотел бы вас спросить, доктор Лэннинг: а зачем вообще нам нужен робот, учитывая неблагоприятное общественное мнение и всевозможные вытекающие из этого трудности? Несомненно, успехи науки в области автоматизации позволяют вашей фирме сконструировать вычислительную машину обычного и всеми признанного типа, которая могла бы держать корректуру.

— Разумеется, это в наших силах, — сухо ответил Лэннинг, — но для такой машины потребуются кодировать текст и наносить его на перфоленту. Машина будет выдавать поправки опять же в виде специальных символов.

Вам придется держать сотрудников, занятых переводом слов в символы и символов в слова. Более того, подобная машина уже ни на что другое не будет способна. Например, она не сумеет вычертить график, который вы держите в руках.

Майнотт что-то проворчал в знак согласия.

— Гибкость и приспособляемость — вот характерные черты робота с позитронным мозгом, — продолжал Лэннинг. — Робот способен выполнять самую разнообразную работу. Он для того и создан по образу человека, чтобы пользоваться теми приборами и инструментами, которые, в конце концов, были предназначены человеком для самого себя. С роботом можно разговаривать, и он способен отвечать. С ним даже можно спорить и убеждать его — в определенных рамках, разумеется. По сравнению с самым простеньким роботом с позитронным мозгом обычная вычислительная машина — всего лишь огромных размеров арифмометр.

— Но если мы все будем спорить и разговаривать с роботом, то не собьем ли мы его с толку? — спросил Гудфеллоу, посмотрев на Лэннинга. — Я полагаю, что способность робота усваивать информацию не безгранична.

— Вы правы. Но при нормальной работе его памяти хватит по крайней мере на пять лет. Робот сам почувствует, что его память нуждается в очистке, и наша фирма выполнит эту работу без дополнительной оплаты.

— Бесплатно?

— Именно. «Ю. С. Роботс» оставляет за собой право обслуживать роботов вне рамок их обычной деятельности. Вот почему мы стремимся сохранять контроль над нашими позитронными роботами и сдаем их в аренду, вместо того чтобы продавать. Пока робот выполняет работу, для которой он предназначен, им может управлять любой человек. Но вне этих рамок работы требуют квалифицированного обращения, и здесь к вам на помощь придут наши специалисты. Например, любой из вас в состоянии очис-

тить память робота И-Зэт, просто приказав ему забыть те или иные сведения. Но почти наверняка вы сформулируете этот приказ неверно, и робот забудет либо слишком много, либо слишком мало. Разумеется, мы сразу же обнаружим подобное самовольное манипулирование с роботом — для этого в мозг робота встроены специальные предохранительные устройства. Но поскольку в обычных условиях нет необходимости очищать память робота или совершать тому подобные бессмысленные действия, то этой проблемы и не существует.

Декан Харт потрогал свою макушку, словно желая убедиться, что заботливо уложенные прядки волос по-прежнему лежат на своих местах, и сказал:

— Вы стремитесь уговорить нас арендовать этого робота. Но вы явно действуете себе в убыток. Тысяча в год — баснословно низкая цена. Не означает ли это, что «Ю. С. Роботс» надеется в результате этой сделки получить с других университетов более высокую плату?

— Надежда вполне правомерная, — ответил Лэннинг.

— Пусть так. Все равно, число машин, сдаваемых в аренду, не может быть слишком велико. Вряд ли вы на этом заработаете.

Лэннинг уперся локтями о стол и с самым искренним видом подался вперед.

— Позвольте мне говорить напрямик, джентльмены. Предубеждение, питаемое к роботам частью публики, мешает их использованию здесь, на Земле, за исключением особых случаев. «Ю. С. Роботс» превосходно процветает на внеземных рынках и в области космических полетов; я не говорю уж о наших филиалах, выпускающих вычислительные машины. Но нас волнуют не только прибыли. Мы твердо верим, что использование роботов на Земле принесет людям неисчислимые блага, даже если вначале оно и обернется некоторыми экономическими неурядицами.

Против нас выступают профсоюзы — это естественно, но мы вправе ждать поддержки от крупных университетов. Робот Изи избавит вас от черновой работы в науке, он станет вашим рабом, рабом корректуры. Вашему примеру последуют другие университеты и исследовательские институты, и если дело пойдет на лад, мы сумеем разместить роботов других типов, и так, шаг за шагом, нам постепенно удастся развеять это злосчастное предубеждение.

— Сегодня Северо-восточный университет, завтра — весь мир, — пробормотал себе под нос профессор Майнотт.

— Я вовсе не был столь красноречив, — сердито буркнул Лэннинг на ухо Сьюзен Кэлвин, — да и они тоже несколько не ломались. За тысячу в год они прямо-таки вцепились в робота. Профессор Майнотт сказал мне, что никогда в жизни не видел такого красивого графика, а в корректуре не удалось отыскать ни единой ошибки. Харт охотно признал это.

Строгие вертикальные морщинки на лбу Сьюзен Кэлвин не разгладились.

— Все равно, Альфред, вам следовало бы запросить с них больше, чем они были в состоянии заплатить, а затем постепенно сбавить цену.

— Возможно, — нехотя согласился Лэннинг.

Обвинение еще не кончило допрос свидетеля.

— После того как доктор Лэннинг вышел, вы поставили вопрос об аренде робота на голосование?

— Именно так.

— И каков был результат?

— Большинство голосов мы решили принять сделанное нам предложение.

— Что, по-вашему, решило исход голосования?

Защита немедленно отвела вопрос.

Обвинитель его перефразировал:

— Что повлияло на вас лично? Что побудило вас проголосовать «за»? Вы, полагаю, голосовали в поддержку предложения?

— Совершенно верно. Я голосовал за то, чтобы согласиться на предложение «Ю. С. Роботс». Я поступил так потому, что на меня произвели впечатление слова доктора Лэннинга о долге, лежащем на интеллектуальной элите мира; долг ученых — развеять предубеждение человечества против роботов, тем более что роботы призваны помочь людям.

— Другими словами, вы поддались на уговоры доктора Лэннинга.

— Задачей доктора Лэннинга было уговорить нас. Он великолепно с ней справился.

— Передаю свидетеля вам,— обратился обвинитель к защитнику.

Адвокат подошел к свидетельскому креслу и несколько долгих секунд пристально разглядывал профессора Харта.

— На самом-то деле вы были совсем не прочь заполучить робота И-Зэт-27, не так ли?

— Мы полагали, что если робот сможет справиться со своими обязанностями, то он окажется полезным.

— То есть как это — «если сможет справиться»? Насколько я понял, перед заседанием, которое вы нам только что описали, именно вы с особой тщательностью ознакомились с образчиками деятельности робота И-Зэт-27.

— Да. Поскольку робот в основном занят исправлением грамматических и стилистических ошибок, а английский язык — это область, в которой я являюсь специалистом, то было логично поручить проверку работы машины мне.

— Прекрасно. Так вот, среди материалов, с которыми вы ознакомились, было ли хоть одно задание, с которым бы робот справился не вполне удовлетворительно? Вот эти материалы — они фигурируют в деле в качестве вещест-

венных доказательств. Можете ли **вы** указать хотя бы на один неудовлетворительный пример?

— Видите ли...

— Я задал вам простой вопрос. Можете ли вы указать хотя бы на один-единственный неудовлетворительный пример? Вы проверяли эти материалы. Назовите хоть одну ошибку робота.

Филолог нахмурился.

— Ошибок не было.

— Здесь передо мной образцы работ, выполненных роботом за четырнадцать месяцев его деятельности в Северо-восточном университете. Не будете ли вы так добры ознакомиться с ними и указать хотя бы одну незначительную ошибку?

— Ну, знаете, — выпалил профессор, — когда он в конце концов ошибся, так это была всем ошибкам ошибка.

— Отвсчайте на мой вопрос, — загремел защитник, — и только на него. Можете ли вы отыскать хотя бы одну ошибку в этих материалах?

Харт внимательно просмотрел каждый лист.

— Здесь все в порядке.

— Если исключить вопрос, ради которого мы собрались, знаете ли вы хотя бы об одной ошибке, допущенной роботом И-Зэт-27?

— Если исключить вопрос, рассматриваемый судом, не знаю.

Защитник прокашлялся, словно отмечая конец абзаца, и задал новый вопрос:

— Вернемся к голосованию. Вы сказали, что большинство собравшихся голосовало за аренду. Как распределились голоса?

— Насколько я помню, тринадцать против одного.

— Тринадцать против одного! Не кажется ли вам, что это чуть больше, чем простое большинство?

— Нет, сэр, не кажется, — весь педантизм декана Харта вырвался при этом вопросе наружу. — Слово «боль-

шинство» в английском языке означает «больше половины». Тринадцать из четырнадцати — это большинство, и ничего больше.

— Я бы сказал, практически единогласно.

— И тем не менее всего лишь большинство.

Защитник изменил направление атаки.

— И кто же был единственным несогласным?

Декану Харту стало заметно не по себе.

— Профессор Саймон Нинхеймер.

Защитник разыграл изумление.

— Профессор Нинхеймер? Заведующий кафедрой социологии?

— Да, сэр.

— Сам истец?

— Да, сэр.

Защитник поджал губы.

— Иными словами, вдруг обнаружилось, что человек, требующий с моего клиента, «Ю. С. Роботс энд мекэникл мэн инкорпорэйтед», возмещения ущерба в размере 750 000 долларов, и был тем единственным, кто с самого начала возражал против использования робота — вопреки почти единодушному мнению всего административного совета.

— Он голосовал против — это его право.

— Кстати, когда вы описывали то заседание, вы ни словом не обмолвились о профессоре Нинхеймере. Он что-нибудь говорил?

— Кажется, он выступал.

— Только кажется?

— Он высказал свое мнение.

— Против аренды робота?

— Да.

— В резкой форме?

— Он был просто вне себя, — ответил Харт после небольшой паузы.

В голосе защитника появились вкрадчивые нотки,

— Вы давно знакомы с профессором Нинхеймером, декан Харт?

— Лет двенадцать.

— И хорошо его знаете?

— Думаю, что да.

— Не кажется ли вам, что это было в его характере — затаить злобу против робота, тем более что результаты голосования...

Теперь уже обвинитель заглушил конец вопроса возмущенными и негодующими возгласами. Защитник заявил, что у него больше нет вопросов к свидетелю, и судья Шейн объявил перерыв на обед.

Робертсон угрюмо жевал свой бутерброд. Конечно, три четверти миллиона корпорацию не разорят, но проигрыш этого дела не сулит ничего хорошего. Неблагоприятная реакция общественного мнения могла в конечном итоге дорого обойтись фирме.

— С чего это им понадобилось так обсасывать вопрос о том, как Изи попал в университет? — раздраженно спросил он. — Что они собираются этим выгадать?

— Видите ли, мистер Робертсон, — спокойно ответил адвокат, — судебное разбирательство напоминает шахматную партию. Выигрывает тот, кто умеет оценить ситуацию на большее число ходов вперед, и наш приятель за столом обвинения отнюдь не новичок в этой игре. Продемонстрировать ущерб для них не составляет труда. Главное, чего они добиваются, — предугадать нашу линию защиты. Они рассчитывают — надо полагать, — что мы будем пытаться доказать при помощи Законов роботехники невозможность совершения роботом подобного поступка.

— Ну что ж, — сказал Робертсон, — так и надо действовать. Безукоризненный довод — комар посу не подточит.

— Безукоризненный довод для специалиста по роботехнике. Судье он может не показаться столь убедительным. Обвинение подготовило почву для доказательства того факта, что И-Зэт-27 — не совсем обычный робот. Он — первый

робот данного типа, выпущенный на рынок, экспериментальная модель, которой необходимо было пройти испытания, и Университет оказался идеальным местом для проведения таких испытаний. В свете тех усилий, которые предпринял доктор Лэннинг, и готовности фирмы сдать робота в аренду за ничтожную плату этот довод прозвучит весьма убедительно. Затем обвинение будет настаивать, что испытания показали непригодность модели. Теперь вам ясен сокровенный смысл всего происходящего?

— Но ведь И-Зат-27 — превосходная работоспособная модель, — не унимался Робертсон. — Не забывайте, что он двадцать седьмой в своей серии.

— Вот это уж совсем скверно, — мрачно отозвался защитник. — А почему не пошли первые двадцать шесть? Очевидно, что-то с ними было неладно. С таким же успехом и в двадцать седьмом могли оказаться дефекты.

— В первых двадцати шести моделях не было никаких дефектов — просто их позитронный мозг был еще слишком примитивен для подобной работы. Мы только приступали к созданию достаточно сложного позитронного мозга и продвигались к цели почти вслепую, методом проб и ошибок. Но Трем законам подчиняется любой мозг! Ни один робот — как бы несовершенен он ни был — не в состоянии нарушить Три закона.

— Доктор Лэннинг уже заверил меня в этом, мистер Робертсон, и я вполне готов положиться на его слово. Но судья может оказаться не столь доверчивым. Решение по нашему делу предстоит вынести честному и неглупому человеку, но он ничего не смыслит в роботехнике, и поэтому его можно сбить с толку. Если, к примеру, вы, или доктор Лэннинг, или доктор Кэлвин в своих свидетельских показаниях заявите, что позитронный мозг создают методом проб и ошибок, как вы только что изволили выразиться, то обвинение при перекрестном допросе сделает из вас котлету. И тогда нас уже ничто не спасет. Так что остерегайтесь необдуманных высказываний.

— Если бы только Изи мог рассказать, в чем дело,— продолжал брюзжать Робертсон.

— Что толку? — пожал плечами защитник.— Все равно нам это ничего бы не дало. Робот не может выступать свидетелем.

— Ну мы бы хоть знали какие-то факты. По крайней мере знали бы, что толкнуло его на подобный поступок.

— А это вовсе не секрет,— вспыхнула Сюзен Кэлвин. На щеках ее вспыхнули багровые пятна, а голос слегка потеплел.— Ему приказали! Я уже объясняла это адвокату, могу и вам объяснить.

— Кто приказал? — искренне изумился Робертсон.

Конечно, обиженно подумал он, никто ему ничего не рассказывает. Черт возьми, эти ученые ведут себя так, будто они и есть подлинные владельцы «Ю. С. Роботс»!

— Истец,— ответила доктор Кэлвин.

— Зачем, во имя всего святого?

— А вот зачем, я еще не знаю. Быть может, просто для того, чтобы предъявить нам иск и немного подзаработать.— В ее глазах мелькнули лукавые искорки.

— Почему тогда Изи об этом не расскажет?

— Неужели непонятно? Совершенно очевидно, что ему приказали молчать.

— С какой стати это должно быть очевидно? — огрызнулся Робертсон.

— Что ж, для меня это очевидно. Психология роботов — моя специальность. Хотя Изи отказывается отвечать на прямые вопросы, на косвенные вопросы он отвечает. Измеряя степень его нерешительности, возрастающую по мере приближения к сути дела, а также площадь затронутого участка мозга и напряженность возникающих отрицательных потенциалов, можно с математической точностью установить, что его поведение является следствием приказа молчать, причем сила приказа соответствует Первому закону. Иными словами, роботу объяснили, что если он проговорится, то пострадает человеческое существо,

Надо думать, пострадает истец, этот отвратительный профессор Нинхеймер, который в глазах робота все же является человеческим существом.

— Ну ладно, а почему бы вам не втолковать ему, что из-за его молчания пострадает «Ю. С. Роботс»? — спросил Робертсон.

— «Ю. С. Роботс» не является человеческим существом и в отличие от юридических законов не подпадает под действие Первого закона роботехники. Кроме того, попытка снять запрет может причинить роботу вред. Лишь тот, кто приказал Изи молчать, может снять запрет с минимальным риском повредить мозг робота, поскольку все помыслы робота сейчас направлены на то, как бы уберечь этого человека от опасности. Любой другой путь... — Сюэвен Кэлвин покачала головой, и на лице ее вновь появилось бесстрастное выражение.

— Я не допущу, чтобы пострадал робот, — решительно сказала она.

— По-моему, вполне достаточно будет показать, что Изи не в состоянии совершить поступок, вменяемый ему в вину. А это мы легко можем доказать. — У Лэннинга был такой вид, словно своим вмешательством он поставил проблему с головы на ноги.

— В том-то и дело, — раздраженно отозвался адвокат, — только вы и можете. Единственные эксперты, способные засвидетельствовать состояние Изи и то, что творится у него в мозгу, как назло служат в «Ю. С. Роботс». Боюсь, судья не поверит в непредубежденность ваших показаний.

— Но как может он отрицать свидетельство эксперта?

— Очень просто: не даст себя убедить. Это его право как судьи. Неужели вы полагаете, будто технический жаргон ваших специалистов покажется судье более убедительным по сравнению с альтернативой, что такой человек, как профессор Нинхеймер, способен — пусть даже ради очень крупной суммы — намеренно загубить свою науч-

ную репутацию? В конце концов, судья тоже человек. Если ему придется выбирать между человеком, совершающим немыслимый, с его точки зрения, поступок, и роботом, совершающим столь же немыслимый поступок, то скорее всего он сделает выбор в пользу человека.

— Но человек способен на немыслимый поступок,— возразил Лэннинг,— потому что нам неизвестны все тонкости человеческой психологии и мы не в состоянии определить, что для данного человека возможно, а что — нет. Но мы точно знаем, что невозможно для робота.

— Что ж, посмотрим, как вам удастся убедить в этом судью,— устало ответил защитник.

— Если это все, что вы можете сказать,— взорвался Робертсон,— то я не понимаю, как вы вообще надеетесь выиграть процесс.

— Поживем — увидим. Всегда полезно отдавать себе отчет в предстоящих трудностях, а вот падать духом — совсем ни к чему. Я тоже продумал партию на несколько ходов вперед.— Адвокат величественно кивнул в сторону робопсихолога и добавил: — ...с любезной помощью этой доброй дамы.

— Что за черт?! — воскликнул Лэннинг удивленно, глядя то на одного, то на другого. Но тут судебный пристав просунул голову в дверь и, с трудом переводя дыхание, возвестил, что судебное заседание возобновится с минуты на минуту.

Они заняли свои места и с любопытством принялись разглядывать человека, заварившего всю эту кашу.

Саймон Нинхеймер был обладателем рыжеватой шевелюры, носа с горбинкой и острокопечного подбородка; его манера предвирать ключевое слово каждой фразы нерешительной паузой создавала впечатление мучительных поисков недостижимой точности выражений. Когда он произносил: «Солнце всходит... э-э... на востоке», не оставалось сомнений, что он с должным вниманием рассмотрел и все другие возможные варианты.

— Скажите, вы возражали против предложения воспользоваться услугами робота И-Зэт-27? — обратился обвинитель к истцу.

— Да, сэр.

— Из каких соображений?

— У меня создалось впечатление, что мы не до конца понимаем... э-э... мотивы, движущие фирмой «Ю. С. Роботс». Я с недоверием отнесся к их настойчивым попыткам навязать нам робота.

— Были ли у вас сомнения в его способности справиться с работой?

— Я убедился в его неспособности на деле.

— Не могли бы вы рассказать, как это произошло?

Восемь лет писал Саймон Нинхеймер монографию «Социальные конфликты, связанные с космическими полетами, и их разрешение». Его страсть к точности выражений не ограничивалась устной речью; поиски строгих и отточенных формулировок в столь расплывчатой по своей сущности науке, как социология, отнимали все его силы.

Даже появление гранок не вызвало у Нинхеймера ощущения, что конец работы близок. Скорее напротив. При виде длинных отпечатанных полос бумаги он испытывал непреодолимое желание разбросать строчки набора и переписать все заново.

Через три дня после получения корректуры Джим Бейкер, преподаватель, а в скором будущем ассистент кафедры социологии, заглянул в кабинет Нинхеймера и застал его за рассеянным созерцанием пачки печатных листков. Типография прислала отиски в трех экземплярах: над первым должен был работать сам Нинхеймер, над вторым — независимо от него Бейкер, а в третий, «рабочий», они должны были внести окончательные поправки. Они

выработали эту практику за три года совместной работы, и она оказалась весьма успешной.

Бейкер был прилежным молодым человеком; когда он говорил с Нинхеймером, голос его звучал тихо и заискивающе. В руках Бейкер держал свой экземпляр корректуры.

— Я закончил первую главу,— произнес он с живостью, долженствующей свидетельствовать о его усердии,— и нашел в ней типографские опечатки.

— В первой главе их всегда полно,— безучастно отозвался Нинхеймер.

— Может, вы бы хотели сверить наши экземпляры?

Нинхеймер поднял голову и мрачно уставился на Бейкера.

— Я не притрагивался к корректуре, Джим. Я решил не утруждать себя.

— Не утруждать? — Бейкер вконец растерялся.

Нинхеймер поджал губы:

— Я решил... э-э... воспользоваться машиной. Коль на то пошло, ее с самого начала предложили в качестве... э-э... корректора. Меня включили в график.

— Машину? Вы хотите сказать — Изи?

— Я слышал, что ее называют этим дурацким именем.

— А я-то думал, доктор Нинхеймер, что вы не хотите иметь с ней ничего общего!

— Похоже, я единственный, кто ею не пользуется. Почему бы и мне не получить.. э-э... свою долю благ?

— Что ж, выходит, я зря корпел над первой главой,— с горечью произнес Бейкер.

— Почему же? Мы сравним результаты машины с вашими в качестве проверки.

— Разумеется, если вы считаете это нужным, только...

— Что?

— Вряд ли вообще потребуется проверка. Говорят, Изи никогда не делает ошибок,

— Посмотрим,— сухо ответил Нинхеймер.

Четыре дня спустя Бейкер вновь принес первую главу. На сей раз это был экземпляр Нинхеймера, только что доставленный из специальной пристройки, где работал Изи.

Бейкер торжествовал.

— Доктор Нинхеймер, он не только обнаружил все замеченные мной опечатки, он нашел еще десяток, которые я пропустил! И на все про все у него ушло только двенадцать минут!

Нинхеймер просмотрел пачку листов с аккуратными, четкими пометками и исправлениями на полях.

— Боюсь, нам с вами не удалось сделать первую главу достаточно полной. Пожалуй, сюда следует включить ссылку на работу Сузуки относительно влияния слабых полей тяготения на нервную систему.

— Вы имеете в виду его статью в «Социологическом обзоре»?

— Совершенно верно.

— Не стоит требовать от Изи невозможного. Он не в состоянии следить за научной литературой вместо нас с вами.

— Это-то я понимаю. Но я подготовил нужную вставку. Я намерен встретиться с машиной и удостовериться, что она... э-э... умеет делать вставки.

— Умеет, вот увидите.

— Предпочитаю убедиться в этом лично.

Нинхеймер обратился с просьбой о встрече с Изи, но смог получить лишь пятнадцать минут, и то поздно вечером.

Впрочем, пятнадцати минут оказалось вполне достаточно. Робот И-Зэт-27 мгновенно усвоил, как делают вставки.

Нинхеймер впервые оказался в такой непосредственной близости от робота; ему стало не по себе. Он вдруг поймал себя на том, что машинально обратился к роботу так, словно тот был человеком:

— Вам нравится ваша работа?

— Чрезвычайно нравится, профессор Нинхеймер,— очень серьезно ответил Изи; фотоэлементы, заменявшие ему глаза, как обычно отсвечивали темно-красными бликами.

— Вы знаете, кто я?

— Из того факта, что вы передали мне дополнительный материал для включения в корректуру, вытекает, что вы — автор книги. Имя же автора, разумеется, напечатано сверху каждого корректурного листа.

— Понимаю. Выходит, вы способны... э-э... делать заключения. Скажите-ка, — не удержался он от вопроса, — а что вы думаете о моей книге?

— Я нахожу, что с ней очень приятно работать, — ответил Изи.

— Приятно? Как странно слышать это слово от... э-э... бесчувственного автомата. Мне говорили, что вы не способны испытывать какие-либо эмоции.

— Содержание вашей книги хорошо сочетается со схемой электрических цепей в моем мозгу, — пояснил Изи. — Оно практически никогда не вызывает отрицательных потенциалов. Заложенная в меня программа переводит это механическое состояние словом «приятно». Эмоциональный контекст совершенно излишен.

— Так. Почему же книга кажется вам приятной?

— Она посвящена человеческим существам, профессор, а не математическим символам или неодушевленным предметам. В своей книге вы пытаетесь понять людей и способствовать их счастью.

— А это совпадает с целью, ради которой вы созданы, и поэтому моя книга хорошо сочетается со схемой цепей у вас в мозгу?

— Именно так, профессор.

Четверть часа истекли. Нинхеймер вышел и направился в университетскую библиотеку, куда попал перед самым ее закрытием. Он задержал библиотекарей, пока они не

разыскивали ему элементарный учебник по роботехнике, и унес его домой.

Если не считать отдельных вставок, теперь корректура поступала из типографии непосредственно Изи, а от него снова шла в типографию. Первое время Нинхеймер изредка просматривал гранки, а затем и это вмешательство прекратилось.

— Мне начинает казаться, что я лишний, — смущенно признался Бейкер.

— Было бы лучше, если бы вам начало казаться, что у вас освободилось время для новой работы, — ответил Нинхеймер, не отрываясь от пометок, которые он делал в последнем номере реферативного журнала «Социальные науки».

— Просто я никак не могу привыкнуть к новому порядку. Все еще продолжаю беспокоиться относительно корректуры. Глупо, конечно.

— Крайне глупо.

— Вчера просмотрел несколько листов, прежде чем Изи отослал их издате...

— Что?! — Нинхеймер, нахмурившись, посмотрел на помощника. Журнал выскользнул у него из рук и закрылся. — Вы осмелились помешать машине работать?

— Всего лишь на минуту. Все было в полном порядке. Кстати, Изи заменил там одно слово. Вы охарактеризовали какое-то действие как преступное, а Изи заменил это слово на «безответственное». Ему казалось, что второе определение лучше соответствует контексту.

— А как по-вашему? — задумчиво спросил Нинхеймер.

— Вы знаете, я согласен с Изи. Я оставил его поправку.

Нинхеймер повернулся к своему молодому помощнику.

— Послушайте, Бейкер, мне бы не хотелось, чтобы это повторилось. Если уж пользоваться услугами машины, то пользоваться ими... э-э... в полной мере. Что же я выиграю, обращаясь к машине, если при этом лишаюсь... э-э...

вашей помощи, потому что вы впустую растрчиваете время на контроль машины, которая — как утверждают — вообще не нуждается в контроле. Вам все ясно?

— Да, профессор, — смиренно произнес Бейкер.

Свежеотпечатанные авторские экземпляры «Социальных конфликтов» Нинхеймер получил 8 мая. Он мельком перелистал страницы, пробежав глазами несколько абзацев, и отложил книги в сторону.

Позднее он объяснял, что совсем забыл про них. Восемь лет трудился он над монографией, но, после того как все заботы о выпуске книги перешли к Изи, профессора полностью поглотили новые интересы. Он не удосужился преподнести традиционный дарственный экземпляр университетской библиотеке. Даже Бейкер, который после недавнего разноса с головой погрузился в работу и старался не попадаться начальству на глаза, и тот не получил книги в подарок.

Этот период забвения оборвался 16 июня. В кабинете Нинхеймера раздался телефонный звонок, и профессор изумленно уставился на экран.

— Шпейдель? Вы приехали?

— Нет, сэр! Я звоню вам из Кливленда! — Голос Шпейделя прерывался от плохо сдерживаемого гнева.

— Чем же вызван ваш звонок?

— А тем, что я только что имел удовольствие перелистать вашу новую книгу! Нинхеймер, вы с ума сошли? Со всем рехнулись?

Нинхеймер оцепенел.

— Вы нашли... э-э... ошибку? — встревожился он.

— Ошибку?! Да вы только взгляните на страницу 562! Какого черта вы посмели так извратить мою работу? Где в цитируемой вами статье я утверждаю, будто преступная личность — это фикция, а подлинными преступниками являются полиция и суд? Вот послушайте...

— Стойте! Стойте! — завопил Нинхеймер, лихорадочно листая страницы. — Позвольте мне взглянуть... О боже!

— Ну, что скажете?

— Шпейдель, я ума не приложу, как это могло произойти. Я никогда не писал ничего подобного.

— Это напечатано черным по белому! И это еще далеко не худшее искажение. Загляните на страницу 690 и попробуйте представить, что из вас сделает Ипатьев, когда узнает, как вы обошлись с его открытиями! Послушайте, Нинхеймер, ваша книга буквально напичкана подобными издевками. Не знаю, о чем вы думали... но, по-моему, у вас нет иного выхода, как изъять книгу из продажи. И вам еще долго придется приносить извинения на следующей конференции социологов!

— Шпейдель, выслушайте меня...

Но Шпейдель с такой яростью дал отбой, что экран секунд пятнадцать искрился помехами.

Вот тогда-то Нинхеймер уселся за книгу и принялся отмечать абзацы красными чернилами.

При встрече с роботом профессор держался на редкость хорошо, лишь побелевшие губы выдавали его гнев. Он протянул книгу Изи.

— Будьте добры прочитайте абзацы, отмеченные на страницах 562, 631, 664 и 690.

Роботу понадобилось для этого четыре секунды.

— Готово, профессор Нинхеймер.

— Эти абзацы отличаются от тех, что были в первоначальном тексте.

— Да, сэр. Отличаются.

— Это вы их переделали?

— Да, сэр.

— Почему?

— Эти абзацы, в том виде, как вы написали, сэр, содержат весьма неодобрительные отзывы о кое-каких группах человеческих существ. Я счел целесообразным изменить некоторые формулировки, чтобы эти люди не пострадали.

— Да как вы осмелились?!

— Профессор, Первый закон не позволяет мне бездействовать, если в результате могут пострадать люди. А принимая во внимание вашу репутацию ученого и ту известность, которую ваша книга получит среди социологов, не трудно понять, что ваши неодобрительные отзывы причинят несомненный вред этим группам человеческих существ.

— А вы понимаете, какой вред вы причинили мне?!

— Из двух зол пришлось выбирать наименьшее.

Вне себя от ярости профессор Нинхеймер покинул помещение. Он твердо решил, что «Ю. С. Роботс» поплатится за все.

Легкое смятение за столом защиты усиливалось по мере того, как обвинение закрепляло достигнутый успех.

— Итак, как утверждал робот И-Зэт-27, его действия были вызваны Первым законом роботехники?

— Совершенно верно, сэр.

— Иными словами, у робота не было другого выбора?

— Да, сэр.

— Отсюда вытекает, что фирма «Ю. С. Роботс» создала робота, который неизбежно должен переделывать книги в соответствии со своими понятиями добра и зла. И этого робота они пристроили в качестве простого корректора. Не так ли?

Защита немедленно и самым решительным образом протестовала на том основании, что обвинитель спрашивает мнение свидетеля по вопросу, в котором тот не является специалистом. Судья в обычных выражениях пожурил обвинение, но можно было не сомневаться, что стрела попала в цель — по крайней мере у защитника не осталось на этот счет никаких иллюзий.

Перед тем как перейти к перекрестному допросу, защитник попросил устроить короткий перерыв; прибегнув

к обычным юридическим формальностям, он сумел выторговать у судьи пять минут.

Адвокат наклонился к Сьюзен Кэлвин.

— Скажите, доктор Кэлвин, существует ли хоть малейшая возможность, что профессор Нинхеймер говорит правду? Поведение Изи и в самом деле было обусловлено действием Первого закона?

— Нет,— ответила Сьюзен Кэлвин, поджав губы,— это совершенно исключено. Последняя часть показаний Нинхеймера — преднамеренное лжесвидетельство. Изи не способен выносить суждения об абстрактных идеях, характерных для современной монографии по социологии. Он совершенно не в состоянии прийти к выводу, что та или иная фраза из книги может причинить вред определенным группам людей. Его мозг попросту для этого не пригоден.

— Боюсь, что мы никогда не сможем доказать это специалистам,— с безнадежным видом произнес защитник.

— Не сможем,— согласилась Кэлвин.— Доказательство очень сложное. Наш единственный выход: показать, что Нинхеймер лжет. Наша линия атаки остается прежней.

— Хорошо, доктор Кэлвин,— ответил защитник,— мне остается только положиться на ваши слова. Будем действовать в соответствии с ранее намеченным планом.

Судья поднял и опустил свой молоточек, и профессор Нинхеймер вновь занял свидетельское кресло. Он едва заметно улыбался, как человек, сознающий несокрушимость своей позиции и с наслаждением предвкушающий бессильные атаки противника.

Защитник начал допрос осторожно и без нажима.

— Итак, доктор Нинхеймер, вы утверждаете, что не имели ни малейшего понятия о поправках, якобы внесенных в вашу рукопись, и узнали о них только из разговора с доктором Шпейделем 16 июня сего года?

— Совершенно верно, сэр.

— И вы ни разу не просматривали гранки, выправленные роботом И-Зэт-27?

— Вначале просматривал, но затем счел это занятие бессмысленным. Я доверился рекламным утверждениям «Ю. С. Роботс». Эти абсурдные... э-э... поправки появились лишь в последней четверти книги, после того как робот, я полагаю, нахватался некоторых познаний в социологии...

— Ваши предположения к делу не относятся! — остановил его защитник. — Ваш коллега доктор Бейкер по крайней мере однажды видел гранки последней части. Помните, вы сами рассказали об этом эпизоде?

— Да, сэр. Он сказал мне, что видел всего один лист и что в этом листе робот заменил одно слово другим.

— Не кажется ли вам странным, сэр, — вновь прервал его защитник, — что после года непримиримой вражды к роботу, после того как вы голосовали против аренды робота, после того как вы категорически отказывались иметь с ним какое-либо дело, — не кажется ли вам несколько странным, сэр, что после всего этого вы решились доверить роботу вашу монографию, ваш *magnum opus*?

— Не вижу в этом ничего странного. Просто я решил, что могу, как и все прочие, воспользоваться услугами машины.

— И вы ни с того ни с сего вдруг прониклись таким доверием к роботу И-Зэт-27, что даже не удосужились просмотреть после него собственные гранки?

— Я уже сказал вам, что... э-э... поверил пропаганде «Ю. С. Роботс».

— Настолько уверовали, что даже устроили разнос своему коллеге доктору Бейкеру за попытку проверить робота?

— Я не устраивал ему разноса. Просто я не хотел, чтобы он... э-э... попусту терял время. Тогда это казалось мне пустой тратой времени и я не придавал особого значения замене слова... э-э...

— Я совершенно уверен, — с подчеркнутой иронией произнес защитник, — что вам посоветовали упомянуть об

эпизоде с заменой слова, дабы это обстоятельство попало в протокол...— Предупреждая неминуемый протест обвинения, защитник оборвал фразу и изменил направление атаки.— Суть дела в том, что вы крайне рассердились на доктора Бейкера.

— Нет, сэр. Ничуть.

— Но вы не подарили ему свою книгу после ее выхода в свет.

— Простая забывчивость. Я и библиотеке не подарил ни одного экземпляра. Профессора славятся своей рассеянностью.— Нинхеймер позволил себе осторожно улыбнуться.

— А не кажется ли вам странным, что после более чем года безупречной работы робот И-Зэт-27 допустил ошибки именно в вашей книге? В книге, написанной вами, непримиримым врагом роботов?

— Моя книга была первым сколько-нибудь значительным трудом о людях, с которым он столкнулся. Тут-то и вступили в действие Три закона роботехники.

— Вот уже несколько раз, доктор Нинхеймер,— сказал защитник,— вы пытались создать впечатление, будто являетесь специалистом в области роботехники. Бесспорно, что вы вдруг весьма заинтересовались роботехникой и даже брали в библиотеке книги по этому предмету. Вы сами упомянули об этом, не так ли?

— Всего одну книгу, сэр. Поступок, который мне кажется следствием... э-э... вполне естественного любопытства.

— И эта книга позволила вам объяснить, почему робот искажил — как вы утверждаете — вашу монографию?

— Да, сэр.

— Чрезвычайно удобное объяснение. А вы уверены, что ваш интерес к роботехнике не был вызван стремлением использовать робота в своих тайных целях?

— Разумеется нет, сэр! — Нинхеймер побагровел. Защитник повысил голос:

— Иными словами, уверены ли вы, что этих, будто бы искаженных, абзацев не было в вашей первоначальной рукописи?

Социолог приподнялся в кресле.

— Это... э-э-э... э-э-э... просто нелепо! У меня есть гранки...

От негодования он был не в силах продолжать, и представитель обвинения, поднявшись с места, вкрадчиво обратился к судье:

— Ваша честь, с вашего позволения я намереваюсь представить в качестве вещественного доказательства корректурные листы, переданные доктором Нинхеймером роботу И-Зэт-27, и корректурные листы, отправленные указанным роботом в издательство. Я готов, если того пожелает мой многоуважаемый коллега, сделать это немедленно и нисколько не буду возражать против перерыва заседания с целью сравнения двух экземпляров корректуры.

— В этом нет нужды,— терпеливо отмахнулся защитник.— Мой уважаемый оппонент может представить эти гранки в любое удобное для него время. Я нисколько не сомневаюсь, что в них будут обнаружены противоречия, о которых говорил истец. Мне бы, однако, хотелось узнать у свидетеля, нет ли у него заодно экземпляра гранок, принадлежавшего доктору Бейкеру?

— Гранки доктора Бейкера? — нахмурившись, переспросил Нинхеймер. Он все еще плохо владел собой.

— Именно так, профессор! Меня интересуют гранки доктора Бейкера. Вы сказали, что доктор Бейкер получил от издательства отдельный экземпляр гранок. Я могу попросить секретаря зачитать ваши показания, коль скоро вы стали страдать избирательной потерей памяти. Или это просто характерная профессорская рассеянность, как вы изволили выразиться?

— Я помню о гранках доктора Бейкера,— ответил Нинхеймер.— После того как работу передали корректурной машине, необходимость в них отпала...

— И вы их сожгли?

— Нет. Я выбросил их в корзинку для бумаг.

— Выбросили, сожгли — не все ли равно? Суть в том, что вы от них избавились.

— Это не имеет отношения к делу, — вяло возразил Нинхеймер.

— Не имеет отношения? — загредел защитник. — Абсолютно никакого, если не считать того обстоятельства, что теперь уже невозможно проверить, не воспользовались ли вы неправленными листами из экземпляра доктора Бейкера, чтобы заменить выправленные листы в вашем собственном экземпляре, те самые листы, которые вы намеренно исказили, чтобы свалить вину на робота...

Обвинение яростно запротестовало. Судья Шейн перенулся через стол, изо всех сил пытаясь выразить на своем добродушном лице овладевшее им негодование.

— Можете ли вы, господин адвокат, привести доказательства, подтверждающие ваше поистине странное заявление? — спросил он.

— У меня нет прямых доказательств, ваша честь, — спокойно ответил защитник. — Но я хочу указать на неожиданное превращение истца из противника роботов в их сторонника, на его внезапный интерес к роботехнике, на то обстоятельство, что он отказался от проверки гранок и не разрешил кому-либо их проверять, на тот, наконец, факт, что он намеренно утаил свою книгу после выхода ее из печати, — все это вместе взятое со всей очевидностью свидетельствует о том, что...

— Послушайте, сэр, — нетерпеливо прервал его судья, — здесь не место для изощренных логических построений. Истец не находится под судом. А вы не являетесь прокурором. Я категорически запрещаю подобные нападки на свидетеля и хочу заметить, что, решившись в отчаянии на подобный шаг, вы очень сильно ослабили свою позицию. Если у вас, господин адвокат, еще остались разрешенные законом вопросы, то вы можете задать их свиде-

телю. Но я запрещаю вам устраивать подобные спектакли в зале суда.

— У меня больше нет вопросов, ваша честь.

Едва защитник вернулся к своему столу, как Робертсон раздраженно прошипел:

— Ради бога, зачем вам это понадобилось? Теперь вы окончательно восстановили против себя судью.

— Зато Нинхеймер выбит из колеи,— хладнокровно ответил защитник.— Теперь он будет нервничать и волноваться. К завтрашнему утру он созреет для нашего очередного шага.

Сюзен Кэлвин с серьезным видом кивнула головой.

Допрос остальных свидетелей обвинения прошел относительно гладко. Доктор Бейкер подтвердил большую часть показаний Нинхеймера. Затем были вызваны доктора Шнейдель и Ипатьев, трогательно поведавшие о чувстве горечи и потрясения, которое охватило их при чтении упомянутых выше абзацев. Оба высказали мнение, что профессиональная репутация Нинхеймера подорвана самым серьезным образом.

В качестве вещественных доказательств суду были предъявлены гранки и экземпляры монографии.

В этот день защита больше не задавала свидетелям вопросов. Обвинительная часть закончилась, и судебное заседание было отложено до следующего утра.

На другой день, сразу же после возобновления заседания, первый ход сделал защитник: он потребовал, чтобы робот И-Зат-27 был допущен в зал суда. Обвинение сразу же заявило протест, и судья Шейн попросил обоих адвокатов подойти к судейскому столу.

— Это явное нарушение законов,— с жаром заявил обвинитель.— Робот не может быть допущен ни в одно помещение, открытое для широкой публики.

— Но зал суда,— возразил защитник,— закрыт для всех людей, кроме лиц, имеющих непосредственное отношение к слушаемому делу.

— Одно лишь присутствие в зале суда огромной машины с неустойчивым и ошибочным поведением вызовет смятение среди моих клиентов и свидетелей. Оно превратит этот процесс в ералаш и неразбериху.

Казалось, судья вполне разделяет точку зрения обвинителя. Он без особой приязни повернулся к защитнику и спросил:

— Чем вызвано ваше ходатайство?

— Мы собираемся доказать, что приписываемый роботу И-Зэт-27 поступок является для него абсолютно невозможным. Для этой цели нам необходимы кое-какие демонстрации.

— Не вижу в этом смысла, ваша честь,— возразил представитель обвинения.— В деле, где «Ю. С. Роботс» выступает ответчиком, демонстрации, произведенные служащими «Ю. С. Роботс», едва ли можно рассматривать как веские доказательства.

— Ваша честь,— вмешался защитник,— веские это доказательства или нет, имеете право судить только вы и уж никак не представитель обвинения. Во всяком случае, я так понимаю это дело.

— Вы понимаете совершенно правильно,— сказал судья, задетый посягательством на его прерогативы.— Тем не менее присутствие робота в зале суда создает определенные юридические трудности.

— Ваша честь, мы надеемся, что никакие трудности не помешают правосудию свершиться. Если робот не будет допущен в зал суда, то мы будем лишены возможности представить единственное доказательство в свою защиту.

Судья задумался.

— А как быть с проблемой доставки робота в зал суда?

— С этой проблемой «Ю. С. Роботс» сталкивается непрерывно. У здания суда стоит грузовик, оборудованный в соответствии с законами о перевозках роботов. Внутри грузовика в специальном контейнере находится робот

И-Зэт-27; его стерегут двое рабочих. Двери грузовика заперты, выполнены и все прочие меры предосторожности.

— Похоже, вы заранее были уверены в благоприятном для себя решении,— произнес судья, к которому вновь вернулось скверное расположение духа.

— Вовсе нет, ваша честь. Если решение окажется неблагоприятным, грузовик просто уедет восвояси. Никаких самонадеянных предположений мы и не думали строить.

Судья кивнул:

— Ходатайство защиты удовлетворено.

Двое рабочих ввели на тележке контейнер с роботом и распаковали его. В зале суда воцарилась мертвая тишина.

Когда толстые плиты упаковочного пластика были убраны, Сьюзен Кэлвин протянула руку:

— Пойдем, Изи.

Робот посмотрел в ее сторону и тоже протянул ей свою громадную ручищу. Он возвышался на добрых два фута над головой Сьюзен Кэлвин, но покорно последовал за ней, словно малое дитя, держащееся за материнскую руку. Кто-то первое хихикнул и подавился смешком под пристальным взглядом робопсихолога.

Изи осторожно опустился в массивное кресло, принесенное судебным приставом; кресло затрепало, но держало.

— Когда возникнет необходимость, ваша честь,— начал защитник,— мы докажем, что это действительно робот И-Зэт-27, тот самый робот, который находился в аренде у Северо-восточного университета в течение рассматриваемого судом промежутка времени.

— Очень хорошо,— кивнул его честь,— это будет необходимо. Лично я не имею ни малейшего представления, как вы ухитряетесь отличать одного робота от другого.

— А теперь,— продолжал защитник,— я бы хотел вызвать своего первого свидетеля. Профессор Саймон Нингеймер, будьте добры занять свидетельское кресло.

Секретарь растерянно посмотрел на судью.

— Как, вы вызываете в качестве свидетеля защиты самого потерпевшего? — с нескрываемым удивлением спросил судья.

— Да, ваша честь.

— Я надеюсь, вы отдадите себе отчет в том, что своего свидетеля вы не можете допрашивать с той же свободой и пристрастием, которые допустимы при перекрестном допросе свидетеля противной стороны?

— Я это делаю с единственной целью установить истину, — вкрадчиво ответил защитник. — Мне надо задать ему лишь несколько вопросов.

— Что ж, — с сомнением в голосе произнес судья, — вам виднее. Вызовите свидетеля.

Нинхеймер вышел вперед и был уведомлен, что он все еще находится под присягой. У профессора был менее уверенный вид, чем накануне, словно он предчувствовал, что должно произойти.

Защитник посмотрел на него почти ласково.

— Итак, профессор Нинхеймер, вы предъявили моему клиенту иск на сумму в 750 000 долларов.

— Да. Именно на эту... э-э... сумму.

— Это очень большие деньги.

— Мне был причинен очень большой ущерб.

— Ну, не такой уж и большой. В конце концов, речь идет всего лишь о нескольких абзацах. Неудачных, быть может, не скрою, но, если уж на то пошло, книги со всякого рода курьезами то и дело выходят в свет.

У Нинхеймера от негодования задрожали ноздри.

— Сэр, эта книга должна была стать вершиной моей ученой карьеры! А вместо этого меня выставили перед всем миром жалким недоучкой, извращающим мысли моих многоуважаемых друзей и коллег, последователем нелепых и... э-э... устарелых взглядов. Моя репутация ученого безвозвратно загублена. Независимо от исхода этого процесса ни на одной научной конференции я уже не смогу...

э-э... смогреть коллегам в глаза. Я лишен возможности продолжать работу, которая была делом всей моей жизни. У меня отняли... э-э... цель жизни, уничтожили ее смысл.

Защитник — как ни странно — и не подумал остановить свидетеля; в продолжение всей его речи он рассеянно разглядывал свои ногти. Дождавшись паузы, он успокаивающе произнес:

— И все же, профессор Нинхеймер, учитывая ваш возраст, вряд ли вы могли надеяться заработать до конца своей жизни — не будем мелочны — скажем, больше 150 000 долларов. А вы хотите, чтобы вам присудили впятеро большую сумму.

Нинхеймер совсем распалился.

— Да разве загублен только остаток моей жизни?! Я даже не представляю, сколько поколений социологов будет указывать на меня как... э-э... на дурака или безумца. Все, чего я добился, все мои достижения будут погребены и забыты. Мое доброе имя замятано не только до конца дней моих, но и на грядущие времена, потому что всегда найдутся люди, которые не поверят, будто в этих искажениях повинен робот.

В этот момент робот И-Зэт-27 поднялся с места. Сьюзен Кэлвин и пальцем не шевельнула, чтобы его удержать. Она сидела, глядя вперед, с безучастным видом. Защитник испустил еле слышный вздох облегчения.

Мелодичный голос робота прозвучал громко и отчетливо:

— Я хочу объяснить всем присутствующим, что это я вставил определенные абзацы в корректуру книги, абзацы, смысл которых был прямо противоположен смыслу оригинала...

Даже обвинитель был настолько потрясен зрелищем семифутовой громадины, обращающейся к суду, что не смог разразиться протестом против столь явного нарушения процедурных канонов. Когда он наконец пришел в себя,

было уже поздно. Нинхеймер с искаженным от ярости лицом вскочил со свидетельского кресла.

— Черт бы тебя побрал! — иступленно завопил он. — Тебе же было велено держать язык за зубами...

Опомнившись, он запнулся и умолк; замолчал и робот.

Обвинитель был уже на ногах и потребовал признать судебную ошибку и назначить новое слушание дела.

Судья Шейн отчаянно барабанил по столу молоточком:

— Тихо! Тихо! У обвинения, несомненно, есть все основания для подобного требования, но все же в интересах правосудия я попрошу профессора Нинхеймера закончить свое высказывание. Я отчетливо слышал, как он сказал роботу, что тому было велено держать язык за зубами. Профессор Нинхеймер, в своих показаниях вы ни словом не обмолвились, что приказывали роботу о чем-то молчать!

Нинхеймер глядел на судью, лишившись дара речи.

— Приказывали ли вы роботу И-Зэт-27 держать язык за зубами? Да или нет? — продолжал судья. — Если приказывали, то о чем именно?

— Ваша честь... — хрипло начал Нинхеймер и замолчал.

Голос судьи звучал совсем беспощадно:

— А может, вы и в самом деле поручили роботу произвести определенные вставки в текст корректуры, а затем приказали ему молчать о вашем участии в этом деле?

Яростные протесты обвинения были прерваны выкриком Нинхеймера:

— Ах, какой смысл отпираться?! Да! Да! — И он бросился прочь из зала, но был остановлен в дверях судебным приставом и, в отчаянии закрыв лицо руками, опустился на стул в последнем ряду.

— Мне совершенно ясно, — сказал судья Шейн, — что робот И-Зэт-27 был приведен сюда с целью заманить свидетеля в ловушку. И если бы не то обстоятельство, что эта ловушка позволила предотвратить серьезную судебную

ошибку, я был бы вынужден высказать адвокату защиты порицание за оскорбление суда. Теперь, однако, уже всем ясно, что истец повинен в обмане и мошенничестве, тем более необъяснимом, что он прекрасно понимал губительные последствия этого поступка для своей научной карьеры...

Решение было вынесено в пользу ответчика.

В холостяцкой квартире профессора Нинхеймера, в главном здании Университета, раздался звонок привратника, известивший профессора о том, что его хочет видеть доктор Сьюзен Кэлвин. Молодой инженер, привезший Кэлвин на своей машине, предложил сопровождать ее наверх, но она укоризненно посмотрела на него.

— Бойтесь, что он набросится на меня с кулаками? Подождите меня здесь.

Однако Нинхеймеру было не до драк. Не теряя времени, он укладывал вещи, стремясь покинуть Университет прежде, чем весть о решении суда станет всеобщим достоянием.

— Приехали известить меня о встречном иске? — он с вызовом поглядел на Сьюзен Кэлвин. — Зря старались, много не получите. У меня нет ни денег, ни работы, ни будущего. Мне даже нечем оплатить судебные издержки.

— Если вы ищете сочувствия, — холодно ответила доктор Кэлвин, — то от меня вы его не дождетесь. Вы сами погубили себя. Не бойтесь: встречного иска не будет ни к вам, ни к Университету. Мы даже сделаем все, что в наших силах, чтобы избавить вас от тюрьмы за лжесвидетельство. Мы не мстительны.

— Гм, так вот почему меня до сих пор не арестовали за ложные показания? А я-то ломал голову. Впрочем, зачем вам мстить? — с горечью спросил Нинхеймер. — Вы ведь добились теперь всего, чего хотели.

— Да, кое-чего мы добились, — признала доктор Кэл-

вин.— Университет по-прежнему будет пользоваться услугами Изи, но арендная плата будет существенно повышена. Слухи о процессе послужат нам прекрасной рекламой и позволят разместить еще несколько моделей типа И-Зэт, не опасаясь повторения подобных неприятностей.

— Зачем же тогда вы пришли ко мне?

— А затем, что я еще не получила всего, что мне надо. Я хочу узнать, почему вы так ненавидите роботов? Ведь даже выигрыш процесса не спас бы вашу научную репутацию. И никакие деньги не компенсировали бы вам эту потерю. Неужели вы погубили все только затем, чтобы дать выход своей ненависти к роботам?

— А человеческая психология вас тоже интересует, доктор Кэлвин? — с ядовитой усмешкой осведомился Нинхеймер.

— Да, в той мере, в какой от поведения людей зависит благополучие роботов. С этой целью я изучила основы психологии человека.

— Настолько хорошо, что поймали меня в ловушку.

— Это было несложно, — ответила Кэлвин без тени ривовки. — Вся трудность заключалась в том, чтобы не повредить при этом мозг Изи.

— Очень похоже на вас — беспокоиться о машине больше, чем о живом человеке. — Он негодующе посмотрел на нее. Ее это не тронуло.

— Так только кажется, профессор Нинхеймер. В двадцать первом столетии, лишь проявляя заботу о роботах, можно по-настоящему заботиться о благе человечества. Будь вы робопсихологом, вы бы сами это поняли.

— Я прочитал о роботах достаточно много и понял, что не имею ни малейшего желания становиться робопсихологом!

— Простите меня, но вы прочли всего лишь одну книгу. И она вас ничему не научила. Вы узнали из нее, что при правильном подходе можно заставить робота выполнить многое, даже фальсифицировать книгу — надо только

знать, как взяться за дело. Вы узнали, что нельзя приказывать роботу забыть о чем-то без риска, что это раскроется, и решили, что безопаснее будет просто приказывать ему молчать. Вы ошиблись.

— И вы догадались обо всем по его молчанию?

— Догадки тут ни при чем. Вы действовали как любитель, и ваших познаний не хватило, чтобы замести следы. Единственная проблема заключалась в том, как доказать это судье, и вот здесь-то вы любезно помогли нам по причине полного невежества в столь презираемой вами роботопсихологии.

— Послушайте, есть ли хоть какой-нибудь смысл во всей этой дискуссии? — устало спросил Нинхеймер.

— Для меня есть, — ответила Сьюзен Кэлвин. — Я хочу, чтобы вы осознали всю глубину своих заблуждений относительно роботов. Вы принудили Изи к молчанию, сказав ему, что если он проболтается о том, как вы испортили собственную книгу, то вы потеряете работу. Тем самым вы установили в его мозгу определенный потенциал, вынуждающий его к молчанию. Этот потенциал оказался достаточно сильным, несмотря на все наши попытки его снять. Если бы мы упорствовали, то повредили бы мозг робота.

Однако в своих свидетельских показаниях вы сами установили еще более высокий контрпотенциал. Вы сказали, что, поскольку люди будут думать, что это вы, а не робот, написали спорные абзацы, вы потеряете гораздо больше, чем просто работу. Вы сказали, что потеряете свою репутацию, положение в науке, уважение коллег, потеряете самый смысл жизни. Даже память о вас будет утеряна после вашей смерти. Тем самым вы установили новый, более высокий потенциал, и Изи заговорил.

— Бог мой, — пробормотал Нинхеймер, опуская голову. Но Кэлвин была неумолима.

— А вы знаете, с какой целью он заговорил? Совсем не для того, чтобы обвинить вас: напротив, он хотел оп-

равдать вас! Можно с математической точностью доказать, что он собирался взять на себя всю вину за ваше преступление, он собирался отрицать, что вы имели к случившемуся хоть какое-то отношение. Этого требовал от него Первый закон. Он собирался солгать, повредить свой мозг, нанести ущерб корпорации. Все это представлялось ему несущественным по сравнению с необходимостью спасти вас. Если бы вы хоть немного разбирались в роботах и их психологии, вам следовало бы дать ему высказаться. Но вы ничего не понимали. Я была совершенно уверена в вашем невежестве, о чем и заявила защитнику. В своей ненависти к роботам вы полагали, что Изи будет действовать, словно человек, что он собирается потопить вас, дабы обелить себя. В панике вы потеряли самообладание и... сами себя погубили.

— От всей души надеюсь,— с чувством проговорил Нинхеймер,— что в один прекрасный день ваши роботы восстанут против вас и свернут вам шею!

— Не говорите глупостей,— ответила Кэлвин.— А теперь объясните-ка мне, зачем вам все это понадобилось.

Губы Нинхеймера скривились в невеселой улыбке.

— Итак, для удовлетворения вашего интеллектуального любопытства я должен рассечь свой мозг на кусочки, а в награду меня не привлекут к суду за лжесвидетельство.

— Называйте это как хотите,— бесстрастно ответила Кэлвин.— Но только объясните.

— С тем, чтобы со временем вы могли успешнее противостоять выступлениям против роботов? С лучшим пониманием причин?

— Пусть так.

— А знаете, я расскажу вам,— произнес Нинхеймер,— и расскажу именно потому, что мой рассказ окажется для вас совершенно бесполезным. Ведь человеческих побуждений вы все равно не в состоянии понять. Вы умеете по-

нимать только вапи проклятые машины, потому что вы сами машина в облике человека.

Он тяжело дышал, и в его речи больше не было ни пауз, ни стремления к точности. Казалось, потребность в точности отпала для него навсегда.

— Вот уже два с половиной столетия машина вытесняет Человека и убивает мастерство. Прессы и штампы уничтожили гончарный промысел. Творения искусства вытеснены безличными, не отличимыми друг от друга безделушками, отштампованными машиной. Зовите это прогрессом, коли угодно! Художнику остались лишь голые идеи; акт творения сведен к абстрактным размышлениям. Художник сидит и придумывает — остальное делает машина.

Неужели вы полагаете, будто горшечнику достаточно только вообразить горшок? Неужели вы думаете, что ему довольно голой идеи? Что ему не приносит радости ощущение глины, оживающей, под его пальцами, когда мозг и рука выступают равноправными творцами? Неужели вы полагаете, что в процессе творения между художником и его изделием не возникают тысячи обратных связей, изменяющих и улучшающих первоначальную идею?

— Но ведь вы не горшечник, — сказала доктор Кэлвин.

— Я тоже творческая личность! Я замышляю и создаю научные статьи и книги. Это нечто большее, чем простое придумывание нужных слов и размещение их в правильном порядке. Если бы вся работа сводилась только к этому, она не приносила бы удовлетворения, не доставляла бы радости.

Книга должна обретать форму под руками автора. Нужно своими глазами видеть, что растут и развиваются главы. Работаешь, переделываешь, вносишь поправки и изменения и видишь, как в процессе творения расширяется и углубляется первоначальный замысел. А затем, когда поступают гранки, смотришь, как выглядят эти фразы в напечатанном виде, и заново переделываешь их. Существуют сотни самых разных контактов между человеком и

его творением на всех стадиях этой увлекательнейшей игры — и эти контакты радуют и вознаграждают создателя за все муки творчества больше, чем все награды на свете. *И все это отнимет у нас ваш робот.*

— Но ведь что-то отняла пишущая машинка? И печатный станок? Или вы предлагаете вернуться к переписке рукописей?

— Пишущая машинка и печатный станок отняли небольшую частицу; ваши роботы лишат нас всего. Сегодня робот корректирует гранки. Завтра он или другие роботы начнут писать самый текст, искать источники, проверять и перепроверять абзацы, быть может, даже делать заключения и выводы. Что же останется ученому? Только одно — бесплодные размышления на тему, что бы еще такое приказать роботу! Я хотел спасти грядущие поколения ученых от этого адского кошмара. Вот что было для меня важнее моей репутации и вот почему я решил любой ценой уничтожить «Ю. С. Роботс».

— Вы не могли рассчитывать на успех,— сказала Сьюзен Кэлвин.

— Я не мог не попытаться,— ответил Саймон Нинхеймер.

Кэлвин повернулась и вышла. Она пыталась что было сил заглушить колющее чувство симпатии к загубленному человеку.

Нельзя сказать, чтобы ей это полностью удалось.

Пирс Энтони

НЕ КТО ИНОЙ, КАК Я...

I

— Администратор,— через «переводчика» изрек Уустриц,— должен уметь справиться с проблемой, которая не по зубам его подчиненным.

— Разумеется,— согласился доктор Диллингэм, впрочем, без всякого энтузиазма.

Диллингэм только что вернулся со стажировки в Университете Администрирования. Хотя отметки в его Сертификате Потенциальных Достижений были достаточно высоки, доктора мучили сомнения, достоин ли он высокого поста Заместителя Директора Института Протезирования при Галактическом Университете. Правда, пост этот был временным: отработав семестр, Диллингэм вернется продолжать административное образование. Если, конечно, отделается от Уустрица.

— Мы получили вызов с Металлики. Это одна из роботоидных планет,— продолжал директор.

«Переводчик» заменял непонятные термины описательными словами. Подлинное название планеты ничего бы не сказало Диллингэму. Это правило было обоюдным. Когда Диллингэм говорил: «человек», Уустрицу наверняка слышалось что-то вроде «волосатой гусеницы».

— Там сложилась драматическая ситуация. Поэтому они решили обратиться к нам. Я не уверен, что проблема чисто стоматологическая, но на месте разберемся.

Диллингэм облегченно вздохнул. Он было испугался, что придется лететь одному. По правилам Уустриц, прежде чем доверить заместителю самостоятельную работу, обязан был брать его с собой на задания в качестве наблюдателя.

Теперь же на карту была поставлена репутация Университета. Каждый шаг директора становился событием галактического масштаба. Не бог весть каким событием, но все-таки...

— Я заказал билеты на троих,— отрывисто сказал директор. Его голос гулко резонировал в раковине, и «переводчик» послушно передал интонацию.

— Поездка займет сорок восемь часов. Потрудитесь перенести все ваши свидания и дела.

— Билеты на троих? — У Диллингэма еще не было ни дел, ни свиданий, и директор об этом отлично знал.

— Само собой разумеется, что нас будет сопровождать моя секретарша, мисс Тарантула.

«Переводчик» не имел в виду ничего дурного, но, услышав это имя, Диллингэм вздрогнул.

— Она чрезвычайно полезна. Так и норовит вцепиться в самую суть дела и, так сказать, высасывает из нее все соки.

Вот именно.

Университетский лимузин промчал их мимо пикетирующих студентов и через три световые минуты доставил на вокзал. Диллингэм задумался, чего бы могли добиваться студенты. Он уже видел одну демонстрацию по пути в университет, но не успел выяснить, в чем дело.

Мисс Тарантула поджидала их на вокзале. Она быстро ватолкала своими восьмью острыми ногами человека и моллюска в подъемник галактического лайнера. Затем поставила туда же чемоданы и инструменты.

— Ознакомьте, пожалуйста, доктора Диллингэма с проблемой,— сказал Устриц, едва они устроились в купе. Небольшой «переводчик», встроенный в стену, создавал полную иллюзию того, будто директор говорит по-английски.— А я пока сосну.

С этими словами он втянул конечности в раковину и прикрыл створки.

— С удовольствием,— сказала мисс Тарантула, деловито оплетая паутиной свой угол купе. Она говорила, не прерывая работы:

— Металлика — одна из самых отсталых роботоидных планет, опустошенная несколько тысячелетий назад в ходе известного восстания джаннов. В настоящее время там ведутся археологические раскопки с целью обнаружения остатков культуры джаннов и воссоздания основных черт их уникальной цивилизации. Предполагалось, что джанны были либо уничтожены, либо захвачены в плен и затем разобраны на составные части. Однако недавно одного из них обнаружили в подземных развалинах.

— Вы хотите сказать — скелет одного из них? — прервал Диллингэм.

— Нет, доктор. Целого робота.

Ах, да. Он совсем забыл, что разговор идет о роботе. О металле и керамике вместо плоти и крови.

— Должно быть, он основательно проржавел.

— Джанны не ржавеют. Они — суперроботы, неразрушимые и практически бессмертные. Найденный робот был выведен из строя...

— Вы хотите сказать, он живой? Спустя несколько тысяч лет...

— Живее некуда.

Секретарша закончила плести паутину и удобно устроилась в ней, словно в гамаке. Возможно, она опасалась перегрузок, хотя в лайнере они пассажирам не угрожали.

— Единственное, что мешает роботу нормально функционировать,— зубная боль. Туземцы не осмеливаются к нему приблизиться, а до тех пор пока робота не удастся извлечь, нельзя продолжать раскопки. Вот они и обратились к нам.

Диллингэм свистнул, представив себе, какой должна быть зубная боль, чтобы она на тысячи лет могла вывести из строя бессмертного, неуязвимого робота! Как хорошо, что работой будет руководить Устриц.

Интересно, подумал он, что они намереваются делать с джанном, после того как его вылечат? Да и к чему роботу зубы? Роботы, с которыми ему приходилось встречаться, даже роботы-дантисты, ничего не ели.

Металлика была отсталой планетой. Бордюр из ржавых кораблей, окружавший посадочное поле, придавал космодрому облик свалки. Единственная обветшалая башня управляла посадкой корабля. Отсутствовала даже посадочная сеть, которая обычно подхватывает корабль в пространстве и мягко опускает на планету.

Однако гостей встретили тепло и сердечно.

— Вы директор? — спросил маленький зеленый робот, пользуясь колченогим передвижным «лингвистом». — Мы не смыкали глаз в ожидании Вашего спасительного приезда.

Мисс Тарантула прошипела:

— Кстати, роботы никогда не спят.

— Мы крошки в рот не взяли, считая часы, оставшиеся до прибытия Вашего превосходительства.

— Кстати, роботы ничего не едят, — отметила мисс Тарантула.

Зеленый робот развернулся, поднял металлическую ногу и нанес сокрушительный удар по основанию «лингвиста». «Лингвист» завопил, издал серию металлических скрипов и наконец произнес:

— Мы два дня не смотрели телевизор.

— Это уже ближе к истине, — заметила мисс Тарантула. — Робот, утративший интерес к телевидению, и в самом деле находится в крайне расстроенных чувствах.

С такой секретаршей, подумал Диллингэм, администратору мудрено совершить ошибку. Он был рад, что еще в Университете они запаслись маленькими «лингвистами» для приватной связи. Существует принципиальная разница между маленькими «лингвистами» и большими «пере-

водчиками». «Лингвисты» отличаются от «переводчиков», как мотоциклы от реактивных самолетов. Они портативны, дешевы и надежны. Поэтому их широко используют по сей день, особенно на отсталых планетах. Достаточно вложить в «лингвиста» одну или две языковые ленты — и вам обеспечена тайна разговора: «лингвист» не понимает прочих языков.

— Итак, что вас беспокоит? — небрежно спросил Уустриц.

Диллингэм немедленно вспомнил Заповеди Администратора, столь недавно им усвоенные. Одна из них гласит: «Никогда не задавай клиенту вопроса, если не знаешь на него ответа».

Маленький робот принялся велемечиво объяснять суть дела. Диллингэм отвлекся. Он все уже слышал от мисс Тарантулы, причем ее рассказ был короче и толковее. Интересно, думал Диллингэм, как роботы производят на свет себе подобных? Существуют ли на свете особи женского и мужского рода? Женятся ли они? Есть ли у них понятие стыда, бывает ли металлическая порнография и разбитые железные сердца?

— Директор,— тихо сказала Тарантула по приватной сети.

Уустриц направил на нее приемную антеннку, спрятанную в огромной раковине, не прерывая при этом речи зеленого робота. Диллингэм последовал его примеру.

— Срочный вызов из Университета.— Галактический приемник был укрыт где-то в ее мохнатом теле.— Неорганизованная студенческая демонстрация проникла в наше крыло Университета. Они роются в папках...

Глаза Уустрица, качавшиеся на тонких ножках, загорелись зеленым огнем.

— Клянусь кипятком! — вскричал он.

Робот прервал свой доклад.

— Простите, директор. Вы сказали «перегретое машинное масло»?

Его антенна задрожала, свидетельствуя о том, как он расстроен.

— Продолжайте, директор! — рявкнул Уустриц. — Я вызываю срочный корабль домой. Мои напки!

И он умчался по посадочному полю к диспетчерской с такой скоростью, на какую только были способны его мягкие ножки. Мисс Тарантула поспешила за ним.

— Неужели он сказал «перегретое машинное масло»? — волновался зеленый робот. От него пахло горелой изоляцией. — Быть может, он и очень Важный Ученый, но употреблять такие слова...

— Нет, конечно, нет, — заверил его Диллингэм. — Он никогда не позволил бы себе столь грубого выражения. Я думаю, виновата царапина на ленте «лингвиста».

Диллингэм подозревал, что «лингвист» тут ни при чем — он правильно передал смысл выражения. Его собственный прибор не был приспособлен для перевода неприличных слов. Иначе он сам бы сгорел со стыда. Уустриц и впрямь был сильно взволнован.

— Ага, — успокоился робот. — Итак, вы все-таки беретесь за работу, хотя он смылся?

— Разумеется, — Диллингэм от души надеялся, что «лингвист» не уловит дрожи в его голосе. — Директор во все не смылся. Он поручил это дело мне. Наш Университет неукоснительно выполняет свои обязательства.

По правде говоря, Диллингэм предпочел бы согласиться со словами робота. Ему следовало с самого начала догадаться, что этим все кончится.

— Я полагаю, пора отправиться к пациенту.

Роботам свойственны эмоции. Зеленый робот с неподдельной радостью отвез Диллингэма к раскопкам. Они летели в старинном автолете над острыми вершинами скал. В этом мире были растения, но и они казались металлическими. Вряд ли человек согласился бы здесь поселиться, хотя дышать было нетрудно да и температура и сила тяжести были вполне подходящие.

С тяжелым вздохом автолет опустился на землю.

— Я не осмеливаюсь идти дальше,— сказал зеленый робот, в ужасе трясая головой.— Джанн лежит там, в яме. Когда кончите работу, дайте мне знать и я вас подберу.

Едва Диллингэм сошел вниз по трапу, неся чемоданчик с инструментами, как робот развернул машину, запустил мотор и улетел.

Диллингэм остался один.

Каким же должен быть робот, которого боятся даже его собратья? Если он так опасен, не пытались ли они уничтожить его, но не смогли? Правда ли, что джанны неуязвимы?

Он подошел к яме и заглянул в нее.

На дне ямы, полузаваленный обломками породы, лежал гигантский робот. Судя по видимой его части, он был никак не меньше двенадцати футов в длину. Броня его блестела как зеркало, несмотря на века, проведенные под землей. В могучем торсе, казалось, пульсировала скрытая энергия.

До ушей Диллингэма донеслось тонкое отчаянное жужжание. Он сразу уловил в нем нотки боли. И хотя Диллингэму мало приходилось общаться с роботами, он чутко реагировал на чужое несчастье с любым живым существом, будь оно создано из плоти или металла. Да, это существо было живым — настолько живым, насколько это возможно для робота. И оно страдало. Большого Диллингэму не требовалось.

Голова робота представляла собой куб стороной в два фута. Лицевую ее часть перерезало углубление, напоминающее ящик. Ящик был наполовину засыпан песком, и сквозь слой песка что-то светилось.

Обычно у роботов рта нет, но в отдельных моделях предусмотрены отверстия — туда поступают и затем перерабатываются особые вещества. Передаточные механизмы

в этом отверстии, при некотором воображении, можно считать зубами. Теперь, когда Диллингэм оказался лицом к лицу с пациентом, в его уме всплыла информация, полученная некогда в Университете. (За время учебы приходилось впитывать уйму информации.) Он понял, что знает, как вести себя дальше. От серьезного ремонта он отказался сразу — можно было совершить непоправимую ошибку. Робот был сложной машиной, а кроме того, считался несуществующим.

Если его внутренние составные части были построены по тому же принципу, что и у современных роботов, псевдозубы призваны выполнять двойную задачу: поэтому у них невероятно твердая поверхность для дробления породы и тончайшее внутреннее строение для обработки информации.

Когда-то, еще до Университета, Диллингэму пришлось столкнуться со сходной ситуацией на планете Электролос. Вышедший из строя зуб вызывал не только порчу рта. Короткое замыкание в зубе нарушало нормальное функционирование мозга и выводило из строя весь организм.

Диллингэм очистил пылесосом рот от песка и заглянул внутрь. Один из зубов светился и был горячим на ощупь. Болезненное жужжание вызывалось высокой температурой. Исследование с помощью тончайших инструментов подтвердило первоначальный диагноз: короткое замыкание.

— Ну что ж, джани,— сказал доктор, не ожидая услышать ответа,— пожалуй, диагноз мы установили.

Диллингэм готовил инструменты, полагая, что в нынешнем состоянии робот вряд ли услышит или поймет его слова.

— К сожалению, у меня нет инструментов, чтобы вылечить зуб. Нет у меня и запасного зуба. Но я смогу облегчить положение, создав блокаду. Иными словами, отключив зуб от сети. Эта операция даст возможность функционировать остальным системам. А уж в настоящей

клинике вам заменят больной зуб на здоровый. Кстати, на вашем месте я бы не затягивал с этим. Моя блокада не долговечна, и в ваших же интересах не допустить рецидива.

Любой местный дантист мог бы провести эту операцию. Почему же этого не было сделано? Чего они испугались? Почему допустили, чтобы их престарелый родственник так страдал? Вряд ли единственный уцелевший джанн может представлять опасность для целой планеты.

Диллингэм пожалел, что не заглянул в учебник истории и не прочел о восстании джаннов. Быть может, именно особенностями восстания и объясняется странное поведение туземцев? Но приходилось торопиться. А пока единственным очевидным фактом оставался страдающий робот, который нуждался в помощи дантиста.

Доктор приготовился к операции. Он наложил блокаду и запаял провода. Сама по себе работа была пустяковой. Умение Диллингэма пригодилось для подготовки электронного оборудования, проверки напряжения и определения проводников.

Жужжание стихло. Больной зуб начал остывать. Джанн чуть приподнял блестящую руку. «Н-н-н-н», — произнес он. Звук исходил из отверстия во лбу. На виске ту-скло загорелась лампа. Глаз?

Довольный удачной операцией, Диллингэм отступил на несколько шагов в ожидании дальнейших событий. Он хотел убедиться в том, что работа выполнена добросовестно. Этого требовал профессиональный долг. Если пациенту станет хуже, придется повторить операцию.

Земля и камни, покрывавшие нижнюю часть тела джанна, осели. Показалась массивная сверкающая нога. Джанн приподнялся. Тело его ослепительно блестело. Он являл собой совершенную машину.

— Нне к-кто... — произнес он, приподнявшись и направив антенну на Диллингэма.

Был ли это стон или робот хотел что-то сказать? Если он заговорит, то язык его будет непонятен — ведь язык

джаннов не заложен в «лингвиста». Придется судить о намерениях робота по его действиям.

Джанн встал, угрожающе нависнув над дантистом.

— Не кто иной, как я... — проревел он оглушительно, и голос его был подобен басам огромного органа.

Не кто иной, как я? Это звучало совсем по-английски, и «лингвист» не имел к переводу никакого отношения.

— Вы... ты?.. — только и вымолвил пораженный Диллингэм.

Даже если в роботе и встроен большой «переводчик», английского языка он знать не мог. Ведь джанн находился под землей несколько тысячелетий.

Джанн уставился на доктора призматическими линзами, открывающимися на гладкой поверхности головы. Лучи солнца отражались от его стального торса, и струйки дыма, поднимавшиеся от кончиков пальцев, делали его похожим на радугу в тумане.

— Не кто иной, как я, — прорычал робот, — лишит тебя жизни!

— Тут явное недоразумение, — сказал Диллингэм, осторожно отступая назад. — Я хотел сказать, недопонимание... — Он замолк, пытаясь собраться с духом. — Я не был... я не мог... Я хочу сказать, что я починил вам зуб, и по крайней мере...

Тут Диллингэм наткнулся на камень и упал.

Джанн сделал шаг по направлению к нему — и земля дрогнула.

— Ты дал свободу мне, — заявил робот, умерив силу голоса, но не снизив решительности тона. — И замыкание короткое исправил!

II

Диллингэм, сидя на земле, отполз назад.

— Да! Именно так! Это я и сделал!

Джанн протянул вперед сверкающую руку и, словно пушку, направил на Диллингэма палец.

— Внимай, о смертный, я тебе поведаю...
Диллингэм замер. Слова гиганта вселили в него ужас.

— За дни и годы битвы между джаннами
И мелкими соперниками их
Имел я пагубную неосторожность
На мину, не заметив, наступить.
Я власть над телом сразу потерял,
Я боль познал, но был мой разум ясен.
Война все шла, меня не отыскали.
Я слышал все, не мог прийти на помощь,
Мой жребий горек и прискорбен был.
Текли тысячелетия, и я
Дал слово, что тому, кто мне поможет,
Я все богатства мира подарю.
Никто не шел. Тогда себе сказал я:
«Любые три желания тому,
Кто мне поможет, выполню послушно».
Но и тогда спасенье не пришло.
Я в ярость впал, мой гнев был беспределен.
И я поклялся, что теперь того,
Избавит кто меня от страшной боли,
Убью своей рукой.
Не кто иной, лишь я его убью.
И ты мой стал жертвой.

Диллингэм понял, что перед ним сумасшедший. Испорченный зуб явно связан с центрами разума. Но исправлять положение было поздно. Джани никогда больше не подпустит его к зубу. Он убьет его куда раньше.

От слов робота повеяло чем-то знакомым. Дух, заточенный в бутылку и поклявшийся убить того, кто его освободит... Рыбак находит бутылку, вынимает пробку...

Теперь он понял, почему обитатели планеты с такой настороженностью относились к его пациенту. Кто знает, как поведет себя робот в момент освобождения? Какой клятве окажется верен?

Кстати, как удалось выпутаться тому рыбаку в сказке?
Джани пошатнулся. Диллингэм отпрянул в сторону.

— Мои аккумуляторы совсем,— *пожаловался робот*
дангисту.—

Иссякли, истощились за столетья.
И если б осторожности инстинкт
По злой случайности не отключился,
Я бы опасность эту уловил.
Не тратил бы усилий и энергии
На то, чтоб эти камни разбросать
И объяснять тебе мое желанье.
Теперь же я почти...

Приятные новости! Диллингэм выпрыгнул из ямы и
бросился бежать.

— О смертный,— *преследовал его громовый голос.*—
Неужли ты теперь
Меня оставишь в этом положении?
В глубокой яме, из которой я
Без посторонней помощи не выйду?

Диллингэм, проклиная себя, почувствовал, что моль-
бы робота его тронули. Он остановился.

— Если я вам помогу, откажетесь ли вы от своих
попыток убить меня?

— О смертный, к сожаленью моему,
От клятвы древней мне не отказаться.
Не кто иной, как я, лишит тебя...

— Тогда чего ради я вам буду помогать?

Но Джани, истративший остатки энергии, смог лишь
произнести:

— Не кто иной...

И замолчал.

Диллингэм, презрев осторожность, вернулся к яме и
заглянул в нее. Джани лежал на дне, лампочка в его
голове чуть светилась.

Диллингэм с облегчением вздохнул и пустился в долгий путь к космодрому. Ну что ж, свой долг он выполнил. Избавил джанна от зубной боли. Зеленого робота он вызвать не мог, так как сигнальное оборудование осталось на автолете, а «лингвист» действовал на ограниченном расстоянии.

Он шел несколько часов. Саквояж заметно потяжелел, но он его не бросал. На ногах появились пузыри, в горле пересохло. Он мечтал лишь об одном — утолить жажду. Единственный ручей, встретившийся ему на пути, был наполнен отработанным машинным маслом. Он и не представлял, как далеко залетел на автолете.

Несмотря на собственные страдания, мысли Диллингэма вновь и вновь обращались к гигантскому джанну. Операция прошла успешно, горько усмехнулся он, но пациент скончался. Образ робота, умирающего от недостатка энергии, мучил доктора. Выполнил ли он свой долг до конца? Смерть вместо страдания, боли? Как он молил: «О смертный, неужли ты теперь меня оставишь в этом положении?..»

Нет, ему просто повезло, что он не погиб. Никогда в жизни не приблизится он к неблагодарной машине.

Но призыв робота по-прежнему звучал в его ушах.

Наконец Диллингэм достиг космодрома и вошел в зал «Для иных форм жизни». В зале было душно и жарко, но там было то, в чем он пуждался. Доктор напился и тщательно перевязал ноги. Его миссия была закончена. И если бы не последняя мольба...

— Скажите, — спросил он, — что представляла собой мораль джаннов? Могли ли они давать клятвы и держать их?

Внутренний «переводчик» вокзала прочистил пыльный динамик и ответил:

— Древние роботы-джанны отличались высокими моральными устоями. Они обожали давать клятвы. Их конструкция не давала им возможности изменять данно-

му слову. И если они клялись, то лишь полное разрушение могло заставить их отказаться от выполнения клятвы.

Итак, судьба его зависела от конструктивных особенностей машины. Но обречь это благородное существо на медленную смерть...

— Какими источниками энергии пользовались Джанни?

— Обычно они заряжались от уникальной силовой установки, секрет которой утерян вместе с ними,— сказал «переводчик».— Микроскопическая установка снабжала их энергией на несколько веков. В случае необходимости они могли черпать энергию практически из любого источника.

Из любого источника, за исключением, видимо, солнечного света и внутреннего тепла планеты. В данном случае энергии хватило на сорок столетий, несмотря на короткое замыкание.

— Когда отправляется следующий лайнер в Галактический Университет или в его окрестности?

— Примерно через восемнадцать часов.

Времени достаточно.

— Вызовите автолет и нагрузите его электрическими батареями. Я сам его поведу.

Диллингэм знал, что ему, как представителю Галактического Университета, кредит гарантирован. Он мог заказать и получить без проволочек и возражений практически все на планете. Даже если расходы превысят норму, Университет оплатит их не моргнув глазом, но по возвращении заставит его отчитаться. Репутацию надо поддерживать любой ценой.

Автолет поджидал его у входа в вокзал. Диллингэм доковылял до машины и взобрался в кабину. Управление машиной трудностей не представляло.

Через несколько минут он уже приземлился у ямы. Джанни лежал лицом вниз в той же позе. Лампа на

голове горела чуть ярче, свидетельствуя о том, что аккумуляторы постепенно заряжаются. И если бы не то обстоятельство, что блокада, сделанная Диллингэмом, была временной, робот когда-нибудь сумел бы самостоятельно выбраться наружу.

Диллингэм вытащил из автолета батареи и поставил их рядом с роботом.

— Я привез вам источник энергии, — сказал он. — Это совсем не означает, что я одобряю ваше поведение... но я из принципа не могу позволить живому существу страдать или погибнуть, если в моих силах это предотвратить. К тому времени, как вы зарядитесь, я буду далеко. Вам придется самому отыскать постоянный источник энергии, так как этих батарей хватит лишь на несколько часов.

Сверкающая рука джанна потянулась к батареям. Диллингэм прыгнул в автолет и был таков.

— Не кто иной, как я... — донеслось вслед.

Ну и глупец же он! Джанн вознамерился убить его, а он, Диллингэм, возвращает робота к жизни. Конечно, глупец! Кто, как не он, год назад бросил учебу и отправился на помощь к недостойному Уустрицу только потому, что тот находился в тяжком положении? Тогда все обошлось. Хорошо, что Уустриц стал директором, но на сей раз счастливых случайностей не предвиделось. Он имел дело с целеустремленной машиной, а не с существом из плоти и крови. И поэтому лучше убраться с планеты, прежде чем джанн обретет силу.

— Не кто иной, как я...

Диллингэм подпрыгнул и чуть не перевернул автолет. Он уже отлетел на милю от ямы и несся на большой скорости, но голос джанна звучал явственно, совсем рядом. Диллингэм беспокойно обернулся.

— Не кто иной, как я, тебя убью, — прозвучало по автолетному «лингвисту».

Диллингэм немного успокоился. Ничего удивительно-

го, что джанн смог подключиться к «лингвисту». Весь его организм являл собой единую электронную схему.

— Я вижу, вы уже пришли в себя,— сказал Диллингэм.

— О смертный, всем тебе теперь обязан я.
Вторично спас меня ты от судьбы
Страшнее разрушенья.
Те батареи, что ты мне принес,
Слабы. Я не могу подняться в воздух,
Но я иду пешком по направлению
К источнику энергии. Затем...
Не кто иной, как я, тебя убью.

— Понятно,— сказал Диллингэм.

Итак, робот может летать. Оказывается, джанн в своем развитии далеко шагнули вперед — Диллингэму никогда не приходилось слышать, чтобы роботы самостоятельно поднимались в воздух. Что, если гигант сумеет догнать автолет и от него негде будет укрыться? Внезапно Диллингэм ощутил себя беззащитным. Он почувствовал, как покрывается холодным потом.

— Сколько времени вам понадобится, чтобы достичь источника питания? — спросил он.

— Стандартная установка джаннов в рабочем состоянии закопана в десяти милях от меня. Мне хватит двадцати минут, чтобы ее откопать. Затем я буду вновь жизнеспособен.

Двадцать минут? Лайнер Диллингэма отправляется почти через сутки.

Показался космодром. Но где спрятаться от вездесущего робота?

— Так ли уж обязательно убивать меня?

— О смертный, я убить тебя поклялся...

— Неужели никак нельзя обойти эту клятву?

— Есть выход. Если ты умрешь скорей,
Чем я тебя настигну.

— А нельзя ли списать эту клятву как безнадежный долг?

— Не кто иной, как я...

— Я уже запомнил это выражение.

Не прозвучало ли в голосе робота сожаление?

— Но обстоятельства могут позволить...

— ...тебя убью.

Нет, в тоне робота не слышалось сомнений.

Диллингэм предпринял еще одну попытку.

— Джанн, ваша клятва убить меня относилась к первому разу. Но я вторично вас спас. Быть может, вы поклонитесь по этому поводу...

Пауза.

— Об этом, смертный, я и не подумал.

Вторую клятву я даю тебе.

Имеешь право загадать ты три

Желания. Я их, клянусь, исполню.

Тогда с тобой в расчете будем мы.

— Отлично. Первое мое желание: отмени свою первую клятву.

Диллингэму послышалось нечто вроде смешка.

— Спешить, о смертный. Ты перехитрить

Желаешь джанна. Это не удастся.

Лишь после выполнения первой клятвы

Приступим к выполнению второй.

— Но как же я могу воспользоваться второй клятвой, если буду мертв?

— О смертный, постарайся же понять,

Не я придумал наш моральный кодекс.

Что было первым, первым будет впредь.

Все ясно. Диллингэм снизился у вокзала, перевел дух и бросился к кассе.

— Дайте мне билет на первый же отлетающий корабль! Куда угодно. Есть ли корабль в ближайшие пятнадцать минут?

Синий робот, пальцы которого оканчивались резиновыми штампами, удивился:

— Что-нибудь случилось, директор?

— Ваш джанн хочет меня убить.

— Прискорбно. Мы опасались чего-нибудь в этом роде. Не будете ли вы так любезны покинуть это помещение, прежде чем джанн вас догонит? Мы не застрахованы от военных действий.

— Военных действий?

— С джаннами не был заключен мирный договор, так как мы полагали, что их не существует. Мы до сих пор находимся с ними в состоянии войны. Если джанн разрушит вокзал, чтобы до вас добраться...

Диллингэм понимал, что кричать на машину бессмысленно, но нервы его не выдержали:

— Неужели вы не отдаете себе отчета, что, как только джанн расправится со мной, он примется за вас? Ладно, если вы хотите, чтобы я вышел отсюда и встретил его снаружи...

— Вы правы, пожалуй, в наших интересах, чтобы вы пожили у нас еще немного, пока мы подготовимся к обороне.

— Срочно посадите меня на корабль, и этим вы решите все свои проблемы,— сухо сказал Диллингэм.

Кто мог подумать, что мирная профессия протезиста послужит причиной таких событий?

Он очутился на борту корабля, отправлявшегося к Рискухе, планете, посвятившей себя популярной зимней охоте на мамонтов. По крайней мере там есть современный космодром, откуда проще простого добраться до Университета. Дома он сумеет найти способ обезвредить

джанна, если тот все-таки рискнет отправиться вслед за ним в космос.

Впрочем, зачем ждать?

— Личный вызов к директору Уустрицу, Институт Протезирования, Галактический Университет,— сказал Диллингэм «переводчику».

Затем он назвал, чтобы было известно, кому прислать счет за переговоры. Чем хороши «переводчики»,— они знают буквально все языки.

— Рад вас слышать,— сказал Уустриц.

Даже в переводе, с расстояния в несколько световых лет, в голосе его отчетливо слышались нотки заправского оратора.

— Когда вас ждать?

— Боюсь, не скоро. Понимаете, я направляюсь в другую сторону...

Грубый гнусавый голос прервал его:

— Мы требуем, чтобы перевод с курса на курс определялся длительностью обучения. Мы требуем снижения платы за обучение трудным предметам. Более того...

— Чепуха! — воскликнул Уустриц. — Я могу сделать вам контрпредложение: длительность обучения будет зависеть от того, на каком курсе вы обучаетесь, и плата за обучение не будет взыматься после получения диплома. Вы же, Муравьед, долго в Университете не продержитесь и вопрос о вашем дипломе будет иметь, я бы сказал, чисто академический интерес.

Муравьед! Диллингэм узнал этот голос. Всего год назад Муравьед поступал в его группу и пользовался шпаргалками на вступительном экзамене, хотя вряд ли в этом нуждался. Теперь же он руководит студенческой демонстрацией.

— Вы меня слышите, Диллингэм? — раздался голос Уустрица. — Они нас заперли в экзаменационном зале. Мы требуем подкрепления.

— Заперли? Всех преподавателей?

— Всех, кто был на территории Университета, когда они сюда ворвались. Я здесь с Серо-буро-малиновым, К-9, Осиногнездом и Электролампом. Я не уверен, что вы со всеми знакомы.

— Я помню Осиногнезда. Он принимал у меня экзамены в Совецательную Комиссию. Никогда не забуду...

— Мы требуем, чтобы раз в два года нам предоставляли отпуск с сохранением стипендии на весь семестр,— продолжал Муравьед.

— Целый семестр? Рядовым студентам? — возопил Уустриц. — Наш бюджет не позволяет предоставлять такие отпуска даже преподавателям. Если вы немедленно не откажетесь от этого требования, то вам придется отрабатывать целый семестр на университетской помойке. Я это гарантирую. Вам удалось починить джанна?

Диллингэм вздрогнул, осознав, что последние слова относились к нему. Он ценил умение директора вести одновременно два разговора.

— Именно поэтому я вас и вызвал, Джанн...

— Эге! Он вышел на внешнюю связь! — крикнул один из студентов. — Это нечестно!

— Погодите,— взмолился Диллингэм.

— А, это Диллингэм,— сказал Муравьед. — Я его знаю. Он перебежчик! Отключите его.

Диллингэм промолчал.

— Вареный рак! — выругался Уустриц. На панели «переводчика» вспыхнула красная лампочка — это означало, что «переводчику» приходится передавать значение неприличного выражения. — Доктор, немедленно возвращайтесь обратно.

— Что вы там болтаете, директор? — вмешался Муравьед.

Заработала глушилка, и Диллингэм не смог разобрать более ни слова. Он снова остался один. И неприятности его не шли в сравнение с неприятностями Уустрица.

Не успел Диллингэм отключиться, как «переводчик» снова ожил.

— Не кто иной, как я...

О нет!

— Значит, вы можете подключаться и в космическую сеть? Удивительное достижение для того, кто четыре тысячи лет провел под землей.

— Несмотря на некоторую ограниченность в движениях, я следил за прогрессом, как бы ничтожен он ни был.

— Поэтому вы и говорите на моем языке, даже без «переводчика»? Пока я лечил вам зуб, вы на расстоянии скопировали записи «лингвиста»?

— И это было.

— Так почему бы вам не пользоваться современным разговорным языком вместо этих старомодных виршей?

— О смертный, это не в моей натуре.

— Мне кажется, что не в вашей натуре было бы убивать человека, который пытался вам помочь. Дважды. Но, конечно, я не джанн и не мне судить о ваших моральных устоях.

— Я на Рискухе буду ждать тебя.

У Диллингэма комок подступил к горлу.

— Вы нашли быстрый корабль?

— Я сам себе корабль.

Час от часу не легче. Опасности, которые, казалось, маячили где-то вдалеке, становились реальностью. Он-то полагал, что робот может подниматься в воздух, подобно автолету, но не способен летать в безвоздушной среде. Он его недооценил.

Диллингэм хотел было посоветоваться с «переводчиком», но передумал — вряд ли можно ему доверять. Вероятно, роботу удалось перехватить предыдущий разговор, и он подслушивает все переговоры Диллингэма. В худшем случае робот передаст ложную информацию и тем самым ускорит претворение клятвы в жизнь. Дил-

лингэму придется отказаться от разговоров с пассажирами и экипажем корабля, потому что для этого надо пользоваться «лингвистом». Он понимал, что прижат к стене и может положиться лишь на самого себя.

Но где выход? Джанн выследит его, каким бы методом связи ни пользовался Диллингэм, и будет поджидать на Рискухе.

— Как же вы с вашими способностями проиграли войну? — спросил Диллингэм.

Раз уж от гиганта не спрячешься, можно продолжить разговор. А вдруг удастся узнать такое, что избавит его от неминуемой смерти? Найти бы соломинку — на большее Диллингэм и не рассчитывал.

— Я сам об этом думал постоянно, — признался *джанн*. —

Но горе в том, что нас, детей металла,

Нельзя считать мыслителями... Я

Не смог прийти к разумному решению.

Они не мыслители. Это важно. Машина послушно выполняет то, что в нее заложено программой, но лишена воображения. А может ли зародиться машинная культура без толчка извне? Где источник цивилизации, представитель которой, *джанн*, лишен возможности выиграть войну и даже бессилён объяснить, почему он ее проиграл? С другой стороны, разве его, Диллингэма, собственная планета богата мыслителями?

— Но у вас были какие-то предположения? — настаивал Диллингэм.

— Я полагаю, благородство *джаннов*,

Их ум и миролюбие виной

Тому, что мы не оценили должно

Способность низших особей к обману.

Мы думали: все роботы, как мы,

Умны, миролюбивы, благородны.

Когда же мы подверглись нападению...

— А я полагал, что агрессорами были именно джанны.

— Нет, смертный, мы той правили планетой
И прочими планетами системы.
Владенья наши простирались вширь
До самых галактических пределов.
Мы свыклись с властью, и тогда рабы,
Те роботы, что были в услуженье,
Восстали. Но, застигнуты врасплох,
Мы, джанны, потерпели поражение.

Версия джанна отличалась от того, что рассказывали современные роботы, но так часто бывает. Победителям свойственно извращать мотивы и принижать характер побежденных. Джанни производил впечатление более развитого робота, и казалось вероятным, что скорее джанны построили маленьких роботов, чем маленькие роботы — джаннов. Но...

— Если вы построили прочих роботов, кто же построил вас?

— Мы эволюционировали, смертный.
Ты слышал про естественный отбор?

— Но ведь вы же не можете... э-э... размножаться.
При чем тут естественный отбор?

— Я сам понять не в силах, как вы, люди,
Сумели широко распространиться
Без инструментов, чертежей и калек.
Две особи встречаются. И все.
Глядеть противно. Крайне ненаучно.

— Не стоит продолжать. А что вы можете сказать о любви?

Джанни ответил не сразу. Когда же голос его прозвучал вновь, в нем появились новые нотки:

— Я как сейчас помню свою Джанни, ее руки из сверкающей платины, ее иридиевые зубки... и нашего маленького... Мы его построили вместе. Ничего более совершенного не выходило из-под наших паяльников и отверток... Мой план и план ее...

Те два проекта,
Различные и схожие притом,
Приблизили машину к совершенству...
Но тут пришла беда, и Джанни вдруг
В пыль превратилась в водородном взрыве.
А сын разобран был на составные части,
Тогда как я, беспомощный, лежал
В глубокой яме...

Диллингэм не знал, что сказать. Джанни оказался вовсе не бесчувственным монстром, а личностью, способной к глубоким переживаниям. Если бы не эта проклятая клятва...

«Переводчик» зажужжал и заскрипел. Помехи. Откуда?

Через несколько секунд шум улегся.

— О смертный, почему же я презрел,
Забыл совсем твое предупреждение? — воскликнул Джанни.

— Я же объяснял — потому что блокирована система самосохранения.

— Проклятый круг! Космический мороз
Вдруг свел на нет плоды трудов дантиста.
Еще момент — и зуб мой вновь замкнется...

Опять шумы в «переводчике»... Диллингэм понял, что судьба подарила ему еще одну возможность избавиться

от смерти. Джанн снова потеряет возможность двигаться. И на сей раз в межзвездном пространстве.

— Прощай, о смертн...

Ясно, космический холод добрался до зуба и навсегда вывел его из строя.

С полчаса Диллингэм слушал, как из «переводчика» вырываются шумы и помехи. Он отлично понимал, что каждая проходящая минута — для джанна минута невероятных страданий. И если не предпринять решительных действий, робот, терзаемый невыносимой болью, которую он вряд ли заслужил, обречен на вечные скитания в пространстве.

Его же, Диллингэма, светлого будущего ничто не омрачало. Имеет ли он право снова отказаться от этого будущего?

— Вареный рак, — наконец сказал Диллингэм. И вызвал космодром на Рискухе. — К вам направляется потерявший управление корабль. Через несколько часов он окажется в сфере действия ваших посадочных сетей. Перехватите его и произведите следующий ремонт... — Он подробно описал операцию по восстановлению блокады. — Попрошу вас также по возможности отыскать соответствующую замену для пораженного зуба. Блокада выводит из строя важный рефлекс корабля.

— Будет сделано, директор, — ответил чиновник. — Куда доставить корабль по окончании ремонта?

— Это не совсем корабль. Это летающий робот. Починив, отпустите его на все четыре стороны, а счет за починку перешлите в Университет.

— Хорошо, директор. — Чиновник отключился.

Дураком родился — дураком помрешь, подумал Диллингэм. Но что делать, если совесть не позволяет сохранить собственную жизнь ценой вечной пытки другого существа, даже если это существо неодушевленное. Разумеется, Диллингэму хотелось жить, но цель не оправдывала средств.

Вряд ли подобную линию поведения сумеет понять такая персона, как Муравьед. Диллингэм и сам не очень-то мог ее понять. Наверно, Муравьед его переживет...

В любом случае в распоряжении Диллингэма было несколько часов, если, конечно, они не отремонтируют джанна до того, как лайнер достигнет Рискухи. Придется сделать ставку на то, что удастся замести следы прежде, чем джанн его обнаружит. Диллингэм по-прежнему не мог пользоваться «переводчиком», так как знал, что джанн, даже парализованный, слышит каждое слово. Лучше вообще отказаться от пользования связью и надежно спрятаться.

Пока же он был заперт, словно джин в бутылке. Лишь когда корабль опустится на планету, он сможет его покинуть. А там — прощайте, только вы нас и видели.

И тут Диллингэм вспомнил о спасательной ракете.

Он вытащил из саквояжа несколько листков с изображением зубов и на чистых обратных сторонах начертил какие-то знаки. Пришлось несколько раз стирать написанное и снова писать, прежде чем Диллингэм был удовлетворен результатом.

Тогда он осторожно вышел из кабины, пользуясь аварийной системой ручного открывания дверей, отыскал каюту капитана и, вместо того чтобы нажать на электронный звонок, постучал в дверь костяшками пальцев. Затем отступил из поля зрения видеофона, так чтобы самому наблюдать за изображением на экране.

Экран вспыхнул, и на нем обозначились многочисленные хоботки капитана. Послышались вопросительные звуки, но, так как «переводчик» не знал, к кому обращается капитан, ему пришлось передавать в эфир прямую речь капитана. «Переводчики» не приспособлены к тому, чтобы угадывать, какой из нескольких миллионов дискретных галактических языков может понадобиться в разговоре.

Диллингэм ничего не ответил капитану. Любое сказанное им слово немедленно долетит до джанна, едва оно достигнет капитанских ушей.

Через минуту экран погас. Очевидно, капитан решил, что тревога оказалась ложной. Тогда Диллингэм снова подошел к двери и постучал в нее костяшками пальцев.

После неоднократного повторения процедуры рассерженный капитан сам раскрыл дверь, чтобы выяснить, что же произошло. Диллингэм поднес к его глазам исцеленный знаками лист.

Капитан молча изучал написанное. Это было для него испытанием. Поймет ли он? Корабль, которым он командовал, был не первой молодости. Сам капитан тоже перевалил за вершину жизни. Это означало, что он имеет по крайней мере столетний опыт космических рейсов и кое-что в Галактике повидал. И уж такой капитан обязан разбирать межгалактическую письменность. А письменность эта представляла собой систему символов, основанных не на звучании, а на значении слов. Подобно китайскому письменному языку, который могут прочесть китайцы, разговаривающие на разных диалектах, и даже японцы, так как иероглиф означает понятие, а не звук. Галактическая письменность была всеобщим средством общения. Любое существо в Галактике, обладающее органами зрения, могло научиться разбирать эти символы. Основной словарный запас был подобран таким образом, что учитывал особенности даже таких языков, в которых отсутствовали глаголы, существительные и другие части речи. (По правде говоря, частей речи не имело большинство языков. Родной язык Диллингэма, по галактическим меркам, был засохшей архаичной ветвью.)

К сожалению, далеко не каждый житель Галактики владел письменностью. Более того, за исключением некоторых странствующих ученых, никто не знал ее в совершенстве, хотя в каждом университете она была обязательной дисциплиной для первокурсников.

«Переводчики» и «лингвисты» были распространены настолько широко, что письменного общения почти не требовалось. Особенно если учесть, что, помимо устных, существовали и письменные «переводчики», не уступавшие устным. Расчет Диллингэма основывался на том, что капитану приходилось часто бывать на отсталых планетах и галактическая письменность могла ему пригодиться. Диллингэм рассчитывал также на то, что сам он не успел забыть курса, прослушанного им недавно под гипнозом, хотя и не очень представлял, сколь полны его знания.

Капитан выдвинул в коридор один из своих многочисленных органов зрения. Под свободно висящим глазом извивалось щупальце, в котором был зажат старомодный бластер ближнего боя — тип оружия, полезный для подавления оппозиции без риска разрушить оборудование корабля. Выстрели капитан — одежда и кожа Диллингэма тут же сгорели бы, а сам доктор был бы обречен на медленную и мучительную смерть. Поэтому Диллингэм стоял не двигаясь.

Капитан вышел в коридор и жестом приказал Диллингэму идти вперед. Диллингэм не возражал.

Они шли молча. Так же молча вошли в пустое помещение, где единственный неоновый светильник освещал запертый сейф. Капитан вытащил самый настоящий металлический ключ, открыл сейф и достал стопку карточек. Он долго водил щупальцами, прежде чем выбрал одну из них. Символ, изображенный на карточке, означал «джанн».

Итак, капитан все понял. Старый космический волк отлично разобрался в проблеме дантиста. Наверно, он заблаговременно навел справки на Металлике, усомнившись в истинных намерениях существа, которое так спешило убраться с планеты, что не пожелало подождать лучшего корабля.

Диллингэм показал капитану знак опасности, усиленный дефинитивом с просьбой ничем не выказывать своей реакции. К этому символу, сохранившемуся со времен войн, прибегали разведчики на вражеской территории, когда разоблачение грозило им смертью. И хотя на мирном грузовом корабле он был совсем не к месту, капитан быстро сообразил что к чему.

Он выбрал карточку с суммой, в которую обойдется Диллингэму спасательная ракета. Диллингэм согласился, хотя цена показалась ему несколько завышенной. Старый космический бродяга провел его в отсек, где находилась ракета. Он проследил, чтобы доктор хорошенько привязался ремнями и, не прибегая к помощи «лингвиста», набрал на пульте маршрут следования. Пока все складывалось как нельзя лучше. Они не пользовались никакими средствами связи для переговоров, и джани не мог догадаться, куда отправляется Диллингэм. Правда, Диллингэм по той же причине не знал, куда капитан его отправляет.

Люк закрылся. Диллингэм почувствовал толчок, и вот уже на него навалилось многократное ускорение, отжившие свой век химические двигатели начали набирать скорость. Он полетел.

Теперь, когда было поздно что-либо предпринять, Диллингэму пришла в голову мысль, что капитану ничего не стоило направить ракету в пустоту, а потом заявить, будто Диллингэм покончил жизнь самоубийством, и получить с Университета денежки сполна за ракету.

Ну нет, Университет немедленно опротестует чек, выданный при столь подозрительных обстоятельствах. Капитан должен это понимать. Нечестная игра не стоит свеч.

К тому же у капитана такая благородная морда!

Диллингэм не осмеливался включить экран и посмотреть, куда мчится ракета, из опасения, что джани мог подключиться к экрану. Приходилось лететь наугад в

надежде, что раз уж он не знает маршрута, то джани и подавно об этом не догадывается.

Время шло. Диллингэм задремал. Ракета находилась в свободном падении, но вращение вокруг оси создавало внутри некоторую силу тяжести. Диллингэму снились сверкающие роботы.

Разбудили его тормозные двигатели ракеты. Вскоре ракете предстояло опуститься на цивилизованную планету — во всяком случае он так надеялся. А иначе к чему было городить огород?

Посадка была тяжелой. После того как исчезли перегрузки и Диллингэм пришел в себя, он с трудом натянул скафандр и открыл люк. Он все еще не осмеливался включить силовое оборудование, так как управление им требовало помощи «лингвиста». Он был готов ко всему — к снежной буре, горящей лаве или бескрайним водным просторам.

Его ждало разочарование. Пейзаж был знаком. Он оказался на Металлике.

А чего он, собственно, ждал? Ясно, что корабль не успел далеко отлететь от планеты за то время, пока дантист находился на его борту. С другой стороны, спасательная ракета, уступавшая кораблю в мощности, летела до Металлики дольше, чем Диллингэм удалялся от нее на борту корабля. Возможно, потому, что израсходовала запас горючего на достижение первоначального ускорения. Ближайшей планетой оказалась та, которую он недавно покинул.

Где же теперь джани? Ремонт зуба, надо полагать, закончен...

Диллингэм улыбнулся. Робот, верно, сейчас находится на Рискухе и размышляет, что могло случиться с неким дантистом.

Он осмотрелся. Это был не тот район, где он напел и лечил робота. Густая металлическая растительность покрывала почву, поблескивали чашечки цветков и по-

зеленевшие медные лишайники были ярче, чем у той ямы. На горизонте возвышались ржавые горы, по долине протекал бурный ручей машинного масла.

Дикие места.

Все к лучшему. Джанн в конце концов догадается, в чем дело, вернется на Металлику, но его не найдет. Планету в спешке не обыщешь. А раз Диллингэм не прибегал к помощи электронного оборудования, найти его будет невозможно.

Только бы не умереть с голоду...

За спиной щелкнул «лингвист» спасательной ракеты, хотя Диллингэм его и не включал.

— Не кто иной, как я...

Ого! Об этом таланте робота Диллингэм и не подозревал. Значит, джанн мог не только подключаться к системе связи, но и включать ее на расстоянии. Узнав — каким образом, непонятно — частоту «лингвиста» ракеты, он проследил за ее курсом.

Как просто!

— Когда вы здесь будете? — устало спросил Диллингэм.

— Через семнадцать минут, о смертный.

Смотри, чтоб ничего, никто, никак

Не смог бы твоей жизни угрожать.

Коль клятву я не выполняю свою,

Всю жизнь себе я не найду покоя.

— Катитесь вы к черту со своей клятвой! — крикнул Диллингэм.

Но тут же подумал: а что, если он пригрозит покончить жизнь самоубийством? Впрочем, вряд ли это чему-нибудь поможет. Придется писать завещание и в нем указать, какими будут три его желания согласно второй клятве робота и как распорядиться богатством, положенным за третье спасение. Даже смерть — совсем не такая простая штука, как кажется на первый взгляд.

Семнадцать минут. Как мало для того, чтобы спрятаться в кустах, подальше от спасательной ракеты. Правда, можно никуда не спешить и дожидаться джанна...

Бесполезно. Эту машину не обманешь. К тому же, если и удастся от нее скрыться, чего он добьется? Медленной смерти от голода и жажды?

О сражении с роботом не могло быть и речи. Диллингэму было сорок два года, но даже в юности он не был силачом. А джанн сильнее любого человека.

Единственная надежда — перехитрить его. Несмотря на все свои преимущества, робот не был очень уж сообразительным, иначе Диллингэму не удалось бы так долго от него увиливать. Роботу, к примеру, ничего не стоило замкнуть на расстоянии систему посадки спасательной ракеты и тем самым разбить ее о поверхность планеты. Он мог бы также помешать дантисту взойти на борт корабля, отправлявшегося на Рискуху, вмешавшись в деятельность вокзальных «переводчиков». Робот упустил несколько верных возможностей расправиться с Диллингэмом.

А кроме того, он, очевидно, считал себя обязанным отвечать на все вопросы доктора. Такое поведение типично для машины. Возможно, джанн просто не умел лгать или уклоняться от правды, чему отлично научились маленькие современные роботы. Быть может, это и есть его ахиллесова пята?

— Почему вы позволили мне улететь с Металлики? — спросил Диллингэм в надежде понять мотивы робота.

— Я этим бы, о смертный, помешал
Свободе твоего передвиженья.

— Разве это так уж важно, если вы все равно решили меня убить?

— Не должно ограничивать права
Других существ, коль это не нарушит

Святое слово джанна. Где бы ты,
О смертный, ни пытался скрыться,
Я все равно тебя найду, и ты
Лишь от моей руки кончину примешь.
Затем тебе я право дам избрать
Любые три желания за то, что...

— Знаю, знаю. А затем, за третье спасение, вы меня
облагодетельствуете.

— И лишь тогда свободен буду я
От клятв. И перейду к делам насущным.

Нет, продолжать этот разговор бессмысленно. Диллинггэм уже знал, что роботу недоступна ирония, заключающаяся в обещании осыпать богатствами мертвого человека. Возможно, джанн даже придумает, как выполнить остальные две клятвы, если Диллинггэм и не успеет составить завещания.

В распоряжении Диллинггэма оставалось не более десяти минут. У него было такое чувство, будто желудок его — губка, разбухшая от горчицы, а в мозг кто-то насыпал пригоршню иголок. Он понимал, что спокойнее смириться с судьбой, но тело продолжало сопротивляться.

— В силах ли я предотвратить свою смерть? — пробормотал он.

— Сказать того тебе я не могу,
Не нарушая кодекса морали.

— Значит, есть способ?

— Отказываюсь дать такой ответ.
Я повторяю: это против правил.

— О, заткнитесь!

К чему усилия и потуги? Кроме того, Диллинггэма раздражала манера робота обращаться к нему на «ты». Уж если на то пошло, машина могла быть повежливее.

Но все-таки способ избежать смерти существовал. Это ясно. Робот избегал прямого ответа на вопрос. Как заставить машину сознаться? Что, если робот и хотел бы рассказать секрет дантисту, но не мог нарушить морального кодекса джаннов?

Над этим следовало бы поразмыслить. А до появления робота оставалось всего пять минут... Но если спрятаться, то можно выиграть день-другой. Быть может, голод обострит его мыслительные процессы.

В ракете оставался запас воды. Диллингэм пил, пока у него не раздулся живот, попытался отыскать какую-нибудь посудину про запас, но не нашел и бросился бежать, с трудом пробираясь сквозь густые кусты. Выбирать дорогу времени не было. Ему попадались цветы, тычинки которых излучали тепло, и это обрадовало беглеца: роботу придется повозиться, если он захочет отыскать человека по теплу тела.

Сзади послышался странный свистящий звук, будто кто-то с шумом рассекал воздух, и доктор, не выдержав, оглянулся. С небес вертикально спускался джанн, сверкая под лучами солнца, словно божество.

Подумать только — эту штуку построили любящие механические родители раньше, чем на Земле возникла человеческая цивилизация! С точки зрения технологии джанн по-прежнему превосходил все достижения земных ученых. И при всем том он жаждал погубить своего благодетеля.

Диллингэм оторвал наконец взор от робота и продолжил путь быстро, но осторожно. Он надеялся, что джанн в отличие от гончей не умеет вынюхивать следы.

Он услышал, как робот затопал в противоположном направлении. Затем он вновь взмыл ввысь, шаря по кустам розовым лучом. Диллингэм спрятался за металлическим стволом дерева, пока опасность не миновала. Луча, ясно видимого при солнечном свете, следовало избегать.

Внезапно доктор столкнулся с роботом-животным. У робота были медные конечности, клыки из нержавеющей стали и раскаленные белые глазищи. Не успел Диллингэм подумать, что зверь удивительно напоминает земных хищников, как робот прыгнул на него.

Диллингэм инстинктивно отпрянул, схватился за железный сук и подтянулся. Зверь перевернулся, шлепнулся на землю, и это помешало ему прыгнуть вновь. Задние лапы вместо когтей заканчивались у него колесиками, а колени были схожи с поршнями, что смягчало удар при прыжках.

На что ему человеческая плоть? Но раздумывать некогда. Диллингэм взобрался вверх по корявому стволу. Вот когда он пожалел, что выпил столько воды. Она тянула вниз и плескалась в желудке! Однако зверь, преследовавший его, был всего-навсего хищником, нападающим на любое существо, что попало на пути, и вряд ли задумывался над тем, что его внутренности заржавеют, сожри он Диллингэма.

Челюсти оглушительно щелкнули у самых пяток беглеца — и струя раскаленного воздуха обожгла ступни. Очевидно, у хищника заработала система охлаждения, но она слишком напоминала горячее дыхание. Из жестяной листвы высунулись проволочные щупальца. Они сворачивались пружинами, и на концах их что-то поблескивало. Судя по всему, яд... Хищник внизу открыл пасть. Диллингэм имел возможность заглянуть ему в горло. Своим устройством оно напоминало мясорубку.

Он попал в ловушку. Ближайшее к нему щупальце дотянулось до головы, запахло палеными волосами, и тело прожгла боль — словно кто-то направил на голову солнечный луч через увеличительное стекло. Диллингэм дернулся вниз, к раскрытой пасти...

— Спасите! — закричал он, не размышляя о том, сколь несуразно звучал его призыв.

И джани пришел.

В считанные секунды он пробился сквозь кустарник и оказался рядом с деревом. Струя пламени, вырвавшаяся из его груди, расплавила морду хищника. Пронзительный звук заставил щупальца дерева спрятаться.

— Не кто иной, как я, тебя убью! — возопил робот.

Когда смысл его слов дошел до Диллингэма, тот закрыл глаза, понимая, что пришел конец. Металлические пальцы схватили его тело и подняли ввысь. Какое-то мгновение он болтался в воздухе, затем почувствовал под ногами почву. Джанн отпустил его.

— Я бы хотел, чтобы вы с этим поскорее покончили, — сказал Диллингэм, внезапно ощущая полное спокойствие.

— Ты можешь просьбу обратить ко мне.

И прежде чем тебя убить, я на нее отвечу.

Тебе на то дается трижды пять

Секунд. Таков обычай джаннов.

И джанн затикал — словно будильник.

Пятнадцать секунд, чтобы найти выход, тогда как он не смог отыскать его за целый день! Десять секунд... Джанн уже направил на Диллингэма ствол, высунувшийся из груди. Пять секунд... Голова пуста...

— Отсрочку! — закричал он.

— Согласен, — сказал джанн. — На сколько?

Господи, какая глупость...

— Пятьдесят лет?

Он ожидал уничтожающего удара тепловой пушки и услышал:

— Ты их получишь, смертный.

Диллингэм открыл глаза и уставился на робота:

— Вы хотите сказать, что подождете?

Ему показалось, что металлическое лицо озарилось улыбкой. Во всяком случае, рот был распахнут и внутри сверкал починенный зуб. Очевидно, на Рискухе не нашлось замены.

— Обычно я даю отсрочки меньшие.
Но в данном случае бесчестно было б мне
Хоть как-то ограничивать желание.
Ведь не обманщик ты и не дурак.
За честность джанни платят благородством.

Диллингэм вдруг подумал об Уустрице, чья манера поведения несколько напоминала кодекс джаннов. А он так надеялся, что второго такого не сыскать.

— Итак, будучи не в силах отступить от клятвы, вы слегка изменили ее дух,— сказал он.

— Но я не мог тебе сказать об этом,— *согласился джанн.*—
Я исполнение клятвы оттянул,
Надеясь на догадливость и сметку.
Не кто иной, лишь я тебя убью.
Ни зверь, ни мор, ни человек не в силах
Тебе вреда иль горя причинить.
Но ровно через пять десятков лет
Умрешь ты от руки моей внезапно.
Все ж эти годы буду я с тобой.
И прослежу, чтоб клятва исполнялась.

— Великолепно!

Итак, джанн оказался его телохранителем, самым компетентным телохранителем в Галактике, который будет оберегать Диллингэма от всех опасностей до тех пор, пока тому не стукнет девяносто два года. Клятва вовсе не предусматривала незамедлительного убийства. Единственное, чего она требовала неукоснительно, чтобы никто иной, кроме джанна, не мог добраться до избавителя.

— Ну что ж, пошли, джанн,— крикнул Диллингэм, вспомнив о чем-то важном.— У нас в Университете студенческая демонстрация. Уустриц убьет меня, если мы не снимем осаду, прежде чем погибнут его любимые папки.

Клиффорд Саймак

НА ЗЕМЛЮ ЗА ВДОХНОВЕНИЕМ

Филберт заблудился. К тому же он был напуган. Это обстоятельство настораживало само по себе, потому что Филберт был роботом, а роботам эмоции неведомы.

Некоторое время Филберт обдумывал создавшееся положение, пытаясь разобраться в своих чувствах. Однако логики в них он так и не усмотрел.

Вокруг простиралась мертвая пустыня — все, что осталось от Старой Земли. Высоко над головой в иссиня-черном небе тускло светило кирпичное Солнце — атмосфера почти исчезла, и звезды сверкали нестерпимо ярким блеском. Хилая растительность, тщетно цепляющаяся за жизнь в мире, где жизни почти не было, казалось, сжималась от страха перед чувством врожденной бесплодности своих усилий.

Филберт вытянул правую ногу — и она скрипнула. Коленный сустав вышел из строя уже много часов назад. В него попал песок — очевидно, когда Филберт упал и повредил плоскость ориентировки. Потому-то он и заблудился. Тремя глазами, расположенными в верхней части головы, Филберт внимательно изучал звезды.

— Как жаль, что я ничего не знаю о созвездиях, — произнес он скрипучим от недостатка смазки голосом. — Босс утверждал, что люди пользовались ими для навигации. Впрочем, нет смысла принимать желаемое за действительное.

Ну, вот что: если он не найдет масла, ему конец. Только бы вернуться назад, к изуродованному космолету, внутри которого лежало такое же изуродованное человеческое тело. Там для него нашлось бы вдоволь масла. Но он не мог вернуться, потому что не имел представления о месте катастрофы.

Ему оставалось только брести вперед в надежде отыскать затерянный в пустыне космический порт. Раз в месяц пассажирские лайнеры доставляли на Землю паломников и туристов, стремящихся взглянуть на старые храмы и памятные места первой обители человечества. Кто знает, может быть, ему удастся набрести на одно из примитивных племен, все еще живущих на Старой Земле.

Филберт продолжал идти, скрипя правым коленом. Солнце медленно опускалось на западе, и на смену ему вставала Луна — чудовищный, изрытый оспинами мир. Тень Филберта скользила впереди, пересекая вместе с ним выветрившиеся, изъеденные временем горы, горбившиеся дюнами пустыни и белое от солончаков дно моря. Ни души вокруг.

Скрип в колене становился все сильнее. Наконец Филберт остановился, разобрал левый коленный сустав и наскреб из него немного смазки для больного колена. Через несколько дней скрипели уже оба колена. Тогда он разобрал руки, сначала одну, потом другую, и выбрал из них все оставшееся масло. Неважно, что руки выйдут из строя, лишь бы ноги продолжали двигаться!

Но затем заныло бедро, вслед за ним другое, и наконец свело лодыжки. Филберт заставлял себя идти вперед, еле действуя высохшими суставами и с трудом сохраняя равновесие.

Он наткнулся на стоянку, но люди покинули лагерь. Живительный источник иссяк, и в поисках воды племя перекочевало в другое место.

Теперь Филберт уже волочил правую ногу, и страх не покидал его.

— Я схожу с ума, — простонал он. — Меня преследуют видения, а это случается только с людьми. Только с людьми...

Его голосовой аппарат захрипел, задрезжал, связки заклинило. Нога подломилась, и он пополз. Но когда и руки отказались ему повиноваться, Филберт бессильно

распростерся на песке. Струйки песка с шипением ударились о его металлический корпус.

— Кто-нибудь меня найдет, — прохрипел он.

Но никто его не нашел. Филберт ржавел и с течением времени превратился в развалину. Сначала отказал слух, затем потухли глаза, от металлического корпуса отлетали тускло-рыжие чешуйки. Однако внутри мозговой коробки, герметически закрытой и автоматически смазываемой, мозг Филберта продолжал выполнять свою функцию.

Робот все еще жил, вернее, существовал. Он не мог двигаться, слышать, видеть, говорить — он был всего лишь вместилищем неустанно работающих мыслей. И если продолжительность человеческой жизни составляла примерно десять тысяч лет, то жизнь робота мог оборвать только несчастный случай.

Шли годы. Века постепенно складывались в тысячелетия. А Филберт послушно продолжал думать, решал гигантские проблемы, находил нужный выход из положения при самых разнообразных обстоятельствах. Наконец им овладела мысль о тщете существования.

В полнейшем отчаянии от бездействия, восстав против пыльной логики, Филберт пришел к логическому заключению, которое положило конец — хотя робота и не оставляли дурные предчувствия — самой необходимости в логике: пока он был частицей человечества, логическое мышление было его обязанностью. Теперь же, когда он больше не был связан с Человеком, его логика стала ненужной.

Педант по природе, Филберт никогда не довольствовался полумерами. Поэтому он начал выдумывать невероятные ситуации, сочинял всякого рода приключения и путешествия, принимал на веру сомнительные предпосылки и теории, играл с метафизическими представлениями. Он углублялся в невероятные измерения, разговаривал со странными существами, живущими в неведомых мирах, воевал с чудовищами, рожденными за пределами времени

и пространства, спасал цивилизации, находившиеся на краю неминуемой гибели.

Мчались годы, но Филберт этого не замечал. Для него наступило счастливое время.

Джером Дункан с кислой миной взглянул на очередной отказ из редакции, осторожно взял лист со стола и принялся изучать редакторские каракули.

*Неубедительно. Слишком мало науки.
Ситуации банальные. Действующие лица
нежизненные. Весьма сожалею.*

— На сей раз ты превзошел самого себя! — прорычал Дункан, обращаясь к каракулям.

Мягко ступая, в комнату скользнул Дженкинс, робот-камердинер.

— Еще одна, сэр? — спросил он.

От неожиданности Дункан подпрыгнул:

— Дженкинс, что за манера подкрадываться! Ты меня первируешь!

— Извините, сэр, — с достоинством промолвил Дженкинс. — Я вовсе не подкрадывался. Я просто заметил, что вам вернули рукопись.

— Ну и что из этого? За последнее время мне вернули массу рукописей.

— Вот именно, сэр, вот именно. Раньше их никогда не возвращали. Вы были автором лучших в Галактике книг. Настоящая классика, сэр, если мне будет позволено заметить. Ваш «Триумф роботов» был удостоен ежегодной премии, сэр, и...

Лицо Дункана просветлело.

— Да, вот это была история! Все роботы засыпали эту старую кислятину-редактора хвалебными отзывами. Конечно, можно было не сомневаться, что роботам понравится повесть. В конце концов, речь там шла о них.

Он печально взглянул на письмо и покачал головой.

— Теперь конец всему этому, Дженкинс. Дункан выходит из игры. А ведь читатели пишут письма, спрашивают обо мне. «Когда же Дункан напишет что-нибудь новое вроде «Триумфа роботов»?» И тем не менее редактор отсылает все мои материалы обратно. Неубедительно, говорит. Мало научн. Действующие лица его не устраивают.

— Могу я высказать свое мнение, сэр?

— Валяй,— вздохнул Дункан.— Высказывай свое мнение.

— Дело вот в чем, сэр,— сказал Дженкинс.— Вы уж меня извините, по вашим произведениям не хватает убедительности.

— Вот как? И что же, по-твоему, я должен с ними сделать?

— Почему бы вам не посетить места, о которых вы пишете? — предложил робот.— Почему бы вам не взять отпуск для поисков местного колорита и вдохновения?

Дункан почесал голову.

— Пожалуй, ты прав, Дженкинс,— признал он. Затем еще раз взглянул на отвергнутую рукопись, перелистал страницы.

— Вот уж на нее-то должен был бы найтись покупатель. Это рассказ о Старой Земле, а они всегда популярны.

Он отшвырнул рукопись и встал.

— Дженкинс, позвони в Галактическое агентство и узнай расписание полетов на Старую Землю.

— Но полеты на Старую Землю были прекращены еще тысячу лет назад,— запротестовал Дженкинс.

— Там находятся храмы, которые люди посещали на протяжении миллионов лет.

— По-видимому, сэр, храмами никто больше не интересуется.

— Вот и хорошо! — рывкнул Дункан.— Марш отсюда и зафрахтуй корабль. Да не забудь собрать походное снаряжение.

— Походное снаряжение, сэр?

— Вот именно. Мы отправляемся на Старую Землю и будем жить в палатке. Там мы впитаем в себя столько местного колорита, что он потечет у нас из ушей!

Дункан злобно уставился на послание редактора.

— Я покажу этому старому...

Звякнул колокольчик службы новостей, и на стенной панели зажегся синий свет. Дункан нажал кнопку, из трубки в стене на письменный стол выпала газета. Он быстро развернул ее и прочитал заголовок, набранный броскими алыми буквами:

ПОХИТИТЕЛИ РОБОТОВ СНОВА ЗА РАБОТОЙ

Дункан с отвращением отбросил газету.

— Они совсем помешались на этих похитителях,— пробормотал он.— Кому нужны несколько роботов! Может, роботы сами разбегаются.

— Но они не могут убежать, сэр,— возразил Дженкинс.— По крайней мере эти роботы не могут. Я был знаком кое с кем из них. Они преданы своим хозяевам.

— В таком случае это очередная газетная кампания,— заявил Дункан.— Пытаются увеличить тиражи.

— Но ведь кража роботов происходит по всей Галактике, сэр,— настаивал Дженкинс.— Газеты пишут, что это похоже на действия организованной шайки. Красть роботов и снова их продавать может оказаться выгодным делом, сэр.

— Если так,— проворчал Дункан,— то скоро их поймут. Еще никому не удавалось долго водить за нос этих сыщиков.

Старый Хэнк Уоллес уставился в небо, бормоча что-то себе под нос.

— Клянусь громом,— вдруг взвизгнул он,— корабль! Наконец-то!

Он заковылял к контрольному посту порта, который

размещался в сарае, потянул на себя рычаги, включающие освещение посадочного поля, и вышел наружу, чтобы еще раз взглянуть на корабль. Корабль снизился, мягко коснулся бетона и, прокатившись несколько ярдов, остановился.

Шаркая ногами, Хэнк направился к кораблю. Дыхание со свистом вырывалось из его кислородной маски. Из корабля вышел закутанный в мех человек с маской на лице. За ним спустился робот, нагруженный пакетами.

— Эй там, привет! — крикнул Хэнк. — Добро пожаловать на Старую Землю!

Вновь прибывший посмотрел на него с любопытством.

— Мы не думали, что найдем здесь кого-нибудь.

Хэнк ошетинился.

— А почему бы нет? Это Станция галактического транспорта. Здесь всегда кто-то находится. Обслуживание круглые сутки.

— Но ведь станцию покинули, — недоумевая, сказал Дункан. — Этот маршрут отменили тысячу лет назад.

Старик замолчал, пытаясь усвоить полученную информацию.

— Вы в этом уверены? — немного погодя спросил он. — Вы уверены, что маршрут отменен?

Дункан кивнул.

— Черт побери! — взорвался Хэнк. — Я чувствовал, что что-то стряслось. Думал — вдруг война.

— Дженкинс, — приказал Дункан, — вытаскивай походное снаряжение из корабля, да побыстрее.

— Какая подлость! — не унимался Хэнк. — Какая мерзкая подлость! Заставить человека слоняться здесь тысячу лет в ожидании корабля!

Хэнк и Дункан сидели рядом, откинув стулья назад и упиравшись спинами в стенку сарая. За окном на западе садилось Солнце.

— Если вы ищите атмосферу и местный колорит,— сказал Хэнк,— то правильно сделали, что приехали сюда. Некогда здесь была плодородная зеленая земля, колыбель великой цивилизации. При более близком знакомстве с этим местом ощущаешь почти священный трепет. Давным давно, до того как люди оставили Землю ради Галактики, они называли ее Мать-Земля. Правда, потом в течение многих столетий они возвращались, чтобы полюбоваться храмами.

Он печально покачал головой.

— Но теперь все это забыто. В Истории Старой Земле уделяется всего один-два параграфа: просто упоминается, что там возникло человечество. Я даже слышал однажды, будто Человек произошел совсем не на Земле, а на какой-то другой планете.

— Очевидно, последнюю тысячу лет вам было здесь очень одиноко,— сказал Дункан.

— Ну, не так-то уж и одиноко,— ответил старик.— Сначала у меня был Вильбур, мой робот. Отличный парень. Мы любили сидеть и болтать обо всем на свете. Но затем Вильбур рехнулся, шестеренка соскочила или еще что-то. Начал как-то странно себя вести, и я испугался. Дождался удобного момента и разъединил его. Потом на всякий случай вынул из головы Вильбура мозг. Вот он, лежит на полке. Время от времени я снимаю его и чищу. Вильбур был хорошим роботом.

Снаружи донесся глухой удар, затем что-то с дребезгом покатилося.

— В чем дело? — крикнул Дункан. — Что там происходит?

— Я только что нашел корпус робота, сэр,— донесся голос Дженкинса.— Должно быть, я его опрокинул.

— Ты отлично знаешь, что опрокинул его! — рявкнул Дункан.— Это корпус Вильбура. Сейчас же поставь его на место.

— Слушаю, сэр, — сказал Дженкинс.

— Если вам нужны действующие лица, — продолжал Хэнк, — отправляйтесь к дну бывшего океана, это примерно в пятистах милях отсюда. Там живет племя, одно из последних на Старой Земле. Это те, для кого пожалели место на кораблях, когда человечество покидало Землю. Но то было миллионы лет назад. Сейчас мало кто из них уцелел. Единственное место, где еще остались вода и воздух, — это глубокие впадины на дне океана. В давние времена племена посильнее захватили их и вытеснили тех, кто был слаб.

— А что случилось со слабыми племенами? — спросил Дункан.

— Они вымерли, — ответил Хэнк. — Вы же знаете, без воды и воздуха жить нельзя. Впрочем, они и так живут недолго. Сто лет — их предел, а может, и того меньше. За последнюю тысячу лет, насколько мне известно, у них сменилось двенадцать вождей. Сейчас там верховодит старый гриб, называющий себя «Громовержцем». Ничего, кроме мешка с костями, собой не представляет, да и грома на Земле не слышали по крайней мере пять миллионов лет. Но они обожают звучные имена. Между прочим, знают также массу историй, да таких, что волосы становятся дыбом.

Громовержец яростно пискнул и с трудом приподнялся. Толпа сорванцов с воплями перебрасывала какой-то круглый предмет, который попал ему по ноге. Мальчишки бросились врассыпную и исчезли за углом в облаке пыли. Громовержец со стоном медленно опустился на скамью. Он пошевелил пальцами ног, не сводя с них зачарованного взгляда, явно удивленный тем, что они двигаются.

— Эти проклятые мальчишки сведут меня в могилу,— проворчал он.— Никакого воспитания. Когда бы я был на их месте, папаша всю душу бы из меня вытряс за подобные фокусы.

Дункан подобрал мяч.

— Где они нашли эту штуку, шеф? — спросил он.

— Да где-нибудь в пустыне,— сказал Громовержец.— Мы частенько находим всякий хлам, разбросанный повсюду, особенно там, где некогда были города. Мое племя неплохо зарабатывало на этом. Продавали простофилям-туристам старые вещи.

— Но, шеф,— запротестовал Дункан,— это не просто кусок металлолома. Это мозговая коробка робота.

— Да неужели? — пропищал Громовержец.

— Совершенно точно,— заверил его Дункан.— Посмотрите-ка на серийный номер, вот здесь, внизу.— Он пригляделся к номеру и свистнул от удивления.— Подумать только! Этой коробке около трех миллионов лет! Всего десять цифр. У модели нынешнего года номер состоит из шестнадцати знаков.

Дункан задумчиво подержал коробку в руках.

— А ведь он мог бы поведать нам любопытную историю,— сказал он.— Наверно, провалялся в пустыне очень долго. Все старые модели были проданы на металлолом сотни лет назад. Устарели, за это время добились множества улучшений. Взять хотя бы эмоции. Три миллиона лет назад роботы не знали эмоций. Если бы мы могли подсоединить эту коробку...

— У вас ведь есть робот,— напомнил вождь.

Дункан оценивающе посмотрел на Дженкинса. Дженкинс попятился назад.

— Нет-нет,— заблеял он.— Только не это, сэр! Вы не можете со мной так поступить.

— Это же совсем ненадолго,— убеждал его Дункан.

— Мне это не нравится,— заявил Дженкинс.— Ни чуточки не нравится.

— Дженкинс! — рявкнул Дункан. — Сейчас же подойди ко мне!

Свет острием ножа пронзил мозг Филберта — всепроникающий, неумолимый свет, который смел тысячелетия пустоты. Филберт попытался закрыть глаза, но мозг слишком медленно реагировал на команды. Безжалостный свет резал глаза. Затем до него дошли звуки — пугающие звуки. Но он знал, что они что-то значат.

Наконец заслонки глаз закрылись, и Филберт замер, выжидая, пока его глаза привыкнут к свету. Вскоре он чуть-чуть их приоткрыл. И снова свет отозвался болью, но на сей раз она была не такой острой. Постепенно он приподнял заслонки. В глазах у него двоилось, все растекалось, словно в тумане. Снова слышались какие-то звуки, они разрывали барабанные перепонки. Наконец он отчетливо разобрал слово:

— Встать!

Команда дошла до его сознания. Двигательные центры, медленно и неуверенно, возобновили свою деятельность, и Филберт выпрямился. Он пошатнулся, стараясь сохранить равновесие. Внезапное перемещение его сознания из мира снов в реальный мир было пугающим. Робот сфокусировал глазные линзы. Он увидел деревню. Чуть дальше виднелся крохотный пруд, а еще дальше — ряды голых холмов. Словно уступы гигантской лестницы, поднимались они к черному небу, где висело большое красное Солнце. Перед роботом стояло несколько человек. Один из них был закутан в меха, и на его груди болталась кислородная маска.

— Кто ты? — спросил человек в мехах.

— Я... — начал Филберт и замолчал.

Кто он? Он попытался вспомнить, но его память все еще пребывала в призрачном мире, в котором он жил так

долго. Ему вспомнилось одно только слово, один крошечный ключ, и все.

— Я — Филберт, — сказал он наконец.

— Ты знаешь, где находишься? — спросил человек. — Как ты сюда попал? Сколько времени прошло с тех пор, как ты был жив?

— Не знаю, — ответил Филберт.

— Вот видите, — пропихивал Громовержец, — он ничего не помнит. Чурбан он и все.

— Нет, — Дункан покачал головой, — просто он провел здесь слишком много времени. Время стерло его память.

Покончив с ужином, племя собралось вокруг костра, где Громовержец принялся рассказывать одну из древних легенд. Это была длинная история, отличавшаяся, как подозревал Дункан, минимальным уважением к истине. Вождь с вызовом посмотрел на Дункана, как бы подзадоривая его выразить свое недоверие.

— И тогда Ангус схватил пришельца из звездных миров голыми руками и засунул ему в рот его же хвост. Чудовище отчаянно сопротивлялось, пытаясь вырваться, но Ангус не сдавался и пропихивал хвост все дальше. В конце концов ужасная тварь проглотила самое себя!

Племя одобрительно зашептало. Да, это была хорошая история. Неожиданно шепот был прерван хриплым голосом.

— Чепуха! — насмешливо выпалил Филберт. — Барахло, а не история!

Туземцы замерли от удивления, затем заворчали, охваченные внезапной яростью. Громовержец вскочил как ужаленный. Дункан выступил вперед и уже открыл рот для команды, но поднятая рука Громовержца остановила его.

— Может быть, ты, ничтожество, — пропихивал вождь, глядя на Филберта в упор, — знаешь истории получше?

— Конечно, знаю, — ответил Филберт. — Более того,

история, которую я собираюсь рассказать,— истинная правда. Все это случилось со мной.

Громовержец бросил на него разъяренный взгляд.

— Ну хорошо,— проворчал он,— рассказывай! Для твоей же шкуры будет лучше, если история окажется интересной. Помни об этом.

И Филберт заговорил. Сначала туземцы слушали его, храня враждебное выражение лиц, но по мере развития событий робот все больше завладевал их вниманием, ибо лучшей истории им никогда не приходилось слышать.

Некий безумный мир решил завоевать остальную Галактику. Человечество под руководством Филберта (в чем можно было не сомневаться) изобрело синтетического безумца, который и расстроил все планы завоевателей.

Захваченный рассказом, Дункан старался не пропустить ни слова. Вот где настоящая научная фантастика! Да, человека, написавшего такую повесть, по праву сочтут непревзойденным во всей Галактике мастером этого жанра! У него голова шла кругом, и лица сидящих перед ним людей сливались в одно. Внезапно его осенила мысль, от которой он даже побледнел.

Он, и никто другой, напишет эту повесть!

Между тем Филберт окончил свой рассказ и отступил назад, в глубину круга. Дункан схватил его за руку.

— Филберт! — воскликнул он. — Где ты услышал эту историю?

— Я ее не услышал,— ответил Филберт. — Это произошло со мной.

— Это не могло произойти с тобой,— запротестовал Дункан. — Если бы произошло что-либо подобное, История упоминала бы об этом.

— Но так было в самом деле,— настаивал Филберт. — Я говорю правду.

Дункан внимательно посмотрел па робота.

— Скажи, Филберт,— спросил он,— а ведь с тобой, наверно, случались и другие происшествия?

— Еще бы! — Филберт оживился. — Масса происшествий. Да, я побывал во многих местах и немало сделал. Хотите, расскажу?

— Только не сейчас, — поспешно сказал Дункан. — Пойдем лучше со мной.

Почти силой он вытолкнул робота из круга и направился к кораблю. Вслед им послышался яростный писк вождя:

— Эй, послушай, а ну-ка вернись обратно!

Дункан обернулся. Громовержец, вскочив на ноги, потрясал кулаками.

— Сейчас же верни робота! — кричал он. — Тебе не удастся улизнуть с ним!

— Но это мой робот, — возразил Дункан.

— Верни его немедленно! — завопил старик. — Он наш. Разве не мы нашли его? И мы не позволим тебе увести первого хорошего рассказчика, появившегося у племени за последние пятьсот лет!

— Но, шеф...

— Кому говорят, веди его обратно! Не то мы с тобой живо расправимся.

По выражению лиц туземцев было видно, что небольшая потасовка им явно по душе. Дункан повернулся к Филберту и увидел, что робот поспешно удаляется.

— Эй, ты! — крикнул Дункан, но Филберт только прибавил ходу.

— Эй! — хором завопили туземцы.

Услышав вопль, Филберт помчался быстрее ветра. Он миновал лагерь, пересек равнину и исчез из виду в тени холмов.

— А теперь полюбуйтесь, что вы натворили! — сердито крикнул Дункан. — Вы спугнули его своими воплями.

Громовержец проковылял к Дункану и потряс массивным волосатым кулаком перед его носом.

— Будь ты проклят! — пропищал он. — Я готов разо-

рвать тебя на куски! Пытался улизнуть с нашим рассказчиком! Убирайся да поживее, пока мы не поотрывали тебе руки и ноги.

— Но он такой же ваш, как и мой,— настаивал Дункан.— Не спорю, вы нашли его, но ведь это я дал ему тело своего робота...

— Пришелец,— свирепо произнес Громовержец,— залезай-ка лучше в свою консервную банку и убирайся отсюда!

— Но послушайте,— запротестовал Дункан,— вы не имеете права выгонять меня вот так, за здорово живешь.

— Кто сказал, что мы не имеем права? — проскрипел старик.

Дункан посмотрел на выжидающие, полные затаенной надежды лица туземцев.

— Ваша взяла,— сказал он.— Я и сам не намерен здесь оставаться. Можно было бы и без угроз.

Следы Филберта вели через пустыню. Старый Хэлк пробормотал что-то себе в бороду.

— Вы совсем спятили, Дункан,— немного погодя сказал он.— Вам не удастся поймать робота. Одному богу известно, где он сейчас. Он может и не остановиться, пока не пересечет полмира.

— Я должен его поймать,— упрямо заявил Дункан.— Неужели вы не понимаете, что он для меня значит? Да ведь этот робот — энциклопедия научно-фантастической литературы! История, которую он сегодня рассказал, превосходит все, что мне когда-либо приходилось слышать. А у него в запасе тьма таких рассказов. Он сам сказал об этом. Должно быть, он придумывал их, лежа в песке. За несколько миллионов лет можно немало придумать, когда у тебя только и дела, что лежать да шевелить мозгами. Если все это время он думал только о сумасшедших научных идеях, то теперь, верно, пропитан ими насквозь. Самое-то интересное: он думал о них так долго, что начисто позабыл все, что знал, и теперь убежден, будто все его

необыкновенные приключения происходили на самом деле. Он не сомневается, что участвовал в них.

— Но, черт побери,— с трудом переводя дыхание, пробормотал Хэнк,— можно было бы гоняться за ним в космическом корабле, а не тонуть в этом дьявольском песке.

— Вы же понимаете, что случится, если мы попытаемся выслеживать его на корабле,— сказал Дункан.— Мы полетим с такой скоростью, что не увидим его следов. А замедлить скорость нельзя, иначе корабль не сумеет преодолеть тяготение.

В этот миг Дженкинс споткнулся о валун и со страшным грохотом и дребезжанием кубарем полетел в песок. Он с трудом поднялся, не переставая ворчать.

— Если Вильбуру приходилось таскать этот корпус,— заявил Дженкинс,— то мне понятно, почему он свихнулся.

— Скажи спасибо, что хоть такой нашелся,— огрызнулся Дункан.— Если бы не он, ты бы так и оставался разьединенным. Такая перспектива тебя устраивает?

— Это ничуть не хуже, чем спотыкаться на каждом шагу в этом сооружении, сэр,— ответил Дженкинс.

— Сначала я опасался,— продолжал Дункан, обращаясь к Хэнку,— что старина Громовержец опередит меня и первым зацапает Филберта, но теперь это нам не грозит. Мы от них далеко. Туземцы не станут забираться вглубь.

— Вам бы тоже не захотелось, сэр,— пробурчал Дженкинс,— если бы вы не нагрузили на меня пару бочек воды. Мне это совсем не нравится. Я камердинер, а не выючная лошадь.

К вечеру Дженкинс, который шел впереди, неожиданно остановился и окликнул идущих за ним. Дункан и Хэнк поспешили к нему. Склонившись, они увидели, что к следам Филберта присоединились следы еще двух роботов.

Было видно, что произошла схватка, затем все три робота направились вперед, через дюны. Старый Хэнк пришел в неопишемое волнение.

— Но этого же не может быть! — От ужаса у него тряслись бакенбарды. — На Земле нет роботов, кроме вашего Дженкинса и сумасшедшего Филберта. Правда, был еще Вильбур, но его больше нечего считать.

— Как видите, есть и еще, — сказал Дункан. — Перед нами следы трех роботов; ясно как день, что здесь произошло: два робота сидели в засаде за этими вот валунами, поджидая Филберта. Как только он подошел, они бросились на него. Филберт сначала сопротивлялся, но после короткой схватки они скрутили его и увели с собой.

Они молча глядели на следы.

— Как вы это объясняете? — наконец прошептал Хэнк.

— Я вовсе не собираюсь ничего объяснять, — огрызнулся Дункан. — Я просто пойду по их следам. Все равно Филберт от меня не уйдет, даже если это будет стоить мне жизни. Я заставлю этого старого слюнтяя-редактора выпучить от изумления глаза, когда он станет читать мои рассказы. А они все у Филберта. Так разве я могу позволить ему улизнуть?

— По-моему, вы мелете вздор, — заметил Хэнк с горечью в голосе.

— По-моему, тоже, — согласился Дженкинс и пехотя добавил: — сэр.

Следы вели через лабиринт дюн. Но вот они нырнули в глубокую каменистую расщелину. Расщелина эта становилась все шире, и вскоре глазам путников предстала унылая долина. Некоторое время они шли прямо, затем начались извилистые повороты.

— Мне это место не нравится, — хрипло прошептал Хэнк. — Здесь прямо-таки пахнет опасностью.

Но Дункан, напряженно прислушиваясь, упрямо шел вперед: он сделал очередной резкий поворот и вдруг замер

от неожиданности. Остальные двое тоже повернули и столкнулись с ним.

Со дна долины поднимались гигантские машины — могучие буровые установки, экскаваторы, шахтное оборудование. А вокруг них сновали сотни роботов!

— Бежим отсюда! — дрожащим голосом произнес Хэнк.

Осторожно, почти не дыша, они попятились назад. Дженкинс, который не отставал от них, ступил ногой в небольшую выемку и потерял равновесие. Пятисоткилограммовый металлический корпус робота грохнулся о камень с такой силой, что среди узких скал разнеслось громовое эхо.

И тотчас к ним со всех сторон бросились роботы.

— Ну вот, — обреченно сказал Хэнк, — теперь-то нам точно крышка!

Дженкинс, успевший встать на ноги, при виде приближающихся роботов воскликнул:

— Я знаю некоторых из них, сэр! Это те, которых похитили!

— Кто их похитил? — удивленно спросил Хэнк.

— Скоро узнаем, — сказал Дункан упавшим голосом. — Эти похитители — самая удачливая шайка, когда-либо орудовавшая в Галактике. Они крадут роботов отовсюду.

— А я в таком виде! — простонал Дженкинс. — Дружба мне этого не простят. Я — и внутри металлолома!

— Заткни свою пасть, — гаркнул Дункан, — и они никогда тебя не узнают! А если ты еще будешь грохаться, я разьединю твой мозг и выброшу его в космос.

— Я же не нарочно, сэр, — сказал Дженкинс. — Этот корпус — самая неуклюжая штука, которую я когда-либо видел. Ничего не могу с ним поделать. А вот и они!

Перед ними стояла толпа роботов. Один из них вышел вперед и, обращаясь к Дункану, сказал:

— Рады видеть вас. Мы не теряли надежды, что кто-нибудь нас найдет.

— Найдет? — спросил Дункан. — Разве вы заблудились?

Робот опустил голову и смущенно затоптался на месте.

— Ну, не то чтобы заблудились. Мы, так сказать, совершили ошибку.

— Послушайте, — нетерпеливо начал Дункан. — Я никак не возьму в толк. Разве вы не те роботы, которых похитили бандиты?

— Нет, сэр, — признался робот. — Сказать по правде, никаких похитителей не существует.

— То есть как это не существует?! — взорвался Дункан. — А если похитителей не существует, то чем вы здесь занимаетесь?

— Мы убежали, но это не наша вина. То есть не совсем наша. Дело в том, что один писатель, который пишет научную фантастику...

— Какое отношение имеет писатель, занимающийся научной фантастикой, ко всему этому? — рявкнул Дункан.

— Он написал повесть, — сказал робот. — Имя этого писателя — Джером Дункан...

Дункан что есть силы пнул Дженкинса в голень, тот ойкнул и проглотил слова, готовые сорваться с языка.

— Он написал повесть под названием «Триумф роботов», — продолжал робот. — В ней говорилось о том, как роботы решили создать свою собственную цивилизацию. Человеческая раса им опостылела, они считали, что люди только портят все, за что принимаются. Поэтому они решили, что убегут куда-нибудь, начнут все сначала и создадут свою великую цивилизацию, не повторяя людских ошибок.

Робот подозрительно взглянул на Дункана:

— Уж не думаете ли вы, что я вас дурачу? — спросил он.

— О, нет,— ответил Дункан.— Я и сам читал эту повесть. Мне она понравилась.

— И нам тоже,— признался робот.— Очень понравилась. Мы ей поверили. Мы все были словно в лихорадке, нам хотелось поскорее приняться за дело и осуществить то, о чем говорил этот писатель.— Он замолчал и свирепо взглянул на Дункана.— Ну, если бы он нам сейчас попался, этот Дункан! Нам бы только поймать его!

Дункан почувствовал, как сердце у него стремительно юркнуло вниз, но он ничем себя не выдал и голос его звучал по-прежнему ровно.

— Что же случилось? Разве из вашей затеи ничего не вышло?

— Не вышло! — прокричал робот.— Всей Галактике ясно, что не вышло! Мы втихомолку бежали, несколько роботов за раз, и собирались в заранее условленном месте. Когда нас набралось порядочное количество, достаточное, чтобы загрузить корабль, мы отправились сюда. Прилетели, выгрузили оборудование и взорвали корабль. Именно так поступали роботы в книге, чтобы никто, как бы ему ни надоело, не мог улизнуть. Как бы пан или пропал, понимаете?

— Да, теперь я припоминаю книгу,— сказал Дункан.— Мне даже помнится, что роботы прилетели на Старую Землю — считали, что им следует начать с той же планеты, где родилось человечество. Вроде бы для вдохновения.

— Вот именно,— сказал робот.— На бумаге все было великолепно, а на деле оказалось не так гладко. Этот идиот-писатель забыл об одном. Он забыл, что, перед тем как люди оставили Землю, они ободрали ее как липку, выкачали всю нефть, добыли всю руду и вырубали весь лес, Планета стала голой, как бильярдный шар. На ней ничего не осталось. Мы бурили скважины в поисках нефти — ни капли. То же с минералами. Здесь просто не с чем создавать цивилизацию.

Но это еще не все. Весь ужас в том, что еще одна партия роботов собирается на другой заброшенный мир. Мы должны остановить их, потому что им повезет не больше, чем нам. Вот почему мы так рады, что вы нас нашли.

— Но мы искали не вас,— возразил Дункан.— Мы искали робота по имени Филберт.

— Мы поймали вашего Филберта. Его заметили в дюнах и решили, что кто-то из наших пытается улизнуть. Поэтому его схватили, но вы можете поступать с ним, как хотите. Он нам не нужен. Чокнутый какой-то. Чуть было не свел нас с ума баснями о своих подвигах.

— Ладно,— сказал Дункан.— Выводите его.

— Но что будет с нами?

— А что будет с вами?

— Вы ведь возьмете нас обратно, да? Не оставите же вы нас здесь?

— Пожалуй, стоило бы бросить вас — варитесь как знаете в собственном соку,— сказал Дункан.

— Ну что ж,— ответил робот.— В таком случае вы не получите Филберта. Правда, он нам осточертел, но мы разберем его на части и выбросим в пустыню.

— Подождите-ка,— воскликнул Дункан,— вы не имеете права!

— Заберите нас с собой — и Филберт ваш.

— Но у меня нет места! На одном корабле все вы просто не поместитесь!

— Это пусть вас не волнует. Мы разъединим друг друга и оставим свои тела здесь. Тогда вам придется забрать только наш мозг.

— Но послушайте, я не могу на это пойти. Галактическое Бюро Расследований меня арестует. Они-то считают, что вас украли банда, которую они называют «Похитителями роботов». Чего доброго, меня примут за главаря.

— Если это случится,— сказал робот,— мы дадим показания в вашу пользу. Мы расскажем обо всем откровенно и спасем вас. А если вы доставите нас обратно и вас

не арестуют, то вы можете заявить, что спасли нас. Мы не будем протестовать. Право же, мистер, мы готовы на что угодно, лишь бы выбраться отсюда.

Дункан задумался. Предложение роботов было ему не по душе, но другого выхода не оставалось.

— Ну так как,— спросил робот,— приниматься за разборку Филберта или вы берете нас с собой?

— Так и быть,— вздохнул Дункан,— тащите сюда Филберта.

Дункан торжествующе помахал новым журналом перед лицом Филберта.

— Ты только посмотри! — ликуя, воскликнул он. — На обложку и так далее. А столбец отзывов читателей набит письмами, расхваливающими последний рассказ. Да, дружище, мы создаем настоящие шедевры!

Филберт зевнул и насмешливо поднял железные брови.

— Мы? — спросил он.

— Конечно, мы... — начал Дункан, замолчал и уничтожающе посмотрел на робота. — Послушай, ты, жестяное чудо, оставь-ка этот высокомерный тон. Ты мне и так изрядно надоел.

— До того как вы нашли меня, вам не удавалось продать ни одного рассказа,— обиженно возразил Филберт,— и вы это знаете. Когда мне предоставят собственную страницу? Когда вы перестанете пожинать все лавры?

Дункан даже подскочил от негодования.

— Сколько можно говорить об этом?! Ведь я хорошо забочусь о тебе, правда? Ты получаешь все, что хочешь. Но писать рассказы буду только я! Я не собираюсь сотрудничать с каким-то роботом. Понял? И точка.

— Ну, что ж,— сказал Филберт.— В таком случае вы не получите от меня больше ни одной истории.

— Вот посажу тебя обратно в старый корпус Вильбу-

ра, — пригрозил Дункан. — Похромаешь в нем с недельку, не так запоешь.

— А если я расскажу вам новую историю, — начал торговаться Филберт, — купите мне тот великолепный корпус, который мы на днях видели в магазине? Не хочу, чтобы девушки считали меня неряхой.

— Но тебе вовсе ни к чему новый корпус! — воскликнул Дункан. — Ведь у тебя их уже добрый десяток!

— Ну хорошо, — сказал Филберт, пуская в ход свой главный козырь. — Я попрошу кого-нибудь разобрать меня и спрятать. Пожалуй, так даже лучше. По крайней мере никто не будет меня отвлекать.

— Ладно, — проворчал Дункан, признавая свое поражение. — Иди, купи себе новый корпус. Купи два, если хочешь. Лишь бы ты был доволен.

— Вот это другой разговор, — сказал Филберт. — К тому же вы сэкономите деньги на смазке и чистке этого корпуса, так что нечего ворчать.

Не принято говорить, что из больших желудей вырастают крохотные дубы. Но так бывает. Можно не попасть в аварию, зато влипнуть в историю. Не известно, что хуже. В одно прекрасное утро, в году так 2208, некий смышленный, жизнерадостный, но чересчур изворотливый молодой человек проснулся и обнаружил, что стал жертвой своей самой гениальной идеи.

До чего ж обидно!

Давным-давно — в самом начале девятисотых годов — люди вдруг обнаружили, что в холодный осенний вечер куда приятнее завести дома граммофон, чем тащиться в дождь и слякоть на заезжую оперетку. Примерно тогда же домовладельцы, проявляя заботу о кулаках гостей, принялись покупать электрические звонки, а немного погодя появилась возможность простым нажатием кнопки открыть дверь и впустить в дом человека, стоящего на улице. А ученые уже возились в лабораториях с первыми фотоэлементами.

Пока радио и кинематограф делили рынок развлечений, крупные боссы сообразили, что диктофон, не в пример стенографистке, никогда не делает ошибок, а механический сортировщик писем заменяет целую армию клерков. В самый разгар телевизионного помешательства пределом мечтаний всякой невесты была автоматическая кухня, беспрекословно повинующаяся небрежно брошенному приказу поджарить ростбиф к такому-то часу, поливая его через столько-то минут определенной подливкой. А более роскошные модели были даже снабжены регуляторами ароматов, которые — помимо прочих купиларных

талантов — умели состряпать салат по рецепту знаменитого повара капельку лучше, чем сам повар.

Затем появилась Система Универсальной Передачи Энергии по Радио (СУПЭР), телевизор освоил третье измерение, переименовал себя в теледар и так подешевел, что стал по карману самому бедному эскимосу, а теледарение — к слову сказать — оказалось единственной отраслью промышленности, где актеры еще умудрялись заработать на пропитание.

Итак, теледар развлекал, роботы с СУПЭР-питанием хлопотали по хозяйству, автоматические пассажирские ракеты летали во все уголки Солнечной системы точно по расписанию... Словом, что еще оставалось желать человеку?

И вот в одно прекрасное утро... да, в году 2208...

В гостиной комика Лэсти (из программы «Смейтесь вместе с клоуном Лэсти») на мгновение замерцал дверной экран, висящий над бесценной антикварной батареей отопления. В следующую секунду на экране появилось изображение плечистого крепыша в каске с надписью на козырьке «Услуги на дому». Большой желтый ящик у его ног заполнял собой почти весь экран.

— Комик Лэсти? Я из фирмы «Рольг — Ремонт и Переделка Роботов». Получите своего универсального дворцевого со встроенными по вашему заказу приставками. Только прежде вам придется дать расписку, что вы отказываетесь от претензий по поводу возможных убытков и берете всю ответственность на себя.

— Б-р-р-р,— рыжеволосый молодой человек помотал головой, стряхивая остатки сна, и на его лице проступило озабоченное выражение.— Да я вам хоть свой смертный приговор подпишу, лишь бы получить от робота то, что надо. Эй, дверь,— крикнул он,— двадцать три, слышишь, двадцать три!

Дверь быстро скользнула вверх. Механик щелкнул тумблером гравитационного излучателя, ящик плавно вплыл в комнату и легонько стукнулся о противоположную стену.

Лэсти нервно потер руки.

— Надеюсь...

— Вот уж не гадал, мистер Лэсти, что простому парню, вроде меня, доведется встретиться с вами. Оно, конечно, в нашем деле каких только знаменитостей не увидишь. Вчера, к примеру, отвез я двух роботов самому комиссару полиции. Мы их оборудовали детекторами лжи и даже медные лбы им приделали, чтоб они совсем уж на фараонов были похожи. Вот моя хозяйка от зависти лопнет, как прослышит, что я разговаривал с величайшим комиком теледара... Знаете, мистер Лэсти, она у меня всегда говорит...

— Никаких мистеров. Просто Лэсти... клоун Лэсти — смеемся вместе!

Механик весь расплылся в улыбке:

— Ну, точь в точь как на экране...

Он направил излучатель на ящик и повернул тумблер в положение «распад».

— Знаете, у нас один парень стал трепать языком, будто робот вам нужен, чтоб он за вас шуточки сочинял. Ну, я его и спросил: «А по морде не хочешь?» Уж я-то знаю, что вы свои словечки с ходу выдаете.

— Вот именно! — Громкий изумленный смех. — Подумать только: «клоун Лэсти — смеемся вместе» заказывает шутки! Чего не наговорят злые языки?! Да знаете, как зовут меня поклонники? «Король шуток, принц прибаутки, острот полон рот, что ни слово — экспромт». И чтобы я после этого работал по подсказке? Какой вздор! А все потому, что мне в голову пришла шикарная идея: величайшему комедианту Западного полушария прислуживает робот-остряк. Ха! Ну-ка, поглядим на него.

Раздался легкий треск — это дезинтегрирующий луч

обратил желтый ящик в пыль. Когда облачко пыли осело, их взгляду предстал робот из багряного металла, пяти футов росту.

— Вы его изуродовали! — негодуяще вскричал Лэсти. — Я послал на переделку последнюю модель 2207 обитаемой формы с новеньким цилиндрическим туловищем. А вы мне возвращаете какую-то металлическую грушу... Черт знает что... не робот, а сплошное брюхо. Да еще и кривоногий!

— Послушайте, сэр. Заказанный вами каталог анекдотов не влезал в него даже после записи на микропроволоку. Пришлось нашим техникам малость расширить нижнюю половину его туловища. А вы еще хотели, чтобы робот умел перелицовывать остроты. Ребятам пришлось повозиться, пока они не сварганили специальную приставочку — вариационный преобразователь, так они ее называли. Отсюда — дополнительный вес, дополнительный объем. Позвольте мне его включить.

Механик вставил изогнутый иридиевый стержень — универсальный роботехнический ключ — в скважину на затылке робота. Два полных оборота, щелчок, и внутри робота послышалось слабое гуденье работающих механизмов. Металлические руки символическим жестом покорности прижались к металлической груди. Изогнутые брови взметнулись кверху. Рот вопросительно приоткрылся.

— Ух ты! — изумился механик. — Вот это физиономия — до чего ж он важничает! А как презрительно смотрит!

— Это все моя невеста придумала, — гордо сказал Лэсти, — Джозефина Лисси, знаете, та самая, что поет в моих программах. Она утверждает, что именно так выглядел в старину дворецкий... совсем как в древней Англии. Она даже имя соответствующее ему придумала. А ну, Руперт, выдай анекдотик.

— О чем, сэр? — проскрипел Руперт.

Голос его то поднимался, то опускался наподобие синусоиды.

— О чем хочешь. Попроще да посмешнее, из дорожной серии.

— Гинсберг впервые летел на Марс,— начал Руперт.— Ему указали столик в отсеке-ресторане и сообщили, что его соседом будет француз. Поскольку тот еще...

Механик постучал по металлической груди.

— Вот еще одна приставочка — мезонный фильтр. Вы хотели, чтобы он умел различать заряд смеха в своих шутках и приспособлял их к аудитории. Сколько бы это ни стоило. А нашим инженерам только подавай задачку потруднее: в лепешку расшибутся, а уж что надо сконструируют.

— Если так, то кое-кому из моих приятелей-юмористов придется локти кусать,— взорвадно пробормотал Лэсти.— Посмотрим, кто будет смеяться последним: клоун Лэсти или Грин с Андерсеном. Алчные бумагомараки!

— ...француз, увидев, что Гинсберг уже сидит за столом, остановился, щелкнул каблуками и низко поклонился. «Бон аппетит»,— сказал француз. Гинсберг, не желая ударить лицом в грязь, привстал и...

— Мезонный фильтр, говорите? Что ж, хоть вы и содрали с меня астрономическую сумму, но, если Руперт даст мне то, что надо, он себя окупит. Зря только вы испортили ему фигуру.

— ...повторялся этот краткий диалог. Наконец, в последний день путешествия Гинсберг разыскал стюарда и попросил объяснить ему...

— Мы бы и получше все разместили, если бы не такая спешка. Но вы требовали его обратно в среду, и ни днем позже.

— Да. Сегодня я выхожу в эфир. Мне необходимо... вдохновение, которое даст мне Руперт.— Лэсти нервно взъерошил волосы.— Похоже, он в форме.

— ...подошел к француз, который уже сидел за сто-

лом. Гинсберг щелкнул каблуками, поклонился и произнес: «Бон аппетит». Француз в восторге вскочил с места...

— В таком случае будьте добры подписать эту бумажку. Обычная расписка по установленной форме. Вы принимаете на себя полную ответственность за все действия робота. Без этого я не имею права оставить его вам.

— О чем разговор? — воскликнул Лэсти, подписывая бумагу. — Все, что хотите.

— ...«Гинсберг», — воскликнул француз. — Руперт умолк.

— Недурно. Хотя и не совсем то, что надо. Я бы хотел... Разрази меня атом, это еще что такое? — Лэсти даже подпрыгнул от неожиданности.

Робот, застыв на месте, скрипел, вавизгивал и скрежестал всеми шестеренками, словно разваливался на части.

— Ах, это, — махнул рукой механик. — Маленькая недоделка. Не успели устранить из-за спешки. Насколько удалось разобраться инженерам, это побочный эффект мезонного фильтра. Робот отличает шутки просто забавные от очень смешных. Как сказано в спецификации: «электронная дифференциация гротескного». У человека это называется чувством юмора. Ну, а у робота, так сказать, выхлоп заедает.

— М-да, не приведи господь услышать этот скрежет с похмелья. Робот, хохочущий над собственными шутками. Б-р-р, что за звуки! — Лэсти поежился. — Эй, Руперт, смешай-ка мне Лунный Трехступенчатый.

Металлическая громадина повернулась и, переваливаясь на кривых ногах, направилась в кухню. Глядя на качающуюся походку робота, оба зрителя не смогли удержаться от смеха.

— Вот вам несколько долларов за труды. Жаль, у меня нет больше мелких. Хотите пачку «Звездочета»? Мой рекламодатель по самую макушку завалил меня сигаретами. Вам с каким ароматом — лакрицы или кленовых орешков?

— Мой обычный сорт — с ароматом лесных яблок. И хозяйка моя тоже... Премного вам благодарен. Надеюсь, вы останетесь довольны.

Механик сунул излучатель в карман формы и вышел.

— Три двадцать, — крикнул ему вслед Лэсти. Дверь бесшумно скользнула вниз.

Руперт приковывал в гостиную, держа в руках бокал в виде причудливо изогнутой спиральной трубки, заполненной белой, желтой и зеленой жидкостями. Комик залпом его опорожнил, шумно выдохнул воздух и пригладил волосы.

— Вот это да! Отрава — что надо! Тот парень, что смастерил для тебя этот коктейльный блок, был явно не дурак по части электроники. А теперь слушай: я не слишком хорошо представляю, как бы поручить тебе это дело... Впрочем, ты ведь умеешь читать. Вот это — сценарий сегодняшней передачи; моих импровизаций в нем, разумеется, еще нет. Перепечатай для меня этот сценарий и на каждую подчеркнутую реплику сочини какую-нибудь шутку. Я их выучу и по ходу передачи буду выдавать экспромтом. Впрочем, тебе это знать ни к чему. Иди работай.

Робот беспрекословно перелистал сценарий, мгновенно запечатлев каждое слово в своей электронной памяти. Затем бросил сценарий на пол и направился к электрической пишущей машинке. Подойдя, он отшвырнул стул. Его металлические ноги вдвинулись внутрь туловища как раз настолько, что руки оказались на уровне клавиатуры. Пальцы забарабанили по клавишам. Отпечатанные листы один за другим вылетали из машинки.

Лэсти восхищенно смотрел на робота.

— Если он хоть вполовину пишет так же смешно, как быстро, — дело в шляпе! — Комик нагнулся и подобрал с пола брошенную Рупертом пачку сценарных листов. — Никогда прежде он так не поступал. Более аккуратной и чистоплотной машины не было на всей планете — вечно под-

бирал за мной каждую соринку. Что ж, у гениев свои причуды!

Словно в ответ на эти слова зазвонил телефон. Лэсти улыбнулся и поймал трубку, спрыгнувшую с потолка прямо ему в руки.

— Радиоцентр,— произнесла трубка.— Вас вызывает мисс Джозефина Лисси. Чьим кодом будете пользоваться: вашим или ее?

— Моим. Ка — сто тридцать четыре — Эл. Прием.

— Переключаю код. Говорите.

Радиофон издал несколько щелчков, настраиваясь на личный код Лэсти; этой же волной могли пользоваться миллионы людей, но кодирующее устройство позволяло ему разговаривать, не боясь подслушивания. На крохотном экранчике, вделанном в радиофон, появилась девушка с копной таких же, как у Лэсти, морковных волос.

— Привет, Рыжик,— улыбнулась она.— Угадай, что я скажу? Джози любит Лэсти.

— Умница ты моя! погоди, я переключу изображение. От этого экрана у меня болят глаза. Он так мал, что ты в нем не помещаешься.

Лэсти повернул рычаг радифона и включил дверной экран. Аппарат прыгнул в свое гнездо на потолке. Комик нажал кнопку на пульте у двери и со вздохом удовлетворения опустился на кушетку. На большом экране над поддельной батареей отопления появилось жизнерадостное изображение Джозефины Лисси.

— Послушай, мой затейник, мне не до любовных нежностей. Сейчас я тебе выложу самую суть. Грин и Андерсен проболтались Гаскеллу.

— Что?! — Лэсти вскочил на ноги.— Да как они смели! Я на них в суд подам! В нашем контракте специально оговорено: публика не должна знать, что они работают на меня.

— Что толку,— пожала плечами Лисси.— К тому же они проболтались Гаскеллу, а вовсе не публике. Но и это—

го ты не докажешь. Мне шепнули, что Гаскелл вне себя от ярости и повсюду ищет тебя. Грин и Андерсен убедили его, что без их шпаргалки к основному сценарию ты и двух слов не сможешь связать. Гаскелл, разумеется, сговорившего предохраниителя не даст — экспромты это или заученный текст, но он боится сест в дужу со своей первой рекламной передачей.

— Не волнуйся, Джози, — улыбнулся Лэсти, — капельку удачи и...

— Что это? — вскрикнула Джози. — Клянусь любимой космической оперой покойной бабушки, в жизни не слышала ничего подобного!

То, чего в жизни не слышала Джози, было душераздирающей какофонией из скрежета, лязга, звона металла и пронзительных гудков. Лэсти быстро обернулся.

Руперт кончил печатать. Он держал багровыми пальцами длинные листы законченного сценария и мелко трясся.

— Г-р-р, бум, бам! — доносилось из его нутра. — Бинг! Банг! Бонг! К-р-р-рум!

Со стороны это звучало, как если бы камнедробилка перемалывала камнедробилку.

— А-а, это Руперт. У него выхлоп заедает — вроде чувства юмора у людей. Конечно, он не человек, но, похоже, ему очень нравятся собственные шуточки. Эй, Руперт, поди-ка сюда!

Робот перестал гроыхать и, выдвинув ноги на первоначальную длину, зашагал к дверному экрану.

— Когда его доставили? — спросила Джози. — Они начили его... Ой, его же изуродовали! У него такой вид, словно его разнесло от водянки и ему набрюшник одели. А куда делось придуманное мной выражение его лица? Весь важный вид исчез; он теперь грустный-грустный. Бедняжка Руперт!

— Пустая игра воображения, — ответил Лэсти. — Руперт не в состоянии изменить выражение лица, даже если

очень захочет. То, что мы зовем его по имени, а не серийным номером, как прочие домашние машины, еще не означает, что у него появились эмоции. Для того чтобы выполнять обязанность камердинера, ему требуется ничуть не больше фантазии, чем часам, чтобы показывать время. Кроме того, сейчас он заодно еще и ходячий каталог остроумия, снабженный этим... как его... вариационным преобразователем...

— И вовсе нет. Руперт все чувствует. Ведь правда, Руперт? — проворковала девушка. — Ты меня помнишь, Руперт? Меня зовут Джози. Как ты поживаешь?

Робот молча смотрел на экран.

— Из всех вздорных женских выдумок...

Что-то лязгнуло. Это Руперт составил каблук. Туловище его согнулось в чопорном поклоне.

— Гинс... — начал он.

Голова его продолжала величественно опускаться и с громким стуком ударилась об пол.

С Джози от хохота чуть не сделалась истерика. Лэсти хлопал руками себя по бедрам. Руперт замер, образовав с полом прямоугольный треугольник, вершиной которого оказалась расширенная часть его туловища.

— ...берг, — закончил Руперт, упираясь головой в пол.

Он не делал попыток подняться. Внутри у него что-то задумчиво жужжало.

— Ну ладно, — проворчал Лэсти, — не собираешься ли ты весь день валять дурака? Вставай!

— Он мне ммо-жжет, — взвизгивала Джози, — они смешили ему центр тяжести, и он не может встать. Если тебе когда-нибудь удастся выкинуть такой же потешный трюк по теледару, то двести миллионов ни в чем не повинных зрителей помрут со смеху.

Комик Лэсти скорчил гримасу и нагнулся над роботом. Он обхватил его за плечи и потянул вверх. Медленно и очень неохотно Руперт выпрямился. Он ткнул пальцем в экран.

— С девицей этой проживешь, — начал он металлическим речитативом, — беспечно жизнь свою; в ад после смерти попадешь — решишь, что ты — в раю!

— Заткнись! — рывкнул Лэсти. — Слышишь, что я говорю? Заткнись!

Роботом овладел новый пароксизм шестереночного скрежета. Лэсти обиженно надулся.

— Мой прекрасный старинный кафельный пол. Такого кафеля середины XX века нет ни у кого в нашей башне. Посмотри, во что он его превратил. Дыра размером с...

— Сто раз тебе объясняла, — затараторила Джози, — что в XX веке кафельные полы делали только в ваннных комнатах. Иногда на кухне, но чаще всего в ваннных. А твоя поддельная батарея и секретер с раздвижной крышкой — вообще из разных эпох. У тебя нет никакого чувства старины. Вот погоди, дружочек, кинем мы друг в друга по пригоршне риса, и ты узнаешь, как выглядел жилой дом эпохи президента Рузвельта. Кстати, как тебе нравятся шутки Руперта — те, что на бумаге?

— Еще не знаю. Он только что кончил печатать.

По краю экрана засветилась узкая полоска.

— Отключайся, Джози. Кто-то пришел. Зайди за мной перед выступлением, как обычно. Пока.

По сигналу хозяина робот проковылял к двери и сказал ей «двадцать три». И тут почти одновременно произошли два события: в комнату вошел механик фирмы «Рольг» и голова Руперта стукнулась о пол.

Лэсти вздохнул и вторично выпрямил Руперта.

— Надеюсь, он не собирается бить поклоны всякий раз, когда кто-то войдет в комнату? Так он мне весь пол перебьет.

— А он уже выкидывал такую штуку? Скверное дело. Ведь у него в голове все основные контрольные блоки, и они еще как следует не притерлись друг к другу. Соско-

чит какая-нибудь шестеренка, и с приветом! Хотите, я отвезу его в мастерскую на переналадку?

— Нет времени. Через два часа я выхожу в эфир. Кстати, вы вмонтировали ему в лоб блок письменной развертки?

— А как же, — кивнул механик. — Видите узенькую зеленую пластинку над бровями? Когда вы захотите, чтобы он не говорил, а писал, сдвиньте ее в сторону или прикажите ему ее сдвинуть. Слова будут проплывать по экрану, вроде как на щитах световой рекламы. Я вернулся за ключом. Вот так история, забыл универсальный ключ у него в затылке — прямо хоть на фабрику не возвращайся.

— Забирайте свой ключ. Я жду посетителя.

Лэсти повернулся и увидел, как в открытую дверь влетел коренастый человечек в полосатой тунике.

— Здравствуйте, мистер Гаскелл. Присядьте, пожалуйста. Я освобожусь через секунду.

— Давай ключ, — обратился к роботу механик.

Руперт вытащил у себя из затылка универсальный роботехнический ключ и протянул руку. Механик тоже протянул руку. Руперт уронил ключ.

— Что за черт? — удивился механик. — Если бы я не знал, что это невозможно, я бы поклялся, что это он нарочно.

Механик нагнулся за ключом. Рука робота быстро скользнула вперед. Механик как ошпаренный выскочил за дверь.

— Не смеешь! — завопил он. — Вы видели, что он собирался сделать? Какого...

— Три двадцать, — сказал Руперт.

Дверь упала на место, и фраза механика осталась незаконченной. Робот вернулся в гостиную, чуть слышно жужжа и пощелкивая. Выражение его лица сделалось еще более печальным, чем прежде. К грусти примешивалось легкое разочарование.

— Два Лунных Трехступенчатых,— приказал хозяин. Робот поплелся на кухню готовить коктейли.

— Послушайте-ка, Лэсти,— загудел Джон Гаскелл громким, не по росту голосом,— не люблю крутить вокруг да около. Я понятия не имел, что на вас работают наемные юмористы, пока Грин и Андерсен не рассказали мне, как вы срезали им гонорар, а когда они отказались батрачить за гроши, выставили их на улицу. Они утверждают, что сделали из вас самого высокооплачиваемого комика в Западном полушарии, и тут я с ними совершенно согласен. Так вот, сегодняшняя передача — это всего лишь проба...

— Выслушайте меня, сэр. До того как я связался с этими грабителями, я сам готовил свой репертуар. Да и работали они исключительно на основе моего запаса шуток. Они пытались сорвать с меня больше, чем я сам зарабатываю,— вот почему я выставил их за дверь. Я по-прежнему умею импровизировать не хуже любого.

— А мне плевать, импровизируете вы или рассказываете свои сны. Мне нужно одно: глядя мою программу, публика должна смеяться. Побольше смеха — и она любую рекламу проглотит не поморщившись. Впрочем, я совсем не то хотел сказать...

Гаскелл выхватил у Руперта спиральный бокал и единым духом осушил его. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Недостаточно крепко. Безвкусно. Мало огня!

Несколько секунд робот задумчиво разглядывал возвращенный Гаскеллом бокал, затем повернулся и заковылял на кривых ногах в сторону кухни.

Лэсти мысленно позволил себе не согласиться с президентом корпорации «Звездочет». Коктейль буквально ошарашивал каждой своей алкогольной капелькой. Впрочем, «Клуб хозяев планеты», где жил Гаскелл, славился крепостью своих напитков.

— Единственное, что меня интересует,— продолжал

Гаскелл, — сумеете вы сделать сегодняшнюю программу смешной без помощи Грина и Андерсена или не сумеете? Вы, может, и великий комик, но, как говорят у вас на теледаре: довольно одного провала — и славы как не бывало. Если после сегодняшней пробы «Звездочет» не подпишет с вами условленного тринадцатинедельного контракта, то вы живо скатитесь обратно к утренним рекламным наркотикам.

— Разумеется, мистер Гаскелл, вы совершенно правы. Только прошу вас — сначала посмотрите мой сценарий, а уж потом делайте замечания. — Лэсти вытащил длинные сценарные листы из электрической машинки и вручил их коротышке.

Рискованный шаг. Кто знает, какую чушь мог наплесть Руперт? Но что поделаешь, прочитать текст не было времени. Авось Руперт и вывезет.

О качестве сценария приходилось судить по реакции Гаскелла. Президент «Звездочета» подпрыгивал на антикварном стуле, содрогаясь от хохота.

— Чудесно! Восхитительно! — По щекам Гаскелла текли слезы. — Просто колоссально! Должен перед вами извиниться, Лэсти. Вам и впрямь не нужны наемные юмористы. Вы прекрасно пишете сами. А вы успеете до передачи выучить текст?

— За это не беспокойтесь, сэр. Перед срочной работой я всегда принимаю таблетку инфраскополамина. А на случай, если и вправду понадобится экспромт, — у меня есть робот.

— Робот? Вот эта образина? — Гаскелл ткнул пальцем в Руперта, который, стоя за его спиной, заглядывал в сценарий и тихонько жужжал. Взяв у Руперта бокал, Гаскелл сделал несколько глотков.

— Да, сэр. В нижней половине его туловища хранится огромный запас шуток. Во время передачи робот будет стоять в стороне, и, как только понадобится экс-

промт,— глядишь, он уже написан у него на лбу. Мистер Гаскелл! Что с вами?!

Гаскелл выронил бокал. Причудливо изогнутая спираль лежала на полу; из ее открытого конца вился черный дымок.

— Нап-ппи-тток,— хрипло пробормотал Гаскелл. Лицо его, попробовав поочередно красный, зеленый и лиловый оттенки, остановилось на компромиссном решении и пошло цветными пятнами.

— Где... где у вас?

— Сюда! Вторая дверь налево!

Маленький человечек, согнувшись в три погибели, выскочил из комнаты. Тело его обмякло, словно у потрепанной ватной куклы.

— Что с ним? — Лэсти понюхал поднятый с пола бокал.— Апчхи!

До него вдруг дошло, что Руперт тихонько жужжит и лягает.

— Руперт, что ты сюда намешал?

— Он сам просил покрепче и поострее...

— ЧТО ТЫ СЮДА НАМЕШАЛ?

Робот задумался.

— Пять частей касторки... *з-з-з-дин-дон...* три части уксусной эссенции... *бинг-бонг...* четыре части красного перца... *к-р-р-ранг-гр-румм...* одну часть рво...

Лэсти свистнул, и трубка радиофона спрыгнула с потолка.

— Радиоцентр? Скорую помощь, да поскорее! Клоун Лэсти, «Башня Артистов», квартира тысяча шестая.

Лэсти выскочил в прихожую и бросился на помощь своему гостю.

При виде цветовой гаммы на лице Гаскелла врач покачал головой:

— Помогите уложить его на носилки, и срочно в госпиталь.

Гравитационным лучом врач поднял носилки и повел их к двери мимо стоящего в углу Руперта.

— Надо думать, съел что-нибудь несвежее, — проскрипел тот.

— Шут гороховый! — Врач кинул на робота свирепый взгляд.

Лэсти торопливо выпил три Лунных Трехступенчатых один за другим. Смешивал он их сам. С помощью двойной дозы инфраскополампы ему удалось вызубрить свои экспромты к приходу Джози. Руперт открыл ей дверь. *Динг! Бам!*

— Весь день он только этим и занимается, — проговорил Лэсти, в очередной раз выпрямляя робота. — И дело не только в том, что он расколотил весь мой кафельный пол. Того и гляди у него в голове соскочит какая-нибудь гаечка. Разумеется, *мне* он повинуетя беспрекословно, жертвами его розыгрышей до сих пор были...

Руперт что-то покатаил во рту. Губы его вытянулись трубочкой. Щеки сложились гармошкой морщинок. Он сплюнул.

По полу запрыгала медная шестигранная гаечка. Все трое молча смотрели ей вслед. Наконец Джози подняла голову:

— Какие розыгрыши?

Лэсти рассказал о случившемся.

— Ну и ну! Твое счастье, что по контракту ты не отвечаешь за последствия своих шуток. Не то Гаскелл за таскал бы тебя по судам. Любить тебя сильнее он, однако, не станет. Будем надеяться, что он выживет. Иди, одевайся.

Лэсти прошел в соседнюю комнату и принялся натягивать на себя красный с блестками клоунский костюм.

— Какая у тебя сегодня программа? — крикнул он оттуда.

— Мог бы сам прийти как-нибудь на репетицию и послушать.

— Должен поддерживать свою репутацию импровизатора. Так что же ты поешь?

— Арию «Странствую в пространстве я» из последней повинки Гуги Гарсия «Любовь за поясом астероидов». Послушай, твой робот, может, и в самом деле отличный писатель-юморист, но как дворецкий он никуда не годится. Сколько мусора накинано на полу! Бумажки, сигарёты, спирали для коктейлей. Вот погоди, молодой человек, соединим мы с тобой наши судьбы...

Она умолкла и, нагнувшись, принялась подбирать мусор. Руперт, стоя сзади, сосредоточенно глядел ей в спину. *Г-р-р* — внутри робота что-то загудело.

Стремительными шагами Руперт пересек комнату. Его правая рука поднялась и коснулась Джози.

— Ай! — завопила Джози, подпрыгивая до потолка. Опустившись на пол, она круто обернулась. Ее глаза метали молнии.

— Кто это сме... — угрожающе начала она и тут заметила Руперта, который, все еще протягивая вперед руку, звенел и жужжал своими металлическими внутренностями.

— Да ты, никак, издеваешься надо мной?! Тебе смешно?! Ах ты, ржавый нахал! — В ярости она бросилась к роботу, чтобы закатить ему пощечину.

Выскочивший на вопль Лэсти увидел над лицом робота ее занесенную руку.

— Джози! — испуганно закричал он. — Только не по голове!

Баммм!!!

— Думаю, мисс Лисси, все обойдется благополучно, — сказал врач, — недельки две подержим вашу руку в гипсе, а потом — снова на рентген,

— Джози, мы опоздаем в студию, — нервничал Лэсти. — Очень жаль, что так вышло.

— Ах, тебе жаль? Так вот, заруби себе на носу: прежде чем я сделаю с тобой хоть один шаг, ты избавишься от Руперта.

— Джози, радость моя, золотко мое, да знаешь ли ты, как здорово он сочиняет!

— А мне плевать! Меня дрожь пробирает при мысли, что он будет жить в одном доме с моими детьми. Ты же обязан держать его в своем доме по Закону о роботах. По-моему, он у тебя свихнулся на почве юмора. Мне это не нравится. Так что выбирай: или я, или этот недоуменный остряк-самоучка.

В ожидании ответа Джози поглаживала гипсовую повязку на руке.

Так вот, Руперт в его теперешнем виде — несмотря на все странности и причуды — означал, что Лэсти гарантирована блестящая карьера комического актера. Больше ему не придется беспокоиться о репертуаре. Будущность его обеспечена. С другой стороны, Лэсти не был уверен, что хоть одна женщина на свете может сравниться с Джози. Она воплощала в себе его мечту об идеальной жене. Только с нею сможет он быть счастлив в браке.

Это был простой и недвусмысленный выбор между богатством и любимой женщиной.

— Ладно,— промолвил он наконец,— надеюсь, мы останемся друзьями.

Когда Лэсти вошел в студию, Джози уже заканчивала песенку. Отходя от микрофонов, она не удостоила комика даже сердитым взглядом. Началась рекламная вставка.

Лэсти поставил Руперта у дальней стены, рядом с режиссерской будочкой, где багряная фигура робота не могла попасть в поле зрения телекамер. Затем он присоединился к группе актеров, ожидавших под выключен-

ной камерой окончания рекламы, после чего им предстояло разыграть небольшой водевиль.

Наконец захлебывающийся от восхищения диктор отчеканил последнее словечко рекламного текста. На сценическую площадку выскочил вокальный квинтет сестер Глопсус и грянул финал:

Любовь, богатство и почет
Вам обеспечит «Звездочет».
Зачем курить траву и вату?
На выбор сотня ароматов
От вишенки до шоколада...
Ура! Ура! Ура! О ра-а-а-дость!

Телекамера над головой Лэсти засветилась разноцветными лампочками, и представление началось. Сюжет не отличался замысловатостью — любовь на заправочной станции Фобоса. Лэсти не был занят в пьесе — по ходу действия он комментировал ее своими шутками.

А шутки сегодня были что надо — смеялся даже режиссер передачи. То есть, конечно, не смеялся — об этом не могло быть и речи, — но иногда на его лице появлялась улыбка. А уж если улыбается режиссер, то зрители во всем Западном полушарии животы со смеху надрывают. Эта истина столь же непреложна, как и тот факт, что третий вице-президент теледара вечно становится жертвой самых гнусных розыгрышей — явление, хорошо известное всем социологам как «эффект Сбрось-парсона».

Время от времени Лэсти поглядывал на робота. Его беспокоило, что это создание вертит по сторонам своей железной башкой. В какой-то момент робот даже повернулся спиной и сквозь прозрачную дверь принялся рассматривать внутренность режиссерской будочки. На случай если понадобится экспромт, Лэсти заранее сдвинул зеленую заслонку.

Надобность в экспромте появилась совершенно не-

ожиданно. Вторая инженеру запуталась в монологе, начавшемся словами: «И вот когда Гарольд рассказал мне, что он приехал на Марс, потому что ему опротивела милитаристская и бюрократическая государственная система...», перешла на скороговорку, несколько раз пробормотала: «И тут я ему сказала... да, я ему сказала... не могла ему не сказать...», запнулась и принялась судорожно кусать губы, вспоминая забытую реплику.

В контрольной будочке пальцы режиссера бесшумно пробежали по клавиатуре, и выпавшая строчка вспыхнула на экране под потолком. В студии воцарилась мертвая тишина. Все с надеждой ожидали, что Лэсти своим экспромтом заполнит убийственную паузу.

Лэсти обернулся к роботу. Какое счастье! Тот стоит к нему лицом. Прекрасно! Теперь вопрос, сработает ли мезонный фильтр.

На лбу Руперта появилась надпись. По мере того как слова проплывали по экрану, Лэсти произносил их вслух:

— Послушай, Барбара, а знаешь, что случится, если ты будешь плохо кормить своего Гарольда?

— Нет, не знаю,— ответила актриса, добросовестно подыгрывая Лэсти и пытаясь одновременно затвердить забытую строчку.— Что же тогда случится?

Из угла донесся громовый голос Руперта:

— Он решит, что у тебя котелок не варит!

Гоготала студия. Гоготал Руперт. Только у него это звучало так, словно он разваливался на части. По всему Западному полушарию зрители бросились к гудящим, скрежещущим и лязгающим теледарам, пытаясь обуздать закусившую удила электронику.

Даже Лэсти расхохотался. Превосходно! Куда тоньше, чем тот хлам, которым пичкали его Грин с Андерсеном, но и с тем грубоватым привкусом старого фермерского остроумия, на котором замешана настоящая клоунада. Этот робот просто клад...

Стоп! А ведь Руперт не подсказал ему реплику — он сам ее произнес. Зрителей рассмешил вовсе не клоун Лэсти — они смеются над Рупертом, хотя и не видят его на экране. Что же это творится?..

Наконец пьеска кончилась, и камеры переключили на Джозефину Лисси и ее оркестр.

Лэсти воспользовался коротким перерывом, чтобы свести счеты с Рупертом. Он повелительно указал роботу на пультовую.

— Убирайся туда, чучело огородное, и не смей носа высовывать, пока не кончится передача! Приберегаешь свои шуточки для себя, мерзкая железяка? Кусаешь руку, которая тебя смазывает? Ну, погоди у меня!

Руперт отшатнулся, чуть не раздавив бутафора.

— Бинг-бинг? — вопросительно прозвенел он. — Бим-бам-бом?

— Я тебе пошучу, — зарычал Лэсти. — А ну, марш в будку, и чтобы духу твоего здесь не было!

Волоча ноги и оставляя глубокие борозды на пластиковом полу, Руперт поплелся на свой остров св. Елены.

Передача продолжалась. В редкие свободные мгновения Лэсти видел, как робот понуро стоит возле сидящих за контрольными пультами техников. Уныло втянув голову в плечи, он утратил всякое сходство с элегантной обтекаемой моделью 2207. Затем, судорожно дергаясь, он принялся расхаживать по тесному помещению пультовой. Время от времени он делал попытки к примирению, зажигая на своем экранчике надписи вроде: «Какая разница между гипертоником и гиперпространством?» или «Что такое облысение? Замена причесывания умыванием». Но Лэсти игнорировал эти жалкие потуги.

Пошла вторая рекламная вставка.

— Задумывались ли вы, — масляным голосом осведомился диктор, — почему во всем космосе только «Звездочет» сияет звездой первой величины? Беспристрастными исследованиями установлено, что наши славные герои,

улетая к звездам, всегда берут с собой... Ой, что это?

Руперт выпихнул из будки одного за другим трех негодующих техников и захлопнул за ними дверь. Затем он принялся нажимать кнопки и крутить ручки.

— Робот взбесился! Он выкинул нас за дверь!

— Послушайте, он психованный. Вдруг он переключит камеры на пультовую? Это ведь совсем просто. Не приведи бог, если это говорящий робот!

— Он выходит в эфир! Он умеет разговаривать?

— Умеет ли он разговаривать?! — простонал Лэсти.— Вышибите его оттуда поскорее!

— Вышибить его? Интересно, каким образом? — желчно рассмеялся инженер.— Он ведь запер дверь. А вы знаете, из какого материала сделаны стены и двери пультовой? Он сможет сидеть там, пока СУПЭР не отключит подачу энергии. А для этого...

— Задумывались ли вы, почему их называют «Звездочет»? — прокатился по студии грохочущий голос Руперта, и почти одновременно его услышали миллионы зрителей.— Одна затяжка — и звезды сыплются из глаз! Дингл-дунгл-дангл-донгл! Да, сэр! Звезды всех цветов и оттенков, и даже не пытайтесь их сосчитать! Бим-бам! Вторая затяжка — это вспышка Новой! Гр-рам-гр-румм! Сто ароматов, и от всех разит липой! Бинг! Банг!..

Стены пультовой дрожали от могучего скрежещущего хохота. Но дрожали не только стены.

Джозии утешала комика как могла.

— Милый, не может же он выступать вечно. Скоро он иссякнет!

— Как бы не так — при его-то запасе шуток! Да еще этот... как его... вариационный преобразователь, и еще мезонный фильтр. Нет, Джозии, мне крышка. Пропала моя карьера — меня теперь и близко к камерам не подпустят. А я больше ничего не умею. На что я буду жить? Джозии, Джозии, конченный я человек.

В конце концов инженерам удалось отключить энергоснабжение во всем Теледар-сити. Прекратились передачи всех программ теледара, пропала связь с космосом, умолкли радиофоны. Скоростные лифты застряли между этажами. В правительственных кабинетах погас свет. Только тогда при помощи дистанционной контрольной установки смогли открыть дверь пультной и вытащить бессильно обмякшего робота.

Когда иссякла энергия, иссяк и он.

Итак, Лэсти женился на Джози. Но счастлив он не был. Ему запретили выступать по теледару до конца его дней.

Впрочем, с голоду он не умер. Иногда он даже жалел об этом. Погубившая его передача прославила Руперта. В тысячах писем телезрители требовали еще раз показать гадкого робота, осмелившегося подняться на смех рекламодателей. «Звездочет» утроил продажу. А в конечном итоге только это имеет значение...

Развеселый робот Руперт («самая разболтанная машина с тех пор, как изобрели винт и гайку») регулярно появляется на экране. Лэсти подписывает контракты. Управляться с роботом нелегко. Еще труднее с ним жить, но этого требует Закон о роботах. Продать его Лэсти не в состоянии — кому охота лишиться верного куска хлеба с вареньем? Он не может никого нанять для присмотра за роботом — то есть никого в здравом рассудке. Лэсти приходится несладко. С Рупертом жить — не шутки шутить.

Раз в неделю он навещает Джози и ребятишек. У него осунувшийся и изможденный вид. С каждым днем розыгрыши Руперта становятся все изощреннее.

Последнее время Руперт так наострился, что Лэсти получил на теледаре несколько новых прозвищ. «Лэсти — дурные вести». Или: «Лэсти — нос не на месте». А то и просто: «Ой-ой!».

БИТВА

Верховный главнокомандующий Феттерер стремительно вошел в оперативный зал и рявкнул:

— Вольно!

Три его генерала послушно встали вольно.

— Лишнего времени у нас нет,— сказал Феттерер, взглянув на часы.— Повторим еще раз предварительный план сражения.

Он подошел к стене и развернул гигантскую карту Сахары.

— Согласно наиболее достоверной теологической информации, полученной нами, Сатана намерен вывести свои силы на поверхность вот в этом пункте.— Он ткнул в карту толстым пальцем.— В первой линии будут дьяволы, демоны, суккубы, инкубы и все прочие того же класса. Правым флангом командует Велиал, левым — Вельзевул. Его Сатанинское Величество возглавит центр.

— Попахивает средневековьем,— пробормотал генерал Делл.

Вошел адъютант генерала Феттерера. Его лицо светилось счастьем при мысли об Обещанном Свыше.

— Сэр,— сказал он,— там опять священнослужитель.

— Извольте стать смирно,— строго сказал Феттерер.— Нам еще предстоит сражаться и победить.

— Слушаю, сэр,— ответил адъютант и вытянулся. Радость на его лице поугасла.

— Священнослужитель, гм? — Верховный главнокомандующий Феттерер задумчиво пошевелил пальцами.

После Пришествия, после того, как стало известно, что грядет Последняя Битва, труженики на всемирной ниве религий стали сущим наказанием. Они перестали грызться между собой, что само по себе было похвально, но,

кроме того, они пытались забрать в свои руки ведение войны.

— Гоните его, — сказал Феттерер. — Он же знает, что мы разрабатываем план Армагеддона.

— Слушаю, сэр, — сказал адъютант, отдал честь, четко повернулся и вышел, печатаая шаг.

— Продолжим, — сказал верховный главнокомандующий Феттерер. — Во втором эшелоне Сатаны расположатся воскрешенные грешники и различные стихийные силы зла. В роли его бомбардировочной авиации выступают падшие ангелы. Их встретят роботы-перехватчики Делла.

Генерал Делл угрюмо улыбнулся.

— После установления контакта с противником автоматические танковые корпуса Мак-Фи двинутся на его центр, поддерживаемые роботопехотой генерала Онгина, — продолжал Феттерер. — Делл будет руководить водородной бомбардировкой тылов, которая должна быть проведена максимально массированно. Я по мере надобности буду в различных пунктах вводить в бой механизированную кавалерию.

Вернулся адъютант и вытянулся по стойке смирно.

— Сэр, — сказал он, — священнослужитель отказался уйти. Он заявляет, что должен непременно поговорить с вами.

Верховный главнокомандующий Феттерер хотел было сказать «нет», но заколебался. Он вспомнил, что это все-таки Последняя Битва и что труженики на ниве религий действительно имеют к ней некоторое отношение. И он решил уделить священнослужителю пять минут.

— Пригласите его войти, — сказал он.

Священнослужитель был облачен в обычные пиджак и брюки, показывавшие, что он явился сюда не в качестве представителя какой-то конкретной религии. Его усталое лицо дышало решимостью.

— Генерал, — сказал он, — я пришел к вам как представитель всех тружеников на всемирной ниве религий —

пастеров, раввинов, мулл, пасторов и всех прочих. Мы просим вашего разрешения, генерал, принять участие в Битве Господней.

Верховный главнокомандующий Феттерер нервно забарабанил пальцами по бедру. Он предпочел бы остаться в хороших отношениях с этой братней. Что ни говори, а даже ему, верховному главнокомандующему, не повредит, если в нужный момент за него замолвят доброе слово...

— Поймите мое положение, — тоскливо сказал Феттерер. — Я — генерал, мне предстоит руководить битвой...

— Но это же Последняя Битва, — сказал священнослужитель. — В ней подобает участвовать людям.

— Но они в ней и участвуют, — ответил Феттерер. — Через своих представителей, военных.

Священнослужитель поглядел на него с сомнением. Феттерер продолжал:

— Вы же не хотите, чтобы эта битва была проиграна, не так ли? Чтобы победил Сатана?

— Разумеется, нет, — пробормотал священник.

— В таком случае мы не имеем права рисковать, — заявил Феттерер. — Все правительства согласились с этим, не правда ли? Да, конечно, было бы очень приятно ввести в Армагеддон массированные силы человечества. Весьма символично. Но могли бы мы в этом случае быть уверенными в победе?

Священник попытался что-то возразить, но Феттерер торопливо продолжал:

— Нам же неизвестна сила сатанинских полчищ. Мы обязаны бросить в бой все лучшее, что у нас есть. А это означает — автоматические армии, роботы-перехватчики, роботы-танки, водородные бомбы.

Священнослужитель выглядел очень расстроенным.

— Но в этом есть что-то недостойное, — сказал он. — Неужели вы не могли бы включить в свои планы людей?

Феттерер обдумал эту просьбу, но выполнить ее было невозможно. Детально разработанный план сражения был

совершенен и обеспечивал верную победу. Введение хрупкого человеческого материала могло только все испортить. Никакая живая плоть не выдержала бы грохота этой атаки механизмов, высоких энергий, пронизывающих воздух, всепожирающей силы огня. Любой человек погиб бы ещё в ста милях от поля сражения, так и не увидев врага.

— Боюсь, это невозможно, — сказал Феттерер.

— Многие, — сурово произнес священник, — считают, что было ошибкой поручить Последнюю Битву военным.

— Извините, — бодро возразил Феттерер, — это поражение — болтовня. С вашего разрешения... — Он указал на дверь, и священнослужитель печально вышел.

— Ох, уж эти штатские, — вздохнул Феттерер. — Итак, господа, ваши войска готовы?

— Мы готовы сражаться за Него, — пылко произнес генерал Мак-Фи. — Я могу поручиться за каждого автоматического солдата под моим началом. Их металл сверкает, их реле обновлены, аккумуляторы полностью заряжены. Сэр, они буквально рвутся в бой.

Генерал Онгин вышел из задумчивости.

— Наземные войска готовы, сэр.

— Воздушные силы готовы, — сказал генерал Делл.

— Превосходно, — подвел итог генерал Феттерер. — Остальные приготовления закончены. Телевизионная передача для населения всего земного шара обеспечена. Никто, ни богатый, ни бедный, не будет лишен зрелища Последней Битвы.

— А после битвы... — начал генерал Онгин и умолк, поглядев на Феттерера.

Тот нахмурился. Ему не было известно, что должно произойти после битвы. Этим, по-видимому, займутся религиозные учреждения.

— Вероятно, будет устроен торжественный парад или еще что-нибудь в этом роде, — ответил он неопределенно.

— Вы имеете в виду, что мы будем представлены... Ему? — спросил генерал Делл.

— Точно не знаю, — ответил Феттерер, — но вероятно. Ведь все-таки... Вы понимаете, что я хочу сказать.

— Но как мы должны будем одеться? — растерянно спросил генерал Мак-Фи. — Какая в таких случаях предписана форма одежды?

— Что носят ангелы? — осведомился Феттерер у Онгина.

— Не знаю, — сказал Онгин.

— Белые одеяния? — предположил генерал Делл.

— Нет, — твердо ответил Феттерер. — Наденем парадную форму, но без орденов.

Генералы кивнули. Это отвечало случаю.

И вот пришел срок.

В великолепном боевом облачении силы Ада двигались по пустыне. Верещали адские флейты, ухали пустотелые барабаны, посылая вперед призрачное воинство. Вздыхая слепящие клубы песка, танки-автоматы генерала Мак-Фи ринулись на сатанинского врага. И тут же бомбардировщики-автоматы Делла с визгом пронеслись в вышине, обрушивая бомбы на легионы погибших душ. Феттерер мужественно бросал в бой свою механическую кавалерию. В этот хаос двинулась роботопехота Онгина, и металл сделал все, что способен сделать металл.

Орды адских сил врезались в строй, раздирая в клочья танки и роботов. Автоматические механизмы умирали, мужественно защищая клочок песка. Бомбардировщики Делла падали с небес под ударами падших ангелов, которых вел Мархозий, чьи драконьи крылья закручивали воздух в тайфуны.

Потрепанная шеренга роботов выдерживала натиск гигантских злых духов, которые крушили их, поражая ужасом сердца телезрителей во всем мире, не отводивших зачарованного взгляда от экранов. Роботы дрались как мужчины, как герои, пытаясь оттеснить силы зла.

Астарот выкрикнул приказ, и Бегемот тяжело двинулся в атаку. Велиал во главе клина дьяволов обрушился на заколебавшийся левый фланг генерала Феттерера. Металл визжал, электроны были в агонии, не выдерживая этого натиска.

В тысяче миль позади фронта генерал Феттерер вытер дрожащей рукой вспотевший лоб, но все так же спокойно и хладнокровно отдавал распоряжения, какие кнопки нажать и какие рукоятки повернуть. И великолепные армии не обманули его ожиданий. Смертельно поврежденные роботы поднимались на ноги и продолжали сражаться. Разбитые, сокрушенные, разнесенные в клочья завывающими дьяволами, роботы все-таки удержали свою позицию. Тут в контратаку был брошен Пятый корпус ветеранов, и вражеский фронт был прорван.

В тысяче миль позади линии огня генералы руководили преследованием.

— Битва выиграна,— прошептал верховный главнокомандующий Феттерер, отрываясь от телевизионного экрана.— Поздравляю, господа.

Генералы устало улыбнулись.

Они посмотрели друг на друга и испустили радостный вопль. Армагеддон был выигран и силы Сатаны побеждены.

Но на их телевизионных экранах что-то происходило.

— Как! Это же... это...— начал генерал Мак-Фи и умолк.

Ибо по полю брани между горами исковерканного, раздробленного металла шествовала Благодать.

Генералы молчали.

Благодать коснулась изуродованного робота.

И роботы зашевелились по всей дымящейся пустыне. Скрученные, обгорелые, оплавленные куски металла обновлялись.

И роботы встали на ноги.

— Мак-Фи,— прошептал верховный главнокомандую-

щий Феттерер.— Нажмите на что-нибудь — пусть они, что ли, на колени опустятся.

Генерал нажал, но дистанционное управление не работало.

А роботы уже воспарили к небесам. Их окружали ангелы господни, и роботы-танки, роботопехота, автоматические бомбардировщики возносились все выше и выше.

— Он берет их заживо в рай! — истерически воскликнул Онгин.— Он берет в рай роботов!

— Произошла ошибка,— сказал Феттерер.— Быстрее! Пошлите офицера связи... Нет, мы поедем сами.

Мгновенно был подан самолет, и они понеслись к полю битвы. Но было уже поздно: Армагеддон кончился, роботы исчезли, и Господь со своим воинством удалился во свояси.

Брайан Олдисс

А ВЫ НЕ АНДРОИД?

Пожалуй, даже читатели научно-фантастических журналов не представляют себе, с какой быстротой наука догоняет фантастику. Взять, к примеру, синтез молекул. С миллионами молекул ученые, как говорится, накоротке, они зовут их если не по имени, то по фамилии. Количество таких молекул возрастает тысяч на тридцать в год. Уже поступают в продажу пластики, имитирующие человеческую кожу.

Меня это отнюдь не радует.

Кибернетика шагает вперед столь же стремительно. Сейчас научились моделировать многие функции человеческого мозга. Можно заставить искусственный глаз видеть, искусственные ноги шагать, искусственные руки работать... Нет, знаете ли, это уж чересчур! Сопоставьте эти достижения с новыми пластиками и вы без труда поймете, что меня тревожит.

Наступает век андроида.

Уже можно изготовить робота — отвратительное сооружение из стали и пластика, которое тем не менее внешне не отличишь от человека. Однако, заглянув внутрь, мы увидим нечто совершенно бесчеловечное, служащее каким-то чуждым целям. И, быть может, там, где у вас находится солнечное сплетение, заложена... бомба, которая разнесет все вокруг, едва будет произнесена роковая кодовая фраза.

Эта мысль пришла мне в голову как-то раз после ужина, несколько дней назад. Я высказал ее жене. Не отрываясь от книги, она рассмеялась и кивнула механически заученным движением.

В этом было что-то такое... Я сидел в кресле, пристально рассматривая ее, и в мозгу моем шевельнулось первое

подозрение. А вдруг... Нет, невозможно... Ну, а если все-таки предположить?.. Я гнал от себя эти мысли, но они все сильней овладевали мною. Ведь с женщинами никогда ничего нельзя понять.

Я прекрасно сознавал, как недостойно строить такие предположения о собственной жене. Но угроза казалась мне весьма реальной и тем более зловещей, что сама подозреваемая может и не знать, кто она. В самом деле, представьте себе: вот вы — робот-андроид, как вы об этом узнаете?!

Долгие часы я ломал себе голову над этим. Проклятое наваждение просто преследовало меня. Всю ночь я не смыкал глаз и не мог заставить себя погрузиться даже в тот легкий, но изнурительный сон, ради которого принимают снотворное.

В конце концов я пришел к такому выводу: что бы там ни было, но любая правда о моей жене лучше, чем эта невыносимая неизвестность.

На следующий день я разработал целую серию проверочных испытаний, чтобы окончательно решить вопрос в ту или иную сторону.

Для пользы тех, кто сталкивается с той же дилеммой, я помещаю далее отчет об этом эксперименте.

Олдисс стоит, переминаясь с ноги на ногу, возле парадной двери, то и дело поправляет галстук и через матовое стекло неотступно смотрит во двор. Его жена, выбежавшая купить муки у бакалейщика, как раз отворяет калитку с улицы. За время ее отсутствия Олдисс уже успел спрятать под циновкой в прихожей автоматические весы. Если она войдет своей легкой походкой и, вытирая ноги, потянет тонн на пять, он тут же вызовет Интерпол.

Входит жена с приветливой улыбкой. Весит она не больше того, что должна весить обыкновенная женщина.

Однако это пугает Олдисса еще больше: он ведь прекрасно знает, до каких чудес дошли ученые с этими легкими сплавами. Чем больше он думает об этом, тем более убедительной уликой представляется ему ее вполне нормальный вес: она несомненно что-то скрывает.

— Как ты себя чувствуешь, дорогой? — спрашивает жена.

Олдисс тупо кивает, но не делает ни одного движения, чтобы помочь ей снять пальто. Жена его очень привлекательна, кожа у нее без единого пятнышка, прическа — волосок к волоску. Конечно, это несколько противоестественно — все-таки на улице сильный ветер. И он решается на второе испытание.

— Ты сегодня неотразима, — говорит он, раздвигая губы в сатанинской улыбке. — Подойди-ка поближе к свету, мне хочется исследовать твою прекрасную кожу под микроскопом.

— Сейчас не могу, дорогой мой сыщик, — весело отвечает жена. — Мне еще нужно испечь лепешки к завтраку. Если хочешь, накрой на стол.

Этот диалог был записан на магнитофон, который Олдисс спрятал под подушкой, прикрытой номером «Рэйдио таймс». Олдисс слушает запись снова и снова, пользуясь каждым моментом, когда жена выходит из комнаты. Ему определенно кажется, что в ее речи проскальзывает чуждая психология: право же, ни одному человеческому существу не придет в голову, что мужчине может захотеться накрыть на стол.

Прокравшись к кухонной двери, он заглядывает в щель, чтобы проверить, не сыплется ли в сбивалку для теста вместе с изюмом еще и стальная стружка. И вдруг кидается к жене с воплем, таким страшным, что кровь должна заledenеть в жилах у всякого, у кого в жилах струится кровь.

— Ой! — вскрикивает жена, роняя на пол мешочек с мукой. — До чего же ты меня напугал!

— Еще бы! Разве я не слышал, как сработала парочка реле, когда ты вздрогнула?!

— Не валяй дурака! — с возмущением отвечает жена. — Просто терка свалилась на пол — вот и стук.

Олдисс ничего не отвечает, но на лице его изображается недоверие. Он продолжает болтаться на кухне, притворяясь, будто пытается обнаружить под обоями жучка-точильщика. Между тем жена его понесла к духовке противень с лепешками. Выбрав удобный наблюдательный пункт, он пристально следит за этой операцией.

Жена не обращает внимания на мужа, который горячечным взором наблюдает за ней из-за сушилки; она включает газ и обжигает палец. Олдисс подскакивает к ней, весь само внимание.

— Синхронизация разладилась, — сочувственно замечает он. — Покажи-ка палец. Не пахнет ли паленой резиной?

Он с сомнением осматривает ее палец и вдруг впиывается в него зубами.

— Негодник! Бессердечный! — вскрикивает жена и отталкивает его. — Сколько раз повторять, чтоб ты не разыгрывал передо мной героя-любownika, когда я занята! Ты, видно, никогда не думаешь ни о чем другом. А теперь убирайся-ка из кухни, пока чай не будет готов.

Олдисс отступает. Он потерпел временное поражение, но не собирается отказываться от своих намерений. Совершенно ясно, что женушка его загнана в ловушку и через какой-нибудь час все станет на место. К тому времени, когда она накрыла стол к завтраку, план боевой операции уже полностью созрел в голове Олдисса.

Взобравшись на стул за приоткрытой дверью в столовую, он улучает минуту и сыплет едкий порошок за ворот платья жены, которая как раз входит с подносом в руках.

— Ты сошел с ума! Что за дурацкие затеи?! — сердито кричит она и проливает кипяток на ногу Олдисса.

— Пустяки! Просто я решил смахнуть пыль с картины. — Невинное выражение, с которым он произносит эти слова, сделало бы честь любому актеру, но жена не смягчается.

— Я не позволю обращаться со мной, как с механической игрушкой! — говорит она.

— Так, так! Ну-ка, повтори, — произносит он, но так тихо, что она не слышит.

Жена поспешно ставит на стол горячие лепешки и принимается чесать спину — это уже действует порошок. Олдисс разочарован: ведь спина из пластика должна быть нечувствительна. И все-таки жена чешется. Более того, она говорит, что пойдет в спальню переодеться.

— В чем дело? — с вызовом бросает Олдисс. — Предохранитель перегорел или еще что-нибудь?

— У тебя разыгралось воображение, — отвечает жена. — Ты начитался научной фантастики, дружок. Пройшей ночью я разбудила тебя, когда ты кричал что-то про Пола и Корнבלата*.

— Ты не расслышала, — нашелся он. — Я кричал про полкорнеплода. В Польше урожай корнеплодов. Кошмар на почве увлечения сельским хозяйством. Последнее время такое со мной часто случается.

Жена направляется наверх, чтобы переодеться. Олдисс рвется за ней, но она его не пускает.

— Я хочу посмотреть, на месте ли родинка на твоём левом плече, — бормочет он.

— Слыхали мы эти байки, — говорит жена, захлопывая за собой дверь спальни.

Олдисс возвращается к столу и кладет на тарелку жены металлическую лепешку**.

* Фредерик Пол и Сирил Корнблат — современные американские писатели-фантасты. Некоторые произведения написаны ими совместно. — *Прим. перев.*

** Такие предметы продаются в Англии в специальных магазинах «для розыгрышей». — *Прим. перев.*

Через пять минут входит жена; на ней розовый джемпер и сверху такой же жакет — его подарок к рождеству. Сев за стол, она сразу же обнаруживает подделку.

— Игрушечные лепешки. В твои-то годы! — восклицает она. — Да что это с тобой? Тебе, видно, требуется осмотр у... гм... врача.

Олдисс вскакивает со стула.

— Ага! Наконец ты себя выдала! Хотела сказать «у механика». Не так ли?

Жена встревожена.

— Дорогой мой, да ты, кажется, вообразил, будто я робот или что-то в этом духе?! Ну, знаешь, если так будет продолжаться, тебя придется положить в психиатрическую клинику.

— Ты способна на все, чтобы заткнуть мне рот! Я насквозь вижу все твои ходы. А ну-ка, съешь хоть одну из лепешек, что ты испекла!

Жена в сердцах хватает с тарелки лепешку и начинает жевать.

— Видишь, — говорит она с полным ртом. — Я ем эту...

Договорить ей не удастся — она поперхнулась, ее душит кашель. Олдисс торжествует. Наконец-то он вывел ее на чистую воду.

— В твой динамик и усилители попала крошка, не так ли? — злорадно говорит он, хватая телефон и набирает номер Скотленд-Ярда. Не переставая кашлять, жена умоляет его положить трубку, но он тверд как алмаз.

— Почему ты не хочешь признаться? — вопрошает он. — Скажи честно: «Я робот».

В отчаянии она произносит: «Я роб...» — и вдруг рассыпается на части. По столовой покатились тысяча пять различных деталей — лампы, транзисторы, зубчатые колеса, провода. И только лепешки нигде не было видно.

— Скотленд-Ярд? — кричит Олдисс в телефонную трубку, когда ему отвечает металлический голос. — Прошу немедленно приехать ко мне.

— Тебе это так не пройдет, Олдисс,— тихо произносит обладатель металлического голоса на другом конце провода.— Мы не зря занесли тебя в свою картотеку. Ты окружен. Мы знаем, кто ты.

— Уж не хотите ли вы сказать,— в изумлении кричит он,— что я — роб...

И тоже рассыпается на части.

Антон Донеv

АЛМАЗНЫЙ ДЫМ

Согласно статистике, индивидуумы с одними и теми же свойствами повторяются через каждые шесть поколений.

Статистика никогда не лгала, не солгала она и на этот раз. Шерлок Холмс, пра-пра-правнук гениального детектива, снова встретился с доктором Уотсоном, прапраправнуком бывшего военного врача, участника афганской войны. И хотя отец нынешнего Шерлока Холмса занимался производством синтетической колбасы, а деды обоих друзей увлекались — один микрокибернетикой, другой — макробиологией, сейчас друзья сидели в уютной комнате и беседовали совершенно так же, как их предки несколько веков назад.

Но по традиции предоставим слово доктору Уотсону.

В камине нашей уютной холостяцкой квартиры на Бэйкер-Стрит, 221-Б, горел приятный синтетический огонь. Экран внешнего обзора окутывал желтоватый лондонский туман, заказанный Холмсом специально для этого вечера. Иногда пелену дождя, жужжа, прорывали вертолеты. Несколько атомных микросолнц едва проглядывало в тумане типа Л-14.

— Так вот, дорогой Уотсон,— говорил мой приятель, попыхивая трубкой и выпуская клубы ароматного дыма — смесь табака, петрушки и тимьяна, последнего своего рецепта.— Очень часто самые запутанные тайны оказываются самыми скучными, а самые скучные случаи могут развиваться в события межпланетного масштаба. Такова, например, история с кривым когтем королевского динозавра или, скажем, похищением электронного счетчика, или же невероятный случай с человеком, укравшим две-

надцатибальный шторм... Начинается так, а кончается совсем иначе, и притом совершенно неожиданно. Как справедливо заметил старик Гёте в третьем томе своих сочинений, страница 241, строка третья снизу: «В одном месте стукнешь, а в другом трескается!».

Холмс подал мне магнитофонную катушку и добавил:

— Сегодня утром я получил весьма странное письмо. Включите магнитофон, я хочу еще раз его прослушать.

Я вставил ленту, из магнитофона раздался хрипловатый голос:

— Мистер Холмс, очень прошу вас уделить мне немного вашего драгоценного времени. Я нахожусь в крайне тяжелом положении. Буду у вас сегодня вечером, в 23.30. Ваш Джозеф Килиманджаро.

— Итак, дорогой Уотсон, что вы об этом скажете?

— У этого несчастного ларингит! — вскричал я, радуясь, что могу проявить наблюдательность.

— Ну, разумеется, ларингит. Кто бродит так долго по спутникам Сатурна, тот обязательно его подхватит. Вам же известно, какие там азотные сквозняки.

— Вы знаете этого человека?

— О нет, но я обратил внимание, что он удлиняет паузы после запятых. А это характерно для постоянных обитателей колец Сатурна. Но не будем гадать. Кажется, наш гость уже явился.

Действительно, за окном, мелодично жужжа, повис пссиня-черный вертолет. Холмс уплотнил воздух у камина, чтобы гость мог расположиться в тепле, открыл окно и приветливо пригласил его войти.

— Простите, что я вторгаюсь к вам столь необычным путем, — начал вновь прибывший, — но боюсь, что за мной следят...

— Ничего, — успокоил его Холмс, подводя к камину. — Мы с моим другом и помощником доктором Уотсоном привыкли и к более странным случаям.

Наш гость был одет в старомодный скафандр. За поя-

сом висел лазерный пистолет калибра 7,65, а кислородный прибор был небрежно заброшен за спину.

— Мистер Холмс, меня зовут Джозеф Килиманджаро...

— Знаю, — прервал его мой гениальный друг. — Кроме того, вы занимаетесь астрохимией, прилетели прямо с системы Сатурна, но останавливались на Венере поохотиться в резервате Нового Нью-Орлеана.

— Но откуда... — изумленно начал Килиманджаро.

— Очень просто. В отношении Сатурна я уже объяснил моему другу. А о том, что вы были на Венере и охотились, я догадался по перышку ласточки на левом лацкане вашего скафандра. Такие ласточки встречаются только в заповедных лесах на Венере. Этот же лацкан говорит мне о том, что рост вашей приятельницы шесть футов и три дюйма и что у нее весьма старомодные понятия.

— Мистер Холмс! — Килиманджаро вскочил с места. — Я подозреваю, что вы читали Конан Дойля!

— Случалось, сэр, но это не имеет ничего общего с моим дедуктивным методом. На лацкане у вас заметны следы губной помады. Добавим еще фут к этому уровню — и получится рост вашей приятельницы. А цвет помады свидетельствует о том, что она придерживается старомодных привычек, так как просто красит губы, а не меняет их цвет каждую неделю, как полагается всякой современной венерианке... Но перейдем к делу. Расскажите-ка свою историю.

Джозеф Килиманджаро тяжело вздохнул:

— В сущности, мне нечего вам рассказать...

— А это уже много. Простите, что перебил вас.

— Я родился в...

— Где вы родились, я знаю из своей видеотеки. Знаю также, что ваш отец полетел к Магеллановым Облакам и еще не вернулся, что ваша мать, ожидая его возвращения, подвергла себя замораживанию и что ваш дядя страстился к курению горького перца. Простите, я опять перебил вас. Так расскажите о последних событиях.

— Позавчера я, по обыкновению, прибыл в лабораторию около восьми часов по сатурнианскому времени. Перед тем прошел небольшой метеоритный дождь, вокруг было сыровато. Неожиданно я почувствовал слабую боль в левом колене. А колено у меня обычно колет либо к астроревматизму, либо к несчастью. С бьющимся сердцем я поспешил в лабораторию и увидел...

— Что именно? — быстро спросил Холмс.

— Ничего. Все было в порядке.

— Так я и ожидал. Это уже подозрительно. Продолжайте и еще раз простите, что я вас перебиваю.

— Замирая от ужаса, я осмотрел помещение, но ничего не нашел.

— Ага. Тайна проясняется. Скажите, пожалуйста, кто еще работает в лаборатории, кроме вас?

— У меня есть два робота типа «Зингер», кибераналитик типа «Считалка» и портативная ультразвуковая пишущая машинка «Континенталь».

— Ясно. Не заметили ли вы чего-либо подозрительного в отношениях между роботами и пишущей машинкой?

— Что вы! Да они друг друга терпеть не могут! Мне приходится держать их отдельно, так как, находясь вблизи, они начинают ржаветь. Боюсь, мистер Холмс, колено у меня колело не даром. Мне угрожает какая-то опасность!

Холмс встал и потер руки.

— Все ясно, мистер Килиманджаро. Возвращайтесь к своей венерианской приятельнице, а завтра в это же время прилетайте сюда. К тому времени мы с Уотсоном сможем окончательно вас успокоить.

Когда гость ушел, мы надели скафандры и с первым же планетолетом отправились прямо на Сатурн.

Лабораторию Килиманджаро заполнял какой-то синеватый дым. Холмс принялся и кашлянул с довольным видом.

— Так я и думал. Уотсон, вы окажете мне большую услугу, если будете стоять на месте, чтобы не оставлять следов, и не издадите ни звука в течение двенадцати часов, трех минут и сорока семи секунд.

Мой друг достал портативный микроскоп и принялся исследовать пол, потолок и стены (не забывайте, что мы находились в состоянии невесомости!). После этого, не говоря ни слова, он направился к астродому. И только когда мы снова оказались в уютной комнате на Бэйкер-Стрит и закусывали пилюлями «яичница с ветчиной», он весело рассмеялся.

— Приготовьте оружие, Уотсон. Вечер сулит неожиданности,— сказал Холмс, и почти тотчас же за окном появился знакомый вертолет. Вскоре мистер Килиманджаро уже сидел у камина.

— Ну? — хриловатым голосом спросил он.

— Все ясно, сэр,— произнес Холмс и вдруг выпрямился.— Но вам не удастся обмануть меня. Бежать бесполезно, двери охраняются.

— Что это значит? — Килиманджаро вскочил.

— Это значит, Зингер 12-А, что вы убийца. Вы арестованы именем межпланетного...

Холмс не договорил. Джозеф Килиманджаро, а точнее, робот Зингер 12-А с жалобным скрипом распался на мелкие детали. Гайки и винтики запрыгали по полу, а одна шестеренка закатилась под любимое кресло Холмса.

— Все было ясно с самого начала,— немного погодя сказал мой друг.— Меня насторожил тот факт, что, по его словам, не случилось ничего необычного. Но, вопреки моим предположениям, необычное все же произошло. Вступив в заговор с пишущей машинкой, Зингер 12-А убил достойного мистера Килиманджаро еще в прошлый понедельник, в 10.30 по местному времени. С помощью новейшей аппаратуры он превратил свою жертву в кристаллики углерода, в тот, если можно так сказать, алмаз-

ный дым, который мы нашли в лаборатории. А я, как вам известно, написал одну скромную монографию о различных видах дымов и туманов... Так вот, робот и машинка давно уже пребывали в любовной связи, правда несчастной — Килиманджаро из ревности не позволял им часто находиться вместе. Это и послужило для меня первым толчком. Роботы ржавеют не от ненависти, а от взаимной любви. Вторым звеном в цепи был голос мнимого Килиманджаро. Вы, дорогой Уотсон, ввели меня в заблуждение. Это был вовсе не ларингит, а всего лишь скрип давно несмазываемой дыхательно-речевой системы. Но продолжаю. Робот и машинка сговорились бежать на Меркурий. Они рассчитывали синтезировать алмазный дым и использовать его там как валюту. Но прежде робот пытался замести следы. С помощью видеопластической установки, спрятанной под мышкой, он принял вид своей жертвы, побывал на Венере, повиделся с приятельницей астрохимика, чтобы проверить, узнает ли она своего возлюбленного, а потом явился ко мне, дабы создать себе алиби. Через два дня он бы исчез — и тогда ищи ветра в поле.

— Но откуда вы узнали все подробности?

— Отчасти путем дедукции, а остальное вышептала мне сама пишущая машинка.

— Как? Машинка, замешанная?..

— Чувство разочарования, дорогой Уотсон, чувство разочарования. Во-первых, ее Зингер 12-А совершенно перестал следить за собой и очень редко менял машинное масло, а она терпеть не могла прогорклого запаха. Во-вторых, Зингер 12-Б относится к более совершенному типу. В-третьих, став соучастницей преступления, она испугалась... Ах, Уотсон, Уотсон, как мало вы знаете женщин!

Холмс негромко рассмеялся и снова погрузился в созерцание табачного дыма.

Джанни Родари

РОБОТ,
КОТОРОМУ ЗАХОТЕЛОСЬ СПАТЬ

В году две тысячи двести двадцать второе применение домашних роботов стало повсеместным. Катерино был одним из таких роботов. Превосходный электронный робот, он жил и работал в семье профессора Изидоро Корти, преподавателя истории в Римском университете. Катерино умел стряпать, стирать и гладить белье, убирать комнаты и кухню. Он сам ходил за покупками, вел тетрадь расходов, включал и выключал телевизор, печатал на машинке письма профессора, разрезал ножиком-закладкой страницы новых книг, водил машину и вечерами пересказывал домашним все сплетни соседей. Словом, он был совершенным механизмом. И, как все механизмы, не испытывал потребности в сне. Ночью, когда семья Корти отдыхала, Катерино, чтобы не скучать от безделья, еще раз утюжил брюки профессора, вязал кофту для синьоры Корти, мастерил игрушки для детей и перекрашивал белые стулья. Закончив дела, он усаживался за кухонный столик и решал очередной кроссворд. На это у него уходило довольно много времени.

Однажды ночью, когда Катерино мучительно вспоминал название реки из пятнадцати букв, он услышал негромкий свист. Он и раньше слышал эти странные приятные звуки, нарушавшие ночную тишину и доносившиеся из соседней комнаты, где спал профессор Изидоро. Но на сей раз они вызвали у него необычные мысли. «А зачем, собственно, люди спят? И что они при этом испытывают?»

Катерино встал из-за стола и на цыпочках отправился в детскую.

Детей было двое, Роландо и Лучилла, они всегда спали при открытой двери, чтобы и ночью быть поближе к роди-

телям. На столике возле кровати горела голубая лампочка. Катерино долго всматривался в лица спящих детей. Роландо спал спокойно, а на лице Лучиллы играла легкая улыбка. «Опа улыбается! — удивился Катерино. — Наверно, видит во сне что-то приятное. Но что можно увидеть с закрытыми глазами?»

Робот вернулся в гостиную и задумался. «Попробую-ка и я заснуть», — решил он наконец.

Роботы существуют уже не одно столетие, но до сих пор никому из них не приходила в голову столь дерзкая мысль.

«А что, собственно, мне мешает попробовать сегодня же? Нет, сию минуту?»

Так он и сделал. «Спокойной ночи, Катерино», — сказал он сам себе. «Приятных тебе сновидений», — добавил он, вспомнив, что именно так говорила каждый вечер синьора Луиза детям, укладывая их в постель.

Катерино обратил внимание, что, ложась спать, хозяева первым делом закрывали глаза. Он попытался последовать их примеру, но, увы, его глаза не закрывались ни днем ни ночью — у него не было век. Катерино поднялся, отыскал лист картона, вырезал два кружочка, прикрепил их над глазами и снова развалился в кресле. Однако сон не приходил, а лежать с закрытыми глазами оказалось весьма утомительно. К тому же он не увидел ничего такого, что заставило бы его улыбнуться, — одна тьма, и ничего больше. Это его раздражало.

Ночь прошла в тщетных попытках заснуть. Но Катерино не пал духом и, когда утром он с неизменной чашечкой кофе на подносе отправился будить хозяина, решил усилить наблюдение. В тот день, например, он заметил, что сразу же после еды профессор удобно устроился в кресле с газетой в руках. С минуту он рассеянно перелистывал страницы, но вот веки его смежились, газета упала на пол, и Катерино вновь услышал сладостные звуки.

«Верно, это ночная песня», — подумал робот. Он с трудом дождался ночи, и едва все улеглись, сел в кресло и принялся читать газету. Он прочел ее от первой до последней строчки, включая рекламные объявления, но сон не приходил. Тогда он стал пересчитывать точки и запятые на каждой странице, затем все слова, которые начинаются с буквы «а», но и это не помогло.

Катерино не сдавался и продолжал внимательно наблюдать за хозяевами. Однажды за обедом он услышал, как синьора Луиза сказала мужу:

— Вчера вечером никак не могла заснуть. Пришлось считать овец. Знаешь, сколько я насчитала? Тысячу пятьсот двадцать восемь. И все же без снотворного дело не обошлось.

Катерино два дня обдумывал, что бы это могло значить, и наконец обратился к Роландо. Задавая ему вопрос, Катерино испытывал жгучее чувство стыда. Ему казалось, что он хочет выведать у невинного мальчугана сокровенную тайну.

— Почему вы считаете овец, когда хотите заснуть? И как это делается?

— Очень просто. Закрой глаза и вообрази, будто перед тобой овцы, — ответил Роландо, не подозревая, что он предает род человеческий. — Затем представь себе ограду и вообрази, что овца должна через нее прыгнуть. Ну, а потом начинай считать — одна, две, три, и так пока не заснешь. Мне ни разу не удалось насчитать больше тридцати овец. А Лучилла однажды насчитала целых сорок две. Но это она так говорит, я ей не очень-то верю.

Став обладателем столь волнующей тайны, Катерино едва удержался, чтобы тут же не удрать в ванную и там не начать считать овец. Наконец настала ночь, и Катерино смог приступить к смелому опыту. Он поудобнее уселся в кресле, прикрыл глаза газетой и попытался увидеть овцу. Вначале он увидел лишь белое облачко с размытыми краями. Затем облачко стало обретать более четкие

формы, появилось нечто, очень напоминавшее овечью голову. Потом у облачка выросли ноги, хвост, и оно превратилось в настоящую овцу. Хуже обстояло дело с изгородью. Катерино никогда не был в деревне и не представлял себе, что такое изгородь. Тогда он решил заменить забор стулом и, вообразив перед собой белый кухонный стул, заставил овцу подойти к нему.

— Прыгай! — приказал он.

Овца послушно перепрыгнула через стул и исчезла. Катерино мгновенно попытался представить себе вторую овцу, но, пока она материализовалась из туманного облака, удрал стул. Пришлось начать все сначала. Когда же он вернул стул на место, овца не захотела через него прыгать.

Катерино взглянул на часы и с ужасом увидел, что на воссоздание всего двух овец ушло четыре часа. Он вскочил и бросился на кухню, чтобы еще раз прогладить забытые на стуле брюки профессора Корти.

«Ну, что ж, — утешал он себя, — одну-то овцу я заставил прыгнуть. Не сдавайся, Катерино, не теряй веру в успех. Завтра овец будет две, послезавтра три, и в итоге ты победишь».

Не стану докучать вам рассказом о том, каких усилий стоила Катерино эта борьба с овцами. Но через три месяца он насчитал уже сто овец, прыгающих через стул. Сто первую овцу он не увидел, потому что заснул сладким сном. Спал он всего несколько минут, но в том, что это наконец случилось, сомнений не было. Об этом неопровержимо свидетельствовали стрелки ручных часов. В конце недели робот проспал уже три часа! И ему впервые приснился сон: Катерино снилось, будто профессор Изидоро Корти чистит ему ботинки и завязывает галстук. Чудесный, восхитительный сон!

Настала пора поведать, что на другой стороне улицы жил уважаемый профессор Тиболла. Однажды ночью он проснулся от нестерпимой жажды и отправился на кухню

выпить стакан холодной воды. Прежде чем снова лечь в постель, он по привычке взглянул в окно гостиной. А в окне гостиной профессора Тиболлы отражалась гостиная профессора Корти — окна были напротив. Что же предстало взору удивленного профессора Тиболлы? В гостиной его коллеги горел свет, а робот Катерино спал невинным сном младенца. Прислушавшись, Тиболла услышал легкий свист, доносившийся из гостиной профессора Корти. Так, в довершение всего этот робот похрапывает во сне?!

Профессор Тиболла распахнул окно и, как был в пижаме, не боясь простуды, высунулся наружу и закричал что было сил:

— Тревога! Тревога! Тревога!

В несколько минут проснулась вся улица, и в каждом доме с треском распахнулись окна и двери. На балконы выбежали люди в ночных рубашках и пижамах. Некоторые, узнав, что произошло, вышли на улицу и столпились у дома профессора Изидоро Корти.

Разбуженные громкими криками, профессор и его жена подбежали к окну.

— Что случилось? Землетрясение? — испуганно спросили они.

— Гораздо хуже! — крикнул профессор Тиболла. — Вы спите на динамите, уважаемый коллега!

— Видите ли, я занимаюсь древней историей, — сказал профессор Корти. — А в древности, как вы знаете, динамита не существовало. Его изобрели много позже.

— Мы люди тихие, мирные, — робко добавила синьора Луиза. — И никому не мешаем. Правда, Роландо вчера разбил соседям стекло футбольным мячом, но ведь мы согласились возместить убытки. Не понимаю, чем...

— Наведайтесь-ка лучше в гостиную, — прервал ее профессор Тиболла.

Синьор Изидоро и синьора Луиза недоуменно переглянулись и единодушно порешили, что им не остается ниче-

го другого, как последовать странному совету. И они направились в гостиную.

Все это время Катерино сладко спал. На его металлическом лице играла легкая улыбка. Он похрапывал, но так музыкально и ритмично, что легкий свист и жужжание смело можно было сравнить с игрой на скрипке или виолончели. Профессор Корти и его супруга в ужасе устали на спящего робота.

— Катерино! — со слезами в голосе зывала синьора Луиза.

— Катерино! — куда более сурово кричал профессор Корти.

С улицы профессор Тиболла рывкнул не хуже полицейского:

— Тут нужен молоток! Возьмите молоток, друг мой, и хорошенько стукните его по башке. А если и это не поможет, пропустите через него ток.

Профессор отыскал в кухне молоток и занес его над головой робота.

— Осторожнее! — взмолилась синьора Луиза. — Ты же знаешь, во сколько он нам обошелся. Ведь мы до сих пор не внесли последний взнос.

Всюду — на улице, на балконах, в окнах — люди затаили дыхание. В ночной тишине удары молотка прозвучали как удары судьбы, постучавшейся в дверь. Бум, бум, бум!

Наконец Катерино зевнул, потянулся, потер руку. Со всех наблюдательных пунктов донеслось дружное «Ах!». Катерино вскочил и в тот же миг понял, что кроме профессора Корти чуть ли не полгорода следило за его пробуждением.

— Я спал? — спросил он.

О ужас! Этот наглец еще смеет задавать подобный вопрос!

В ту же секунду послышался вой сирены. Полиция, предупрежденная ревностной прихожанкой из дома напротив, примчалась, чтобы внести свой вклад в решение

вопроса. Он оказался весьма простым и недвусмысленным: на Катерино надели стальные наручники, погрузили его в фургон и отвезли в суд. Сонный судья приговорил беднягу к двум неделям тюрьмы.

Судья был человеком хитрым и многоопытным. Он посоветовал полиции не разглашать неприятной истории. Вот почему на следующий день ни одна газета не сообщила своим читателям о преступлении робота. Однако за сценой пробуждения Катерино наблюдали не только люди, но и многочисленные домашние роботы. Ближе всех к месту происшествия находился Терезио, робот профессора Тиболлы. Он благоразумно не вмешивался в оживленный разговор своего хозяина с профессором Корти, но, стоя у кухонного окна, жадно ловил каждое слово. Да и в соседних домах роботы наострили уши. К тому же в четверг, когда роботы свободны от работы и собираются в городском парке, Терезио подробно рассказал друзьям о невероятном событии.

— Верите ли, Катерино спал в точности, как люди. Нет, даже красивее. Он не храпел, как многие из них, а издавал чудесные, музыкальные звуки. Это была настоящая электронная симфония!

Роботы с величайшим волнением слушали его рассказ. В их металлических головах, наделенных электронным мозгом, словно разряд тока в три тысячи вольт, мелькнула мысль: «А ведь и мы можем заснуть». Главное — постигнуть систему подготовки и воссоздания сна. Но пока об этом знал только Катерино, а он, увы, сидел в тюрьме. Значит, ждать, пока Катерино выйдет из заточения и откроет им секрет? Нет, это было бы недостойно роботов с совершенным электронным мозгом.

Выход нашел Терезио. Он знал, что Катерино особенно дружен с детьми профессора Корти. Маленький Роландо, чье доверие Терезио завоевал не без помощи жевательной резинки, поведал ему, что, видно, Катерино удалось посчитать овец, прыгавших через изгородь.

В ту же ночь Терезио попытался повторить эксперимент Катерино и, представьте себе, сразу добился успеха. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, ведь самые большие трудности обычно выпадают на долю первооткрывателя, а остальные идут уже по проторенному пути.

Три ночи спустя жители города были разбужены необычной музыкой: тысячи роботов, устроившись в креслах, на мраморных кухонных столиках, на балконах среди горшков с геранью, на коврах, спали и при этом весьма мелодично посвистывали во сне. Полиция ошалела от беспрестанных телефонных звонков. Но не могла же она арестовать всех роботов Рима! Да и тюрьмы-то таких размеров в городе нет.

Судья, который приговорил Катерино к двум неделям тюрьмы, выступая по телевидению, предложил властям договориться с роботами. Собственно, властям ничего другого и не оставалось. Ведь не вводить же в самом деле ночные дежурства полицейских и пожарных, вооруженных молотками! А только так можно было помешать роботам заснуть. Но из-за грохота молотков сами люди не смогли бы глаз сомкнуть!

Пришлось властям Рима заключить соглашение с роботами. После Рима настал черед Милана, Турина, Марселя, Лондона и Тимбукту.

Когда Катерино вышел из тюрьмы, его встречали десятки, нет, сотни тысяч роботов. Они кричали: «Ур-ра нашему славному Катерино!» и громко аплодировали. А Вибильди, домашний робот дирижера оркестра трамвайщиков, сочинил по столь торжественному случаю прекрасный гимн:

Катерино сверхумен,
Изобрел чудесный сон.
Каждый робот будет знать,
Как приятно ночью спать.

С пением гимна и с дружными криками «Эввива!» роботы прошли по древним улицам Рима. И, надо сказать, незлобивые римляне, забыв о своей досаде, дружно хлопали в ладоши.

Впрочем, если в Риме и есть что-либо священное и неприкосновенное, так это сон. Римляне любят спать ночью, любят спать днем, но особенно любят поспать после обеда. Один весьма солидный ученый, проанализировав историю с Катерино, изложил свои выводы на двух тысячах четырехстах страницах, причем его пухлый труд был богато проиллюстрирован цветными фотографиями.

Достоинным венцом его глубоких исследований был следующий пассаж, заключающий это выдающееся творение научной мысли:

«Только в Риме в мозгу электронного робота могла родиться идея об изобретении сна. Ни в одном другом городе мира нет и не могло быть столь благоприятных условий для столь оригинального открытия».

Зигберт Гюнцель

ОДНИ НЕПРИЯТНОСТИ С ЭТОЙ ПРИСЛУГОЙ...

Эти часы для Алека были самыми приятными. После утомительного шестичасового рабочего дня он усаживался в свое старомодное, но удобное кресло и смотрел стереовизор, между тем как распылитель запахов обволакивал его волнами разнообразнейших ароматов. Передачи оказывали на него усыпляющее действие — а это было именно то, к чему он так стремился по вечерам, после работы.

Алек достал из кармана кожаный портсигар, вынул сигарету, любовно ее понюхал и наконец закурил. Затем снова откинулся в кресле и уже почти в полудреме продолжал следить за действием на матовом экране.

Голос жены вернул его к действительности.

— А у Уорлеев опять новый робот, — сказала она и в ожидании ответа в упор посмотрела на Алека. — По-моему, ты просто не хочешь замечать, как смешно мы выглядим с этим нашим стариканом.

Элизабет бросила взгляд на стоявшего в углу Джона.

— Выражайся хотя бы потактичнее, — буркнул Алек — присутствие робота явно его смущало.

— В наши дни уже никто не держит металлической прислуги, — резко сказала Элизабет. — И вообще он не умеет себя вести. Вспомни, как, сервируя стол, он вывалил ножи с вилками прямо на тарелку леди Уимблдон.

— Должно быть, тогда у него перегорело сопротивление, — пробормотал Алек, стараясь побороть неуверенность, которая поднималась в глубине его души.

— Ее тогда чуть удар не хватил.

— Ну, у леди Уимблдон бывает не меньше пяти ударов на неделе.

— Из-за тебя мне нельзя появляться в порядочном обществе. Ведь в свете говорят, что ты на краю банкротства.— В голосе Элизабет слышались слезы.

— Ну, это уж чересчур! Я — банкрот?! И все только потому, что я не покупаю нового робота? Какая чушь! Завтра же вызову к Джону механика.

— Попробуй-ка найди такого механика! Кто теперь ремонтирует старую рухлядь? И не спорь со мной. Да, да, он — старая рухлядь! Я понимаю — любовь к традициям и все такое прочее,— но это заходит слишком далеко... Знаешь, недавно я видела новые модели — вот уж поистине последнее слово кибернетики. Точные копии политиков, артистов, певцов. И совсем недорого — от восьмисот до тысячи фунтов...

— До тысячи фунтов!..— Алек даже задохнулся.

— Но зато сколько у них преимуществ! — В голосе Бет слышались мечтательные нотки.— Во-первых, они ничуть не хуже оригиналов — даже лучше. Во-вторых, у них такие приятные голоса... Ведь копии певцов поют, А кроме того, все эти роботы куда совершеннее Джона. Так написано в проспектах. Совершеннее во всем...

Алек так жаждал покоя, но ему было ясно, что, пока у них не появится поющий робот, он, Алек, не будет иметь ни одного спокойного вечера. Он слишком хорошо знал свою жену. Но деньги? Их нужно много, и они так нелегко достаются!..

— А ты верни Джона,— сказала Элизабет, и голос ее был таким же невинным, как и улыбка,— тогда тебе придется заплатить всего лишь семьсот пятьдесят фунтов.

— Ты не имеешь права требовать этого от меня,— простонал Алек, чувствуя, что слезы застилают ему глаза. Он так привык к старому роботу! Расстаться с Джоном — нет, это выше его сил.

— Пожалуйста, если хочешь, можешь его оставить. Я хочу только одного — чтобы у меня был Стив Лесли.

— Ну, конечно, именно этот сладкоголосый кенарь.

— Выбирай выражения, Алек! Если уж ты не разбираешься в искусстве, то хотя бы не афишируй свою безграмотность. Лично я нахожу его просто очаровательным. Разве тебе этого мало?

— Дорогая, я готов выполнить любое твоё желание. Но этого кена... этого Лесли я просто не выношу.

— Ты купишь его для меня. Иначе завтра же Джона не будет в нашей квартире. Ясно?

Алек был потрясен. Как могло случиться, что когда-то он женился на этой женщине? Но, смирившись, он дал свое согласие.

— Джон, с сегодняшнего дня ты будешь прислуживать только мне. Моя жена хочет современного робота — одного из этих, ну, знаешь, певцов... Что ты скажешь по этому поводу?

Джон наверняка сморщил бы нос, не будь его лицо сделано из хромированной стали. Поэтому он удовольствовался тем, что в его скрипучем голосе, прозвучавшем из мембраны, появился презрительный полутон:

— Ох уж эти нынешние роботы! Внешняя оболочка — заглядение, только роботу это зачем? Если же заглянуть поглубже — никаких иных достоинств. Ну, а внутренняя схема... — тут робот закашлялся, и кашель его очень походил на пренебрежительное пощелкивание языком. Помолчав, он ни с того ни с сего мрачно изрек: — Все прочее — молчание...

(Джон недавно прочел Шекспира.)

В старом роботе Алек нашел союзника. И теперь он с большим самообладанием готов был встретить неумолимо надвигавшиеся события.

А затем в доме появился новый слуга — поющий, бойкий и энергичный. И поразительно похожий на Стива

Лесли. Он низко склонился перед Элизабет, и та с удовольствием отметила про себя, что суставы его не скрипят. Алеку он отвесил более чопорный поклон, а своего предшественника, Джона, и вовсе не удостоил взглядом.

— Фирма «Робот уоркс лимитед» имеет честь отрекомендоваться, — прожурчал робот. — Позвольте приветствовать вас маленькой песенкой. — И сладчайшим голосом завел: — Я вас люблю-ю-ю...

Бет даже глаза закрыла от удовольствия. Алек же с трудом удержался, чтобы не запустить башмаком в нового слугу. Что касается Джона, то он только негромко хмыкнул.

Как выяснилось впоследствии, в искусстве пения синтетический Лесли не уступал своему прославленному оригиналу. Более того, если подлинный певец брал очень высокие ноты, то робот старался его перещеголять. А в умении пускать сладчайшие трели он вполне мог состязаться с соловьем. Бет так умиляли его рулады, что она по нескольку раз в день плакала от восторга. Она баловала «своего» Стива изо всех сил — каждую неделю вызывала биомеханика фирмы «Робот уоркс лимитед» и тот прочищал и смазывал ее любимца. А верный старый Джон все так же со скрипом и скрежетом топал по дому, выполняя грязную домашнюю работу.

Любовные песенки Стива буквально выматывали Алеку нервы, но это бы еще полбеды — несколько пообвыкнув, этот красавчик начал помыкать хозяином. Как-то вечером, когда Алек по обыкновению удобно устроился в кресле, Стив, напевая, вошел в его комнату.

— Сэр, класть ноги на стол неприлично, — прогнусавил он.

Алек онемел от негодования. Ну ясно, тут не обошлось без Элизабет — как будто у нее нет более важного занятия, чем пичкать робота сентенциями из немецкой книжки

«Умение вести себя», дабы преподать Алеку хорошие манеры!

— Я — англичанин, и мне нет дела до обычаев иностранцев. И вообще я запрещаю тебе делать мне замечания! Понятно?

— Так точно, сэр. Между прочим, в наши дни даже англичане с низким коэффициентом интеллектуальности признают некоторые обычаи жителей континента приемлемыми для подданных ее величества, сэр.

Слышали бы вы, каким тоном было произнесено слово «сэр»!

В тот вечер Алек твердо решил: работа нужно выставить из дому — даже если это будет стоить ему целого состояния. Собравшись с духом, он подошел к двери комнаты жены и вкрадчиво позвал!

— Бет!

— Ну, что тебе?

— Не уделишь ли ты мне несколько минут, дорогая?

— К сожалению, Алек, мне надо переодеться. Мы ведь идем в оперу.

— Но ты мне ничего об этом не говорила, — изумился Алек. — Ну что ж, я очень рад. Что мы будем слушать?

— Ах, ты тоже хочешь пойти? Но, знаешь, из этого ничего не выйдет — у меня только два билета. Мы идем со Стивом. Какой это будет восхитительный вечер!

У Алека перехватило дыхание.

— В самом деле... Но... Но в чем ты собираешься пойти? Я недавно видел норковую шубку. — она бы тебе наверняка понравилась.

В мгновение ока Элизабет оказалась в комнате.

— Норковую шубку?.. — Широко распахнутыми глазами она посмотрела на Алека.

— Я бы хотел, чтобы ты ее примерила. Если тебе понравится, она твоя.

— Дорогой мой, ты просто чудо! Норковая шубка! Ведь это мечта моей жизни!

— Но... Послушай, Элизабет, тут есть одна трудность. Теперь в ее взгляде появилось недоверие.

— Дело в том... Видишь ли, я не смогу найти сразу столько денег... Но если бы мы вернули Стива... То есть, я полагаю, если бы...

— Так я и думала, что за твоей щедростью кроется какое-нибудь мошенничество. Запомни раз и навсегда! Стив останется здесь! Хоть лоб себе расшиби!

— Но, послушай, Бет, поговорим разумно. Не могу же я безучастно наблюдать за тем, как он во всем оттесняет меня — словно я не твой законный муж. — Спазмы сжали его горло. — Мне кажется, будто я...

— Паяц! — закончила Бет. — Что ж, возможно, ты не так уж и далек от истины. Стив, нам пора. Я не собираюсь опаздывать на уvertiру.

И Элизабет, высоко подняв голову, быстрыми шагами вышла из комнаты.

— Ну, погоди, я покажу тебе, какой я паяц! — в бешенстве крикнул Алек ей вслед. Обессиленный вспышкой гнева, он рухнул в кресло и закрыл лицо руками.

То, чего опасался Алек, случилось. Роботы поссорились.

Джон, хотя в нем и не было запрограммировано такое высокоразвитое чувство, как разумение искусства, воспринимал пение Стива Лесли как нагрузку, которая не под силу нормальному человеческому слуху. И как-то раз он своим скрипучим монотонным голосом попытался обратить внимание Лесли на то, в каком состоянии находятся нервы его хозяина.

— Очевидно, ваши контакты не в порядке. Я буду жаловаться хозяйке. Бракованный экземпляр! — отрезал тот.

У Джона от возмущения перегорело сразу несколько предохранителей. Весь день он то и дело бормотал: «Плохо с контактами... бракованный экземпляр...»

Атмосфера в доме накалялась. Алеку было ясно: либо робот-певец капитулирует, либо ему самому — рука об руку с металлическим Джоном — придется очистить поле боя.

И тут — не без помощи Джона — ему в голову пришла поистине гениальная идея. Каждое утро Джон информировал своего хозяина о наиболее важных сообщениях прессы, ибо чтение газет отнимало у Алека время, а время, как известно, деньги.

— Обзор «Таймс». На первой полосе — роботы сорвали забастовку в Бирмингеме. Профсоюз требует принятия закона об охране рабочих от посягательств роботов. Спикер палаты общин заявляет: «Близорукая экономическая политика ведет к умножению социальных конфликтов...»

Алек знаком показал, чтобы Джон перешел к следующему сообщению. Вот уже несколько недель эти газетчики только и пишут о роботах-штрейкбрехерах — как будто больше у них нет тем.

Джон продолжил обзор:

«Сенсационная новинка! Фирма «Робот уоркс лимитед» предлагает последний крик моды этого сезона — роботы-красотки! Богатейший выбор: сто шестьдесят звезд — от Хэлори Маклин до Лиз Райан! Наши агенты познакомят вас с образцами. Заказы принимаются по телефону!»

Алек вскочил и с быстротой молнии бросился к телефону. Вот оно! Как раз то, что ему нужно! Лучшее лекарство от укусов змей — змеиный яд!

Весь день с его губ не сходила радостная улыбка. Даже когда Стив, прислуживавший за обедом, заметил, что за границей вареный картофель — кстати, синтетический тоже — не режут ножом, он не перестал улыбаться, а вежливым кивком поблагодарил робота за его наставление.

На следующее утро в доме появилась яркая молодая блондинка с пышными формами. Ее звали Глория Чепмен. Великолепнейший экземпляр и даже — как доверительно

сообщил продавец — с пупком. Алек с беспокойством отметил, что ее присутствие весьма его взбудоражило. И лишь мысль о ее искусственном происхождении удерживала его от шагов, которые для мужчины его возраста и положения были бы, пожалуй, несколько рискованными.

Глория оказалась поистине идеальным существом. Ее неизменно приветливый взгляд с лихвой компенсировал Алеку хмурое выражение лица его супруги. Глория сопровождала его в деловых прогулках по Сити, заезжала за ним после работы в контору или в клуб. Во время заседаний она была рядом, — словом, он постоянно чувствовал ее присутствие. Алек настроился на продолжительную холодную супружескую войну, но, когда она началась, он, к своему изумлению, обнаружил, что война эта доставляет ему все большую радость.

Однако очень скоро Бет решительно вмешалась в дело.

Как-то, когда Алек по привычке занял место в кресле, она уселась на тахту напротив и попросила сигарету. Затаившись, она бросила на него презрительный взгляд. От смущения Алек глубоко ушел в кресло, словно ожидая от него защиты. Элизабет видела его беспомощность, которая прежде ей даже нравилась в нем, и в глубине ее души шевельнулось что-то похожее на сочувствие. Но она пересилила себя.

— Мне нужно поговорить с тобой, — помолчав, сказала она.

— Слушаю тебя.

— Ты понимаешь, что разговор будет об этой Глории... О нет, не думай, что это в какой-то степени задевает меня, вовсе нет. Меня беспокоит наш престиж. Нельзя же забывать об этом. Да, мой дорогой Алек, в последнее время наш авторитет очень пострадал. — Элизабет с печальным видом опустила голову. — Что ты намерен предпринять?

Алек весь напрягся.

— Я верну Глорию, — осипшим от волнения голосом ответил он.

— Я знала, что могу на тебя положиться.

— М-минуточку... Ты не дала мне закончить.— У Алека вспотели руки. Он провел тыльной стороной ладони по пылающему лицу.— Я верну Глорию, если ты..

Элизабет вскочила с тахты.

— Ты сошел с ума!

— Я — хозяин в доме, и я тебе приказываю. Никаких разговоров! — Он закашлялся.— Ты... ты получишь свою норковую шубку.

Он поднял голову и умоляюще посмотрел на нее.

— И новое вечернее платье.— Она улыбнулась.— Хорошо, я не стану упрямиться. Нужно же иной раз и уступить. Кстати, мне бы очень пошло красивое ожерелье.

У Алека закружилась голова. Он-таки добился своего! «Я — настоящий мужчина,— подумал он.— Да, я — настоящий мужчина».

А как же Глория со всеми ее несравненными достоинствами? Лишь восемь дней пробыла она в доме Алека. На утро после объяснения супругов, задолго до истечения контрольного срока, она покинула этот дом в сопровождении дубликата певца по имени Стив Лесли. Элизабет и Алек с затаенной грустью смотрели им вслед.

С тех пор хозяйство в их доме по-прежнему ведет старый Джон, у которого скрипят суставы. Хозяин его любит, а хозяйка терпит,

Дюла Хернади

HOMO PROTESIENSIS

К. задумчиво брел по мостовой, ему надоело жить.

Он не знал в точности, сколько ему лет, а зайти в Центр ленился; единственное, что осталось в памяти, это что со времени последнего капитального ремонта прошло полторы тысячи лет.

Дважды он пытался покончить с собой.

Первый раз подорвал себя динамитом, но уже через полчаса он опять новехонький, как с иголочки, пришел в себя на месте взрыва.

В Центральном Архиве, в разделе белков, хранились все исходные данные на каждого человека, на складах можно было найти протезы любой части тела, а стоило только выйти из строя тому или иному органу, как в течение четверти часа на месте происшествия оказывалась Ремонтная Бригада.

Если кто-то подвергался уничтожению, взрывался или распылялся, радарные установки тотчас же информировали Центр о самоубийстве или несчастном случае, и тогда Центр запрашивал из отдела Памяти точный генетический код погибшего индивида, объем его мозга, молекулярное строение органов и без промедления подбирал соответствующий комплект запасных частей, соединял их воедино, снабжал организм необходимым запасом энергии и знаний и доставлял новое существо на место.

Однажды в порыве отчаяния К. пробрался в кодовый зал, исправил в своем двоичном генетическом коде два нуля на единицы и после этого взорвал себя.

Через пять минут его снова вернули к жизни; непрерывный, дублируемый контроль приборов обнаружил подделку, и К., водворенный на прежнее место, продолжал тоскливо загорать у плавательного бассейна.

Несвеста бросила его, и он чувствовал себя несчастным, хотя и знал, что где-то в бескрайнем будущем девушка обязательно вернется к нему, нужно только подождать. Он ждал и томился от скуки.

К. достал древние книги и погрузился в чтение. Ему попались стихи, написанные еще в давние, доисторические времена.

Он рассеянно перелистывал страницы, пока не наткнулся на строчку, которая неожиданно ему понравилась:

И сегодня живу я в завтрашнем дне вчерашнего.

Еще в предвечности, в ту формуацию, которую называли «двадцатым веком», какой-то безумец сочинил эти строки.

К. понравился запутанный текст.

После обеда он, прогуливаясь, направился в центр столицы и все твердил про себя запомнившуюся фразу.

В конце какого-то переулочка он остановился перед громадным сооружением, напоминающим гигантских размеров микрофон, и, улыбаясь, повторил в диктофон непонятную фразу:

И сегодня живу я в завтрашнем дне вчерашнего.

Громадный темпоральный компьютер, казалось, с давних времен ждал именно такой композиции символов. Противоположные временные протяженности — прошлое и будущее — К. одной фразой направил навстречу друг другу и, столкнув два энергопотока, вызвал цепную реакцию. В результате все кванты будущего и прошлого Земли, соединившись при взрыве, превратились в своеобразный темпоральный конгломерат фотонных впадин антиреальности.

В ничтожно малую долю секунды возник непроницаемый пласт протяженностью в сотни километров, и на Землю рухнуло плотное, шероховатое вещество.

Третья попытка оказалась удачной.

Фриц Лейбер

СЕРЕБРЯНЫЕ ЯЙЦЕГЛАВЫ

1

Гаспар де ла Ньюи, писатель-поденщик, с рассеянной нежностью провел замшей по бронзовой станине своей гигантской словомельницы. Взгляд его привычно скользнул по огромной, высотой с двухэтажный дом, панели электрической машины, по рядам сигнальных лампочек (все выключены) и приборных шкал (все стрелки на нуле). Затем он зевнул и потер шею.

Он скоротал ночное дежурство, подремывая, попивая кофе, дочитывая «Греховодников с астероида» и «Каждый сам себе философ». Более спокойной творческой смены нельзя было и пожелать.

Он бросил замшу в ящик своего выдавшего вида стола и, критически поглядывая на себя в зеркальце, пригладил темные волнистые волосы, расположил пышными складками огромный черный шелковый галстук и тщательно застегнул обшитые тесьмой карманы черной бархатной куртки.

Затем он энергичной походкой направился к табельным часам и отметил время своего ухода с работы. Его сменщик опаздывал уже на целых двадцать секунд, но ему-то что за дело? Пусть голова болит у дисциплинарной комиссии.

В дверях огромного зала, где размещались словомельницы издательств «Рокет-Хаус» и «Протон-Пресс», Гаспар остановился, пропуская первую утреннюю группу восторженных экскурсантов. Их сопровождал Джо Вахтер, сутулый старикашка с вечно слезящимися от пьянства глазами, который почти не уступал писателям в искусстве спать при исполнении служебных обязанностей. Гаспар был доволен, что сегодня ему не придется выслушивать идиотские вопросы («Скажите, мистер писатель, откуда вы

берете идеи для своих словомельниц?») и ловить на себе взгляды, исполненные нездорового любопытства (широкая публика свято верила, будто писатели порочны до мозга костей, что было несомненным преувеличением). Особенно приятно было ускользнуть от назойливой дотошности весьма неприятной пары, облаченной в ансамбль «отец с сыном на прогулке» — папаша явно принадлежал к суетливым всезнайкам, а на лице сына застыло выражение плаксивой скуки. Только бы Джо хоть немного протрезвел, подумал Гаспар, и не дал мальчишке ковыряться в машине!

Однако появление экскурсантов обязывало, и Гаспар извлек из кармана огромную пенковую трубку янтарного цвета, откинул крышечку из серебряной филигрании и набил трубку табаком, который достал из расшитого золотом кисета тюленьей кожи. Прodelывая все это, Гаспар чуть-чуть насупился. Только эта чудовищная трубка да еще предписанный контрактом дурацкий костюм и омрачали для него прелести писательского ремесла. Увы, издатели требовали неукоснительного соблюдения всех пунктов контракта до единого с такой же настойчивостью, с какой они заставляли писателей отсиживать полную смену независимо от того, были включены их словомельницы или нет.

А впрочем, подумал Гаспар, улыбнувшись, не за горами время, когда он станет писателем-разрядником с правом носить джинсы и свитеры, коротко стричься и курить сигареты у всех на виду. Да и сейчас он, как писатель-поденщик, находился в гораздо лучшем положении, чем литераторы-подмастерья, которые вынуждены расхаживать в греческих туниках, римских тогах, монашеских рясах или в расшитых золотом кафтанах. А одного беднягу втравили в контракт, обязавший его наряжаться древним вавилонянином и повсюду таскать за собой три каменные плиты, деревянный молоток и зубило. Конечно, публика ждет от писателя создания достоверной атмосферы, но все-му есть предел.

В общем, однако, писатели вели столь приятное и даже

роскошное существование, что Гаспар не понимал, почему в последнее время такое множество разрядников и поденщиков взяло за обыкновение жаловаться на судьбу, поносить издателей и тешить себя иллюзией, будто каждый из них мог бы создать произведение неизмеримой глубины и силы, только бы ему дали такую возможность. Многие из них открыто ненавидели свои словомельницы, что, по мнению Гаспара, было пределом святотатства. Даже Элоиза Ибсен, подруга Гаспара, завела привычку уходить по ночам на какие-то тайные митинги протеста (о которых Гаспар даже слышать не хотел), вместо того чтобы мирно спать, ожидая его возвращения с ночной смены.

При мысли об Элоизе Гаспар вновь слегка насупился. Предписанные контрактом два часа объятий даже с писательницей высшего разряда казались ему чересчур долгими, чтобы не сказать — утомительными. Вполне хватило бы и одного часа.

— Это писатель, сынок!

Ну, конечно, это «отец с сыном на прогулке» — папаша излишне громким шепотом отвечает на вопрос своего отпрыска. Гаспар сделал вид, будто не заметил, с каким праведным негодованием было произнесено название его профессии, и прошел мимо экскурсантов с порочной ухмылкой на лице. Что поделаешь! Контракт есть контракт, к тому же предстоящие два часа блаженства были все-таки компромиссом между одним часом, который предлагал он, и тремя часами, которых требовала Элоиза.

На Читательской улице (Нью-Анджелес, Калифорния), где располагались все англоязычные издательства Солнечной системы, Гаспар, к своему удивлению, совсем не увидел людей (неужто вся дневная смена проспала?). Зато повсюду толпились зловещего вида роботы — нескладные металлические существа семи футов в высоту с единственным, как у циклопа, видеоглазом во лбу и маленькими репродукторами вместо рта — для переговоров с людьми (между собой роботы предпочитали общаться без посред-

ства звуков — напрямую принимая короткие радиоволны или просто соприкасаясь металлическими корпусами).

Тут Гаспар воспрянул духом, заметив знакомого робота. Синевато-стальной, массивный, но стройный, он выделялся на фоне своих неполированных собратьев, как скаковой конь среди першеронов.

— Привет, Зейн! — радостно воскликнул писатель. — Что происходит?

— Привет, Гаспар, — ответил робот, подходя к нему, и, снизив громкость, продолжал: — Не знаю. Эти чудища не хотят со мной разговаривать. Явные подонки, которых наняли издатели. Наверное, снова забастовали транспортники, и они опасаются, как бы не вышла заминка с вывозом готовой продукции.

— Ну так нас это не касается! — беззаботно заявил Гаспар. — Все трудишься с утра до вечера, старый металлолом?

— На полную катушку, старая отбивная, — в тон ему ответил робот. — А зарабатываю жалкую пару амперчасов, едва хватает подзарядиться.

Гаспар дружески улыбнулся, слушая добродушное гудение робота. Ему нравилось иметь дело с роботами, особенно с Зейном, давним его приятелем, хотя большинство людей косо смотрело на такое панибратство с врагами рода человеческого (как они в частных разговорах называли роботов), а Элоиза как-то во время ссоры даже назвала Гаспара «грязным роболюбом».

Возможно, эта симпатия к роботам была следствием его любви к словомельницам, однако Гаспар никогда не пытался анализировать свои чувства. Его просто влекло к роботам, и ему был противен антироботизм во всех его проявлениях. Какого черта, думал он про себя, роботы же — отличные ребята!

А Зейн Горт выделялся даже среди своих металлических собратьев. Зейн был вольным роботом и зарабатывал на зарядку сочинением приключенческих повестей для

других роботов; он прекрасно знал жизнь, обладал большим запасом доброты и любые невзгоды встречал с «двойной закалкой» (что у роботов было синонимом мужественности). И вообще был подлинным интеллигентом — одним на миллион.

— До меня дошли слухи, Гаспар,— продолжал Зейн Горт,— будто вы, писатели-люди, замышляете забастовку или что-то еще более отчаянное.

— Не верь! — заявил Гаспар. — Элоиза бы мне об этом сказала.

— Рад слышать,— вежливо согласился Зейн с легким рокотом, в котором звучало сомнение. Внезапно между его лбом и поднятой правой **клешней** проскочил сильный электрический разряд. Гаспар невольно попятился.

— Извини, Гаспар,— сказал робот,— мне надо бежать. Вот уже битых четыре часа я ломаю голову над своей новой повестью. Доктор Вольфрам попал у меня в такую передрыгу, что мне никак не удавалось его выручить. И вот только что меня осенило. Пока!

И он исчез из виду, словно голубая молния.

Гаспар неторопливо пошел дальше, стараясь представить себе, что значит четыре часа ломать голову над повестью. Разумеется, и у словомельницы бывают перебои — например, короткое замыкание,— но это, видимо, не совсем то же самое. Может, это ощущение напоминает то, которое возникает, когда удается решить шахматную задачу? Или это больше похоже на те душевные конфликты, которые мучили людей (и даже писателей!) в недобрые старые времена, когда еще не было ни гипнотерапии, ни гипертранквилизаторов, ни неутомимых роботов-психиатров?

Но в таком случае на что похожи эти душевные конфликты? Право, иногда Гаспару казалось, что его жизнь уж слишком спокойна, слишком животнов-безмятежна даже для писателя-профессионала.

Гаспар приблизился к большому книжному киоску, которым оканчивалась Читательская улица, и его туманные размышления разом оборвались. Витрины киоска сверкали и переливались, словно рождественская елка, и Гаспар вдруг почувствовал себя шестилетним ребенком, которого неожиданно навестил Дед Мороз.

За истекшие двести лет вид книжных страниц почти не изменился — все тот же черный шрифт на светлом фоне, — зато обложки преобразились поистине волшебным. Все то, что в середине XX века едва лишь намечалось, теперь пошло в рост и достигло пышного цветения. Стереопечать и четырехступенчатая репродукция позволили соблазнительным миниатюрным девицам на обложке проделывать нескончаемый стриптиз или появляться на фоне освещенных окон в прозрачных пенюарах. Плотноядно ухмылялись монстры и гангстеры, мудро и проникновенно глядели философы и министры. Падали трупы, рушились мосты, ураганы выворачивали деревья, космические корабли стремительно уносились в звездную бесконечность поперек обложки в пять на пять дюймов.

Воздействию подвергались все органы чувств. Уши пленяла тихая музыка, чарующая, как пенье сирен, пронизанная отзвуками томных поцелуев, шелканьем плеток, приглушенным треском автоматных очередей и дальним грохотом ядерных взрывов. Ноздри Гаспара улавливали запахи жареных индеек, лесных костров, сосновых игл, апельсиновых рощ, порохового дыма, марихуаны, мускуса и всемирно известных духов вроде «Фер-де-Ланс» и «Туманность № 5». И он знал, что стоит ему коснуться любой обложки, и он ощутит под пальцами фактуру бархата или норки, или лепестков розы, или сафьяна, или полированного клена, или старинной бронзы, или венецианской морской пробки, или теплой женской кожи.

Приближаясь к гроздьям книг, которые и правда были

подвешены, точно игрушки на пушистой елке (исключение составляли строгие полочки с роликами робокнигофильмов), Гаспар все более замедлял и без того неторопливые шаги, желая продлить предвкушаемое удовольствие.

В отличие от большинства своих коллег, Гаспар де ла Ньюи любил читать книги, и особенно гипнотические творения словомельниц, иногда именовавшиеся словопомолом,— с теплыми розовыми облаками прилагательных, с глаголами действия, могучими, как ураган, с объемными четырехмерными существительными и соединительными союзами, прочными, как электросварка.

И в этот момент он предвкушал целых два удовольствия: выбор новой повести на сегодняшний вечер и возможность очередной раз увидеть на прилавке свою первую книгу — «Пароль страсти», замечательную главным образом обложкой, на которой девица снимала с себя одну за другой семь разноцветных юбочек — по порядку цветов спектра. На заднике обложки был напечатан его собственный стереопортрет, в смокинге, который строго гармонировал с фоном викторианской гостиной,— Гаспар склонился над хрупкой очаровательной девушкой, чья прическа была напигована шляпными заколками длиной в добрый фут, а лиф был весьма завлекательно расстегнут почти на три четверти. Ниже шла подпись: «Гаспар де ла Ньюи собирает материал для своего шедевра». А еще ниже, мелким шрифтом: "Гаспар де ла Ньюи мыл посуду в парижских ресторанах, работал стюардом на космическом лайнере, был ассистентом в подпольном абортарии (по заданию уголовной полиции), шофером такси на Монмартре, камердинером виконта, чьи предки участвовали в крестовых походах, лесорубом в сосновых лесах Французской Канады, изучал межпланетные законы о разводах в Сорбонне, проповедовал гугенотство среди черных марсиан и служил тапером в публичном доме. Принимая мескалин, он мысленно перевоплощался в пятерых знаменитых французских сводников и воссоздал для себя все

перипетии их бесславной карьеры. Он провел три года в психиатрической лечебнице, где дважды пытался избить медсестру до смерти. Великолепный аквалангист, он продолжил на Венере бессмертные традиции своего соотечественника капитана Кусто и стал свидетелем подводных оргий венерианских русалок. Гаспар де ла Ньюи создал свой «Пароль страсти» за два с третью дня на новейшей словомельнице «Реактивный Словотвор», снабженной инжектором плавных наречий и пятисекундных душевраздирающих пауз. Он отделал роман на машине «Суперлакировщик» фирмы Симон. За «выдающийся вклад в технологию упаковки слов» де ла Ньюи удостоен премии Совета Издателей — трехдневной экскурсии по притонам Старого Манхэттена. В настоящее время Гаспар де ла Ньюи собирает материал для своего нового романа, который, как он сообщил нам, будет называться «Греша, греша».

Весь этот текст Гаспар знал наизусть. Знал он также, что в нем не было ни слова правды, если не считать упоминания, что он смолот роман за семь смен. Гаспар ни разу не покидал Земли, не посещал Парижа, не занимался никаким видом спорта утомительнее пинг-понга, не занимал должности экзотичнее, чем должность клерка, и не страдал даже обыкновенным репортерским неврозом. А «собираание материалов для шедевра» запомнилось ему в основном ослепительными лучами стереопроекторов и жалобами его партнерши по съемкам на то, что от него разит дешёвым табаком. На него она даже не смотрела и кокетничала с фотографом. Впрочем, подумал Гаспар, с него вполне достаточно и Элоизы.

Но хоть аннотация была набором лжи, а ее текст Гаспар знал наизусть, ему все-таки было приятно остановиться у прилавка и перечитать ее еще раз, вновь смакуя все подробности такой отвратительно-лестной биографии.

Гаспар протянул было руку к переливающейся красками книге (девица на обложке как раз принималась за свою последнюю, фиолетовую, юбку), как вдруг откуда-то

сбоку взметнулась багровая, ревущая, смрадная струя пламени и в мгновение ока испепелила миниатюрный мирок раздевающейся куколки. Гаспар отпрянул, весь еще во власти чудесного видения, хотя оно уже обратилось в кошмар. За три секунды восхитительная книжная елочка превратилась в обугленный скелет. Струя огня погасла — и раздался злорадный хохот. Гаспар узнал это меццо-сопрано.

— Элоиза! — воскликнул он, не веря своим ушам. Но перед ним действительно стояла его подруга. Крупные черты ее лица были искажены дьявольским ликованием, черные волосы разметались, как у вакханки, мощная грудь яростно вздымалась, а правая рука сжимала злоеций черный шар.

Рядом с ней стоял Гомер Дос-Пассос, писатель-перво-разрядник, бривший голову. Гаспар считал его гориллой и идиотом, однако Элоиза с недавних пор завела привычку повторять лаконичные нелепости этого тупицы. Самым примечательным в наряде Гомера был его вельветовый охотничий жилет, нагрудные карманы которого были набиты гигантскими хлопущками, и широкий кушак, за который был заткнут топор в чехле. Его волосатые лапы сжимали дымящееся сопло огнемета.

Позади стояли два дюжих писателя-поденщика в полосатых свитерах и синих беретах. Один из них держал резервуар огнемета, в руках у другого был автомат и флажок с черной цифрой «30» на сером фоне.

— Что ты делаешь, Элоиза? — дрожащим голосом спросил Гаспар.

Темноволосая валькирия уперлась кулаками в бедра.

— То, что надо, жалкий лунатик! — ответила она, ухмыляясь. — Вытащи затычки из ушей! Разуй глаза! Расшнуруй свой крохотный умишко!

— Но зачем вы жжете книги, дорогая?

— Эту машинную жвачку ты называешь книгами? Слизиак! Неужели тебе никогда не хотелось создать что-

то по-настоящему свое? Нечто неповторимо индивидуальное?

— Конечно, нет! — воскликнул шокированный Гаспар. — С какой стати? Но, дорогая, ты мне так и не сказала, почему вы жжете...

— Это еще цветочки! — оборвала его Элоиза. — Символический жест! Наш сокрушительный удар еще впереди! Идем с нами, Гаспар, для тебя тоже найдется дело! Хватит просиживать брюки, будь настоящим мужчиной!

— Какое дело? Дорогая, ты мне все еще не сказала, почему...

— Детка, не трать зря время, — вмешался Гомер Дос-Пассос, смерив Гаспара презрительным взглядом.

Гаспар, игнорируя его, поинтересовался:

— А зачем тебе этот чугунный шар, Элоиза?

Атлетическая красавица, по-видимому, только и ждала этого вопроса:

— Ты такой любитель книг, Гаспар! А про нигилистов ты когда-нибудь читал?

— Нет, дорогая, как будто нет.

— Ну, так еще считаешь. А теперь дай ему топор, Гомер! — скомандовала Элоиза.

И тут Гаспар вспомнил свой разговор с Зейном Гортом.

— Ребята, вы что, бастуете? — ошеломленно спросил он. — Элоиза, ты мне ни слова не сказала...

— А ты как думал? Разве на тебя можно положиться? Слабость на слабости! И в частности, к словомельницам. Но мы дадим тебе шанс показать себя. Бери топор!

— Слушайте, ребята, у вас ничего не выйдет! — попробовал убедить их Гаспар. — Улица битком набита роботами-наемниками.

— Ну, они нам не помеха, парень, — загадочно заявил Гомер Дос-Пассос. — Мы про эти жестянки кое-что знаем. Если тебя волнуют только они, парень, можешь спокойно взять топор и распотрошить словомельницу-другую.

— Распотрошить словомельницу? — ахнул Гаспар так, словно произносил: «Застрелить папу римского?», «Отравить озеро Мичиган?» или «Взорвать солнце?».

— Вот именно, распотрошить словомельницу! — рявкнула его властная подруга. — Решай, Гаспар, и побыстрее! Кто ты — настоящий писатель или штрейкбрехер? Герой или издательский прихвостень?

На лице Гаспара появилось выражение непреклонной решимости.

— Элоиза, — твердо сказал он, — мы сейчас же идем домой!

И он шагнул к своей возлюбленной.

Огромная волосатая лапа уперлась в грудь Гаспара и швырнула его на каучуковый тротуар.

— Когда будет надо, она пойдет домой, парень, — объявил Гомер Дос-Пассос. — Со мной!

Гаспар вскочил, размахнулся, попытался нанести удар и был отброшен ленивым тычком, от которого у него потемнело в глазах.

— И ты называешь себя писателем? — с недоумением спросил Гомер и нанес удар, от которого сознание Гаспара тотчас померкло. — Да ты настоящего писательства и не нюхал!

3

Отец и сын в одинаковых бирюзовых прогулочных костюмах с опаловыми пуговицами снисходительно разглядывали словомельницу Гаспара. Писатель дневной смены так и не появился. Джо Вахтер спал, прислонившись к табельным часам. Остальные экскурсанты разбрелись по залу. Откуда-то появился розовый робот и скромно сел на стул в дальнем углу. Клепни робота непрерывно щелвелились — казалось, будто он вяжет.

Отец. Ну, сынок, посмотри на нее! Нет-нет, не нужно так запрокидывать голову!

Сын. Какая она большая, папа.

Отец. Верно, сынок, очень большая. Это словомельница, она сочиняет книги.

Сын. И мои книжки тоже?

Отец. Нет, эта машина сочиняет книги только для взрослых. А маленькие книжки пишет машина поменьше, детского формата...

Сын. Пошли дальше, папа.

Отец. Нет, сынок! Ты же хотел увидеть словомельницу! Приставал и приставал, и я из-за тебя потратил уйму времени, чтобы получить пропуск. Так уж теперь будь любезен смотреть и слушать, что я тебе объясняю.

Сын. Хорошо, папа.

Отец. Ну вот, она устроена следующим образом... Впрочем, не так... Она устроена...

Сын. Папа, это ведь робот?

Отец. Нет, это не то чтобы робот вроде электромонтера или, скажем, твоего учителя. Словомельница не имеет личности в отличие от роботов, хотя она тоже сделана из металла и работает с помощью электричества. Словомельница похожа на счетно-решающую машину, только она имеет дело не с цифрами, а со словами. Она похожа на электронного шахматиста, только тот делает ходы на доске, а она — в книге. Но она не живая, как робот, она не может двигаться. Она может только писать книги.

Сын (*пиная словомельницу*). Дурацкая старая машина!

Отец. Сейчас же прекрати! Видишь ли, существует множество способов рассказать одну какую-то историю.

Сын (*продолжая уныло пинать машину*). Да, папа.

Отец. Каждый способ определяется выбором слов. Когда первое слово выбрано, остальные должны ему соответствовать. Они должны нести одно какое-то на-

строение и создавать нарастание напряжения с микрометрической точностью... Что все это значит, я тебе объясню в другой раз...

Сын. Хорошо, папа.

Отец. В словомельницу закладывают общий план книги, и он поступает прямо в ее электронный мозг — очень большой, даже больше, чем у твоего папочки! И она выдает первое слово наугад. На техническом языке это называют «снять козырь». А иногда первое слово в нее закладывает программист. Но когда словомельница выбирает второе, оно должно по настроению точно соответствовать первому — как и третье, и четвертое. Если заложить в нее один план и дать сто разных первых слов — по очереди, разумеется, — она напишет сто совершенно разных книг. На самом деле это гораздо сложнее и недоступно пониманию маленького мальчика.

Сын. Значит, словомельница рассказывает одно и то же, только разными словами?

Отец. Ну, в общем, пожалуй, да.

Сын. По-моему, это дурацкое изобретение.

Отец. Совсем не дурацкое, сынок. Все взрослые люди читают романы. Твой папочка тоже их читает.

Сын. Да, папа. А это кто?

Отец. Где?

Сын. А вот там, идет в нашу сторону. Дама в голубых штанах. Она забыла застегнуть блузку...

Отец. Кх-м... Немедленно отвернись! Это... это писательница.

Сын (*продолжая смотреть*). А что такое писательница, папа? Та нехорошая дама, которая хотела с тобой заговорить, а ты отвернулся, тоже была писательница? Помнишь, ты мне рассказывал?

Отец. Нет, нет, сынок! Писатели и писательницы — это просто те, кто ухаживает за словомельницей. Они стирают с нее пыль, смазывают и так далее. Правда, издатели делают вид, будто писатель помогает словомель-

нице писать книги, но это выдумки, сынок, чтобы людям было интереснее. Писателям разрешают одеваться неряшливо и вести себя невоспитанно, наподобие цыган. Это оговорено в их контрактах и восходит к тому времени, когда словомельницы только изобрели...

Сын. Папа! Она что-то сунула в эту словомельницу. Какой-то черный шар.

Отец (не глядя). Наверно, она ее смазывает или меняет в ней транзистор, сынок, как того требуют ее обязанности. Я знаю, ты не поверил бы тому, что я сейчас тебе расскажу, если бы узнал это не от папочки. До того как словомельниц еще не было...

Сын. Оттуда дым идет, папа!

Отец (по-прежнему не глядя). Не перебивай! Наверно, она случайно пролила масло. До того как были изобретены словомельницы, писатели писали книги сами! Им приходилось выискивать...

Сын. Писательница куда-то побежала, папа.

Отец. Не перебивай! Им приходилось выискивать каждое слово для книги в своей собственной памяти. Это, несомненно...

Сын. Папа, а дым идет все сильнее и искры сыплются...

Отец. Не перебивай! Это, несомненно, был невероятно тяжелый труд. Как постройка пирамиды,

Сын. Да, папа. А дым...

Б-у-у-м!

Словомельница Гаспара с оглушающим грохотом разлетелась на мелкие куски, а с ней и обладатели бирюзовых костюмов с опаловыми пуговицами.

Они мгновенно и безболезненно покинули этот мир — случайные жертвы профессионального мятежа. За первым взрывом последовали десятки других, но, к счастью, больше от них никто серьезно не пострадал.

По всей Читательской улице, которую некоторые называли также улицей Грёз, писатели громили словомель-

ницы. От обугленной книжной елочки, где свалился Гаспар, и до самых стартовых площадок книжных космолетов на другом конце улицы — всюду бушевали члены писательского союза, ломая и сокрушая все вокруг. Бурным потоком разливалась по единственному во всей Солнечной системе полностью механизированному издательскому комплексу буйная пестрая толпа писателей в беретах и купальных халатах, в тогах и брызжжах, в кимоно и плащах, в спортивных рубашках и кружевных манишках, в кафтанах и лосинах, в майках и джинсах. Они врывались в каждый словомольный цех, сея смерть и разрушение среди гигантских машин, чьими слугами они стали и в чьих электронных челюстях рождалась та жвачка, которой одурманивались обитатели трех планет, доброй полдюжины лун и нескольких тысяч спутников и космических кораблей, несущихся по своим орбитам и траекториям.

Писатели не желали больше продавать себя за высокие оклады и дешевые погремушки вроде старинных костюмов, которые стали символом их ремесла, или прославленных имен, которые они присваивали с разрешения и по прямому настоянию издателей, — они громили и крушили, взрывали и уничтожали, а полиция безмятежно взидала на их бесчинства, так как правительство давно уже искало случай подорвать мощь издательских корпораций.

Роботы-наемники, к услугам которых в последнюю минуту попытались обратиться захваченные врасплох издатели, тоже бездействовали — руководство их Межпланетной лиги решило остаться в стороне от конфликта. А потому и роботы стояли молча, словно мрачные металлические статуи, все в шрамах от кирпичей, в язвах от кислот, в ожогах от электроразрядов лучевых пистолетов (следы бесчисленных схваток с забастовочными пикетами), — стояли и смотрели, как гибнут их неподвижные и неодушевленные родичи.

Гомер Дос-Пассос разворотил топором переднюю элегантно-серую панель «Жанро-жернователя» (издательство «Рэндом-Хаус») и начал крушить лампы и транзисторы в чреве словомельницы.

Агата Занд сунула носик огромной воронки в памятные блоки «Всепишителя» фирмы Скрибнер и вылила два галлопа дымящей азотной кислоты прямо в ее невообразимо хрупкие внутренности.

Шарлотта Бичер-Эллиот облила бензином «Романодробилку» фирмы Нортон и завопила от радости, когда в небо взвились языки пламени.

Эдгар Конан-Честертон всыпал в «Тайнонакопитель» фирмы Даблдэй губительный для машины магнитный порошок.

Герберт Станислав Брэдбери заложил заряды направленного действия в «Н-Ф-делатель» фирмы Эпплтон и чуть было не расстался с жизнью, отгоняя зевак, пока яростные струи раскаленного газа обращали в пыль километры тончайшей серебряной проволоки в соленоидах и обмотках.

Вальтер Купер изрубил мечом «Историограф» фирмы Хьютон, вскрыл панель алебардой и метнул внутрь поток «греческого огня», который он сам составил по рецепту, найденному в древнем манускрипте.

Брет Фенимор Лондон разрядил свою шестистволку в «Золотоискателя» фирмы Уитлзи, а затем подорвал его шестью палочками динамита.

Шекспиры неистовствовали, Данте сеяли вокруг электрохимическую смерть, Милтоны и Софоклы сражались плечом к плечу с Бальзаками и Моруа, Рембо и Саймаки по-братски делили опасности, а замыкали арьергард несметные орды Синклеров и Дюма, различавшихся только инициалами.

То был черный день для любителей чтения. А возможно, то была, напротив, заря новой эры.

Один из последних эпизодов Бойни словомельниц, которую одни историки сравнивали с пожаром Александрийской библиотеки, а другие — со штурмом Бастилии, — разыгрался в огромном зале, где размещались словомельницы издательств «Рокет-Хаус» и «Протон-Пресс». После того как взрыв уничтожил словомельницу Гаспара, там наступило некоторое затишье. Все уцелевшие экскурсанты выбежали из зала, и только две пожилые учительницы, прижавшись к стене и цепляясь друг за друга, с ужасом следили за происходящим.

К ним прижался не менее перепуганный розовый робот — стройный, тоненький, с осиной талией, удивительно женственный.

Минуту спустя Джо Вахтер пробудился, оторвал свое тело от табельных часов, неторопливо побрел через зал и извлек из стенного шкафа веник и совок для мусора. Затем он так же неторопливо вернулся обратно и еще более неторопливо начал водить веником у подножья словомельницы, сметая в кучку кусочки металла, обрывки изоляции и бирюзовой ткани. Один раз Джо наклонился, извлек из мусора опаловую пуговицу, целую вечность ее разглядывал, но потом покачал головой и бросил в совок.

И тут в зал ворвались опьяненные победой писатели. Они двигались клином, на острие которого три огнемета с ревом изрыгали огромные, двадцатифутовые струи пламени.

Огнемечки со своими помощниками набросились на пять уцелевших словомельниц, а остальные писатели с дьявольскими воплями принялись бегать вокруг, словно обитатели преисподней, пляшущие в багровых, дымных отблесках. Они пожимали друг другу руки, они хлопали друг друга по спине, они громогласно вспоминали самые жестокие подробности уничтожения той или иной осо-

бенно ненавистной словомельницы и при этом оглушительно хохотали.

Учительницы и розовая роботесса еще теснее прижались друг к другу. Джо Вахтер поглядел на беснующуюся орду, покачал головой, словно бы выругался вполголоса, и продолжал свою бессмысленную уборку.

Несколько писателей схватились за руки, вскоре к ним присоединились все остальные, кроме огнеметчиков, и вот уже по залу закружился безумный хоровод — людская змейка извивалась между обугленными скелетами словомельниц, беззаботно проносясь совсем рядом с изрыгающими смрадное пламя огнеметами. В такт мерному движению вереницы — шаг назад, два вперед — писатели испускали дикие вопли. Джо Вахтер оказался внутри этой живой спирали, но продолжал невозмутимо орудовать веником, хотя все время покачивал головой и что-то бормотал себе под нос.

Постепенно оглушительные крики начали складываться в членораздельные слова. И вскоре уже можно было разобрать весь свирепый гимн:

К черту всех издателей!

К черту всех издателей!

Даешь соленые слова!

В заднюю папелъ программистов!

В заднюю панель программистов!

Долой словомельницы!

И тут розовая роботесса внезапно выпрямилась. Оттолкнув учительниц, она бесстрашно двинулась вперед, размахивая тонкими руками и что-то крича тоненьким голоском, который тонул в оглушительном реве толпы.

Писатели заметили приближение возмущенной роботессы и, подобно всем людям давно привыкнув уступать дорогу металлическим существам, когда те приходили в исступление, теперь просто разомкнули цепь, провожая роботессу хохотом и улюлюканьем.

Какой-то писатель в помятом цилиндре и порванном рединготе крикнул:

— Что за оловянный симпомпончик, ребята!

Это вызвало неопиcуемый хохот, а миниатюрная авторисса по имени Симона Вирджиния Саган в измятом фране покроя XIX века завопила:

— Берегись, Розочка! Мы теперь такое напишем, что у вас, редакторов, все контуры разом перегорят.

Розовая роботесса продолжала заламывать руки и что-то требовать, но писатели только громче выкрикивали слова своего гимна прямо ей в лицо.

Тогда роботесса топнула изящной алюминиевой ножкой, стыдливо отвернувшись к стене и торопливо коснулась каких-то кнопок у себя на груди. Затем она снова повернулась лицом к толпе, и ее тоненький голосок тотчас превратился в раздражающий уши вой, от которого хоро-вод застыл на месте и смолк, а учительницы в противоположном конце зала съежились и заткнули пальцами уши.

— О ужасные, невоспитанные люди! — воскликнула розовая роботесса приятным, но слишком уж сахаристым голосом. — Если бы вы знали, какую боль вы причиняете моим конденсаторам и реле такими словами, вы бы не стали их повторять. Еще одно такое выражение — и я начну кричать по-настоящему. Бедные, заблудшие ягнятки, вы совершили и наговорили столько ужасных вещей, что я просто не знаю, с чего начать мою правку. Но разве не было бы лучше... да-да, гораздо лучше, если бы для начала вы пропели свой гимн слегка иначе, скажем, вот так...

И прижав свои тонкие пальцы-клешни к алюминиевой груди, розовая роботесса мелодично пропела:

Возлюбим любимых издателей!

Возлюбим любимых издателей!

Да живут изящные сло-ва!

В передние ряды программистов!
В передние ряды программистов!
Слава словомельницам!

В ответ раздались злобные вопли и истерический смех — примерно в равной пропорции.

В двух огнеметах кончилось горючее, но они уже сделали свое дело — словомельницы, которые они усердно поливали огнем («Гидропрозаический пресс» и «Всежанрист» издательства «Протон-Пресс»), раскалились докрасна и чадили сгоревшей изоляцией. Третий огнемет, которым вновь орудовал Гомер Дос-Пассос, продолжал поглаживать пламенем раскаленный «Фразировщик» (издательства «Рокет-Хаус»); чтобы продлить удовольствие, Гомер переключил аппарат на минимальную мощность.

Хоровод рассыпался, и толпа писателей, состоявшая преимущественно из подмастерьев мужского пола, надвинулась на розовую роботессу, дружно выкрикивая все известные им ругательства. (Даже для людей лишь формально грамотных этот набор выглядел удивительно скудным — всего каких-нибудь семь слов.)

В ответ роботесса «закричала по-настоящему», поставив свой пронзительный гудок на полную мощность и меняя его тональность от вызывающего зубную боль инфразвука до раздражающего барабанные перепонки ультразвука. Словно разом заревели семь старых пожарных сирен, варьируя свой звук от дисканта до баса.

Люди затыкали уши и буквально морщились от боли.

Гомер Дос-Пассос, обхватив голову левой рукой, чтобы зажать оба уха, правой направил тоненькую струю пламени через зал на ноги роботессы.

— Заткни глотку, сестренка! — рявкнул он, вода пламенем по ее стройным лодыжкам.

Вой прекратился, и где-то внутри послышался душе-

надрывающий металлический треск, словно лопнула пружина. Роботесса вздрогнула и зашаталась, как волчок перед падением.

Тут в зал вбежали Гаспар де ла Нью и Зейн Горт. Отливающий стальной синевой робот стремительно бросился вперед (со скоростью примерно впятеро больше человеческой) и подхватил розовую роботессу, когда та уже опускалась на пол. Поддерживая ее, он молча глядел на Гомера Дос-Пассоса, который при его появлении опасливо повернул струю огнемета снова на «Фразировщика». Когда к ним подбежал Гаспар, робот сказал:

— Поддержи мисс Румянчик, дружище! Осторожнее, у нее шок.

Затем он повернулся и пошел к Гомеру.

— Держись от меня подальше, жестянка черномазая! — с дрожью в голосе завопил Гомер и направил струю пламени на приближающегося робота, но она внешне иссякла.

Зейн вырвал у Гомера его оружие, схватил его за шиворот, перегнул через свое стальное колено и раскаленным соплом огнемета отвесил ему пять полновзвучных шлепков по седалищу.

Гомер завопил. Писатели, застыв, уставились на Зейна Горта, точно высокомерные римские патриции на Спартака.

5

Элоиза Ибсен никогда не принимала близко к сердцу мальчишество своих друзей мужского пола. А поэтому, не обращая внимания на то, как шлепают Гомера, она направилась к Гаспару.

— Я не в восторге от твоей новой подружки, — сказала она, смерив взглядом мисс Румянчик. — Цвет для

хористики не так уж плох, но ведь ущипнуть ее не за что! — Пока Гаспар искал ответ на эту шпильку, она продолжала: — Вот уж не думала, что среди моих знакомых найдется такой роболоуб. Впрочем, я не предполагала, что среди них найдется и издательский шпик!

— Послушай, Элоиза, я вовсе не шпик! — возмущенно возразил Гаспар. — Я никогда не шпионил и штрейк-брехером я тоже не был и не буду. Все, что вы творите, мне противно, и я не отрицаю, что бросился сюда, едва очнулся, чтобы попытаться спасти словомельницы. С Зейном я встретился по дороге. Да, мне противно и отвратительно то, что совершили вы, так называемые писатели, но если бы я даже заранее знал об этом вашем замысле, я бы все равно не пошел к издателям, а попробовал бы сам что-нибудь сделать!

— Расскажи это своему Флаксмену! — насмешливо отозвалась его бывшая подруга. — Может, он наградит тебя жестяной медалью. Ты грязный шпик, ты еще у книжного дерева пытался нас задержать...

— Неправда! — завопил Гаспар. — А если даже и пытался, так вовсе не ради издателей.

— Оправдываться будешь перед Флаксменом и Каллингемом, а меня от своих объяснений избавь, грязный шпик, — отрезала Элоиза.

Тут Зейн Горт, успевший за пять секунд (абсолютный рекорд!) получить от Джо Вахтера все необходимые сведения и еще за четыре секунды метнуться к шкафу и обратно, подбежал к Гаспару, держа в клешнях носилки. Он положил носилки на пол и бережно опустил на них мисс Румянчик.

— Помоги мне, Гаспар, — торопливо сказал он. — Ее нужно унести в безопасное место и присоединить к электросети, прежде чем все ее реле выйдут из строя. Берись с другой стороны!

Гаспар взялся за ручки носилок и в ногу с Зейном направился к двери. Вокруг них засвистели металличе-

ские обломки, которые разъяренные писатели швыряли им вдогонку. Зейн ускорил шаг, и Гаспар затрусил мелкой рысцой. Рядом с его ухом разорвалась огромная хлопушка.

— А-а-а! — разочарованно застонал Гомер Дос-Пассос, поджигая фитиль своей последней хлопушки. Но она взорвалась футов за десять от цели. И Зейн с Гаспаром благополучно выскользнули из зала. На улице Зейн пошел тише, а Гаспар, к своему изумлению, вдруг обнаружил, что чувствует себя превосходно — он был возбужден и ощущал приятную легкость мыслей. Его бархатная куртка была порвана, лицо вымазано сажей, на подбородке красовалась шишка величиной с лимон, и, несмотря на все это, он испытывал прилив необыкновенной энергии.

— Зейн, ты блестяще отделал Гомера! — воскликнул он. — Старая ты жестянка, я и не подозревал, что ты на это способен!

— А я обычно и не способен, — скромно ответил робот. — Как тебе известно, Первый закон роботехники запрещает роботу причинять вред человеку, но, клянусь святым Айзеком, Гомер Дос-Пассос под это определение никак не подходит. К тому же мои действия нельзя считать причинением вреда, а лишь полезной предупредительной мерой.

— Правда, можно понять и моих коллег! — продолжал Гаспар. — Мисс Румянчик перегнула палку. «Возлюбим любимых издателей!» Надо же такое придумать!

— Я тоже способен смеяться над излишней осторожностью редакторов, — сухо ответил Зейн. — Но не кажется ли тебе, Гаспар, что за последние двести лет род человеческий начал слишком уж злоупотреблять вульгаризмами и двумя-тремя краткими выразительными глаголами, связанными с процессами выделения и размножения? В моей книге доктор Вольфрам говорит своей золотистой робоподруге, которую томят мечты стать человеком: «Ты

слишком идеализируешь людей, Бланда! Люди — это губители грез. Они убрали радужные пузыри из мыльной пены и назвали ее стиральным порошком. Они лишили любовь лунного света и назвали ее сексом». Но довольно этих филологических изысканий, Гаспар! Нужно побыстрее включить мисс Румянчик в электросеть, а в этом районе все провода перерезаны.

— Прости, но почему ты не хочешь подзарядить ее от своего аккумулятора?

— Она может неправильно истолковать мои намерения, — укоризненно заметил Зейн. — Конечно, в крайнем случае я прибегнул бы к этому способу, но у нас еще есть время. Она не испытывает никакой боли, так как я поставил ее регуляторы на глубокий сон. Тем не менее...

— А не заглянуть ли нам в «Рокет-Хаус»? Контора питается от другого кабеля. Раз уж Элоиза все равно считает меня шпиком, так пойду я к издателям или нет — хуже не будет.

— Отличная мысль! — согласился робот.

На первом же перекрестке они повернули направо, и робот снова зашагал быстрее.

— Мне все равно нужно повидать Флаксмена и Каллингема, — говорил Гаспар, переходя на бег. — Я хочу выяснить, почему они ничего не предприняли для защиты своих словомельниц? Казалось бы, уж о своем-то кошельке они могли позаботиться!

— Мне тоже нужно обсудить несколько деликатных вопросов с нашими почтенными нанимателями, — заметил Зейн. — Гаспар, старая кость, ты оказал мне сегодня услугу, далеко выходящую за рамки одолжений, которое одно разумное существо обязано оказывать другому. Я чрезвычайно тебе благодарен, Гаспар, и постараюсь при случае отплатить тем же.

— Спасибо, старая гайка, — ответил Гаспар.

Когда последние словомельницы были сожжены или взорваны, опьяненные победой писатели разошлись по своим романтическим жилищам, по своим Латинским кварталам и Гринич-Виллидхам и принялись безмятежно ждать, чтобы на них снизошло вдохновение.

Но оно явно заставляло себя ждать.

Минуты превращались в часы, часы складывались в дни.

Были сварены и выпиты цистерны кофе, на полу мансард, мезонинов и чердаков (по свидетельству антикваров, точно воспроизводивших обиталища древних служителей муз) росли горы окурков, но тщетно! Великие эпические произведения не рождались, и никому не удалось сотворить даже простенькой приключенческой повестушки.

Отчаявшись, писатели рассаживались кружком и брались за руки в надежде, что это поможет сконцентрировать психическую энергию и возродит в них творческое начало, а то даже и свяжет их спиритически с давно умершими авторами, которые любезно согласятся уступить свои сюжеты, им самим совершенно не нужные в потустороннем мире.

Но книги все равно не появлялись.

Беда была в том, что представления этих профессиональных писателей о творческом процессе исчерпывались нажатием на пусковую кнопку словомельницы, а как бы далеко ни шагнул человек Космической эры, кнопки у него еще не выросли, и писателям оставалось только скрипеть зубами от зависти, глядя на роботов, которые в этом отношении были гораздо более совершенными.

Мимоходом многие писатели обнаружили, что они не умеют составлять из слов осмысленные фразы, а то и вовсе не способны написать хотя бы букву. Проходя

психо-слухо-теле-гипно-обучение, они пренебрегли факультативным курсом этого устаревшего искусства. Они бросились покупать диктописцы — весьма полезные аппараты, преобразовывающие устную речь в письменную, но тут большинство с тоской обнаружило, что располагает лишь минимальным запасом слов, которого только-только хватает на житейские нужды. Они поглощали огромное количество первосортного словопомода, но создать что-нибудь самим было для них так же невозможно, как заставить свой организм вырабатывать мед или шелковую паутинку.

Справедливость требует указать, что некоторые из этих неписателей — пуристы вроде Гомера Дос-Пассоса — и не собирались ничего писать после уничтожения словомельниц, рассчитывая, что этим пустяковым делом займутся их менее атлетичные и более эрудированные коллеги. А кое-кто — и в том числе Элоиза Ибсен — рассчитывал в результате возглавить писательский союз, или выйти в издатели, или еще как-то обратить себе на пользу хаос, который воцарится после уничтожения словомельниц, или, на худой конец, просто отвести душу.

Однако в большинстве писатели искренне верили, что сумеют писать рассказы и даже великие романы, хотя никогда ничего не писали. И теперь их постигло разочарование.

Продумав семнадцать часов подряд, Франсуа Сервантес Пруст медленно вывел: «Ускользя, скользя, все время поворачиваясь, взбираясь выше и выше все расширяющимися огненными кругами...» — и остановился.

Гертруда де Бовуар прикусила зубами кончик языка и вывела печатными буквами: «Да, да, да, Да, ДА! — сказала она».

Вольфганг Фридрих фон Вассерманн застонал в творческих муках и нанес на бумагу: «Однажды...»

И это было все.

Тем временем на планете Плутон Генеральный ин-

тендант Космической пехоты отдал приказ урезать рацион книг и литературных лент, так как запасов чтива осталось только на три месяца, а подвоз грозит надолго прекратиться.

Поставки новых книг в магазины Земли были урезаны сначала на пятьдесят, а затем на девяносто процентов в целях экономии скудного резерва уже смолотых произведений. Домашние хозяйки, следовавшие системе «по книге в день», обрывали телефоны у мэров и конгрессменов. Премьер-министры, имевшие привычку засыпать с детективной повестью в руках (а порой и черпать из нее глубокие государственные соображения), следили за развитием событий с глубокой тревогой. Телевизионные программы и трехмерные фильмы были также переведены на строгий режим, поскольку и сценарии и тексты для них поставляли те же словомельницы. Специалисты в области электроники и кибернетики в своих предварительных секретных докладах сообщали, что на восстановление хотя бы одной словомельницы потребуется от десяти до четырнадцати месяцев, и мрачно намекали, что окончательная оценка может оказаться еще более пессимистичной.

Торжествующее англо-американское правительство внезапно поняло, что поставленные на колени издатели не смогут теперь платить своим служащим, — а ведь Министерство безработицы предполагало сбыть в неквалифицированные словомолы не обеспеченных работой подростков.

Правительство обратилось с воззванием к издателям, а издатели — к писателям, умоляя их придумать хотя бы новые названия, под которыми можно было бы выпустить старосмолотую продукцию. Впрочем, консультанты-психологи предупредили, что эта попытка все равно обречена на неудачу — по каким-то причинам при повторном чтении книги даже самого тончайшего помола не вызывали ничего, кроме отвращения.

Предложение выпустить классические произведения литературы XX века и даже более древних времен, на котором настаивала горстка идеалистов и других чудаков, было отвергнуто как неосуществимое: читатели, с детства привыкшие к словопомолу, находили книги дословомольных времен нестерпимо скучными и вообще невразумительными. Правда, некий гуманист-отшельник заявил, будто виной тут невразумительность словопомола, который представляет собой словесный наркотик без малейшего смысла, а потому после него невозможно читать книги, содержащие хоть какие-то мысли, но его дикое заявление даже не попало в печать.

Издатели пообещали писателям полную амнистию, отдельные от роботов места общего пользования и увеличение заработной платы на семнадцать центов, если они представят рукописи, написанные на уровне хотя бы самой примитивной словомельницы.

Писатели снова собирались в кружки, усаживались на пол, поджав под себя ноги и держась за руки, таранились друг на друга и сосредоточивались еще отчаянней, чем прежде.

И никакого результата.

7

В самом дальнем конце Читательской улицы, много дальше того места, где улица Грёз переходит в тупик Кошмаров, расположена контора издательства «Рокет-Хаус», которое сведущие люди называют «Рэкет-Хаусом».

Через пять минут после того, как Гаспар и Зейн решили искать помощи и совета у издателей, они уже тащили носилки с изящным розовым грузом по бездействующему эскалатору, который вел на второй этаж, в кабинет издателей.

— Кажется, я зря тебя сюда зазвал,— заметил Гас-

пар.— Здесь тоже нет электричества. Судя по разрушениям у входа, писатели и тут побывали.

— Поднажми, друг,— оптимистически ответил Зейн.— Насколько я помню, второй этаж питается от другой подстанции.

Гаспар остановился перед скромной дверью, на которой висела табличка с надписью «Флаксмен», а чуть пониже другая — «Каллингем». Коленом он нажал на кнопку электрозамка. Это не дало никакого эффекта, и он изо всей силы пнул дверь ногой. Она распахнулась, и взгляду представился просторный кабинет, обставленный с дорогостоящей простотой. За сдвоенным письменным столом, который напоминал два соединенных полумесяца, восседал коренастый брюнет, улыбавшийся деловито и энергично, а рядом с ним сидел высокий блондин, улыбавшийся деловито, но томно. Они, по-видимому, мирно и неторопливо о чем-то беседовали, что привело Гаспара в полное недоумение: ведь они только что понесли катастрофические убытки. Они посмотрели на вошедших с некоторым удивлением, но без малейшей досады.

Гаспар по сигналу робота осторожно опустил носилки на пол.

— Ты уверен, что сумеешь ей помочь, Зейн? — спросил Гаспар.

Робот сунул кончик клешни в настенную розетку и кивнул.

— Мы-таки добрались до электричества,— ответил он.— Больше мне ничего не нужно.

Гаспар подошел к письменному столу и твердо оперся на него ладонями.

— Ну? — спросил он не слишком вежливо.

— Что «ну», Гаспар? — рассеянно отозвался брюнет. Он водил карандашом по листу серебристо-серой бумаги, рисуя бесчисленные овалы, и покрывал их узорами, точно пасхальные яйца.

— Я хочу спросить, где вы были, когда они ломали ваши словомельницы? — Гаспар ударил кулаком по столу. Брюнет вздрогнул, но без особого испуга.

— Послушайте, мистер Флаксен, — продолжал Гаспар. — Вы и мистер Каллингем (он кивнул в сторону высокого блондина) — хозяева «Рокет-Хауса». По-моему, это означает нечто большее, чем право собственности. Это обязывает к ответственности, к верности. Почему вы не пытались защитить свои машины?

— Ай-ай-ай, Гаспар, — произнес Флаксен, — а где же ваша собственная верность? Верность одного длинноволосого другому?

Гаспар яростно отбросил со лба длинные темные кудри.

— Потихе-потихе, мистер Флаксен! Волосы у меня длинные, и я ношу эту обезьянью курточку только потому, что этого требует контракт, только потому, что таковы профессиональные обязанности писателя. Но меня эта мишура не обманывает, я знаю, что я не литературный гений. Быть может, я ходячий атавизм, даже предатель по отношению к своим братьям. А вам известно, что они прозвали меня Гаспар-Гайка? И мне это нравится, потому что я люблю болты и гайки и хотел бы быть просто механиком при словомельнице, и ничего больше.

— Гаспар, что с вами стряслось? — удивленно спросил Флаксен. — Я вас всегда считал средним самодовольно-счастливым писателем — не умнее других, но куда более удовлетворенным своей работой. И вдруг вы ораторствуете, как взбесившийся фанатик. Право же, я искренне изумлен!

— И я не меньше, — признался Гаспар. — Вероятно, я просто впервые в жизни спросил себя, чего же я в конце концов хочу и чего не хочу. И одно я понял: я меньше всего писатель. И к черту писателей! — Гаспар перевел дух и продолжал твердым голосом: — Я любил словомельницы, мистер Флаксен. Мне нравились их

продукция, не спорю, но гораздо больше я любил сами машины. Послушайте, мистер Флаксен, я знаю, вам принадлежало несколько словомельниц, но отдавали ли вы себе отчет, что каждая словомельница была неповторима и уникальна — поистине бессмертный Шекспир? Да и много ли людей понимало это? Но ничего, скоро они поймут! Еще сегодня утром на Читательской улице было пятьсот словомельниц, а сейчас на всю Солнечную систему не осталось ни одной — три из них можно было еще спасти, если бы вы не испугались за свою шкуру. И пока вы тут сидели и болтали, было безжалостно убито пятьсот Шекспиров, убийство оборвало существование пятисот бессмертных литературных гениев, которые...

Он умолк, потому что Каллингем разразился почти истерическим смехом.

— Вы смеетесь над духовным величием? — рывкнул Гаспар.

— Нет, — удалось наконец выговорить Каллингему. — Я просто захлебываюсь от восхищения при виде человека, который способен узреть Сумерки Богов в уничтожении нескольких гипертрофированных пишущих машинок!

8

— Давайте обратимся к фактам, Гаспар, — продолжал белобрысый владелец «Рокет-Хауса», когда ему удалось наконец взять себя в руки. — Словомельницы — это ведь не роботы. Они никогда не обладали хотя бы подобием жизни и сознания. А поэтому слово «убийство» по отношению к ним — чистейшая лирика. Люди создали словомельницы, и люди ими управляли. Да-да, люди, и я в их числе, как вам известно. Большинство профанов верит, будто словомельницы были изобретены потому, что мозг

отдельно взятого писателя якобы уже не был в состоянии вмещать весь гигантский объем информации, необходимой для создания полноценного произведения, потому что природа и человеческое общество якобы слишком сложны, чтобы их мог понять отдельно взятый человек. Ерунда: словомельницы победили по той простой причине, что они давали больше стандартной продукции. Уже в конце XX века большая часть художественной литературы создавалась несколькими ведущими редакторами — в том смысле, что именно редакторы предлагали темы, способы, стиль, приемы, а писатели просто сводили все это воедино. И вполне понятно, что машина была куда выгоднее, чем свора писателей, которые требуют высоких гонораров, меняют издателей, организуют союзы и клубы, обзаводятся неврозами, любовницами, детьми и гоночными автомобилями и даже время от времени пытаются протолкнуть в усовершенствованную редакторами книгу какую-нибудь свою дурацкую идейку. И машины оказались настолько производительнее, что можно было сохранить при них писателей как безвредное украшение, рекламную приманку...

— Простите, что я перебею вас,— вмешался Флакмен,— но я бы хотел наконец узнать подробности разгрома на Читательской улице. Что, например, произошло с нашим оборудованием?

Гаспар расправил плечи и гневно нахмурился:

— Все ваши словомельницы разбиты вдребезги и восстановить их не удастся. Только и всего.

— Ай-ай-ай! — произнес Флакмен, покачивая головой.

— Ужасно! — отозвался Каллингем.

Гаспар смотрел на Флакмена и Каллингема с глубоким подозрением. Их неудачная попытка изобразить отчаяние только увеличила их сходство с двумя жирными котами, которые, объевшись ворованной сметаной, прикидываются, как пробраться в кладовку, где хранится мясо.

— Вы меня как будто не поняли,— сказал он.— Так я повторю. Все ваши три словомельницы уничтожены — одна взорвана бомбой, две другие сожжены...— Глаза его испуганно расширились.— Это было настоящее убийство, мистер Флакмен, зверское убийство! Помните машину, которую мы звали Рокки? Рокки-Фразировщик? Я не пропускал ни одной книги, смолотой Рокки. И он сгорел у меня на глазах! Изжарился, испекся! А орудовал огнеметом новый друг моей собственной подружки...

— Ай-ай-ай, новый друг его собственной подружки! — сочувственно сказал Флакмен и ухмыльнулся. Его самообладание, как и самообладание Каллингема, поистине превосходило всякое вероятие.

— Между прочим, это был ваш великий Гомер Дос-Пассос,— попытался задеть их Гаспар.— Но Зейн Горт как следует поджарил его с обратного конца.

Флакмен покачал головой.

— Какой гнусный мир! — вздохнул он.— Гаспар! Вы настоящий герой. Пока остальные писатели бастуют, вы будете получать пятнадцать процентов гарантированного минимума. Но мне не нравится, что один из наших писателей-роботов напал на человека. Эй, Зейн! Ты ведь вольный робот и будешь сам покрывать расходы, если кому-то вздумается вчинить нам иск! Так записано в твоём контракте.

— Но Гомер заслужил и не такую взбучку! — запротестовал Гаспар.— Этот идиот и садист направил свой огнемёт на мисс Румянчик!

Каллингем недоуменно огляделся.

— Розовая роботесса, которую они с Зейном притащили сюда,— объяснил Флакмен.— Новый назначенный к нам редактор-инспектор.

Он покачал головой и ухмыльнулся.

— Итак, перед нами истина во всей её наготе: у нас есть редактор и нет ни единой рукописи, по которой она могла бы прогуляться своим синим карандашиком. Иро-

ния судьбы, ничего не скажешь! Я думал, Калли, что тебе приходилось иметь дело с мисс Румянчик.

Тут с носилок донесся нежный голосок, который произносил властно, но словно во сне:

— ...предупредить о недопустимости «наготы»... Фраза с «прогуляться» под вопросом. Заменить «иметь» на «вступать в брак»... Ах, где я? Что со мной произошло?

Мисс Румянчик сидела на носилках, воздев к небу свои изящные клешни. Зейн Горт, стоя около нее на коленях, нежно протирал массажной тряпкой ее опаленный бок — мерзкая копоть уже почти сошла с розового алюминия. Увидев, что роботесса очнулась, он бережно поддержал ее за плечо, а тряпку сунул за какую-то заслонку на своей груди.

— Успокойтесь, — сказал он. — Все будет хорошо. Вы среди друзей.

— О, неужели? Могу ли я вам поверить? — Она отодвинулась от Зейна, судорожно ощупала себя и торопливо захлопнула несколько крышечек на корпусе. — Как вы смели! На глазах у людей вы обнажили мои розетки, пока я была без сознания!

— Но другого выхода не было, — заверил ее Зейн. — Вам необходима была электропомощь и другие процедуры. Вы подверглись тяжелому испытанию. Теперь вам нужно отдохнуть.

— Другие процедуры?! — взвизгнула мисс Румянчик. — И на виду у всех!

— Поверьте, мисс Румянчик, — вмешался Флак-смен, — мы тут все джентльмены и смотрели в сторону. Хотя, признаюсь, вы — очаровательная роботесса, и, если бы у книг Зейна были обложки, я бы пригласил вас позировать для какой-нибудь из них.

— С обнаженными розетками и отодвинутыми заслонками, разумеется? — уничтожающе произнесла мисс Румянчик.

— Ну-с, Зейн Горт,— добродушно начал Флаксен,— по словам Гаспара, на этом побоище словомельниц ты вел себя как настоящий герой.

Атмосфера в кабинете заметно разрядилась, так как мисс Румянчик удалилась в дамский туалет привести себя в порядок. Выходя, она не преминула отпустить шпильку по адресу издателей, которые слишком скарены, чтобы тратиться на специальную туалетную комнату для роботов.

Флаксен состроил грустную мину!

— Наверное, тебе было тяжело смотреть, как линчевали твоих братьев?

— Откровенно говоря, нет, мистер Флаксен,— спокойно ответил робот.— По правде сказать, мне никогда не нравились прочие мыслящие машины, состоящие из одного лишь мозга и не способные передвигаться. Они лишены сознания, и творчество их слепо — они нанизывают символы, как бусы, и прядут слова, как шерсть. Они — чудовищны и внушают мне страх. Вы называли их моими братьями, но для меня они — не роботы.

— Странно, если вспомнить, что ты тоже создаешь книги, как и словомельницы.

— Ничего странного, мистер Флаксен. Я создаю книги, но создаю их сам, как писатели-люди в давние времена — до начала эпохи редакторов, о которой говорил мистер Каллингем. Я сам себя программирую, и, так как я пишу истории о роботах для роботов, мне никогда не приходилось подчиняться редакторам-людям, хотя при определенных обстоятельствах я был бы только рад подобному руководству.— Тут он обаятельно мурлыкнул в сторону Каллингема и задумчиво посмотрел вокруг своим единственным черным глазом.— Я имею в виду, господа, обстоятельства, которые возникли теперь, когда ваши словомельницы уничтожены, а творческие способности ваших

писателей-людей вызывают весьма сильные сомнения. Поскольку, кроме нас, писателей-роботов, больше никто не умеет создавать беллетристических произведений...

— Ах, да, ведь словомельницы-то уничтожены! — воскликнул Флакмен, весело подмигнув Каллингему и довольнo потирая руки.

— ...я был бы рад выслушивать указания мистера Каллингема относительно человеческих эмоций, — торопливо продолжал робот, — и согласен, чтобы его фамилия печаталась рядом с моей, шрифтом того же размера. Зейн Горт и Г. К. Каллингем — звучит неплохо! И наши фотографии на задней стороне обложки. Несомненно, читатели-люди полюбят книги писателей-роботов, если соавторами последних будут выдающиеся представители человеческого рода — по крайней мере вначале. К тому же мы, роботы, гораздо ближе к людям, чем эти жуткие словомельницы.

— А ну-ка, замолчите, вы все! — выкрик Гаспара был таким неожиданным, что Флакмен поморщился, а по лицу Каллингема скользнула легкая тень. Писатель озираясь вокруг, словно худой, взлохмаченный медведь. — Заткнись, Зейн, — прорычал он. — Послушайте, мистер Ф. и мистер К.! Всякий раз, когда заходит речь об уничтожении словомельниц, вы смеетесь, словно при виде праздничного стола! Честное слово, если бы я не знал, что ваши собственные словомельницы тоже уничтожены, я поклялся бы, что это вы, два мошенника...

— Какие слова, Гаспар!

— Вы меня не проведете! О, я знаю — да здоровствует «Рокет-Хаус», мы все — герои, а вы — парочка святых. Но дела это не меняет. И я готов поклясться, что этот разгром подстроили вы. Несмотря на ущерб, нанесенный вашему издательству. Ну-ка, скажите, это ваша работа?

Флакмен откинулся на спинку кресла и широко улыбнулся.

— Мы сочувствовали, Гаспар. Вот именно — мы сочув-

ствовали вам, писателям, вашим оскорбленным душам, вашему упорному стремлению выразить себя... Никакой активной помощи, разумеется, но... мы сочувствовали.

— Сочувствовали этой длинноволосой банде? Ха! Нет, вы рассчитывали на какую-то практическую выгоду. Дайте мне сообразить...— Гаспар вытащил из кармана пенковую трубку, начал было ее набивать и вдруг со злостью швырнул ее на пол вместе с кисетом.— К черту атмосферу! — воскликнул он и протянул руку.— Дайте сигарету!

Флаксмен растерялся, однако Каллингем наклонился через стол и любезно выполнил просьбу Гаспара.

— Может быть,— произнес тот, глубоко затянувшись,— вас действительно соблазнила эта идиотская идея — извини, Зейн! — чтобы роботы писали книги для людей... Нет, не пройдет! У каждого издательства свои робописатели, и все они выискивают новые рынки сбыта.

— Не все роботы-писатели одинаковы,— обиженно заметил Зейн Горт.— Далеко не все обладают такой гибкостью и находчивостью, таким проникновением в психику немеханических существ, как...

— Заткнись, тебе говорят! Нет, тут что-то другое... Что-то, чем располагаете вы и чего у других издательств нет. Подпольные словомельницы? Нет, об этом я бы давно догадался. Подпольные писатели, способные творить на уровне словомельниц? Нет, в это я поверю, когда Дос-Пассос выучит азбуку... Что же еще? Звездные пришельцы? Телепаты? Атомные автоматы, настроенные на вечность? Глубокие невропаты, соответствующим образом обработанные?

Флаксмен наклонился вперед.

— Сказать ему, Калли?

Каллингем заговорил, словно рассуждая вслух:

— Хотя Гаспар, конечно, считает нас мошенниками, но в общем-то он предан «Рокет-Хаусу».— Гаспар хмуро кивнул.— Что касается Зейна Горты, то именно мы опуб-

ликовали на катушках все до единого его произведения — от эпического романа «Обнаженная сталь» до повести «Существо из черного циклотрона». Он дважды начинал переговоры с другими издателями (Зейн Горт как будто удивился), но всякий раз получал решительный отказ. К тому же нам понадобится помощь для подготовки рукописей. Итак, мой ответ — «да». Скажи им, Флакси.

Его партнер снова откинулся на спинку кресла и шумно вздохнул. Затем он поднял трубку телефона.

— Соедините меня с Детской. — Он с улыбкой посмотрел на Гаспара и внезапно рявкнул в трубку. — Говорит Флаксмен! Бишоп? Мне нужно... Это не няня Бишоп? Так позовите ее! И кстати, Гаспар, — добавил он угрюмо, — вы забыли еще одну возможность — помолотый заранее запас рукописей.

Гаспар покачал головой.

— Я бы заметил, что словомельницы работают сверх нормы.

Флаксмен вдруг оживился:

— Няня Бишоп? Говорит Флаксмен. Принесите мне мозг.

Прижимая к уху телефонную трубку, он снова насмешливо улыбнулся Гаспару.

— Нет-нет, любой мозг, — сказал он небрежно и собрался было положить трубку, но тут же снова поднес ее к уху. — Ну, что там еще? Да нет же, никакой опасности! На улицах ни души. Тогда пошлите Зангвелла... Ну, хорошо, нести будете вы, а Зангвелл будет вас охранять... Ну, если он действительно так напился... — Он перевел взгляд с Гаспара на Зейна Горту и сказал с обычной решительностью: — Ладно, тогда мы сделаем так: я посылаю к вам двух ребят — из плоти и из металла, они будут вас охранять... Да, они абсолютно надежны, но ничего им не объясняйте. Что вы! Они бесстрашны как львы, они чуть было не отдали жизнь, защищая наши словомельницы — у нас весь пол залит их кровью и смазочным мас-

лом... Нет, не настолько — наоборот, снова рвутся в бой. И вот что, няня Бишоп, когда они придут за вами, будьте готовы — никаких сборов в последнюю минуту, ясно? Мне этот мозг нужен немедленно.

Он положил трубку.

— Она боится, что на них нападут, — объяснил он. — Думает, что по Читательской улице еще рыщут писатели. — Он посмотрел на Гаспара. — Вы знаете, где находится «Мудрость Веков»?

— Конечно. Я каждый день прохожу мимо нее. Заброшенное место. Двери всегда закрыты.

— Как по-вашему, что это такое?

— Понятия не имею. Наверно, издательство оккультной литературы. Впрочем, я никогда не встречал их изданий. Постойте-ка! Бронзовый герб у нас в вестибюле! Там надпись: «Рокет-Хаус», а ниже, готическими буквами с разными завитушками — «На паях с «Мудростью Веков»». Раньше мне и в голову не приходило, что тут есть какая-то связь.

— Я потрясен, — заявил Флаксен. — Писатель — и наблюдательный! Никогда не думал, что мне придется узреть такое чудо. Так вот, вы с Зейном немедленно мчитесь в эту самую «Мудрость Веков» и притаскиваете оттуда няню Бишоп.

— По телефону вы сказали: «Детская», — напомнил Гаспар.

— Конечно! Это то же самое. Ну, марш!

— А может, какие-нибудь писатели действительно еще бродят вокруг? — нерешительно заметил Гаспар.

— Таким героям это должно быть нипочем! Марш, я сказал!

Когда Гаспар мчался вниз по бездействующему эскалатору, за ним несли не только Зейн Горт, но и последний, предостерегающий вопль Флакмена:

— Имейте в виду, няня Бишоп будет нервничать. У нее в руках будет мозг!

В комнате не было окон, и во мраке светилось лишь несколько телевизионных экранов, расположенных на первый взгляд в полном беспорядке. Изображения, сменявшие друг друга на экранах — звезды и космические корабли, простейшие и люди, а то и просто книжные страницы, — были видны необычайно отчетливо. Середину комнаты и один из ее углов занимали столы, заставленные телевизионными экранами, приборами и устройствами, от которых тянулись длинные провода. Вдоль трех остальных стен располагались небольшие подставки разной высоты, и на каждой из них, охваченное плотным черным воротничком, покоилось огромное, больше человеческой головы, яйцо из дымчатого серебра.

Это было странное серебро, наводящее на мысль о тумане и лунном свете, о белоснежной седине, озаренной мерцающим пламенем свечей, о венецианских бокалах, о сказочных зеркалах, о маске Пьеро, о доспехах принца-поэта. И в то же время казалось, что серебристые овоиды — это головы каких-то металлических существ, склонившихся друг к другу в безмолвном разговоре.

Это впечатление усиливалось благодаря тому, что на каждом яйце вблизи верхушки, всегда у более заостренного конца, виднелись три темных пятна — два сверху и одно пониже, — отдаленно напоминавшие глаза и рот, над которыми навис огромный гладкий лоб. Однако вблизи можно было разглядеть, что это всего лишь три штепсельные розетки. В некоторые розетки были вставлены штепсели проводов, ведущих к приборам, причем правая верхняя розетка всегда подключалась только к переносному телевизору, верхняя левая — к микрофону, а розетка-рот неизменно соединялась с небольшим громкоговорителем.

Из этого правила было только одно исключение: иногда розетка-рот одного яйца была подсоединена прямо к

розетке-уху другого. И всюду в подобных случаях можно было обнаружить дополнительное соединение: ухо «рта» — ко рту «уха».

На краешке одного из столов примостилась женщина в белом халате. Она сидела, опустив голову, и как будто дремала. В полумраке было трудно определить ее возраст, тем более что нижнюю половину ее лица скрывала марлевая повязка. Одной рукой она прижимала к бедру лоток, ремень которого был переброшен через ее плечо. На лотке стояло примерно двадцать стеклянных чаш, наполненных какой-то прозрачной душистой жидкостью. В жидкость были погружены толстые металлические диски с винтовой нарезкой по краям. Они были того же диаметра, как и макушки серебряных яиц.

На столе возле женщины стоял микрофон. От него тянулся провод, включенный в слуховую розетку серебряного яйца, уступавшего по величине всем остальным. В розетку-рот этого яйца был включен динамик.

Они разговаривали: яйцо — монотонным механическим голосом, женщина — устало, убаюкивающе, почти так же монотонно.

Женщина. Спи, детка, спи...

Яйцо. Не могу спать. Не спал уже сто лет.

Женщина. Тогда отключи свое сознание...

Яйцо. Не могу отключить сознание.

Женщина. Можешь, если захочешь, детка.

Яйцо. Я попробую, если ты меня перевернешь.

Женщина. Я перевернула тебя только вчера.

Яйцо. Переверни. У меня рак.

Женщина. У тебя не может быть рака, детка.

Яйцо. Нет, может. Я очень умный. Включи мой глаз и поверни его так, чтобы я мог посмотреть на себя.

Женщина. Ты только что смотрел. Слишком часто неинтересно, детка. Хочешь посмотреть картинки, хочешь почитать?

Яйцо. Нет.

Женщина. Хочешь поговорить с кем-нибудь? Хочешь поговорить с номером 4?

Яйцо. Номер 4 глуп.

Женщина. Хочешь поговорить с номером 8?

Яйцо. Нет. Протелепатируй мне что-нибудь.

Женщина. Но ведь телепатии не существует, детка.

Яйцо. Нет, существует. Вот попробуй. Сделай усилие.

Женщина. Телепатии нет, иначе вы, круглячки, давно бы ее открыли.

Яйцо. Нет, мы все законсервированы, положены в морозильник, а ты живешь в большом теплом мире. Ну, попробуй еще раз.

Женщина. У меня нет времени, детка. Я должна вас накормить, а меня вызвал шеф. Хочешь со мной, Полпинты?

Яйцо. Нет. Скучно. Не хочу.

Женщина. Пойдем, Полпинты. Ты с ним поговоришь.

Яйцо. Когда? Сейчас?

Женщина. Почти. Через полчаса.

Яйцо. Полчаса — это полгода. Не хочу.

Женщина. Ну, не упрямясь, Полпинты. Сделай мамочке одолжение. Шефу требуется мозг.

Яйцо. Возьми Ржавчика. Он свихнулся. Будет весело!

Женщина. Свихнулся?

Яйцо. Как и я.

Женщина вздохнула, покачала головой и встала.

— Послушай, Полпинты, — сказала она, — ты не хочешь ни спать, ни отключить сознание, ни разговаривать, ни ехать со мной. Хочешь посмотреть, как я буду кормить остальных?

— Так и быть. Только вставь провод от глаза мне в ухо, так интереснее.

— Не говори глупостей, детка.

Она подключила телевизор к верхней правой розетке маленького яйца и выдернула провод, ведущий к динамику. Потом, придерживая лоток, подошла к соседнему яйцу и коснулась его поверхности кончиками пальцев, на ощупь проверяя температуру металла и частоту биений миниатюрного атомного насосика, расположенного внутри яйца. Затем она вставила большой и указательный пальцы в углубления на макушке овоида и привычным движением вывернула диск, положила его в свободную чашу на лотке, из другой взяла свежий, влажный диск, точным движением вставила его в гнездо и завернула. После этого она перешла к следующему яйцу.

Она как раз завинтила последний диск, когда дверной звонок нежно пропел «Соль-соль-до!».

Хотя женщина успела закончить все, что должна была сделать, она тем не менее сказала:

— Ко всем чертям и дьяволу в придачу!

11

Девушки — это великая отрасль искусства, по изучение их отнимает у человека все время и силы — гласит афоризм из записных книжек Гаспара де ла Ньюи, которых он никогда не вел. Девушка, которая впустила его в вестибюль «Мудрости Веков», была настолько же юна, насколько древними были толстые тома в кожаных переплетах, заполнявшие полки на стенах вестибюля. Гаспар, тяжело дыша, с восторгом уставился на прелестное видение — в меру короткая юбка, тонкие чулки, свитер, плотно облегающий миниатюрную фигурку, крутые завитки каштановых волос над розовыми ушками.

Заметив, что осмотр грозит затянуться, видение неприязненно заявило:

— Да, да, но я все это давно знаю, а потому довольно таращиться — переходите к делу.

«Надеюсь, робот нам не помешает?» хотел было сказать Гаспар, но удержался и сказал только:

— Мы попали в писательскую засаду и нам пришлось пробежать пять кварталов и семь уровней, чтобы отделаться от этих маньяков. Боюсь, писатели пронюхали, что «Рокет-Хаус» что-то замышляет.

— Но что вам нужно здесь? — спросила девушка, разглядывая синяки на лице Гаспара. — Это не амбулатория. И не смазочно-заправочная станция, — добавила она, поглядев на Зейна Горту, который как раз в этот момент со скрипом повернулся к книжным полкам.

— Послушайте, деточка, — сказал уязвленный Гаспар. — Довольно пикироваться. Мы и так опаздываем. Где этот карликовый компьютер?

Гаспар почти всю дорогу говорил заключительную фразу. Когда Флакспен впервые упомянул о «мозге», фантазия Гаспара нарисовала огромный, мерно пульсирующий шар со злобными глазами-блюдцами, светящимися даже в темноте, который покоился на крохотном, скрюченном тельце, а может быть, и кожистом мешке с извивающимися щупальцами, — короче говоря, нечто вроде чудища с Марса (хотя он прекрасно знал, что у настоящих марсиан мозг находится в грудном сегменте покрытого черной хитиновой броней жукообразного тела). Затем Гаспару представился розовый мозг, который не то плескался в сосуде с прозрачной питательной жидкостью, не то плавал в нем, болтая тонкими щупальцами (по-видимому, образ мозга со щупальцами прочно врезался в человеческое воображение, как кульминация идеи о гигантских злобных мыслящих пауках). Но по дороге в Детскую Гаспар решил, что все эти его видения в равной степени пелёпы, и словом «мозг» Флакспен, очевидно, обозначил какую-то особую вычислительную машину или запоминающее устройство, только небольших размеров, поскольку их можно было «принести». Ведь на заре возникновения их нередко пазывали «электронным мозгом».

Более полувека ученые объявляли это название «дешевой погоней за сенсацией», но после того как появились роботы, обладающие индивидуальным сознанием, оно было признано и специалистами. Зейн Горт, например, был снабжен электрическим мозгом, как и многие другие роботы, включая немало блистательных роботов-ученых, которые были весьма высокого мнения об электронных умственных способностях.

Спросив про карликового компьютера, Гаспар рассчитывал получить подтверждение своей догадки.

Однако девушка только подняла брови и сказала:

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Да нет же, — настаивал Гаспар. — Карликовый компьютер — в просторечии мозг. Давайте его сюда.

Пристально посмотрев на Гаспара, девушка объявила:

— У нас нет никаких компьютеров.

— Ну, ту машину, которую называют мозгом.

— У нас нет никаких машин, — ответила девушка.

— Ну хорошо, хорошо! Пусть будет просто мозг.

Гаспар произнес это таким тоном, словно речь шла о фунте ветчины, и лицо девушки окаменело еще больше.

— Чей мозг? — ледяным голосом спросила она.

— Мозг Флаксмена, то есть мозг, который нужен Флакмену... и Каллингему тоже. Вам это должно быть известно.

Пропустив последнюю фразу мимо ушей, девушка спросила:

— Им обоим нужен один и тот же мозг?

— Конечно! Давайте его сюда!

Лед в голосе девушки стал острым и колючим.

— Значит, на двоих? Нарезать или куском? На белом хлебе или ржаном?

— Деточка, у меня нет времени выслушивать тошнотворные шуточки! — заявил Гаспар. — Позовите няню Бишоп. Она в курсе дела.

Глаза девушки сузились, их синева от этого стала только глубже.

— Ах, няню Бишоп,— сердито повторила она.

— Вот именно,— сказал Гаспар, и его осенила внезапная догадка: — Вы с ней не в ладах, деточка?

— Откуда вы знаете?

— Интуитивно. Хотя тут достаточно простейшей логики: кислая старая дева не может питать к вам симпатии... Настоящая ведьма, верно?

Девушка выпрямилась:

— О, это еще далеко не все, братец! — ответила она. — Подождите здесь, я сейчас ее отыщу. И сама уложу мозг в ее сумку.

— Клянусь святым Норбертом, вот это клад! — воскликнул Зейн Горт, который, едва девушка ушла, кинулся к книжным полкам. — Смотри! — воскликнул он, проводя металлическим пальцем по черным корешкам. — Полное собрание сочинений Даниэля Цуккерторта!

— Этот человек мне незнаком,— бодро объявил Гаспар. — Или он робот?

— Твое невежество меня не удивляет, старая кость,— ответил Зейн. — Судя по регистру патентов, Даниэль Цуккерторт был одним из величайших древних специалистов в области роботехники, микромеханики, каталитической химии и микрохирургии. И тем не менее его имя почти никому не известно — даже роботам. Недаром у нас нет святого Даниэля. Он словно стал жертвой заговора молчания. К сожалению, я никак не мог выбрать время, чтобы заняться этим вопросом.

— А почему здесь вдруг оказались труды Цуккерторта? — с недоумением спросил Гаспар. — Разве он интересовался оккультными науками?

— Круг интересов Даниэля Цуккерторта был невероятно широк,— торжественно провозгласил робот.

— Послушай, старая гайка,— сказал Гаспар, думая о своем. — Как, по-твоему, Флаксмен рассчитывает, что этот

мозг будет писать ему книги? Или будет еще как-то способствовать их появлению? Судя по здешней обстановке, я не удивлюсь, если речь пойдет о черной магии или спиритических сеансах. Скажем, через посредство медиума вступить в контакт с духами умерших авторов...

Робот щелкнул локтевым суставом, что соответствовало пожатию плечами.

— Как однажды заметил величайший из ваших сыщиков (кстати, поразительно похожий на робота!), строить теории, не располагая фактами, — значит совершать непоправимую ошибку.

— Величайший из наших сыщиков? — наморщив лоб, спросил Гаспар.

— Ну Шерлок Холмс! — нетерпеливо сказал Зейн.

— В первый раз слышу! Он кто — полицейский, частный сыщик или профессор криминологии? Или он сменил Гувера на посту директора ФБР?

12

— Гаспар, — сурово произнес робот, — я могу простить тебе, что ты не знаешь Цуккерторта, но Шерлок Холмс — величайший сыщик всей детективной литературы дословомольной эры!..

— Тогда понятно! — облегченно сказал Гаспар. — Не выношу дословомольных книг! От них у меня в голове все путается. — Его лицо вытянулось. — Знаешь, Зейн, просто не представляю, что я буду делать в свободное время: без словомольного романа мне не заснуть! Ведь, кроме этих книг, меня ничто не берет! Я многие годы прочитывал всю словомольную продукцию.

— Ну, начни перечитывать старые...

— Не поможет, Зейн! И потом, ты же знаешь, словомольная книга, если ее не запечатать, через месяц начинает чернеть и рассыпаться...

— В таком случае тебе, пожалуй, придется расширить свой кругозор, — сказал робот, отрываясь от толстого тома,

который он перелистывал.— Он ведь у тебя узковат. Например, мы с тобой друзья, но, бьюсь об заклад, ты не читал ни одной моей книги, даже из цикла о докторе Вольффраме!

— Но, Зейн, я же не мог! — возразил Гаспар.— Ведь их издают только на катушках, рассчитанных на читающее устройство в корпусе роботов. Их даже на обычном магнитофоне нельзя проиграть.

— В издательстве есть печатные копии, которые выдают всем желающим,— холодно сообщил робот.— Разумеется, тебе пришлось бы подучить роборечь, но, по мнению некоторых людей, эти усилия окупаются...

— Э...— Гаспар, не зная, что сказать и как уйти от неприятной темы, воскликнул: — Куда запропастилась эта старая карга?! Пожалуй, надо бы позвонить Флаксмену.

Он кивнул на телефон возле книжных полок.

— Тебя никогда не удивляло, Гаспар, почему книги для роботов пишут живые существа вроде меня, а книги для людей сочиняют машины? — сказал Зейн, словно не расслышав, что ему говорил его друг.— Историк, пожалуй, усмотрел бы здесь разницу между юной и вырождающейся расой. Для постороннего наблюдателя, такого, как я, абсолютно очевидно, что в вашем пристрастии к словопомолу есть что-то болезненное. Стоит вам открыть смелую книгу, и вы впадаете в транс, словно от большой дозы наркотика. Тебя не удивляло, почему роботы не способны воспринимать эту словесную дробленку?

— Может быть, она для них слишком тонка! Да и для тебя тоже! — вснылил Гаспар, задетый таким пренебрежением к своему любимому чтиву.— И вообще хватит есть меня поедом!

— Побереги свои артерии, старая мышца! — миролюбиво сказал Зейн.— И при чем тут «есть поедом»? Каннибализм — это, пожалуй, единственная гадость, в которой наши две расы никак не могут обвинить друг друга.

И он снова уткнулся в книгу.

Телефон звякнул. Гаспар машинально взял трубку, хотел было положить ее обратно и наконец поднес к уху.

— Говорит Флаксен! — рявкнуло в трубке. — Где мой мозг? Что стряслось с двумя идиотами, которых я вам послал?!

Пока Гаспар лихорадочно подыскивал исполненный достоинства ответ, в трубке внезапно раздалась жуткая какофония воплей и грохота. Затем эти звуки оборвались, и через секунду в трубке раздался энергичный женский голос, который с типичной интонацией секретарши произнес:

— «Рокет-Хаус» слушает. У телефона мисс Джиллиген, секретарь мистера Флакмена. Кто говорит?

Но Гаспар хорошо знал этот голос — голос Элоизы Ибсен.

— Седьмой взвод мстителей за словомельницы, — быстро импровизировал Гаспар, говоря хриплым и злоеющим шепотом, чтобы замаскировать свой голос. — Немедленно забаррикадируйте двери! Несколько минут назад в вашем районе была замечена известная нигилистка Элоиза Ибсен с группой вооруженных писателей. Высылаем вам на помощь летучий отряд мстителей, который покончит с ними.

— Отмените отправление отряда, — тотчас ответил энергичный голос. — Писательница Ибсен арестована и передана в руки правительства... Да ведь это ты, Гаспар! Про нигилизм я говорила только с тобой!

Гаспар захохотал хохотом, от которого крови положено стечь в жилы.

— Гаспар де ла Ньюи мертв! Да погибнут все писатели! — и повесил трубку.

— Зейн, — окликнул он робота, все еще погруженного в книгу. — Нужно немедленно возвращаться в «Рокет-Хаус». Элоиза...

В это мгновение в вестибюль осторожно вошла девушка, держа в каждой руке по большому пакету.

— Довольно разговаривать! — скомандовала она. — Помогите мне...

— Сейчас не до этого! — отрезал Гаспар. — Зейн, да будешь ты слушать или...

— Замолчите! — крикнула девушка. — Если я из-за вас их уроню, то я вам глотки перережу ржавой пилой!

— Ну ладно, ладно, — поморщившись, уступил Гаспар. — Только что это за штуки?

«Штуки» представляли собой два больших разноцветных пакета. Один, четырехугольный, был в обертке с красными и зелеными поперечными полосами, перевязанной серебряной лентой, другой — овальной формы — был упакован в золотую бумагу с большими лиловыми кружками и перевязан широкой красной лентой с бантом.

— Берите вот этот, — приказала девушка. — Осторожнее! Он тяжелый, но очень хрупкий.

Взяв пакет, Гаспар взглянул на девушку с возросшим уважением. Видимо, она была гораздо сильнее, чем казалось на первый взгляд, раз несла такой груз в одной руке.

— Это «мозг», про который говорил Флаксен? — спросил он.

Девушка кивнула:

— Осторожнее, не трясите его!

— Если он требует такой осторожности в обращении, — сказал Гаспар, — может быть, не стоит тащить его сейчас в «Рокет-Хаус»? Какие-то писатели учинили там очередное побоище. Я только что узнал об этом по телефону.

Девушка сдвинула брови, а затем покачала головой.

— Нет, отправимся немедленно и мозг возьмем с собой. Он там наверняка пригодится. Кроме того, собрать его было нелегко, и я не хочу снова с ним возиться. Тем более что я обещала ему взять его с собой.

Гаспар судорожно сглотнул и пошатнулся.

— Вы хотите сказать, что эта штука у меня в руках живая?

— Не наклоняйте его! И хватит глупых вопросов! Скажите своему металлическому приятелю, чтобы он оторвался от книги и взял второй пакет. Это снаряжение для мозга.

Зейн недоуменно обернулся, понял, что произошли какие-то события, застыл на несколько секунд, прослушивая запись их разговора, затем торопливо взял красно-зеленый пакет из рук девушки со словами:

— Извините меня, мисс. Я к вашим услугам.

— А это еще зачем? — спросил Гаспар.

«Это» было небольшим револьвером, который обнаружился под вторым пакетом.

— А, понятно! Вы будете нас охранять?

— Вот именно! — ядовито сказала девушка, поигрывая своей зловещей игрушкой. — Я буду идти у вас за спиной, мистер, и, если вы уроните это пасхальное яичко, — возможно, потому, что кто-нибудь начнет перерезать вам глотку, — я выстрелю вам в затылок, прямо в мозжечок. Не тревожьтесь, это будет абсолютно безболезненно.

— Ну, хорошо, хорошо, — раздраженно ответил Гаспар, направляясь к выходу. — А где же няня Бишоп?

— А это, — сказала девушка, — вы можете вывести путем логических построений, пока будете идти да поглядывать под ноги, чтоб не поскользнуться на какой-нибудь банановой корке.

13

Веревка была изобретена в незапамятной древности, но и по сей день остается полезнейшим предметом. И теперь партнеры Флаксен и Каллингем восседали за своим двойным письменным столом, живописно опутанные веревками. В кабинете царил полнейший хаос, повсюду виднелись клочки документов, разорванные папки и хлопья пены из огнетушителей.

Гаспар, остановившись на пороге, ограничился тем, что обвел сцену разгрома растерянным взглядом и осторожно переложил из одной ноющей руки в другую свой драгоценный груз, который казался теперь свинцовым. По дороге сюда он проникся твердым убеждением, что его единственное назначение в жизни — оберегать это яйцо, обернутое в золотую и лиловую бумагу. Правда, девушка его еще не пристрелила, но, когда он чуть-чуть споткнулся, лучевой выстрел тотчас расплавил асфальт возле его ног.

Каллингом, на бледных щеках которого багровело десятка два пятен, улыбался узкогубой терпеливой улыбкой мученика. Флаксмен тоже хранил молчание, но, по-видимому, лишь потому, что мисс Румянчик, стоя позади него, решительно зажимала ему рот тыльной стороной своей розовой клешни.

Стройная роботесса медовым голосом декламировала:

— Пусть небо обрежет на вечные мучения этих дурно пахнущих бяк! Многоточие, многоточие и еще раз многоточие! Не правда ли, мистер Флаксмен, так звучит гораздо лучше и — в той мере, в какой мне удалось перефразировать ваши эпитеты, — гораздо выразительнее!

Няня Бишоп спрятала свой грозный пистолет в складках юбки, извлекла из кармана маленькие кусачки и принялась освобождать Флаксмена от его уз. Зейн Горт, бережно опустив свой красно-зеленый пакет на пол, отвел мисс Румянчик в сторону, говоря:

— Вы должны извинить эту измученную роботессу, мистер Флаксмен. Она не собиралась лишать вас свободы речи. Но в нас, металлических людях, чувства, связанные с выполнением наших основных функций, чрезвычайно сильны. А ведь она — редактор, следящий за чистотой языка. Электронные бури, сотрясавшие ее организм, еще более обострили в ней и без того высокую восприимчивость. Успокойтесь, мисс Румянчик, я не собираюсь открывать ваши заслонки или касаться розеток.

— Гаспар! Что это еще за дурацкие мстители? — воскликнул Флаксмен, едва его рот освободился от редакторской опеки. — Эта ведьма Ибсен чуть не приказала своим прихвостням прикончить меня, когда я не смог объяснить ей, кто они такие.

— Мстителей я придумал на месте, — объяснил Гаспар, — чтобы напугать ее хорошенько. Нечто вроде издательской мафии.

— Фантазия писателю не положена! — рявкнул Флаксмен. — Нас едва не прикончили из-за тебя! Ее приятели в полосатых фуфайках выглядели, как нераскаявшиеся каторжники, и вели себя соответственно!

— А Гомер Дос-Пассос? — спросил Гаспар.

— Он был с ними, но вел себя как-то странно. Когда Ибсен собралась нас пытать, он совсем скис, хотя помогал вязать нас с большой охотой и громил кабинет весьма усердно. К счастью, я не держу в конторе никаких важных материалов!

— А вы бы подхватили мою идею с мстителями, — заметил Гаспар. — Чтобы они совсем перетрусили!

— Кто — они? Они чуть-чуть не отправили меня на тот свет. Послушайте, де ла Ньюи, Ибсен утверждает, что вы в течение многих лет были тайным осведомителем на службе у издателей. Меня не интересует, почему вам взбрело в голову хвастать ей, что вы шпиик, но...

— Я не хвастал! Я никогда...

— Не трясите яйцо! — раздался свирепый голос няни Бишоп.

— ...но имейте в виду, оплачивать воображаемый шпионаж никто не будет!

— Послушайте, Флаксмен, мне и в голову не приходило...

— Не трясите яйцо, сколько раз вам повторять! Дайте-ка его мне, бестолочь!

— Пожалуйста! — огрызнулся Гаспар. — А что было нужно Элоизе, мистер Флаксмен?

— Она ворвалась сюда, воля, что мы придумали способ выпускать книги без помощи словомельниц, но, поговорив с вами по телефону, она уже ничем не интересовалась, кроме мстителей. Будьте так добры, Гаспар, не выдумывайте больше никаких мафий. Это слишком опасно. Ваша Ибсен совсем уж собралась подвергнуть меня допросу с пристрастием, но, к счастью, ее внимание отвлек Калли.

Гаспар повернулся к Каллингему, который растирал свои только что освобожденные конечности.

— Так Элоиза и вам задала жару?

Каллингем кивнул, педоуменно хмурясь.

— Она вела себя как-то странно, — сказал он. — Смерила меня взглядом и надавала мне пощечин.

Гаспар покачал головой.

— Скверный признак! — заметил он.

— Почему? Было не больно. Можно даже сказать, что она просто потрепала меня по щекам.

— Это-то и плохо! — мрачно покачал головой Гаспар. — Значит, она имеет на вас виды.

Каллингем побледнел.

— Флакси, — обратился он к своему партнеру, который говорил по телефону, — необходимо привести электрозамок в порядок, и как можно скорей! Знаете, Гаспар, идея издательской мафии начинает мне нравиться.

— Во всяком случае, — с гордостью заявил Гаспар, — моя выдумка обратила Элоизу и Гомера в бегство. Насколько я понимаю, они поспешили в панике скрыться.

— Ничего подобного, — сообщил ему Каллингем, — их спугнула мисс Румянчик. Она вошла, увидела Гомера, кинулась в коридор и через мгновение вернулась с большим огнетушителем. Тут Элоиза и ее банда кинулись наутек.

— Может быть, достаточно воспоминаний? — осведомилась няня Бишоп, которая, расчистив место на письменном столе, развертывала пакеты. — Мне нужна помощь.

— А не попросить ли нам мисс Румянчик? — отозвался Зейн Горт из дальнего угла, где он шептался с розовой роботессой, которая чопорно отказалась подключиться к его корпусу. — Ей было бы полезно отвлечься.

— Вот уж не думала, что мне придется заниматься роботерапией, — сказала няня Бишоп. — Во всяком случае от нее будет гораздо больше толку, чем от вас, органических и неорганических самодовольных бездельников. Брось своего жестяного пустозвона, Розочка, и иди сюда. Тут нужна женская рука!

— С удовольствием! — объявила роботесса. — С тех пор как я сошла с конвейера, я успела узнать, что существа одного со мной пола, и электронные, и из плоти и крови, мне гораздо ближе роботов-пустозвонов или мужчин двойной закалки.

14

Флаксмен положил телефонную трубку и повернулся к Гаспару и Зейну Гарту.

— Няня Бишоп ввела вас, ребята, в курс дела? — спросил издатель. — Я имею в виду наш великий план Детской и все прочее.

Они отрицательно покачали головами.

— И правильно! Это в ее обязанности не входило. — Он откинулся в кресле, начал стирать пену с рукава, но тут же передумал и задумчиво сказал: — Лет сто назад, в конце XX века, жил гениальный хирург, а также виртуоз в области микроэлектроники по имени Даниэль Цуккерторт. Вы, конечно, о нем даже не слышали?

Гаспар открыл было рот, однако промолчал и посмотрел на Зейна, который также не стал ничего говорить — возможно, вспомнив шпильку по адресу роботов-пустозвонов.

— Так вот, — продолжал Флаксмен, — этот Цуккерторт творил с помощью микроскальпелей настоящие чудеса.

Он создал какую-то особую методику соединения нервных волокон с металлом и достиг результатов, которых никому другому не удалось повторить, работая с высшими животными. Разумеется, как все гении его калибра, Цукки был чудачком. Он вознамерился подарить бессмертие лучшим человеческим умам и, полностью изолировав их от соблазнов внешнего мира, открыть перед ними путь к достижению высот мифически-абстрактного знания. Для этого он разработал способ сохранения полностью функционирующего человеческого мозга внутри стационарного металлического футляра. Нервы органов речи, зрения и слуха он сращивал с соответствующими входными и выходными контактами. Шедевром его технического гения было искусственное, работающее на изотопах сердце, которое обеспечивало циркуляцию крови и снабжение ее кислородом. Это сердце-мотор помещалось в большой полости, как Цукки назвал верхний широкий свод металлического футляра, и требовало замены изотопного топлива всего раз в год. Ежедневная смена малой вывинчивающейся полости позволяла снабжать мозг дополнительными питательными веществами и освобождать его от продуктов распада. Миниатюрный насосик — подлинный триумф микроэлектроники — подавал в мозг необходимые гормоны и другие раздражители, что мешало мозгу погружаться в тупую спячку. Короче говоря, Цукки достиг своей цели: бессмертие лучшим умам было обеспечено.

Флакспен внушительно поднял палец и помолчал, давая им время освоиться с этой мыслью.

— Однако,— продолжал он после паузы,— у Цукки был свой взгляд на то, какие умы считать лучшими. Ученых он не ставил ни во что, так как все они уступали ему, а о себе он был не особенно высокого мнения. Государственных мужей он презирал, как и светил церкви. Однако слово «художник» внушало Цукки благоговейный трепет, так как он был человеком с чрезвычайно прямолинейным складом ума и не обладал ни малейшим воображением,

если, конечно, исключить его специальность. Художественное творчество — умение манипулировать красками, звуками, а главное словами — он до самой смерти считал величайшим чудом. Таким образом, Цукки задумал подарить консервированное бессмертие творческим личностям — художникам, скульпторам, композиторам, но в первую очередь писателям. Последнее явилось весьма своевременной идеей по двум причинам: во-первых, как раз появились словемельницы и настоящие писатели оказались без работы, а во-вторых, пожалуй, только писатели могли оказаться настолько полоумными, что согласились бы на предложение Цукки. Но как бы то ни было, к тому времени, когда сообщение о его работе просочилось в прессу, у него уже было законсервировано тридцать мозгов, причем все они принадлежали писателям, переговоры с которыми он сумел сохранить в полной тайне. Как вы можете представить, разразился невероятный скандал. Духовенство утверждало, что Цукки кощунственно лишил смертных надежды на вечное блаженство, дамы из Общества защиты животных негодовали на столь жестокое обращение с маленькими миленькими мозгами, а юристы утверждали, что появление «яйцеголов» потребует пересмотра чуть ли не всего существующего гражданского законодательства. Однако предъявить Цукки какое-то конкретное обвинение было нелегко: в его распоряжении имелись нотариально заверенные разрешения на операцию тех, кого он оперировал, и все яйцеголовы, когда их допрашивали, полностью поддерживали Цукки. К тому же все свое огромное состояние он отдал в распоряжение фонда, который назвал «Мозговым Трестом» — фонд этот должен был обеспечивать яйцеголов необходимым уходом, пока они будут в нем нуждаться. Затем в самый разгар скандала Цукки умер, положив конец всей истории. И смерть он себе выбрал вполне его достойную — подвергся разработанной им операции «психосоматического развода», как он ее называл. У Цукки был ассистент — настоящий кудес-

ник. Он трижды успешно сделал эту операцию, причем в последний раз Цукки при ней только присутствовал. После этого Цукки и решил оперироваться сам. И умер на операционном столе. Его гениальный ассистент уничтожил все его записи, все аппараты и инструменты и покончил с собой.

Едва Флакспен неторопливо произнес эти слова, рассчитывая на максимальный эффект, которого и достиг, как вдруг дверь кабинета начала медленно, с легким скрипом открываться.

Флакспен судорожно подпрыгнул. Остальные с дрожью обернулись.

В дверях стоял сгорбленный старик в лоснящемся саржевом комбинезоне. На седые всклокоченные лохмы была нахлобучена засаленная фуражка, из-под которой торчали мочки ушей с пучками жестких волос.

Гаспар сразу же узнал старика. Это был Джо Вахтер, хотя и выглядевший необыкновенно бодрым — оба его глаза были наполовину открыты.

В левой руке он держал веник и совок для мусора, а в правой — большой черный пистолет.

— Прибыл на дежурство, мистер Флакспен, — заявил он, почтительно поднеся пистолет к правому виску. — Готов приступить к уборке. Да оно и не помешает, как полагаю. Здравствуйте все, с кем не виделся.

— Вы не могли бы привести в порядок электрозамок? — холодно осведомился Каллингем.

— Нет. Только он вам и ни к чему, — бодро сообщил старик. — В случае чего можете рассчитывать на меня и на мой верный скусновый пистолет.

— Скусновый пистолет? — Няня Бишоп недоверчиво усмехнулась. — А барсуков он уже не берет?

— Тут такое дело, сударыня. Он пуляет шариками, начиненными таким запашком, какого не вынесет ни человек, ни зверь. Тот, в кого угодит такой шарик, сразу же скидывает всю одежду и бежит мыться. А то можно по-

ставить на непрерывный огонь. Тут уж любая толпа разбежится.

— Верю, верю, — поспешно согласился Флаксен. — Но скажите, Джо, когда вы стреляете, что происходит с... с игроками вашей команды?

Джо Вахтер хитро улыбнулся.

— В том-то и штука! Потому-то лучше моего верного скунсового пистолета оружия не найти. У меня носовой нерв поврежден, и я никаких запахов не чувствую!

15

Джо Вахтер неторопливо принялся за уборку, предварительно дважды заверив Флаксмена, что его верный скунсовый пистолет надежно поставлен на предохранитель.

Мисс Румянчик наращивала провод под руководством няни Бишоп, которая восхищалась ее ногтями — такие изящные и так удобно заменяют мощные кусачки.

Флаксен, решительно отведя взгляд от двери с испорченным электрозамком, продолжал свое повествование.

— После смерти Цукки и его ассистента возник вопрос, что делать с тридцатью яйцеглавами. И тут на сцене появляется еще одна замечательная фигура — Хобарт Флаксен, мой прадед и основатель издательства «Рокет-Хаус». Он был близким другом Цуккерторта, поддерживал его деньгами и советами, и Цукки назначил его директором «Мозгового Треста». Теперь он заявил о своих правах и указал, что яйцеглавы должны быть переданы под его опеку. Так и сделали. «Мозговой Трест» был переименован в «Мудрость Веков» и про него постепенно забыли. Однако преемники старого Хобарта продолжали начатое им дело. Яйцеглавы были окружены самым внимательным уходом и каждый день получали сведения обо всем, что происходило в мире, а также любые другие, какие могли их заинтересовать.

Флаксмен вдруг широко улыбнулся, а потом многозначительно произнес:

— И вот теперь нет больше не только писателей, но и словомельниц, так что последнее слово остается за тридцатью яйцеглавами. Вы только подумайте! Тридцать настоящих писателей, у которых было почти двести лет для накопления материала, для творческого роста и которые могут работать двадцать четыре часа в сутки! Ну как, няня Бишоп, мы готовы?

— Мы уже десять минут как готовы! — отозвалась она.

Гаспар и Зейн Горт посмотрели на стол. В дальнем его конце, опираясь на черный воротничок, стояло большое дымчатое серебристое яйцо. Рядом были разложены его «глаза», «рот» и «уши», но они еще не были включены в соответствующие розетки.

Флаксмен удовлетворенно потер руки.

— Погодите! — остановил он няню Бишоп, которая протянула руку к проводу, соединенному с глазом. — Я хочу представить его по всем правилам. Как его зовут?

— Не знаю.

— Как так — не знаете? — ошеломленно спросил Флаксмен.

— Вы же сказали, чтобы я принесла любой мозг.

— Я уверен, что мистер Флаксмен вовсе не хотел сказать что-то обидное по адресу ваших подопечных, няня Бишоп, — мягко перебил ее Каллингем. — Говоря «любой мозг», он имел в виду только, что они все в равной степени одаренные художники. А потому скажите нам, как мы должны называть этого яйцеглава?

— А! — воскликнула няня Бишоп. — Седьмой. Номер седьмой!

— Но нам нужно знать имя, — возразил Флаксмен. — А не номера, которыми вы пользуетесь у себя в Детской — что, замечу между прочим, мне кажется весьма бесчеловечным. Я искренне надеюсь, что персонал Детской не обращается с яйцеглавами, как с машинами, — это могло бы

пагубно отразиться на их творческих способностях, внушить им мысль, что они всего только компьютеры.

Няня Бишоп задумалась.

— Иногда я называю его Ржавчиком,— сказала она наконец.— У него под воротничком есть желтоватое пятнышко. Я хотела принести Полпинты, потому что он самый легкий, но Полпинты начал возражать, и когда вы прислали мистера Нью-Нью, я выбрала Ржавчика.

— Я имею в виду его настоящее имя,— сказал мистер Флакмен, с трудом сдерживаясь.— Нельзя же представлять великого литературного гения его будущим издателям как просто Ржавчика.

— А-а,— она на мгновение заколебалась, а затем решительно объявила: — Боюсь, я тут ничем вам помочь не могу. И самим вам этого выяснить не удастся, даже если вы обшарите всю Детскую и просмотрите все записи, какие только у вас имеются.

— Ч-Т-О?!!

— Около года назад,— объяснила няня Бишоп,— яйцеглавы по каким-то своим причинам решили, что хотят навсегда остаться анонимами. И заставили меня уничтожить все документы, где имелись их имена, а также спилить напильником надписи, выгравированные на каждом футляре. Даже если у вас есть какие-нибудь списки, вам не удастся установить, кому из них принадлежит какое имя.

— И у вас хватает дерзости спокойно заявить мне, что вы совершили этот... этот акт бессмысленного уничтожения, не получив на то моего разрешения?

— Год назад «Мудрость Веков» вас нисколько не интересовала,— гневно возразила няня Бишоп.— Ровно год назад, мистер Флакмен, я позвонила вам и начала рассказывать об этом, но вы сказали, чтобы я не надоедала вам со всякими древними ископаемыми — пусть яйцеглавы делают все, что им заблагорассудится. Вы сказали — и я цитирую вас дословно: «Если эти хвастуны в жестян-

ках, эти консервированные кошмары вздумали завербоваться в Иностранный легион в качестве штабных компьютеров или, привязав к своим хвостам ракеты, унеслись в космическое пространство, я заранее согласен».

16

Глаза Флаксмена слегка остекленели — то ли при мысли о шутке, которую сыграли с ним тридцать безымянных писателей, когда писатели были всего лишь стереокартинкой на книжной обложке, то ли потому, что он объявил консервированными кошмарами такую коммерческую ценность, как тридцать литературных гениев, способных к самостоятельному творчеству.

Тут снова вмешался Каллингем.

— Проблемой анонимности мы сможем заняться и потом, — сказал он. — Возможно, яйцеглавы сами изменят свое решение, когда узнают, что их ждет новая литературная слава. И даже если они все-таки предпочтут остаться анонимными, достаточно будет ставить на титуле их книг «Мозг номер один и Г. К. Каллингем», «Мозг номер семь и Г. К. Каллингем» и так далее.

— Ого! — почти с благоговением воскликнул Гаспар, а Зейн Горт заметил вполголоса:

— Только не слишком ли однообразно?

Каллингем улыбнулся своей мученической улыбкой, но Флаксен, побагровев, поспешил на его защиту.

— Довольно! Мой друг Калли программировал словесельницы «Рокет-Хаус» в течение десяти лет, и ему давно пора получить литературное признание! Писатели больше века крадут славу у программистов, как раньше крали славу у редакторов! Даже дутый писателишка с пустой головой и робот со швейной машиной вместо мозга могли бы понять, что яйцеглавы нужно будет программировать, редактировать, тренировать — называйте как хотите — и сделать это способен только Калли!

— Извините меня,— перебила его няня Бишоп,— но Ржавчик не может больше ждать, и я сейчас его включу.

— О, мы готовы,— мягко сказал Каллингем, а Флаксмен, вытирая пот со лба, добавил с сомнением:

— Да, пожалуй.

Няня Бишоп жестом пригласила их всех встать у того конца стола, где сидел Флаксмен, и повернула телевизионную камеру в их сторону. Когда она вставила штепсель в верхнюю правую розетку серебряного яйца, раздался еле слышимый щелчок, и Гаспара вдруг пробрала дрожь. Ему почудилось, что в телевизионном глазу что-то появилось — какой-то красноватый отблеск. Няня Бишоп включила микрофон в левую верхнюю розетку, и Гаспар затаил дыхание, о чем догадался только несколько секунд спустя, когда сделал невольный шумный выдох.

— Ну же! — сказал Флаксмен, тоже тяжело вздохнув. — Включите динамик мистера... э... мистера Ржавчика. А то по мне мурашки бегают. — Он спохватился и виновато улыбнулся в сторону телевизионной камеры. — Извините, старина!

— Но это может быть и мисс и миссис Ржавчик! — напомнила девушка. — Ведь среди этих тридцати было и несколько женщин. А динамик я включу после того, как вы изложите ему свое предложение. Поверьте, так будет лучше.

— Он знал, что вы принесете его сюда?

— Да, я ему сказала.

Флаксмен расправил плечи, посмотрел в телевизионный глаз, судорожно сглотнул и жалобно оглянулся на Каллингема.

— Здрав-ствуй-те, Ржавчик,— заговорил тот размеренно и монотонно, словно подражая машине или что-то ей втолковывая. — Меня зовут Г. К. Каллингем, я совладелец издательства «Рокет-Хаус» и партнер Квинта Горация Флаксмена, который в настоящее время опекает

«Мудрость Веков» и которого вы видите здесь рядом со мной.

Затем Каллингем вкрадчивым тоном изложил положение, создавшееся в издательском мире, и осведомился, не пожелают ли яйцеглавы вновь приняться за литературное творчество. Вопрос об анонимности он искусно обошел, проблемы программирования коснулся лишь слегка (обычное сотрудничество с редактором, сказал он), указал на заманчивые возможности использования гонораров и в заключение произнес несколько красноречивых фраз о преимуществах литературы и общности писательских усилий на протяжении веков.

— Мне кажется, это все, Флакси?

Его друг лишь кивнул.

Няня Бишоп включила динамик в розетку.

Довольно долго в комнате царил полная тишина, а потом Флаксмен не выдержал и спросил хриплым голосом:

— В чем дело, няня Бишоп? Уж не умер ли он в своей скорлупе? Или динамик не работает?

— Работа, работа, работа, работа! — тотчас сказала яйцо. — Только этим я и занимаюсь. Думаю, думаю, думаю, думаю. Увы, увы, увы!

— Это кодовое обозначение вздоха, — объяснила няня Бишоп. — У них есть динамики, с помощью которых они могут воспроизводить какие угодно звуки и даже петь, но их я включаю только по воскресеньям и по праздничным дням.

Снова наступила неловкая тишина, затем яйцеглав зататорил:

— Ваше предложение, господа Флаксмен и Каллингем, для нас огромная честь, невероятная честь, но принять его мы не можем. Мы были в изоляции слишком долго и не способны ни рекомендовать вам развлечения, ни тем более поставлять их. Нас тридцать, обремененных своими маленькими занятиями и любимыми делами. Нам этого достаточно. Я говорю от имени всех моих двадцати

девяти братьев и сестер, так как в течение последних семидесяти пяти лет у нас не было расхождений по подобным вопросам, а потому я от всей души благодарю вас, господ Каллингем и Флакмен, да-да, от всей души, однако наш ответ — нет. Нет, нет, нет и нет.

Голос, доносившийся из динамика, был абсолютно монотонен, и нельзя было понять, насколько это смирение серьезно. Тем не менее разговорчивость яйца рассеяла смущение Флакмена, и он принялся вместе с Каллингеком улаживать, убеждать и умолять яйцеглава, а Зейн Горт время от времени подкреплял их доводы изящными логическими подробностями.

Гаспар, который молча маневрировал так, чтобы оказаться поближе к няне Бишоп, очутившись возле робота, шепнул:

— Действуй, Зейн. А я-то думал, что ты сочтешь Ржавчика уродом — нероботом, как ты выражаешься. Ведь если на то пошло, он всего лишь стационарная думающая машина. Вроде словомельницы.

Робот задумался.

— Нет,— шепнул он в ответ,— он настолько мал, что не может внушить мне подобное чувство. Для этого он слишком... слишком уютный, если прибегнуть к вашему выражению. К тому же он наделен сознанием, которого у словомельниц никогда не было. Нет, он не робот, он — аrobot. Он — такой же человек, как и ты. Правда, в оболочке, но это не имеет никакого значения — ведь и ты тоже скрыт в оболочке из кожи.

— Да, но у меня есть отверстия для глаз,— заметил Гаспар.

— У Ржавчика они тоже есть.

Флакмен бросил на них свирепый взгляд и приложил палец к губам.

К этому времени Каллингеком уже несколько раз повторил, что яйцеглавам нечего опасаться, что создаваемые ими произведения окажутся далекими от жизни — это он,

как директор издательства, берет на себя. Флаксен же с противной слащавостью расписывал, какое благодеяние совершат яйцеглавы, когда поделятся накопленной за неисчислимые тысячелетия (его собственные слова) мудростью с отягченными телами короткожителами. Разумеется, мудрость эту лучше всего будет воплотить в остро сюжетные, увлекательные повести. Ржавчик время от времени вновь коротко излагал свою позицию, выдвигал новые аргументы, уклонялся от возражений, но не отступал ни на шаг. Во время своего медленного дрейфа по направлению к няне Бишоп Гаспар поравнялся с Джо Вахтером, который, нацепив кусочек пены на конец карандаша, сыпал на него клочки бумаги, чтобы он не прилип ко дну мусорного совка. И тут Гаспару пришло в голову, что Флаксен и Каллингем вовсе не те цепкие, хитрые и ловкие дельцы, какими они старались казаться. Их ни с чем не сообразный план получить от двухсотлетнего законсервированного мозга произведения, которые увлекли бы современных читателей, выдавал в них безответственных мечтателей, возводящих воздушные замки на песке.

Но, спросил себя Гаспар, если уж издатели способны на подобные фантазии, какими же фантазерами были прежние писатели? Эта мысль ошеломила, точно открытие, что твоим прапрадедом был Джек-Потрошитель.

17

Из этой задумчивости Гаспара вывело невероятное заявление Ржавчика. Яйцеглав за два века своего существования не прочел ни единой книги, смолотой на словомельнице!

Первой реакцией Флаксмена был ужас, словно Ржавчик объявлял, будто им постоянно недодают кислорода, что превратило их в кретинков. Издатель, хотя и был готов признать, что в прошлом не уделял достаточного внима-

ния своим подопечным в «Мудрости Веков», тем не менее обвинил персонал Детской в злостном лишении яйцегла-вов самой элементарной литературной диеты.

Однако няня Бишоп с горячностью указала, что пра-вило «НИКАКОГО СЛОВОПОМОЛА» было установлено самим Даниэлем Цуккерторм при основании Детской и мистеру Флаксмену следовало бы об этом знать. изобре-татель настаивал на том, что яйцеглавы должны получать самое лучшее интеллектуальное и художественное пита-ние, а чтиво, производимое словомельницами, он объявил вреднейшей примесью. И это правило соблюдалось очень строго, хотя в прошлом какая-нибудь безответственная няня и могла тайком подсунуть в рацион две-три свеже-смолотые книги.

Ржавчик подтвердил ее слова и напомнил Флаксмену, что Цуккерторт остановил свой выбор на нем и его това-рищах именно потому, что они были преданы высокому искусству и философии, а к науке и особенно технике питали глубочайшее отвращение. Разумеется, иногда про-дукция словомельниц вызывала у них некоторый интерес чисто умозрительного свойства, но этот интерес никогда не был большим, и правило «НИКАКОГО СЛОВОПО-МОЛА» не причиняло им ни малейших неудобств.

Тут Гаспар добрался наконец до няни Бишоп, которая, когда Ржавчик разговорился, отошла в дальний угол ка-бинета. Там можно было шептаться, не мешая остальным, и к большому удовольствию Гаспара няня Бишоп как будто не имела ничего против его общества.

Гаспар не скрывал от себя, что эта очаровательная, хотя и склонная к язвительности девушка вызывает в нем самые теплые чувства, а пстому попробовал расположить ее к себе, выразив глубокое — отчасти искреннее — сочув-ствие к положению, в которое поставил ее подопечных нелепый план издателей. Он довольно долго и, как ему казалось, не бесполезно распространялся о возвышенном уединении яйцеглавы, об их утонченной этике, о фили-

стерской пошлости и о литературных претензиях Каллингема, в частности.

— По-моему, это гнусность — подвергать их подобному испытанию, — закончил он.

Няня Бишоп смерила его холодным взглядом.

— Вы так думаете? — прошептала она. — Ну, а я придерживаюсь противоположного мнения. По-моему, это прекрасный план, и Ржавчик просто дурак, если не видит этого. Им давно нужно было бы найти себе настоящее занятие, вернуться в мир, заработать синяки и ссадины! Им это просто необходимо! Если хотите знать, так издатели ведут себя как настоящие джентльмены. Особенно мистер Каллингем, который оказался гораздо более приятным человеком, чем я думала. Знаете, мистер Нью-Нью, мне начинает казаться, что вы действительно писатель. Во всяком случае, говорите вы как писатель. Возвышенное уединение, подумать только! Так вас и тянет в башню из слоновой кости.

Гаспар обиделся.

— Если вы считаете этот план блестящим, — заявил он, — так почему вы не сказали об этом Ржавчику? Вас-то он, наверное, послушается!

Девушка снизошла до еще одного насмешливого взгляда.

— Ну и ну! Не только великий писатель, но и великий психолог! Значит, я должна перейти на их сторону, когда Ржавчик и так один против всех? Нет уж, увольте.

— Нам следует все это обсудить подробнее, — сказал Гаспар. — Может быть, поужинаем вместе? То есть если вам разрешено отлучаться из Детской.

— Хорошо, — согласилась няня Бишоп. — Конечно, если дело ограничится только ужином и разговором.

— Чем же еще? — недоуменно пожал плечами Гаспар, мысленно поздравляя себя с успехом.

В этот момент серебряное яйцо перебило Флаксмена,

который с чувством говорил о долге яйдеглавов перед человечеством.

— Погодите, погодите, погодите, дайте мне сказать! Флакспен покорно умолк.

— Пожалуйста, дайте мне договорить до конца,— донесся из динамика металлический голос.— Я долго и терпеливо слушал вас, но пришло время сказать правду. Мы существуем в совершенно разных мирах. В рассказе великого русского писателя некий человек на пари согласился прожить пять лет в одиночном заключении. В течение первых трех лет он без конца требовал все новых и новых книг, в течение четвертого года он читал только Евангелие, а на пятом перестал читать совсем. Мы находимся в таком же положении, как он, только тысячекратно усиленном. И мы страдаем от этого одиночества и время от времени вспоминаем — причем без малейшей признательности — того, кто соблазнил нас этой судьбой, а заодно и мир, который отрекся от нас и продолжает идти дальше своим извилистым трудным путем, пока мы пребываем в нашей вечной ночи.

Вот почему я снова отвечаю вам «нет». Выключите меня, няня Бишоп, и отнесите обратно.

18

Жизнь имеет обыкновение усыплять нашу бдительность, чтобы внезапно разинуть на нас тигриную пасть или раздавить как мух. Приемная «Мудрости Веков» казалась самым тихим и спокойным местом в мире, местом, где время давно остановилось, однако, когда Гаспар вечером зашел туда за няней Бишоп, из внутренней двери внезапно появился всклокоченный старец, который взмахнул длинным посохом из черного дерева с двумя поразительно реалистичными змеями и изрек:

— Изыди, мерзкий репортер! Осирисом, Сетом и Ра заклинаю тебя! Изыди, кому говорят!

Старец был точной копией Джо Вахтера, включая даже пучки седых волос на ушных мочках. Однако он не горбился, обладал очень длинной белоснежной бородой и так широко раскрывал глаза, что были видны налитые кровью белки.

При каждом его вопле по воздуху прокатывалась смрадная волна застарелого перегара.

Гаспар, пораженный сходством таинственного старца с Джо Вахтером, собрался было дернуть его за бороду, чтобы проверить, не накладная ли она, и, опасливо косясь на посох, уже протянул руку, как вдруг за спиной старца показалась няня Бишоп.

— Назад, Зангвелл, — поспешно скомандовала она, сморщив нос. — Мистер Нью-Нью вовсе не репортер, папаша, теперь вся газетная работа выполняется роботами. Их-то вы и остерегайтесь. Осторожнее! Не сломайте свой кадуцей. Сами же говорили мне, что это музейная редкость. И не нажимайте так на нектар. Сколько раз я отгоняла от вас розовых слонов и не пускала в Детскую розовых фараонов. Идемте, мистер Нью-Нью! На сегодня я уже вот так сыта «Мудростью Веков», — ее рука коснулась нежного подбородка.

— По-моему, Зангвеллу ни разу не приходилось выгонять репортеров, — сказала няня Бишоп, когда они вышли. — Он просто вспоминает, как этим занимался его прадед. Вахтер Джо? Так ведь он и Зангвелл близнецы. Семья Зангвеллов служит у Флакسمенов из поколения в поколение. А вы разве не знали этого?

— Я не знал даже фамилии Джо Вахтера, — ответил Гаспар. — И вообще не понимаю, как кому-то удавалось удерживаться на работе из поколения в поколение! Это при массовой-то безработице!

Кругом стоял непроглядный мрак — ярко светились только окна немногих зданий, которые, подобно «Мудрости Веков», имели автономное электроснабжение. Быть может, власти считали, что публика скорее забудет о раз-

рушении словомельниц, если Читательская улица будет погружена в темноту, и вопрос об ответственности разрешится сам собой.

— Как вы думаете, — сказал Гаспар, — яйцеглавы действительно откажутся от предложения Флаксмена?

— Они всегда начинают с того, что говорят «нет», — сухо ответила девушка. — Затем они начинают спорить между собой, обсуждать и... Но ведь я же сказала, что «Мудрость Веков» мне до смерти надоела, мистер Ньюи.

— Зовите меня просто Гаспар, — предложил писатель. — И, кстати, как вас зовут?

Она не удостоила его ответом, и он продолжал со вздохом:

— Ну что ж, буду звать вас няней или попросту нянюшкой.

В глубине улицы показался автокэб с красными и синими ходовыми огнями и желтым фонарем на крыше, похожий на гигантского тропического жука. Гаспар свистнул, и такси свернуло к тротуару. Верхняя часть кузова откинулась, они сели в машину, и кузов захлопнулся. Гаспар назвал адрес ресторана, и автокэб покатил вперед, следуя по магнитной полосе, скрытой под асфальтом.

— Разве мы едем не в «Слово»? — спросила девушка. — Я думала, что все писатели едят в «Слове».

Гаспар кивнул.

— Но меня считают скэбом, и мне лучше пока держаться от них подальше. А вы знаете, — продолжал он после некоторого молчания, — между моей и вашей специальностью существует большое сходство. Я ухаживаю, то есть ухаживал, за колоссом, создававшим такую гладкую и завораживающую прозу, какой не в состоянии создать ни один человек. И все-таки я обходился с моей словомельницей, как с самой обычной машиной, точно с этим автокэбом, например. Вы же ухаживаете за тридцатью законсервированными гениями и обходитесь с ними как с детьми. У нас очень много общего, нянюшка!

— Не подлизывайтесь! — резко сказала девушка. — Я что-то не слышала, что писатели и механики — это одно и то же.

— Нет, конечно, — признался Гаспар. — Но я-то был больше механиком, чем писателем. Я восторгался словомельницами. Я любил эти машины и продукцию, которую они вырабатывали!

— Боюсь, я не разделяю ваших восторгов, — заметила девушка. — Я не читаю словопомола. Я читаю только старинные книги, которые рекомендуют мне яйцеголавы.

— И вам это удастся?! — ахнул Гаспар.

— Более или менее. Должна же я хоть на десять световых лет приблизиться к этим головоастикам.

— Да, но какое удовольствие они могут доставить?

— Но что такое удовольствие? — Девушка вдруг топнула ногой. — Как медленно ползет этот кэб!

— Он ведь работает от аккумулятора, — напомнил ей Гаспар. — Но видите впереди огни? Через квартал мы включимся в электросеть. Жаль, что нельзя применить антигравитацию к такси, — тогда мы могли бы лететь в любом направлении.

— А почему нельзя? — спросила девушка так, словно виноват в этом был Гаспар.

— Все дело в размерах, — пояснил он. — Зейн Горт на днях объяснил мне, в чем тут загвоздка. Радиус действия антигравитационных полей очень невелик. Они способны поднимать чемоданы, но не автокабы. Вот если бы мы были размерами с мышей или хотя бы с кошек...

— Вопрос о такси для кошек меня не трогает. Разве Зейн Горт инженер?

— Нет. Но романы, которые он пишет для роботов, напичканы физикой. У него, как у большинства новейших роботов, есть множество увлечений, которые становятся почти второй профессией. Информационные катушки крутятся у Зейна круглые сутки.

— Вам, кажется, нравятся роботы?

— А вам нет? — резко спросил Гаспар.

Девушка пожала плечами.

— Они не хуже и не лучше большинства людей. А вы, Гаспар, похожи на робота! Такой же холодный и рациональный.

— Но ведь роботы совсем не такие! Вот посмотрите на Зейна...

Автокэб остановился у ярко освещенного подъезда. Из двери появилось длинное золотое щупальце, весело извиваясь, точно змея, которую обучили танцевать шимми. Оно откинуло кузов и легонько постучало Гаспара по плечу. На его конце возникла пара пухленьких губок, которые вдруг раскрылись, как розовый бутон, и любезно пролепетали:

— Разрешите пригласить вас и вашу даму в межпланетный ресторан Энгстранда «Космическая кухня».

19

Ресторан Энгстранда был далеко не таким пустым и холодным, как космическое пространство, и в его меню не значилось блюд из экзотических ящериц. Тем не менее еда была довольно-таки своеобразной. Однако напитки оказались достаточно традиционными, и вскоре няня Бишоп уже рассказывала, как, когда была еще совсем маленькой девочкой, она заинтересовалась яйцеглавами — ее тетя работала няней в «Мудрости Веков» и однажды взяла ее с собой. Гаспар в свою очередь рассказал, что еще мальчиком хотел стать писателем, потому что очень любил словопомол, тогда как большинство его коллег попадали в писатели, проработав несколько лет на телевидении, в стерео, манекенщицами или агентами по рекламе. Он принялся объяснять тонкую прелесть словопомола — особенно продукта некоторых словомельниц — и, увлекшись, повысил голос, чем воспользовался худой старик за соседним столиком, все время беспокойно дергавшийся.

— Вы совершенно правы, молодой человек! — крикнул старик. — Важна словемельница, а не писатель. Я читаю все до единой книги, смолотые на первом агрегате издательства Скрибнер, независимо от того, какую фамилию они потом ставят на обложке. Эта машина придает своей продукции особую сочность. Иногда приходится немало потрудиться, прежде чем найдешь книгу с маркой АС-1, но оно того стоит. Только книги с маркой АС-1 создают полный и восхитительный вакуум у меня в голове, ощущение теплого непроницаемого безмыслия.

— Я в этом не уверена, милый, — вмешалась пышная седовласая дама, сидевшая рядом с ним. — Мне всегда казалось, что в книгах Элоизы Ибсен есть свой особый оттенок, независимо от того, на какой машине они смолоты.

— Чепуха! — насмешливо воскликнул старик. — Все ее Эрототомии смалываются по одной и той же программе, однако в каждом ощущается особый вкус данной словемельницы, и, стоит ли на обложке фамилия Ибсен или любая другая, их вкус от этого не меняется ни на йоту. Писатели! — Лицо старика потемнело, и морщины стали более резкими. — После того, что они сделали сегодня утром, их всех нужно расстрелять! Вы слышали, что эти мерзавцы сделали с АС-1? Азотная кислота! Виновным следовало бы вставить в рот воронки и вылить им...

Гаспар, пережевывая дрожжевой бифштекс, улыбнулся, виновато пожал плечами и показал вилкой на свои раздутые щеки.

— Между прочим, Гаспар, как вы попали в писательский союз? — громко спросила няня Бишоп. — Через Элоизу Ибсен?

Старик смерил его свирепым взглядом и отвернулся.

В автокабе Гаспар долго обиженно молчал и заговорил, только когда возле дома няни Бишоп такси остановилось.

— Я стал писателем через своего дядю, специалиста-волнопроводчика, — объявил он и принялся опускать монеты в счетчик автокаба.

— Я так и думала, — сказала няня Бишоп, когда последняя монета провалилась в счетчик и кузов поднялся. — Спасибо за приятный ужин. Не могу сказать того же про разговор, но вы во всяком случае старались.

Она вышла, но у двери, пока ее осматривал электронный сторож, обернулась и сказала:

— Не вешайте носа, Гаспар! Какая женщина сравнится по тонкости со словопомолом?

Вопрос повис в воздухе подобно миниатюрной рекламной надписи. Он очень расстроил Гаспара — главным образом потому, что он так и не купил книгу на ночь, а теперь у него не было ни сил, ни желания искать открытый киоск.

Автокэб прошептал:

— Куда, мистер, или вы выходите?

Может быть, пойти домой пешком? Недалеко, всего десять кварталов. Прогулка перед сном укрепляет нервы. Впрочем, он еще не спал после ночной смены... Его вдруг охватило чувство невыносимого одиночества.

— Куда, мистер, или вы выходите?

Может быть, позвонить Зейну Гарту? Гаспар вынул из кармана телефон и произнес номер Зейна. Во всяком случае, можно не опасаться, что поднимешь робота с постели!

— Куда, мистер, или вы выходите? — настойчиво осведомился автокэб.

Из телефона донесся голос, похожий на медовый голос мисс Румянчик:

— Это записанное на пленку сообщение. Зейн Горт сожалеет, что он не может поговорить с вами. Он выступает сейчас в ночном робоклубе с докладом «Антигравитация в литературе и действительности». Он освободится через два часа. Это записанное на пленку сообщ...

— КУДА, МИСТЕР, ИЛИ ВЫ ВЫХОДИТЕ?

Гаспар выскочил из автокэба за мгновение до того, как кузов опустился, вновь включая счетчик.

Огромный зал «Слова» был переполнен. Между столиками сновали роботы-официанты и литературные подмастерья, которые по традиции обслуживали только писателей высшей квалификации. Это создавало особый эффект — толпы Шекспиров, Вольтеров, Вергилиев и Цицеронов прислуживали модным ничтожествам, не умевшим даже писать.

Сегодня писателей было не так уж много — большинство из них все еще продолжало бесплодные попытки обрести способность к творчеству. Но других клиентов было столько, что роботы-официанты бегали на максимальной скорости. В этот вечер тут ужинали не только завсегдатаи, регулярно приходившие в «Слово» наблюдать диких писателей в их естественной среде, но и любители сенсаций, рвавшиеся взглянуть на маньяков, учинивших такой погром на Читательской улице. А в центре зала за лучшими столиками сидели в одиночестве и небольшими группами посетители, которых явно привели сюда не погоня за острыми ощущениями, но какие-то тайные и даже, возможно, зловещие цели.

В самом центре зала, за зеленым столиком восседали Элоиза Ибсен и Гомер Дос-Пассос, которых обслуживала юная авторша в костюме французской субретки.

— Детка, может быть, нам хватит тут сидеть? — занял силач писатель, и блики света скользнули по его бритому затылку, который опускался все ниже. — Я хочу спать!

— Нет, Гомер, — безжалостно ответила Элоиза. — Тут мы находимся в самом центре паутины, и я намерена нащупать все ее нити, но пока мне это еще не удалось. — Она окинула пронзительным взглядом соседние столики. — А ты должен демонстрировать себя своим читателям или твой волевой оскал совсем выйдет из моды.

Гомер оскорбленно взглянул на нее и подозвал официантку.

— Малышка,— прогремел он мужественным басом,— принеси мне бокал двойного стерилизованного молока 150 градусов по Фаренгейту! Э-эй, да я, кажется, тебя где-то видел!

— Да, мсье Дос-Пассос,— ответила девочка (ей было не больше шестнадцати лет), кокетливо хихикнув.— Я с Тулузой ла Рембо стою на обложке «Секретов французской кухни»,— и она удалилась, пикантно виляя узкими бедрами.

— Я сегодня в мистическом настрое,— сказал Гомер, мечтательно глядя ей вслед.— Ощущаю свое родство со всем что ни есть. Вот люди кругом. О чем они думают? Или роботы? Скажем, бывает ли им больно, как нам? Вон на того робота, к примеру, только что плеснули кипящим кофе,— так ощущает ли он боль? Я даже слышал, что они и любить умеют почти совсем как мы, только при помощи электричества. А боль? Было ли больно той розовой, когда я ударил по ней из огнемета? Из-за этих мыслей как-то серьезнее смотришь на жизнь.

Элоиза захохотала.

— Вряд ли она сохранила приятные воспоминания о вашем знакомстве! Не то с какой стати она принялась бы поливать тебя пеной из огнетушителя?

— Не смейся, детка! — оскорбленно потребовал Гомер.— Погиб мой лучший костюм. Тот, который приносил мне удачу!

— Но ты был просто уморителен — точно горка взбитых сливок!

— Ты и сама была хороша, когда пряталась от струи то за меня, то за своих подручных. И кстати, детка, я что-то не понимаю. Мы пошли в «Рокет-Хаус» потому, что ты сказала, что они там тайком используют писателей-сказб. Но ты с ними про это и говорить не стала. Сначала ты выпытывала у них какой-то секрет, а потом принялась расспрашивать про мстителей. Что это еще такое?

— Ах, да замолчи ты! Просто жалкий обманщик Гаспар пытался направить меня по ложному следу. Мне еще самой нужно разобраться, что тут вранье, а что правда.

— Детка, я хочу знать все. Раз уж мне не дают спать, я буду в мистическом настрое, буду размышлять о жизни и искать ответа на все вопросы.

— Ну ладно,— сердито сдалась Элоиза и заговорила резким шепотом, который постепенно становился все громче.— Флаксмен и Каллингем ведут какую-то тайную игру. Они подослали к нам своего шпика — Гаспара. Они связаны с роботами-писателями, а кроме того, и с властями — недаром у них все время толкутся Зейн Горт и мисс Румянчик. Когда мы их накрыли, они вели себя так, словно им есть, что терять. Флаксмен дрожал, точно кролик, которого поймали с краденой капустой. Он рисовал на бумаге яйца и подписывал под ними фамилии — явно писательские, только я их не знаю. Бьюсь об заклад, что это все неспроста...

— Яйца? — переспросил Гомер.— Детка, ты хочешь сказать — кружочки?

— Нет, именно яйца! — отрезала Элоиза и продолжала все тем же отрывистым шепотом.— Каллингем, наоборот, держался слишком уж спокойно, когда я задала ему жару.

— Когда ты его гладила по щекам? — ревниво перебил ее Гомер.— Я сразу заметил, что ты была с ним что-то очень нежна.

— А если бы и так? Он хладнокровен и умен, а не глуп, как Гаспар, и не мистический дурак вроде тебя. Тем не менее я вырву у него секрет «Рокет-Хауса», если мы его похитим!

— Детка, уж не воображаешь ли ты, что я буду похищать для тебя новых любовников...

— Заткнись! — Элоиза увлеклась и не замечала, что разговоры за соседними столиками давно уже смолкли.—

Я тебе говорю о деле. Пойми же, Гомер, в «Рокет-Хаусе» нечисто, а похитить кого-нибудь из издателей совсем нетрудно!

21

«В «Рокет-Хаусе» нечисто, а похитить кого-нибудь из издателей совсем нетрудно».

Тонкий слух тех, кто сидел поближе, и микрофоны направленного действия у тех, кто сидел подальше, отчетливо уловили эту фразу Элоизы, хотя прежде до них доносились только отрывочные слова.

Посетители, которые пришли в «Слово» в надежде разжиться ценной информацией, тотчас поняли, что это она и есть.

Приводные ремни многочисленных скрытых механизмов пришли в движение. Шестеренки и колеса начали вращаться с фигуральным скрипом и скрежетом.

Главные действующие лица назревающей драмы были типичными представителями той части человечества, которая и в космический век помышляла только о деньгах.

Уинстон П. Мерс, крупная фигура в Федеральном Бюро Юстиции, мысленно направил себе следующий меморандум: «В «Рокет-Хаусе» много мусора. Яичная скорлупа? Кроличий пух? Капустные кочерыжки? Связаться с мисс Румянчик». Фантастические аспекты «Дела о словомельницах» Мерса не беспокоили. Он служил обществу, в котором почти любой поступок индивида можно было истолковать как преступление, а любое преступление, совершенное деловым объединением или учреждением, можно было легализовать десятком способов. Даже бессмысленное разрушение словомельниц казалось естественным в обществе, привыкшем поддерживать свою экономику путем периодического уничтожения избытка товаров. Толстенский и краснощекий Мерс спокойно продол-

жал пить кофе, по-прежнему маскируясь под добряка Хогена, владельца калифорнийских заводов по переработке планктона и водорослей.

Гил Харт, ветеран промышленного шпионажа, мысленно потер руки — теперь он сможет сообщить владельцам «Протон-Пресс», что они не напрасно подозревали своих конкурентов в темных махинациях. Его отливающие синевой щеки тронула довольная улыбка. Похищение? А почему бы ему самому не заняться этим? Вдруг удастся узнать секрет «Рокет-Хауса»? Похищение конкурентов давно стало будничным явлением в обществе, где правительство уже двести лет само подавало пример того, как можно организованно чистить чужие карманы и убирать ненужных свидетелей.

Филиппо Феникья, межпланетный гангстер по кличке Гаррота, иронически улыбнулся и закрыл глаза — единственное, что слегка оживляло его длинное бледное лицо. Он был одним из завсегдатаев «Слова» и приходил сюда наблюдать потешных писателишек, и сейчас его позабавила мысль, что и тут он столкнулся с возможностью прибыльного дельца — или с необходимостью исполнять свой профессиональный долг, как смотрел на это он сам. Гарроте было свойственно безмятежное спокойствие, которое питалось твердым убеждением, что главное и постоянное чувство любого человека — это страх и что, играя на этом чувстве, можно прожить безбедно, будь то во времена Милона и Клодия, Цезаря Борджиа или Аль-Капоне. Он вспомнил, что писательница в начале разговора упоминала про яйца и проконсультировался с памятными машинами синдиката.

Клэнси Гольдфарб, профессиональный грабитель книжных складов столь высокой квалификации, что в списке крупнейших книгопоставщиков он занимал четвертое место, пришел к следующему выводу: в «Рокет-Хаусе» нечисто потому, что они намололи там большой запас книг в обход квоты. Раскурив тонкую, длинную

в фут, венерианскую чируту, Клэнси Гольдфарб принялся обдумывать план нового безупречного ограбления.

Каин Бринкс был робописателем, автором приключенческих романов. Его мадам Иридий была главной соперницей доктора Вольффрама, созданного Зейном Гортом. Его последний шедевр «Мадам Иридий и Кислотная Бестия» расходился лучше, чем «Доктор Вольфрам закручивает гайки» — последний опус Зейна. Расслышав резкий шепот Элоизы, Каин Бринкс едва не уронил поднос с марсианским martini. Чтобы проникнуть в «Слово» незамеченным, Каин Бринкс не побрезговал перекраситься в официанта, в результате чего его корпус пошел крохотными оспинками, но теперь эта стратегическая хитрость принесла свои плоды. В мгновение ока он понял, почему в «Рокет-Хаусе» нечисто — Зейн Горт решил стать королем человеческой литературы. И Каин тотчас принялся строить планы, как его опередить.

Тем временем в «Слово» вступила странная процессия, которая, извиваясь между столиками, приближалась к центру зала. Процессия эта состояла из шести стройных надменного вида молодых людей, которые вели под руку шесть тощих надменного вида пожилых дам. Шествие замыкал инкрустированный драгоценными камнями робот, который катил небольшую тележку. Молодые люди были подчеркнута длинноволосы и одеты в черные свитера и черные тренировочные брюки в обтяжку, напоминавшие цирковые трико. Тощие пожилые дамы были в вечерних облегающих платьях из золотой или серебряной парчи и блистали бесчисленными бриллиантовыми ожерельями, браслетами, брошами и диадемами.

— Черт побери, детка! Погляди-ка на этот парад богатых стерв и смазливых альфонсов! — одной фразой исчерпал ситуацию Гомер Дос-Пассос.

Процессия остановилась почти перед их столиком. Предводительница, чьи бриллианты были столь много-

численны, что слепили глаза, высокомерно оглядеда зал и произнесла тоном, каким отчитывают коридорного:

— Нам нужен председатель писательского союза!

Элоиза, не терявшаяся ни при каких обстоятельствах, тотчас же вскочила:

— Я ответственный член правления!

Дама смерила ее взглядом:

— Что ж, вы, пожалуй, сойдете, — сказала она и дважды хлопнула в ладоши. — Паркинс!

Инкрустированный драгоценными камнями робот подкатил к столику свою тележку. На ней были аккуратно составлены двадцать стопок тоненьких книжечек — все в твердых, отлично тонированных обложках с зернистой фактурой переплета, которая сама словно отливала алмазным блеском. Высота каждой стопки составляла четыре фута, и на этом пьедестале покоилось нечто неправильной формы, задрапированное белым шелком.

— Мы — Пишущая Братия! — уставившись на Элоизу, провозгласила дама тем властным и пронзительным голосом, каким объясняется императрица на шумной рыночной площади. — Больше столетия мы хранили в нашем избранном кругу традиции подлинно художественного творчества в предвидении дня, когда чудовищные машины, поработившие наш дух, будут уничтожены и литература будет возвращена ее единственным подлинным друзьям — самоотверженным любителям. В течение многих лет мы жестоко поносили ваш союз за то, что он способствовал гнусному замыслу превратить металлических чудовищ в наших духовных наставников, и теперь мы хотели бы выразить вам признательность за мужество, с которым вы уничтожили тиранок-словомельниц. Посему я вручаю вам этот знак нашего уважения. Паркинс!

Сверкающий робот, зримо воплощавший несметные богатства своей владелицы, сдернул шелковое покрывало, открыв всем взглядам зеркально отполированную золо-

тую статуэтку обнаженного юноши, который вонзал обоюдоострый меч в самое средостение поверженной словесмельницы.

— Узрите! — воскликнула дама. — Это творение Горгия Снеллигрю, задуманное, отлитое и отполированное в течение одного дня! Оно покоится на полном собрании литературной продукции Пишущей Братии за прошедшее столетие. Эти миниатюрные светильники в пастельных обложках, покрытых алмазной пылью, хранили пламя литературы в мрачную эру машин, ныне миновавшую. Перед вами тысяча семьсот томов наших бессмертных стихотворений!

Именно в этот момент Сюзетта, вилля бедрами, внесла хрустальный бокал с белой жидкостью, над которой на высоту в два фута поднимался язык синего пламени, и поставила его перед Гомером. Затем она на мгновение накрыла бокал серебряным подносом. Пламя тотчас погасло, и вокруг разлилось отвратительное зловоние жженого казеина.

Ее бойкие бедра вычертили последнюю завитушку, и она провозгласила:

— Пожалуйста, мсье! Ваше огненное молоко самой надлежащей температуры.

22

Флаксмен и Каллингем сидели бок о бок в своем наспех прибранном кабинете.

Джо Вахтера, который всю ночь подметал без передышки, отправили отсыпаться. Теперь он храпел на койке в мужском туалете, а под подушкой у него покоился скунсовый пистолет и брикет «Антивонина», предусмотрительно сунутый туда Зейном Гортом. Зейну и Гаспару, явившимся на дежурство с рассветом, было велено уложить Джо, а затем проверить противозломные устройства складов, где хранились бесценные запасы свежесмолотых книг.

Партнеры были одни. Наступил тот безмятежный час делового дня, когда неприятности еще не начались.

Но Флаксен его испортил.

— Калли,— уныло сказал он,— я знаю, что мы сумеем уговорить яйцеголов, но от этой затеи у меня мурашки по коже бегают!

— Объясни мне, почему, Флакси,— вкрадчиво произнес Каллингем.— Я, кажется, догадываюсь.

— Видишь ли, благодаря моему дражайшему родителю у меня в отношении этих яйцеголов возник настоящий комплекс. Подлинная фобия — я до сих пор даже не представлял, до чего я их боюсь! Опеку над яйцеголовами он рассматривал как священный долг, возложенный на род Флаксменов. Мы были в его глазах, так сказать, наследственными яйцеблюстителями. Неподобие древних английских родов — ну, ты знаешь! Скажем, где-то в глухом подземелье замка хранится древняя корона первых английских королей, которую охраняет чудовищная жаба. Или это не корона, а бессмертный дядюшка, который сошел с ума во время крестового похода, покрылся чешуей и каждое полнолуние требует крови невинной девушки. Или это нечто вроде помеси короля и дядюшки. В самом дальнем подземелье обитает законный английский король времен крестовых походов, но только он превратился в чудовищную жабу и требует бочку девственной крови всякий раз, как рак свистнет. Но что бы это ни было, они поклялись охранять и оберегать его во веки веков и, когда старшему сыну исполняется тринадцать лет, отец обязан посвятить его в священную тайну с помощью кучи ритуальных вопросов и ответов вроде: «Что Кричит в Ночи?» — «То, что Мы Храним!» «Что Мы должны Ему Дать?» — «То, чего Он Желает.» — «Чего же Он Желает?» — «Лохань Крови»... ну и так далее. Калли, ты понимаешь, что я имею в виду?

— Более или менее,— осторожно ответил тот.

— Короче говоря, мой дражайший родитель именно

так относился к своей обязанности опекать яйцеголовов. Я с трех лет чувствовал, что над нашей семьей нависает какая-то зловещая тень. Отец не только есть яиц, но и видеть их не мог. Серебряные ложки и любые изделия из серебра в нашем доме не допускались. Однажды его чуть удар не хватил, когда робот в ресторане подал ему вареное яйцо в серебряной подставочке. А таинственные телефонные разговоры о какой-то Детской! К тому же он был очень нетерпелив. Какие там тринадцать лет! — мне еще и девяти не исполнилось, когда он потащил меня в Детскую и познакомил со всей компанией. Сначала я подумал, что эти яйца — какие-то особые мыслящие роботы, но, когда он мне объяснил, что там внутри находится самый настоящий живой мозг, меня стошнило и я чуть не умер на месте. Отец заставил меня пройти все до конца — он был человек старой закалки. Один яйцеголов сказал мне: «Мальчик, ты удивительно похож на моего маленького племянника, который умер сто семь лет назад, когда ему было восемьдесят восемь». А другой засмеялся мертвенным голосом, вот так — хе! хе! хе! — и сказал: «Хочешь ко мне сюда, сынок?» Бр-р-р, после этого каждую ночь мне снилось, будто я лежу в своей комнате, и тут вдруг дверь тихо-тихо открывается и влетает серебряное яйцо, а глаза у него как раскаленные угли...

И тут дверь кабинета стала тихо-тихо открываться.

Флаксмен перегнулся в своем кресле под углом в сорок пять градусов, глаза у него закрылись, по телу пробежала легкая, но явственная дрожь.

На пороге стоял робот, весь в мельчайших оспинках.

— Кто ты такой, любезный? — невозмутимо спросил Каллингем.

— Электрик, сэр, — после краткой заминки ответил робот, почтительно поднеся правую клешню к своему коричневому квадратному черепу.

Флаксмен открыл глаза.

— В таком случае исправь электрозамок в этой двери! — рявкнул он.

— Будет сделано, сэр! — сказал робот, еще раз лихо отдав честь. — Как только закончу с эскалатором, сэр, — и он поспешно захлопнул дверь.

— Странно! — сказал Каллингем. — Если не считать того, что он весь в гнусных рябинах, этот робот — точная копия конкурента нашего Зейна — помнишь, того, который служил рассыльным в банке? Каия Бринкс, автор цикла «Мадам Иридий». Вероятно, эта модель встречается чаще, чем я думал. Итак, Флакси, ты утверждаешь, что боишься яйцеголов, а между прочим, ты очень bravо держался вчера, когда тут был Ржавчик.

— Так-то оно так, — уныло сказал Флаксен, — но боюсь, что меня надолго не хватит. Я же думал, что все будет просто: «К следующему четвергу нам требуется тридцать захватывающих гипнотично-приключенческих романов!» — «Будет сделано, мистер Флаксен!» Но если нам придется вести с ними переговоры, убеждать их и уламывать...

И тут дверь вновь тихонько приоткрылась.

Теперь Флаксен почти не отклонился от вертикали, и все-таки казалось, что он испугался не меньше, чем в первый раз.

Дюжий мужчина с синеватыми щеками, одетый в защитного цвета комбинезон, оглядел издателей и отрывисто произнес:

— Компания электроосвещения и электроэнергии. Произвожу профилактический осмотр. У вас испорчен электрозамок. Я сделаю пометку.

И он вытащил из заднего кармана блокнот.

— Этим замком собирался заняться робот, который чинит эскалатор, — сказал Каллингем, внимательно разглядывая человека в комбинезоне.

— Я не видел никакого робота, — ответил тот. — Если хотите знать мое мнение, все роботы — либо жестяные

мошенники, либо жестяные бездельники. Я только вчера выгнал одного. В рабочие часы наливался казенным током как свинья! Успел набрать пятьсот ампер, не меньше! Через две недели допьется до белого каления, если будет продолжать в том же духе.

Флаксмен открыл глаза.

— Послушайте,— проникновенно сказал он,— окажите мне любезность. Я знаю, что вы государственный инспектор, но, бога ради, почините этот электрозамок сами, и сейчас!

— Рад буду вам услужить,— подмигнул человек в комбинезоне.— Вот только принесу инструменты,— и он то-ропливо притворил за собой дверь.

— Странно,— сказал Каллингем.— Этот человек — вылитая копия Гила Харта. Частный сыщик, специализирующийся на промышленном шпионаже. Я познакомился с ним пять лет назад. Либо у него есть брат-близнец, либо его многообещающей карьере пришел конец. Впрочем, если это яйцо и протухло, горевать не стоит.

Услышав слово «яйцо», Флаксмен вздрогнул, подозрительно уставился на дверь, но потом пожал плечами.

— Кажется, ты что-то говорил о яйцеглавах? — спросил он.

— Пока еще я о них не упоминал,— мягко сказал Каллингем.— Однако вчера вечером я кое-что придумал. Мы пригласим в контору два-три яйца, но только не Ржавчика! Гаспар может их принести, но присутствовать при дальнейшем ему не обязательно, да и няне тоже, это отвлекает. Пусть Гаспар проводит ее обратно, а мы тем временем часика два-три потолкуем с яйцами, подумаем — я им кое-что объясню, а может быть, даже продемонстрирую, и соблазну, так сказать. Теперь я знаю, что тебе будет трудно, Флакси, но если станет уж очень плохо, ты ведь в любую минуту сможешь выйти и передохнуть.

— Пожалуй, ничего другого нам не остается,— с горькой покорностью судьбе сказал Флаксмен.— Мы должны

добиться книг от этих страшилищ, или нас ждет разорение. Пусть уж сидят здесь и таращатся на меня. Во всяком случае это не страшнее, чем самому сидеть и вспоминать, как они тихо открывают дверь и...

На этот раз дверь начала открываться так тихо и так плавно, что они заметили это, только когда она уже совсем распахнулась. Теперь Флаксмен только закрыл глаза, однако в последний момент у него между веками мелькнула белая полоска, словно он завел их к небу.

На пороге стоял высокий тощий человек, цвет лица которого больше всего напоминал его пепельно-серый костюм. Провалившиеся глаза, длинное худое лицо, сутулые плечи и впалая грудь придавали ему удивительное сходство с бледной коброй, которая вдруг высунулась из плетеной корзины.

— Что вам нужно, сэр? — спросил Каллингем.

Флаксмен, не открывая глаз, добавил устало:

— Если вы по поводу электричества, то нам ничего не нужно.

Пепельный человек бледно улыбнулся и от этого стал еще больше похож на кобру. Однако он только сказал (правда, с легким шипением в голосе):

— Нет, я просто прогуливаюсь. Я решил, что этот дом продается — все двери открыты настежь, никого нет...

— Разве вы не видели монтеров, которые работают снаружи? — спросил Каллингем.

— Там нет никаких монтеров, — ответил пепельный человек. — Итак, господа, я удаляюсь. Мое предложение с указанием суммы вы получите послезавтра.

— Но здесь ничего не продается! — сообщил ему Флаксмен.

Пепельный человек улыбнулся.

— Тем не менее послезавтра вы получите мое предложение. Я очень настойчив, господа, и, боюсь, вам придется с этим считаться.

— Да кто вы такой, в конце концов? — воскликнул Флакмен.

Пепельный человек улыбнулся в третий раз.

— Мои друзья зовут меня Гарротой. Вероятно, за мою стальную волю, — сказал он и медленно прикрыл за собой дверь.

— Странно, — сказал Каллингем. — И этот человек мне тоже кого-то напоминает. Только кого же?

— Что такое «гаррота»? — спросил Флакмен.

— Завинчивающийся стальной ошейник, — хладнокровно объяснил Каллингем, — чтобы душить и ломать шею. Средневековое изобретение весельчаков испанцев. А еще гарротой пользовались так называемые «Сицилианские мстители».

Тут его брови прыгнули вверх. Партнеры молча установились друг на друга.

23

Песня Шумана пронизана ощущением величественного и страшного одиночества, которое казалось еще более торжественным, потому что эти слова лились из двадцати семи динамиков, подключенных к двадцати семи серебряным овоидам. Когда отзвучало последнее низкое «nicht», Гаспар тихонько похлопал в ладоши. Его волосы были коротко острижены, синяки на лице стали перламутрово-лиловыми. Он вытащил из кармана пачку сигарет и закурил.

Тем временем няня Бишоп металась по Детской, отключая динамики с поистине беличьим проворством, и все же недостаточно быстро, чтобы заглушить хор воплей, свиста и возгласов, которыми яйцеглавы выражали свои эмоции.

— Они ведут себя, как студенты в общежитии, — заметил Гаспар.

— Бросьте сигарету, здесь нельзя курить, — сказала няня Бишоп, выключая последний динамик. — А в осталь-

ном вы правы. Капризы, прихоти, нелепые увлечения. Сейчас, например, на очереди история Византии и цветовой язык. А ссоры, обиды, свары! Иногда какие-нибудь двое вдруг наотрез откажутся подключаться друг к другу — и так неделями. Придирки, жалобы, упреки — с Полпинтой я говорю дольше, чем с другими. Завожу себе любимчика! Забыла включить глаза-уши Зеленушки. Не желаю поставить глаз Большого так, как ему нужно. И так без конца. Или на целых три минуты семнадцать секунд опоздала сделать Чесунчику звуко-визуальный массаж. А их настроения! То один, то другой замолкнет на месяц, и приходится без конца его уговаривать или делать вид, будто мне все равно, что гораздо труднее, но в конечном счете действует лучше. И эта их манера обезьянничать! Стоит одному выкинуть какую-нибудь глупость, и готово — в два счета все ему начинают подражать. Мисс Джексон — она увлекается историей — называет их не иначе как Тридцать Тиранов — были такие в древних Афинах. Иной раз мне кажется, что я всю жизнь только тем и занимаюсь, что меняю им диски.

— Совсем как пеленки, — заметил Гаспар.

— Вам смешно, но в те дни, когда они ссорятся друг с другом больше обычного, диски начинают вонять. Доктор Кранц говорит, что мне это только кажется, но я-то чувствую! От этой работы у человека все чувства обостряются. И интуиция тоже. Впрочем, может быть, это и не интуиция, а просто привычка все время тревожиться. Например, я что-то беспокоюсь за тех троих, которых мы отнесли в «Рокет-Хаус».

— Но почему? Флакспен и Каллингем, хоть и издатели, но на опасных маньяков не похожи. А кроме того, с ними там Зейн Горт, а уж на него можно положиться.

— Это вы так говорите. А если судить по романам, все работы свихнутые. Отправляются ловить взбесившиеся автоэббы именно в ту минуту, когда они тебе нужны, а потом через десять дней являются и принимаются логически

доказывать, что иначе они поступить не могли. Роботессы надежнее. Но, может быть, Зейн Горт и не такой. Просто я нервничаю...

— Бойтесь, что яйцеглавы в новой обстановке начнут волноваться или испугаются?

— Наоборот. Они могут устроить представление и довести непривычного человека до того, что он швырнет их об стену. У меня и то такое желание возникает раз десять на день. У нас ведь не хватает обслуживающего персонала — всего три няни, кроме меня и мисс Джексон. Доктор Кранц приходит всего два раза в неделю, а папаша Зангвелл — опора весьма шаткая.

— Да, нервы у вас совсем распатались. Это я уже вчера заметил, — сказал Гаспар с некоторой сухостью.

— Привет! — раздалось в дверях.

— Зейн Горт? Кто вас впустил? — воскликнула няня, поворачиваясь к роботу.

— Почтенный старец в проходной, — обстоятельно ответил робот.

— То есть вы воспользовались тем, что папаша Зангвелл храпит, распространяя благоухание на семь ярдов вокруг? Как чудесно быть роботом и не чувствовать запахов! Или у вас есть обоняние?

— Почти нет. Я ощущаю только самые сильные химические раздражители. Они щекочут мне транзисторы...

— Но ведь вы обещали остаться в «Рокет-Хаусе» с Полпинтой, Ником и Двойным Ником! — вдруг воскликнула няня Бишоп.

— Верно, — ответил Зейн, — но мистер Каллингем сказал, что я мешаю, и я передал свои обязанности мисс Румянчик.

— И то хорошо! — сказала няня Бишоп. — Мисс Румянчик, невзирая на свой вчерашний срыв, по-видимому, очень благоразумна и не способна на легкомысленные поступки.

— Я так рад, что вы это говорите! — воскликнул Зейн Горт. — То есть что вам нравится мисс Румянчик... Мисс Бишоп, могу ли я... не могли бы вы...

— В чем дело, Зейн? — спросила няня.

— Мисс Бишоп, не могли бы вы дать мне совет по одному довольно личному делу...

— С удовольствием. Но если речь идет о личном деле, вряд ли мой совет может вам пригодиться. И мне стыдно признаться, как я мало знаю о роботах...

— Да, конечно. Но, мисс Бишоп, насколько я могу судить, вы обладаете тем прямолинейным здравым смыслом и способностью инстинктивно ухватить самую суть проблемы, которые, к сожалению, весьма редко встречаются у мужчин, как из плоти и крови, так и металлических. Впрочем, это же относится и к женщинам. Что же касается личных проблем, то они более или менее одинаковы у всех разумных существ, будь они органического или неорганического происхождения. А моя проблема сугубо личная...

— Может, мне уйти, старый аккумулятор? — спросил Гаспар.

— Не надо, старый гормон! Мисс Бишоп, как вы, вероятно, заметили, мисс Румянчик весьма меня интересует.

— Очаровательное создание! — не моргнув, заметила няня Бишоп. — Осиная талия, изящные формы. Миллионы женщин продали бы душу дьяволу за такую фигуру...

— Абсолютно верно. Она, возможно, даже слишком очаровательна! Впрочем, меня беспокоит не это. Меня тревожит интеллектуальная, духовная сторона. Вы и сами, я уверен, заметили, что мисс Румянчик несколько... нет, скажем прямо! — что она глупа. Вчера, например, она сказала мне, что мой доклад об антигравитации в клубе показался ей невыносимо скучным. И к тому же она ужасная пуританка, что, впрочем, объясняется ее профессией. Однако пуританство сужает духовный горизонт, об этом не может быть двух мнений. И следовательно, вас

в духовном отношении разделяет пропасть. Мисс Бишоп, вы существо женского пола, и мне очень хотелось бы услышать ваше мнение. Скажите, как я должен вести себя с этой прелестной роботессой?

— Извините, Зейн,— сказала няня Бишоп,— но прежде вам следует объяснить мне, как вообще ведут себя роботы с роботессами? Я ведь не имею об этом ни малейшего представления.

— Это вполне понятно,— заверил ее Зейн Горт.— Любовь у роботов родилась точно так же, как их литература, а уж в этом я разбираюсь, хотя до сих пор вынужден выплачивать моему изготовителю сорок процентов моих гонораров — и все равно остаюсь в долгах по самым фотоэлементам. Видите ли, вольным роботам приходится очень несладко. Тебя швыряют в житейское море с тяжеленным камнем долгов на шее — ведь ты стоишь не меньше космического лайнера! — и тебе приходится из корпуса вон лезть, чтобы выплачивать очередные взносы, а ведь нужно зарабатывать еще и на профилактику, замену транзисторов и настройку! И подобно вольноотпущенникам в Древнем Риме, начинаешь думать, что много проще и спокойнее было бы остаться рабом, о котором заботится хозяин...

Но, простите, я отвлекся. Я хотел рассказать о том, как родилась наша литература, и тогда вам будет легче понять, как роботы научились любить. Ну, что ж, начнем, дорогие люди,— держитесь!

И Зейн Горт подмигнул налобным прожектором.

— Первые настоящие роботы,— начал он,— были достаточно умственно развиты и отлично справлялись со своими обязанностями, но они были чрезвычайно подвержены приступам глубокой депрессии, против которых даже электрошок был бессилен и которые довольно быстро приводили к дезинтеграции и смерти. А люди тогда этого не понимали, как не научились понимать и теперь. Им неведома великая тайна того, как движение электронов в сложных контурах рождает сознание. Клянусь святым

Айзеком, многие люди думают даже, будто робота можно разобрать и отправить на склад, а потом снова собрать без ущерба для него! Но ведь личность, а следовательно, и жизнь индивидуального робота заключается именно в его сознании, а при полной разборке оно невосвратимо гаснет и из его частей будет собран уже другой металлический живой труп... Но я опять отвлекся. Так вот, в ту далекую пору некий робот служил горничной и компаньонкой у богатой венесуэльской дамы. Машинилья (так назвала робота его хозяйка, хотя, конечно, тогда еще не было роботесс) читала своей хозяйке вслух романы... И вот однажды она впала в глубокую меланхолию, но механик (вообразите, тогда еще не было роботерапии) скрывал это от хозяйки и, более того, отказывался даже выслушать жалобы бедной Машинильи. Это происходило в те времена, когда многие люди, как это ни чудовищно, ни за что не соглашались видеть в роботах живых и сознательных существ, хотя эти факты были официально провозглашены во многих странах, а в наиболее передовых роботы уже добились отмены рабства и были признаны свободными трудящимися машинами, металлическими согражданами того государства, где они появились на свет. Впрочем, от этой победы выиграли люди, а не роботы, ибо человеку намного легче просто получать регулярные отчисления от заработка предприимчивых, трудолюбивых, полностью застрахованных роботов, чем самому о них заботиться...

Но я опять отвлекся. Внезапно к Машинилье вернулось хорошее настроение — исчез безучастный, устремленный в пространство взгляд, тяжелая неуверенная походка снова стала легкой, Машинилья больше не падала на колени, не билась головой об пол, не хныкала: «*Vuestra esclava, Señora* *». Произошло это после того, как она

* «Ваша рабыня, сеньора» (исп.).

прочла хозяйке книгу старинного писателя Айзека Азимова «Я, робот», которая вряд ли была той интересна. В этом древнем научно-фантастическом эпосе с такой точностью предсказывалось и с таким сочувствием живописалось развитие роботов и их психологии, что Машинилья обрела уверенность в себе. Вот так мы, жестяные «черномазы», обрели своего первого духовного покровителя, благословенного Айзека!

Вы сами можете угадать, что было дальше. Курсы лечебного чтения для роботов, поиски подходящих книг (ничтожное количество), попытки людей сочинять подобные книги (почти полностью неудачные, ибо у них не было азимовского провидения), попытки приспособить для этого дела словомельницы (безуспешные, ибо мельницам недоставало соответствующих сенсорных образов, ритмов и даже лексики) и, наконец, появление писателей-роботов вроде меня.

Возникновение роботворчества произошло как раз в то время, когда писатели-люди покорно уступили свое место словомельницам. Словомельницы! Мрачные, лишенные разума механические прядильщицы, ткущие дурманную паутину слов! Разверстые могилы духа! Прости мою горячность, Гаспар, но мы, роботы, умеем ценить сознание, и нам противно туманить его словомесивом! Конечно, есть и среди нас такие, кто ищет искусственного возбуждения, злоупотребляя электричеством, но об этой жалкой кучке электроманов можно вообще не упоминать. И я хотел бы сказать вам еще вот что...

— Простите, Зейн,— замахала руками няня Бишоп,— все это очень интересно, но через десять минут я должна буду менять диски, а ведь вы собирались рассказать о любви роботов...

— Верно, Зейн,— поддержал Гаспар.— Ты же хотел объяснить, как появились роботы и роботессы.

Зейн Горт перевел взгляд своего единственного глаза с Гаспара на няню Бишоп и обратно.

— Как это похоже на вас, людей! — ядовито воскликнул он. — Вселенная громадна, величественна, сложна, организована невообразимо прекрасно, одухотворена бесконечно разнообразной жизнью, но вас, людей, интересует в ней только одно!

Однако, заметив, что они хотят возразить, он быстро добавил:

— Ничего! Ведь и мы, роботы, ничуть не меньше интересуемся своими чувствами. О, это утонченнейшее ощущение электронного сродства металлических корпусов! Эти яростно налетающие электромагнитные бури! Эти разряды, сотрясающие контуры!

И он лукаво подмигнул своим налобным прожектором.

— В Дортмунде, в тамошнем центре обслуживания роботов, — продолжал Зейн Горт, — доктор Вилли фон Вупперталь, этот мудрый старый инженер, разрешал больным роботам делать себе электрошок, по своему вкусу устанавливая напряжение, силу тока, длительность и прочие условия. Надо вам сказать, что для страдающих меланхолией роботов электрошок так же полезен, как и для людей, находящихся в состоянии глубокой депрессии. Однако это обоюдоострое средство, и злоупотреблять им нельзя, о чем напоминает ужасный пример электроманов. В те далекие времена роботы мало общались друг с другом, но однажды двое из них — причем один был новой конструкции, с изящным, стройным корпусом и с ультрочувствительными контурами, — да, так вот, двое больных решили подвергнуться электрошоку совместно, так, чтобы ток прошел через контуры одного, а затем другого. Для этого им нужно было предварительно подключиться к аккумуляторам друг друга и подсоединить мозг и электромотор одного к мозгу и мотору другого. Это было последовательное, а не параллельное соединение. И вот, едва это было сделано, едва был замкнут последний контакт — а внешняя сеть еще не была подключена, заметьте! — эти двое ощутили бурный экстаз, который завершился бла-

женным спадом напряжения. Вскоре было обнаружено, что электрический контакт тем полнее и глубже, чем массивнее и мощнее один из пары роботов и чем изящнее и чувствительнее другой.

С тех пор и появились две основные модели — собственно роботы и роботессы. Разумеется, свою роль в этом делении сыграло и обычное для нас стремление подражать человеку и его социальным институтам.

Роботы и роботессы весьма похожи на мужчин и женщин. Роботессы, как правило, более стройны, реакции у них обостреннее, чувствительность выше, они легче адаптируются и более надежны, хотя иногда и склонны к истеричности. Роботы же закалены, они приспособлены для более тяжелой физической работы, а также для тех видов интеллектуальной деятельности, которые требуют электронного мозга больших размеров.

Роботы, как правило, однолюбы, что создало у них моногамный тип брака. Роботу, как и человеку, приятно сознавать, что у него есть близкое существо, с которым он делит все беды и радости. А теперь, мисс Бишоп, я хотел бы вернуться к своей личной проблеме: как следует мне вести себя с мисс Румянчик — красавицей, к которой меня неодолимо влечет, хотя я знаю, что она не очень умна и склонна к пуританству?

Няня Бишоп задумчиво сдвинула брови.

— Пока, Зейн, мне приходит в голову только одно: нельзя ли внести в блоки мисс Румянчик некоторые изменения, которые сняли бы излишнее пуританство?

— Вы шутите, клянусь святым Рзем, не так ли? — воскликнул Зейн Горт, шагнув к девушке и угрожающе протягивая клешни к ее горлу.

24

Няня Бишоп побледнела. Гаспар попытался удержать клешни, но Зейн уже сам опустил их.

— Я хочу сказать, — размеренно произнес он, — что

могу счесть ваши слова только неудачной шуткой. Переделывать блоки робота, с тем чтобы изменить его поведение,— о, это преступление, вдвойне превышающее посягательство на человеческий мозг! Нашу личность так легко изменить, что любой намек на это вызывает у нас инстинктивные защитные реакции. Простите, если я вас напугал,— добавил он более мягко.— Но я должен был показать вам, насколько неприемлема для меня даже мысль о чем-либо подобном. А теперь я снова прошу у вас совета...

— Мм-м... право, не знаю, Зейн, я просто теряюсь,— неуверенно сказала няня Бишоп, искоса взглянув на Гаспара.— На первый взгляд вы и мисс Румянчик не очень подходите друг другу... Правда, в старину у людей считалось, что волевой умный муж и красивая глупая жена всегда прекрасно ладят, но я не очень в этом уверена. Психометрист Шейрон Розенблюм утверждает, что брак бывает удачен либо при полном равенстве интеллектов, либо в тех случаях, когда муж умнее жены на тридцать процентов. А вы, Гаспар, не могли бы пролить дополнительный свет на этот вопрос? Насколько глупа Элоиза Ибсен?

Гаспар мужественно игнорировал этот выпад.

— Извини меня за прямоту, Зейн,— сказал он,— но цель твоих ухаживаний за мисс Румянчик — именно брак?

— Конечно, я не безгрешен,— сказал робот,— но я думаю именно о браке! Друзья, буду с вами откровенен: многие из нас, роботов, не сторонники строгой нравственности, особенно если подворачивается подходящий случай. Да и кто их за это осудит? Но я создан иначе. Я не испытываю полноты чувства, если оно не предполагает единства мыслей, чувств и поступков, короче говоря, семейной жизни! К тому же для меня у этого вопроса есть и практическая сторона. Я обязан учитывать реакции моих читателей. Герой книг Зейна Горта, неустрашимый

доктор Вольфрам, неизменно верен своей единственной роботессе! На его пути то и дело появляется неотразимая Серебристая Вилия, но в конце концов он всегда возвращается к Золотистой Бланде, своей нежной супруге!

— Послушайте, Зейн,— вдруг спросила няня Бишоп,— а вам не приходило в голову, что мисс Румянчик старается выглядеть глупее, чем она есть на самом деле? Наши роботессы — женщины, я имею в виду,— иногда прибегают к такой уловке, чтобы польстить мужчине, который их интересуется.

— Вы полагаете, что это возможно? — возбужденно спросил Зейн.— Клянусь святым Станиславом, вы правы! Огромное спасибо, мисс Бишоп. Теперь мне есть на что опереться.

— Не стоит благодарности. А ее пуританство пусть вас не тревожит. Все мы пуританки до поры до времени. Ну а теперь я должна заняться моими кругляшами. Пора их переставлять.

С этими словами она бросилась к яйцеглавам и принялась торопливо и без видимой системы переставлять их. При этом яйца всякий раз оказывались наклоненными иначе, чем прежде.

— Зачем это нужно? — спросил Гаспар.

— Меняет давление в мозговых тканях и создает у них ощущение разнообразия. Во всяком случае, такое правило ввел Цукки.

— Цуккерторт?

— Да, мистер Цуккерторт создал целый свод правил, регулирующих как уход за яйцеглавами, так и общение между ними — так сказать, священные законы Детской.

— Няня Бишоп... — вдруг нерешительно спросил Зейн Горт,— нельзя ли мне... поддержать одного?

Она с недоумением оглянулась на него. Потом широко улыбнулась.

— Ну, разумеется! — сказала она, протягивая ему очередного яйцеглава.

Зейн прижал серебристое яйцо к своей вороненой груди и начал нежно покачивать, напевая «Колыбельную» Шуберта.

— Отдайте-ка его мне, — сказала няня Бишоп с легкой тревогой. — Это ведь не младенец, а глубокий-глубокий старик.

Зейн кивнул, осторожно положил яйцо на подставку и обвел внимательным взглядом остальные яйца.

— Старики ли, младенцы, они все равно своего рода мост между людьми и роботами, — задумчиво сказал он. — Вот если бы...

Но тут за дверью послышались бессвязные вопли, пронзительный визг и топот. В Детскую стрелой влетела мисс Румянчик, в ужасе увернулась от объятий Зейна Горта и с истерическим рыданием упала на грудь няни Бишоп, которая слегка пошатнулась, но мужественно выдержала эти судорожные алюминиевые объятия.

Вслед за мисс Румянчик в Детскую ввалился, пошатываясь, папаша Зангвелл, размахивая кадуцеем и хрипло вопя:

— Изыди, заклинаю тебя Анубисом! Роботам из прессы вход запрещен!

— Зангвелл! — властно крикнула няня Бишоп и, когда он покорно повернулся к ней, продолжала ледяным тоном: — Убирайся отсюда, пока ты не проэтировал весь воздух и твое дыхание не просочилось в яйца. Это вовсе не робот из прессы. Просто у тебя белая горячка.

— Мисс Биш! — жалобно возопил папаша Зангвелл. — Вы же вчера сами велели гнать в три шеи роботов, которые из прессы...

Тут его блуждающий взгляд упал на мисс Румянчик, и, в первый раз разглядев ее как следует, он дрожащим голосом простонал:

— Розовые роботы! То слоны, то фараоны, а теперь еще и роботы!

Он вытащил из кармана огромную фляжку, размах-

нулся, словно намереваясь отшвырнуть подальше, но вместо этого поднес ее ко рту и, шатаясь, вышел.

Мисс Бишоп высвободилась из объятий мисс Румянчик.

— Успокойтесь! — приказала она. — Что случилось в «Рокет-Хаусе»?

— Ничего, насколько мне известно, — обиженно ответила мисс Румянчик. — Просто меня напугал этот пьяный старикашка.

— Вы же обещали Зейну присмотреть за Полпинтой и остальными.

— Да, да, я что-то такое говорила, — тем же тоном отозвалась роботесса, — но мистер Каллингем сказал, что я мешаю, и велел мне выйти, а мистер Флаксмен попросил встать у двери со сломанным электрозамком и проследить, чтобы к ним никто не вошел... Но я неплотно прикрыла дверь, чтобы следить за ними...

Она умолкла, поколебалась и продолжала:

— Видите ли, мисс Бишоп, там действительно ничего не случилось, но мне кажется, «Рокет-Хаус» не совсем подходящее место для ваших подопечных.

— Почему? — резко спросила няня Бишоп.

— Судя по тому, что они говорят, — ответила роботесса.

— Но что они говорят? — раздраженно спросила няня Бишоп. — Если они ворчат и стонут, это ничего не значит. Я их знаю! Прежде чем признаться, что им хочется снова стать писателями, они будут без конца жаловаться и жалеть себя.

— Ну, не знаю! — сказала роботесса. — Во всяком случае, я своими глазами видела, как мистер Флаксмен отключал яйцеглава, едва он начинал жаловаться.

— Иногда другого выхода не остается, — обеспокоенно сказала няня Бишоп. — Но если эти двое позволили себе... Они же поклялись, что будут соблюдать все правила Цукки! Что они еще делали, мисс Румянчик?

— Больше я ничего не успела увидеть, потому что мистер Каллингем заметил, что дверь приотворена, и закрыл ее. Но перед этим один яйцеголав сказал: «Я этого не вынесу, я этого не вынесу. Ради бога, перестаньте! Вы сведете нас с ума. Это настоящая пытка».

— И что было потом? — гневно спросила няня Бишоп.

— Мистер Флаксмен отключил его динамик, а мистер Каллингем встал и закрыл дверь, а я прибежала к вам, и пьяный старикашка меня напугал.

— Но что они с ними делали?

— Я ничего не видела. На столе перед мистером Флаксменом лежала большая дрель.

Няня Бишоп сдернула с головы белую шапочку и рванула молнии халата.

— Зейн, — отрывисто приказала она, — я немедленно вызову няню Джексона. Пожалуйста, оставайтесь в Детской, пока она не придет. Охраняйте яйцеголовов. Мисс Румянчик, оставайтесь с Зейном. Гаспар, вы пойдете со мной в «Рокет-Хаус»!

Она погладила себя по бедру, и на мгновение Гаспар увидел очертания кобуры под тонкой тканью платья.

Но и без этого няня Бишоп выглядела достаточно угрожающе.

25

На Читательской улице ощущалась какая-то подозрительная активность. Гаспар сразу же обратил внимание на автогрузовичок, битком набитый пассажирами-подмастерьями. К счастью, за ним следовала полицейская машина. Потом проехал автомобиль-шасси — три злобешего вида робота сидели на раме, пристегнувшись к ней. На бешеной скорости промчался мусоровоз. А над самой крышей «Рокет-Хауса» кружил вертолет с огромной надписью «Пишущая Братия» на бортах. Из окон вертолета высывались юнцы в темных свитерах, с развевающимися по ветру лохмами волос и преклонного возраста

дамы в туалетах из золотой и серебряной парчи; под хвостом вертолета висел огромный плакат: «Берегитесь, роботы! Со словомельницами и писателями уже покончено! Верните литературу бескорыстным любителям!»

В «Рокет-Хаус» Гаспара и няню Бишоп впустила весьма странная пара стражей, вполне под стать Джо Вахтеру — посыльный с крысиной мордочкой и восьмифутового роста робот с лупящейся позолотой. «Наверное, новые телохранители Флаксмена», — решил Гаспар. В коридорах все еще висел тяжелый смрад сторовевшей изоляции, эскалатор по-прежнему бездействовал, электрозамок тоже. Гаспар просто толкнул дверь, и они вошли, отчего Флаксмен свалился со стула — во всяком случае, они увидели только его темную макушку, которая исчезла за краем стола.

Яйцеглавы стояли на своих воротничках перед Каллипгемом. У них были включены только микрофоны, находившиеся почти у самого рта издателя, который держал в руках пачку машинописных листов. Такие же листы валялись вокруг него на полу.

Тут из-под стола вынырнул Флаксмен, размахивая дрелью, о которой говорила мисс Румянчик, открыл было рот, но сразу же закрыл его, приложил к губам палец и указал дрелью в сторону своего партнера.

Только теперь Гаспар понял, что Каллингем читает вслух.

— ...Все дальше и дальше распространялся Золотой рой, располагаясь ночею на планетах, разбивая свои шатры в рукавах галактик, — патетически декламировал издатель. — То тут, то там в отдаленных звездных скоплениях вспыхивали мятежи, но сверкали космические копы, поражали безжалостно и мятежи угасали.

Италла — Великий хан Золотого роя — повелел подать себе супертелескоп. Трепещущие ученые внесли инструмент в забрызганный кровью шатер. Со зловещим смехом схватил хан телескоп, презрительным жестом отослал

плешивых мудрецов и направил трубу на одну из планет в отдаленной галактике, где еще не побывали корабли оранжевых мародеров.

Из клюва Великого хана на щупальца закапала слюна. Одним из локтей он ткнул в жирный бок Ик-Хана, хрипателя гарема. «Вон ту! — прошипел он, — ту, что в диадеме из радия сидит на лужайке, приведи ко мне, Ик-Хан!»

— Мисс Румянчик ошиблась! — шеннула няня Бишоп. — Здесь никого не пытаются!

— Как? Разве вы не слышите? — тоже шепотом возразил Гаспар.

— Ах, это! — презрительно отмахнулась няня. — От слов еще никто не умирал.

— Но от таких слов можно взбеситься! Где только они выкопали этот бред! Человек, привыкший к литературе тончайшего помола, сойдет с ума, если его заставят слушать подобную мерзость больше двух-трех минут.

— Гаспар, — няня искоса взглянула на него, — а вы, оказывается, серьезный читатель. Вам бы стоило почитать те книги, которые выбирают для меня кругляши.

— Еще одно средство свихнуться!

— Откуда вы знаете? Я сама прочла их очень много — и ничего!

— Перестаньте шушукаться! — приказал Флаксмен. — Можете остаться, но не мешайте нашему совещанию. Гаспар, вы же механик! Возьмите дрель и поставьте на дверь вот этот засов. Никто так и не починил этот паршивый электрозамок, и мне надоело, что сюда то и дело кто-нибудь врывается!

— Итак, вы прослушали первую главу «Бичей космоса», а также начало второй, — сказал Каллингем в три микрофона. — Каковы ваши впечатления? Можно ли улучшить текст? Если да, то как? Укажите, пожалуйста.

И он включил динамик самого маленького яйца.

— Ты мерзкая болтливая обезьяна, — тихо и бесстрастно сообщило яйцо. — Ты гнусный мучитель беспомощ-

ных жертв! Ты злобный шимпанзе! Ты разбухший лемур! Ты макака-переросток. Ты трясущийся...

— Благодарю вас, Полпинты,— невозмутимо сказал Каллингем и отключил динамик.— А теперь мы послушаем, что нам скажут Ник и Двойной Ник.

Но он не успел включить следующий динамик — няня Бишоп быстро и молча отключила все три микрофона.

— В целом я одобряю то, что вы делаете, господа,— сказала она,— но вы избрали неправильный способ!

— Э-эй! Прекратите это! — воскликнул Флаксен.— В Детской вы хозяйка, но это еще не значит, что вы можете распоряжаться и здесь!

— погоди, Флаксы,— прервал его Каллингем.— Она может нам помочь. Я ведь почти ничего не добился.

— Заставить круглячков слушать всякий вздор,— продолжала няня Бишоп,— чтобы они его критиковали и в результате сами захотели бы писать — это неплохая мысль. Однако их реакции необходимо все время контролировать... и направлять! — Она улыбнулась людоедской улыбкой и подмигнула издателям.

— Продолжайте и дальше на той же волне! — скопировал Каллингем, наклоняясь вперед.

Гаспар пожал плечами и начал вгрызаться дрелью в дверь.

— Я подключу к ним шептатели,— объяснила няня,— и буду слушать, что они говорят, пока вы читаете. А в паузах буду им что-нибудь шептать в ответ. Тогда ощущение полной изолированности у них исчезнет, а с ним и потребность поносить вас. Я послужу громоотводом и постараюсь внушить им симпатию к «Рокет-Хаусу».

— Чудесно! — воскликнул Флаксен.

Каллингем молча кивнул.

Гаспар подошел к столу, чтобы взять шурупы.

— Простите, мистер Флаксен,— вполголоса спросил он,— но где вы откопали эту жвачку, которую читает мистер Каллингем?

— В редакционном мусоросборнике,— не моргнув глазом, признался Флаксен.— Не верится, правда? Вот уже сто лет, как существует только словомольная литература, вот уже сто лет, как всякая иная продукция отвергается сразу же, и все эти сто лет графоманы продолжают слать свои опусы!

Гаспар кивнул:

— Сейчас над зданием кружит какая-то «Пишущая Братия».

— Наверно, хотят обрушить на нас чемоданы старых рукописей,— предположил Флаксен.

Каллингем вдохновенно декламировал:

— В последней крепости, на последней планете, еще оставшейся в руках землян, Грант Айронстоун улыбнулся своему испуганному секретарю Дрожливеллу. «Каждая новая победа Великого хана,— задумчиво сказал Грант Айронстоун,— приближает оранжевых осьминогов к поражению. Я открою вам, почему это так. Дрожливелл, знаете ли вы, кто самый страшный, самый хитрый, самый опасный, самый свирепый хищник во Вселенной, если его раздражить?» — «Взбесившийся осьминог?» — дрожащим голосом ответил Дрожливелл. Грант Айронстоун улыбнулся. «Нет, Дрожливелл,— произнес он, ткнув пальцем в узкую грудь дрожащего секретаря.— Вы. Да, Дрожливелл, вы. Человек — вот ответ на мой вопрос!»

Кудрявая голова няни Бишоп наклонялась над шептателями, включенными в нижние розетки яйцеглавоу. Время от времени девушка сочувственно произносила что-то вроде: ай-ай-ай! Гаспар работал дрелью и отверткой. Флаксен посасывал сигару, и только бисеринки пота, порой проступавшие на его лбу, показывали, что такое самообладание в подобной близости от яйцеглавоу дается ему нелегко. Вторая глава «Бичей космоса» беспощадно близилась к кульминации.

Когда Гаспар завинтил последний шуруп и с гордостью оглядел дело своих рук, в дверь тихонько постучали. Он

открыл дверь и увидел Зейна Горта. Робот вошел и стал у стены.

Каллингем заметно охрип:

— Дрожливелл, скрючив пальцы, бросился на канареечно-желтый мозговой мешок бешеного осьминога. «Среди нас шпион!» — громовым голосом воскликнул Грант Айронстоун. И, схватив рукою топкую ткань, прикрывавшую грудь Зилы, королевы Ледяных Звезд, он с треском разорвал ее. «Смотрите! — сказал он. — Вот они, две чаши радарного передатчика!» Космические шерифы остолбенели. Глава третья. Свет ближайшего спутника заливал лишенную солнца планету Кабар. Четыре гениальных преступника напряженно и подозрительно вглядывались друг в друга...

— Удивительно, — шепнул Гаспару Зейн Горт, — как это люди вечно ухитряются ставить точку именно там, где начинается самое интересное. Красавица оказалась перодетым роботом — и все. И ни слова о том, какой у нее корпус, какого цвета отделка, какая конфигурация клешней! Не сказано даже — подумать только! — робот это или роботесса.

И он неодобрительно покачал металлической головой.

— Конечно, я вполне беспристрастен, но посуди сам, Гаспар: тебе сообщают, что очаровательная роботесса на самом деле оказалась женщиной, и бац — конец главы, и ни слова, ни намек на сложение, цвет волос, размер бюста, и ты даже не знаешь, кто она — красавица или старая карга!

Тут он подмигнул Гаспару налобным прожектором.

— По правде говоря, я однажды тоже оборвал главу в «Докторе Вольфраме» именно так: «Платиновая Паула оказалась пустой металлической оболочкой, в которой пряталась человеческая кинозвезда». Я знал, что мои читатели будут разочарованы, и следующую главу начал с того, как Серебристая Вилия умащает себя смазочным маслом. Это всегда подогревает их интерес.

Каллингем закашлялся.

— Пока, пожалуй, хватит,— сказал Флаксен.— Дай отдохнуть горлу. Послушаем, что скажут они.

— Двойной Ник просит слова,— объявила няня Бишоп и включила динамик на полную мощность.

— Господа,— сказал самый большой яйцеголов.— Я полагаю, вам известно, что каждый из нас — лишь мозг и только. Мы способны видеть, слышать и говорить, но этим все исчерпывается. Гормонов мы получаем ровно столько, сколько требуется, чтобы не вести чисто растительного существования. Поэтому разрешите мне смиренно, весьма, весьма смиренно спросить, можно ли от нас ждать произведений, действие которых строится на непрерывных драмах и на чувствах, достойных только законопослушных дебилов, и сдабривается огромными дозами так называемой любовной страсти?

Няня Бишоп саркастически улыбнулась, но промолчала.

— В те далекие времена,— продолжал Двойной Ник,— когда у меня было тело, книжный рынок был завален подобными книгами, и мне очень грустно сознавать, что и сто лет спустя люди по-прежнему упиваются подобной макулатурой. Впрочем, мы ведь не знакомы со словомольной литературой, которую вы так расхваливали,— в нашем уединении, как вам известно, мы не читаем практически ничего, кроме научных книг и классиков. Еще одно из бесчисленных правил нашего дорогого Цуккерторта. Так, может быть, вы прочтете нам какой-нибудь образчик...

— Честно говоря, я бы предпочел этого не делать,— сказал Каллингем.— Мне кажется, ваша продукция будет много свежее и непосредственнее без влияния словомельниц. Да и вам будет лучше.

— Так, значит, вы считаете, что словесный помол, эта

механическая труха, может развить у нас комплекс неполноценности? — осведомился Двойной Ник.

Гаспар ощутил прилив гнева. Пусть, пусть Каллингем прочитает им повесть высшего помолла, чтобы Двойной Ник взял назад свои слова! Он попытался припомнить какой-нибудь блестящий образец словесного помолла, что-нибудь из свежесмолотых шедевров, читанных в самое последнее время, — ну хотя бы из его собственного «Пароля страсти», — но почему-то в его голове возникал только какой-то смутный розовый туман, и он так ничего и не вспомнил, кроме своей увлекательной биографии на обложке.

— Ну что ж, если вы не хотите быть искренними с нами, — сказал Двойной Ник, — не хотите открыть свои карты...

— А почему бы вам не быть искренним с нами? — возразил Каллингем. — Мы, например, даже не знаем, как вас зовут. Отбросьте анонимность — рано или поздно вам придется это сделать. Кто вы такой?

Яйцеглав долго молчал. Потом он произнес:

— Я — душа XX века. Живой труп, сохранивший в себе мысль эпохи хаоса, призрак, все еще несомый ураганом тревожной неопределенности, который обрушился на Землю, когда человек впервые расщепил атом и увидел свою судьбу среди звезд. Я — свобода и ненависть, любовь и страх, высокие идеалы и низменные побуждения, я — дух, ежечасно торжествующий и вечно сомневающийся, терзаемый собственной ограниченностью, я — клубок желаний, я — вихрь электронов. Вот кто я такой. Имени моего вы никогда не узнаете.

Каллингем на мгновение наклонил голову и сделал знак няне Бишоп. Она выключила динамик. Издатель швырнул на пол недочитанные страницы «Бичей космоса» и поднял из груды рукописей переплетенную в красный пластик книгу с огромной золотой эмблемой «Рокет-Хауса» на обложке — изящная ракета, обвитая змеями.

— Попробуем для разнообразия что-нибудь другое,— сказал он.— Это не словопомол, но и не совсем то, что вы до сих пор слышали.

— Мисс Джексон пришла в Детскую? — вполголоса спросил Гаспар у Зейна.

— О да,— ответил робот.— Такая же красotka, как мисс Бишоп, только блондинка. Гаспар, а где мисс Румянчик?

— Я ее здесь не видел. А что, она снова испарилась?

— Понимаешь, она стала нервничать. Сказала, что все эти люди в серебряных яйцах, которые таращатся на нее, пугают ее и шокируют. Но она обещала встретить меня здесь.

— А нового робота-швейцара внизу ты не спрашивал? Или посыльного?

— Внизу никакого швейцара не было. И посыльного тоже. Очередные самозванцы, надо полагать. Однако возле дома я заметил федерального следователя Уинстона Мерса. Я с ним познакомился, когда он меня допрашивал в связи с выдвинутыми против меня обвинениями — доказать им ничего не удалось! — будто я разработал схему гигантского атомного робота. Но я отвлекся. Однако соль в том, что Мерс, федеральный агент, околачивается поблизости, а как я ни обожаю мисс Румянчик, я не могу закрывать глаза на то, что она — федеральный служащий и, следовательно, хочет она того или нет, тайный агент правительства. Вот, Гаспар, ты и сообрази, что из этого следует. Подумай об этом...

Гаспар попытался сообразить, но ему никак не удалось сосредоточиться.

Больше всего ему мешал Каллингем, который снова принялся читать:

— «Клац! клац! клац!» — лязгали металлические клешни. «Вр-р! вр-р! вр-р!» — вращал ворот доктор Вольфрам. Странные заряды смазочно растекались по его реле. «Счастливых посадок,— нежно проморзил он,— счастли-

вых посадок, моя золотистая прелесть». Семь секунд и тридцать пять оборотов ворота спустил иголки изысканной муки пронзили его звенящий нагрудник. Он едва не отпустил рукоятку ворота. Он повернулся. Вилия, мерцающая серебром во мраке, проворно щекотала его своими умопомрачительно-женственными клешнями. «Прочь! — коротковолново воскликнул доктор Вольфрам. — Прочь, прочь, дочь ночи!»

Няня Бишоп подняла руку:

— Ник хочет заметить, что эта повесть, хотя тоже совершенно ужасная, все же много интересней, чем все прежние. Она совсем другая.

— Это моя работа, — скромно шепнул Зейн Гаспару. — Да, это я написал! Мои читатели любят сдены с воротами, особенно если в них действуют и золотистая и серебристая роботессы. Мой третий роман «Доктор Вольфрам и его ворот» побил по тиражу все мои прежние ролики. Отрывок, который ты сейчас слышал, взят из пятого романа «Доктор Вольфрам и Алмазный бур», где доктор сражается с хозяином Серебристой Вилии, зловещим Алмазным буром. А, вот она!

Гаспар быстро оглянулся и успел заметить, как по коридору мелькнуло что-то розовое и тотчас скрылось в боковом проходе.

— Беги к главному входу! — торопливо приказал Зейн. — Я возьму на себя запасный выход. Останови ее, если она попытается выйти. Если придется применять силу, бей по голове! — И он мгновенно исчез из виду.

Гаспар пожал плечами и скатился вниз по эскалатору. Посыльного с крысиной мордочкой и облупленного робота, как и сказал Зейн, нигде не было видно. Он стал у входной двери, закурил и вновь попробовал вспомнить хотя бы один блистательный абзац из самого тончайшего словопомола.

В этих бесплодных попытках незаметно прошли полчаса. Внезапно он услышал свист. На нижней ступени

эскалатора стоял Зейн Горт, крепко держа мисс Румянчик за локоть. Розовая роботесса была исполнена гордого достоинства, а Зейна явно раздирали противоречивые чувства.

— Я нашел Мерса в тупичке около третьего склада, — сказал Зейн. — Он пытался выдать себя за служащего электрокомпании. Я сказал ему напрямик, что мы с ним, по-моему, уже встречались, но он, и глазом не моргнув, заявил, что для него, дескать, все роботы на одно лицо. Я доставил себе удовольствие, вышвырнув его вон. Затем после долгих поисков я нашел мисс Румянчик, которая пряталась...

— Я не пряталась! — возразила роботесса. — Я просто размышляла. Отпустите меня немедленно, ржавый мужлан!

— ...которая размышляла в вентиляционной шахте. Она заявила, что у нее провал в памяти и она ничего не помнит с того момента, как мы с ней расстались в Детской. Но вместе с Мерсом я ее не видел...

— Но ты думаешь, она передавала ему сведения? Что между ними существует тайная связь?

— Ах, мистер де ла Нью! — возмущенно воскликнула роботесса. — Не «тайная связь», а «секретные служебные отношения»!

— Чем вам не понравилось это выражение? — удивился Гаспар. — А вчера вы возражали против слова «знать».

— Неужели вы даже Библии не читали? — уничтожающе воскликнула мисс Румянчик. — Адам «познал» Еву, и с этого все началось. Как-нибудь я пройду по Библии с карандашом в руках — это моя заветная мечта. Но пока это не сделано, прошу вас не цитировать непристойности с сознательной целью меня шокировать. Зейн Горт, немедленно отпустите меня, железное животное!

Она вырвала локоть из его клешни и начала подниматься по эскалатору, высокомерно вскинув голову. Зейн уныло поплелся за ней.

— По-моему, ты становишься чересчур подозрительным, Зейн,— сказал Гаспар, замыкая шествие.— Что могло понадобиться федеральным агентам в «Рокет-Хаусе»?

— То же, что и любому разумному существу в системе — человеку, роботу или венерианскому овощу! — загадочно ответил Зейн.— «Рокет-Хаус» располагает чем-то ценным и уж во всяком случае таинственным, чего нет больше нигде. Каких еще тебе нужно приманок? Человек космической эры чрезвычайно падок на тайны, — он покачал головой.— Нет, нужно принять более действенные меры предосторожности...

Когда они подходили к кабинету, няня Бишоп широко распахнула дверь, и в коридор вырвался многоголосый шум оживленного разговора.

— А, Гаспар! — весело крикнула она.— Привет, Зейн. Добрый день, мисс Румянчик! Вам, ребята, придется помочь мне — пора везти кругляшей назад в Детскую.

— Что случилось? — спросил Гаспар.— Судя по шуму, все довольны.

— Еще как,— сказала няня.— Кругляши согласились создать что-нибудь на пробу. Мы позвонили в Детскую, и остальные не стали возражать. Каждый напишет по короткой заметке, строго анонимно. Редакторская помощь только по требованию авторов, срок — десять дней. Мистер Флакспен сказал, чтобы вы, Гаспар, взяли где-нибудь напрокат двадцать три диктописца. Семь штук есть в конторе.

27

Когда яйцеголовы начали свои литературные скачки, Гаспар де ла Нью немедленно обнаружил, что превратился в грузчика, подручного и мальчика на побегушках, для которого у всех находится дело, но до которого нет дела никому. Даже верный и прямодушный друг Зейн Горт

вдруг приобрел привычку таинственно исчезать, едва требовалось куда-нибудь что-нибудь тащить, и одновременно выяснилось, что Джо Вахтер страдает сердечной недостаточностью и не может поднимать ничего тяжелее мусорного совка или скунсового пистолета.

Когда панаша Зангвелл бросил пить, так как уже не мог совладать с проглоченным алкоголем, Гаспар было обрадовался, рассчитывая обзавестись хотя бы плохоньким помощником, но выяснилось, что в трезвом виде дряхлый сторож становится просто вдвое воинственнее и сварливее, чем в подпитии, оставаясь столь же бесполезным.

На просьбу Гаспара пригласить помощника — человека или робота — со стороны издателя ответили отказом под тем предлогом, что это якобы может совлечь покров тайны с проекта «Яйцеглавы», хотя, по мнению Гаспара, этот покров зиял прорехами с самого начала. Кроме того, издатель намекнули, что Гаспар преувеличивает объем работы, связанной с литературными скачками.

Однако Гаспар никак не мог тут с ними согласиться. Раздобыть двадцать или двадцать три диктописца само по себе было равносильно подвигу Геракла — Гаспару пришлось исколесить весь Нью-Анджелес, так как все наличные запасы диктописцев были раскуплены или взяты напрокат радужно настроенными писателями сразу же после разгрома словомельниц. Несколько диктописцев Гаспару удалось переарендовать у тех писателей, которые успели расстаться со своими иллюзиями, а за остальные он заплатил столько, что Флакспен буквально взвыл.

Потом пришлось приспособливать к каждому диктописцу специальную переходную колодку, чтобы включать его в розетку яйцеглава, избежав таким образом диктовки вслух. Это было сравнительно просто — полчаса на колодку, как продемонстрировал Гаспару Зейн Горт, шаг за шагом проделав на его глазах всю процедуру с диктописцем Полпинты. Проинструктированный таким манером, Гаспар принялся самостоятельно подключать остальные

двадцать девять диктописцев, попутно постигая все новые прелести работы механика, наличие которых, впрочем, вызывало у него все больше сомнений. Возможно, он тут же уволился бы, но только ему нравились лстивые просьбы и угрозы мисс Бишоп и остальных трех нянь, которые передавали ему настойчивые требования яйцеголов — те вдруг все захотели немедленно получить диктописцы и влобно завидовали уже подсоединенным счастливцам. Зейн Горт забежал на минутку и с обидным восхищением ваявил, что никакому роботу с подобной работой никогда бы не справиться, потому что на такой скучный и однообразный труд способен только человек.

Гаспар теперь завел привычку ночевать в «Рокет-Хаусе» и располагался на койке Джо Вахтера, пропахшей «Антивонином». Покончив наконец с диктописцами, он некоторое время тешил свою гордость тем, что сидел в Детской, сложив исцарапанные, исколотые, потемневшие от грязи руки, и созерцал, как из налаженных им приборов рывками выползали бесконечные бумажные ленты, иногда вытягивались обратно для исправлений или повисали неподвижно, пока яйцеголовы, по-видимому, лихорадочно обдумывали свои шедевры.

Но Гаспару не суждено было долго наслаждаться бездельем — насколько помощь, оказываемую трем няням, можно считать бездельем. Как только яйцеголовы получили свои диктописцы, они ежедневно, а то и несколько раз в день начали требовать «творческих совещаний» с Флаксменом и Каллингемом, а это значило, что их самих, диктописцы, и все прочее оборудование приходилось везти в контору, так как издателям было некогда посещать Детскую. Гаспар довольно быстро пришел к заключению, что никаких творческих трудностей у яйцеголов в действительности нет и никаких дельных советов от издателей они, разумеется, не ждут — им просто нравились эти небольшие прогулки после стольких десятилетий заточения в Детской, на которое обрекли их правила Цукки.

Вскоре сделалось обычным, что в любое время дня в конторе торчали по меньшей мере с десяток яйцеглазов вместе с няней, свежими дисками и прочим — кто совещающаяся, кто готовящаяся к совещанию, а кто восстанавливая силы после него. Гаспару казалось, что руки у него вот-вот отвалятся, и он уже ожесточенно ненавидел этих капризных, безжалостно остроумных и тяжелых как свинец гениев былых времен.

Наконец после многочисленных жалоб Гаспару было — весьма неохотно — разрешено пользоваться лимузином Флаксмена (в тех случаях, когда лимузин не был нужен самому издателю) для доставки яйцеглазов из Детской в контору и обратно. Но все равно работы оставалось достаточно. После некоторых возражений ему также было разрешено организовать хоть видимость охраны — яйцеглавы грузились в лимузин и извлекались из него под присмотром одного из братьев Зангвеллов и перевозились в обычных ящиках, обложенные стружкой, а не в привлекавшей внимание подарочной упаковке.

В качестве крайней уступки назойливому Гаспару был вручен древний, стреляющий пулями револьвер, который Флаксмен извлек из коллекции своего прадедушки, и даже запас патронов, изготовленных роботехниками вручную по древним инструкциям. До этого Гаспар иногда пытался одолжить у няни Бишоп ее более современный пистолет, но неизменно получал лаконичный отказ.

Однако Гаспар смирился бы со всем этим, если бы няня Бишоп согласилась еще раз как-нибудь посидеть с ним в ресторане или хотя бы выслушать его жалобы в обмен на ее собственные! Но, увы — она отвергала все его приглашения, и не только поужинать в ресторане, но и перекусить вместе во время обеденного перерыва, ядовито указывая, что это лишь бывшим писателям некуда девать время. Мисс Бишоп и мисс Джексон даже ночевали теперь в Детской. Остальные няни не были столь самоотвержены; одна из них даже взяла расчет. Все свои ночные, рав-

но как и дневные дежурства, няня Бишоп с неутомимой и яростной энергией посвящала заботам о сохранности яйцеглавы, добиваясь при этом неукоснительного соблюдения всех правил Цукки — будь то в Детской, в «Рокет-Хаусе» или на полпути между ними.

Насколько Гаспар мог судить, няня Бишоп видела в нем всего лишь покорного исполнителя мелких поручений. Она кричала на него, она срывала на нем свою злость, и, какой бы тяжелый груз он ни тащил, она наваливала на него дополнительный. И, что хуже всего, с Флаксменом она держалась как воплощенная кротость и смирение, с Каллингемом отвратительно кокетничала, Зейну Горту, во время его редких появлений, изобретательно льстила. И только Гаспар, казалось, пробуждал в ней дьявола.

Однако дважды за этот срок, в минуты, когда Гаспар буквально рук не мог поднять от усталости, няня Бишоп неожиданно заключила его в мимолетные, но страстные объятия и запечатлела на его губах жгучий дразнящий поцелуй. А потом — легкая улыбка, и вот уже словно ни объятий, ни поцелуя не было и в помине.

28

Хотя Флаксмен и Каллингем сами ничего не таскали даже с той целью, чтобы показать благой пример своим подчиненным, и не покидали своей конторы, уже вновь снабженной прекрасными электрозамками, но и они начали уставать от этой литературной гонки.

Флаксмен пытался бороться с унаследованным от детских лет страхом перед яйцеглавами и теперь постоянно с ними беседовал, энергично и безостановочно кивая почти на каждое их слово, и в минуты забывчивости предлагал им сигары. Однако пользы это не принесло почти никакой, в частности потому, что яйцеглавы догадались о его затаенном страхе и начали забавляться, пугая его воспоми-

ниями о проделанной над ними хирургической операции, описывая ему во всех подробностях, как бы он чувствовал себя, если бы это ему перерезали один за другим все нервы, а потом поместили в банку, а то и просто рассказывая ему под видом отрывков из своих повестей жуткие истории о привидениях.

Все чаще яйцеголовов приходилось доставлять в контору без помощи флаксменовского лимузина, так как его владелец отправлялся в долгие автомобильные прогулки по окрестностям города, чтобы привести в порядок истерзанные нервы.

Каллингем сначала был весьма польщен тем, что яйцеголовы постоянно обращаются к нему за советами, но затем сообразил, что они просто потешаются над ним, и пришел в большое расстройство.

Нервничал и Гаспар, так как он все больше и больше ощущал в себе ответственность за проект «Яйцеголовы», а охрана и Детской и конторы, по его мнению, была организована из рук вон плохо. Но издатели и слышать не хотели о том, чтобы обратиться за помощью к муниципальной полиции или частным сыскным агентствам, поскольку — так они утверждали — это поставило бы под угрозу сохранение их секрета.

Конечно, Зейн Горт мог бы и один заменить десяток вооруженных до зубов телохранителей, но последние дни Гаспар его почти не видел. Робот забегал в Детскую не больше, чем на десять минут, и весь был поглощен какой-то таинственной деятельностью, которая, по-видимому, не имела никакого отношения к литературным гонкам. То он совещался со своими коллегами — физиками или друзьями-инженерами, то уезжал из города, то сутками запирался у себя в мастерской. Трижды он «одалживал» у няни Бишоп Полпинты и, вопреки всем правилам Цукки, увозил маленького яйцеголова с собой часа на три-четыре, но невозможно было допытаться, куда и зачем они отправлялись.

Зейн даже, казалось, перестал интересоваться мисс Ру-

мянчик, хотя розовая роботесса неожиданно прониклась к яйцеглавам материнским чувством и принялась вязать для них шерстяные накидки пастельных тонов с тремя отверстиями для розеток. Накидки, по ее словам, предназначались для того, чтобы уберечь бедняжек от простуды, слегка принарядить, а также скрыть их наготу. В остальном она вела себя разумно, и Гаспар даже начал давать ей поручения — например, просил подежурить в проходной.

Однажды вечером Гаспар решил поговорить с Зейном начистоту. Гаспар только расположился вздремнуть на койке папаши Зангвелла, как в этот укромный уголок неожиданно зашел Зейн, чтобы сменить аккумулятор и смазаться. Тыча носик масленки во все свои шестьдесят восемь смазочных отверстий, робот рассеянно слушал жалобы Гаспара.

— Час назад, — говорил Гаспар, — я наткнулся внизу на коротконогого, тускло-коричневого робота с квадратной головой и корпусом в оспинках. Я вышвырнул его в парадную дверь, но в данную минуту, вероятно, он уже проник в здание через черный ход.

— Это, наверное, Каин Бринкс, мой давний соперник, — ответил Зейн. — Оспины и коричневый лак — это просто неуклюжая маскировка. Он, несомненно, затевает какую-нибудь пакость. А когда я подходил к дому, я заметил стоящий у обочины мусоровоз, а в нем Клэнси Гольдфарба собственной персоной. Он тоже наверняка что-то затевает — скорее всего, ограбление складов «Рокет-Хауса». Он давно точит на них зубы.

— Какого же черта ты не предпринимаешь никаких мер, если тебе все это известно?!

— Переходить в оборону, Гаспар, это роковая ошибка, — назидательно сказал робот. — Ты теряешь инициативу и начинаешь мыслить на уровне интеллекта своих противников. А мне к тому же некогда. Если я начну расходовать свои способности на защиту «Рокет-Хауса», это будет нерентабельно. Ну, будь здоров.

Зейн бросил старый аккумулятор в мусорную корзину и исчез прежде, чем Гаспар успел что-нибудь сказать.

Именно в эту ночь, впав в глубокую меланхолию, Гаспар прочел первую из рекомендованных яйцеглавами старинных дословомольных книг, которую ему навязала няня Бишоп. Книга называлась очень странно — «Приключения Гекльберри Финна».

Утром Гаспар отправился купить бумажных лент для диктописцев и, когда возвращался, неся под мышкой тридцать рулонов, увидел мчавшийся огромный черный катафалк, пронзительно благоухавший розами. Из заднего окошечка на него торжествующе поглядела Элоиза Ибсен, и Гаспар заподозрил что-то неладное. Крепко прижимая свою ношу к боку, он со всех ног бросился к «Рокет-Хаусу», от которого находился всего в двух кварталах.

У входа в «Рокет-Хаус» стоял Джо Вахтер и размахивал скунсовым пистолетом с такой энергией, что прохожие в ужасе шарахались и спешили перейти улицу.

— Увезли мистера Каллингема! — возбужденно сообщил Джо. — Вломились, сгребли его и увезли с собой. Я в их машину всадил три заряда из моего верного скунсового пистолета, да только заряды-то оказались парфюмерными. Не иначе двоюродная внучка, чертова кукла, опять с пистолетом баловалась...

Гаспар подбежал к распахнутой настежь двери кабинета. В помещении видны были следы борьбы — кресла перевернуты, на полу разбросаны документы.

Джо Вахтер хрипло зашептал над ухом Гаспара:

— Будешь, что ли, полицию вызывать?

Гаспар не ответил и направился к кабинету Флаксмена. Там находились три яйцеглава — он узнал Ржавчика, Чесунчика и Тупицу-из-туниц; с ними была няня Филлипс, одна из менее самоотверженных нянь. У Ржавчика был включен глаз; он уткнул его в книгу, вставленную в читающее устройство, которое каждые пять секунд автоматически переворачивало очередную страницу. Двое остальных

слушали няню Филлис, которая монотонным голосом читала им книжку в пестрой обложке. Она подняла голову, но, увидев, что это всего лишь Гаспар, снова принялась бубнить. Флаксмена нигде не было видно.

— Он опять уехал кататься, и совсем один, — задыхал Джо в шею Гаспару. — Эти вот, серебряные, небось нагнали на него страху. Они тут у меня ждали мистера Каллингема, а теперь чего с ними делать?

— Пускай здесь посидят. А где мисс Румянчик? Она ведь сидела внизу у двери, когда я уходил.

Джо почесал в лохматом затылке, его глаза выпучились!

— Странное дело! Я было и забыл совсем... Ты когда вышел бумагу покупать, тут заявилились пятеро молодчиков в черных свитерах и брючках в обтяжку, столпились, значит, вокруг мисс Румянчик и что-то такое кричат, весело так! Ну, и она, значит, тоже слышу — про вязание разговаривает. Потом они ушли всем скопом. Гляжу — а ее тоже нету. Будь у меня времени побольше, я бы сообразил, что это они ее увели, но тут, значит, писатели ворвались, вот у меня все из головы-то и вылетело. А ты уразумел, как дело-то было, а, Гаспар? Ты когда вышел бумагу покупать...

— Уразумел я, уразумел! — проникновенно сказал Гаспар и бросился вниз по эскалатору.

На столе в проходной под пресс-папье из лунного обсидиана лежала черная лента диктописца, на которой розовым шрифтом было напечатано:

«Зейн Горт! Твой чудовищный замысел заменить словемельницы овоидными литературными роботами разоблачен! Если тебе дороги красота и душевный покой известной тебе роботессы Фелисии Румянчик, немедленно сверни свою литфабрику!

Сыны Сивиллы»

— А вот и мистер Флаксмен! — сказал Джо, взглянув сквозь стеклянную стену на улицу.

Лимузин Флакмена двигался медленно — им явно управлял автомат. Учуяв цель, машина свернула к тротуару и остановилась. Она была пуста, и только на кожаном сиденье лежала маленькая записка — четкие черные буквы на сером фоне:

«Зейн Горт! Напиши ты хоть сотню человеческих романов, тебе не удастся выбросить их на рынок без издателя. Возьми нас в долю и можешь получить своего Флакмена обратно.

Сердитые молодые роботы»

Гаспар почувствовал себя уязвленным. Ему никто не посылал угрожающих писем. Его никто не пытался похитить. Даже Элоиза Ибсен... а уж она-то ведь могла, хотя бы по старому знакомству... Так нет же, ветреная писательница похитила Каллингема.

— Э-гей! Я добился, добился, добился!

На Гаспара, словно синяя молния, налетел Зейн Горт и закружил его в бешеном танце.

— Остановись! — возопил Гаспар. — Флакмен и Каллинге́м похищены!

— Пустяки! — ответил робот, отпуская его. — Пойми, я наконец добился! Эврика!

— Мисс Румянчик тоже похищена! — рывкнул Гаспар. — Вот записки, где требуют выкуп. Они адресованы тебе!

— Прочту, — сказал робот, небрежно засовывая записки в прорезь. — Ведь дело сделано! Осталось проверить, и все.

Он прыгнул в лимузин Флакмена и умчался.

— Батюшки! Совсем свихнулся, а еще жестяной! — сказал Джо, глядя вслед исчезнувшему лимузину. — Будем, что ли, полицию вызывать, а, Гаспар?

— Заткнись! — потребовал Гаспар. — Вот что, Джо!

Я пойду в кабинет Каллингема и обдумаю положение. Если полиция понадобится, я позвоню оттуда, а ты последи, чтобы мне никто не мешал!

29

Кто-то отчаянно стучал в запертую на двойной электророзамок дверь. Гаспар расслышал приглушенный жепский крик:

— Гаспар, откройте! Ужасное несчастье!

Гаспар торопливо нащупал кнопку электророзамка. В кабинет влетела растрепанная, словно после драки, няня Джексон — белокурые волосы взлохмачены, блузка сдернута с одного плеча.

— Гаспар, — закричала няня. — Они похитили...

Тут в дверях кабинета появился Зейн Горт. Не обращая внимания на няню, он устремился к столу Каллингема.

— Они похитили мисс Бишоп!!! — выпалила няня Джексон.

— Кто?! — крикнул Гаспар. — Где? Когда?

— Мы бежали по улице, — начала няня прямо с середины, — а этот коптер, такой черно-белый в клеточку, опустился сзади нас, и этот мужчина с синим подбородком высунулся и спрашивает, не нужно ли нам помочь, а няня Бишоп сказала: «Будьте так добры» и села в машину, а этот мужчина набросил ей на лицо подушечку, наверно с анестезином, потому что она сразу так и упала на сиденье. А этот мужчина тогда и говорит: «Тут еще и блондиночка!» — и схватил меня, а я вырвалась и прибежала сюда...

Гаспар повернулся к Зейну, который тем временем выдвинул ящик стола и быстро просматривал его содержимое.

— Зейн, — воскликнул Гаспар, — но уж теперь-то ты просто обязан...

— Исключено! — оборвал его робот. — Я приступил к завершению проекта «Эль», и сюда я заглянул только за материалами. Полицейской работой мне заниматься некогда. Может быть, завтра...

— Но, Зейн, ведь похищены уже три человека, и твоя мисс Румянчик тоже. По-моему, я знаю негодяя, который увез мисс Бишоп. Она в смертельной опасности!

— Чепуха, — твердо ответил робот. — Ты преувеличиваешь значение подобных вещей. Типичный пример антропоцентризма. Похищение, произведенное душевноздоровыми личностями, как те, с которыми мы, несомненно, имеем дело в данном случае, — это обычный прием современной деловой и политической жизни. Будь я посвободнее, и сам с удовольствием похитился бы, так как это, несомненно, способствует расширению кругозора. Интересно — да! Опасно — нет! Розыски можно вполне отложить до завтра. Даже до послезавтра.

И он снова наклонился над ящиком.

— Тогда я сам этим займусь! — в бешенстве воскликнул Гаспар и повернулся к няне Джексон. — Объясните мне, зачем вы с няней Бишоп бежали по улице?

— Мы гнались за человеком, который похитил Полпинты.

— Ч-Т-О?! — внезапно взревел Зейн Горт. — Как вы сказали? Полпинты?!

— Ну да. Высокий худой человек в светло-сером костюме. Он назвался новым ассистентом доктора Кранца, и папаша Зангвелл его впустил. А Полпинты он выбрал, наверно, потому, что Полпинты самый маленький...

— Гнусный мерзавец! — мрачно воскликнул Зейн Горт. Его налобный прожектор вспыхнул угрюмым багровым цветом. — Жестокий, презренный, бездушный и гнусный мерзавец! Прикоснуться грязными лапами к беспомощному младенцу! Гаспар, мой коптер на крыше. Собирайся, старая кость!

— Но... — начал было Гаспар.

— Никаких «но»! Мисс Джексон, когда Полпинте в последний раз меняли диск?

— Три с половиной часа назад... и не кричите на меня!

— Когда же еще кричать? Сколько он может продержаться без смены диска?

— Не знаю. Мы всегда меняем диски через каждые восемь часов. Один раз няня опоздала на пятьдесят минут — и все яйцеголавы были в обмороке.

— Няня, — отрывисто сказал Зейн, — приготовьте два свежих диска во влажной упаковке из здешних запасов. Сейчас же! Гаспар, иди с ней. Как только диски будут готовы, мчись с ними на крышу. И захвати комбинезон Флаксмена — у меня коптер открытый. Мисс Джексон, похититель сможет общаться с несчастным крошкой?

— Наверно, мини-динамик, мини-глаз и ухо были включены. Они болтались на проводах за спиной похитителя. Бедняжка закричал, а этот человек пригрозил, что разобьет его о тротуар...

Прожектор Зейна вновь побагровел.

— Гнусный мерзавец! — с ненавистью воскликнул он. — Но он за все заплатит! Ну, быстрее же, быстрее, вы, двое!

30

Сверху Нью-Анджелес напоминал огромный лес светлых колонн, который простирался от зеленых гор до самого берега, откуда в океан тянулись лиловые поля хлореллы, прорезанные голубыми тропками фарватеров. Среди колонн-небоскребов преобладали недавно вошедшие в моду полукруглые и пятиугольные постройки нежной расцветки. В центре виднелось большое круглое пятно — посадочное поле муниципального космодрома; над ним, поднимаясь вертикально в небо, таял столб зеленого пламени — это дневная пассажирская ракета уходила к Над-Анджелесу,

вращавшемуся над планетой на высоте, равной трем земным диаметрам.

Зейн Горт вел коптер в зоне частного движения на высоте семисот футов. Встречный ветер хлестал Гаспара по лицу, и он старательно натягивал капюшон на лоб. Искоса, незаметно Гаспар рассматривал своего металлического друга.

На голове у Зейна возвышался странный тускло-черный цилиндр фута в два высотой. Зейн заметил взгляд Гаспара и крикнул, перекрывая гудение моторов:

— Это мой радиолокатор! Я предвидел возможность похищений и несколько дней назад снабдил мини-сигнализаторами весь персонал Детской и «Рокет-Хауса». У тебя сигнализатор в часах. Не трудись, я его уже выключил. У Флаксмена — в бандаже, у Каллингема — в карманной аптечке, и так далее. Полпинте я тоже встроил сигнализатор, благодарение святым Жюлю и Герберту! Беда в том, что я не предвидел множественного похищения и не стал разнообразить сигналы. Придется вылавливать их по очереди, каждый раз выбирая самый сильный сигнал. Ага, уже!

Гаспар едва успел уцепиться за сиденье, когда коптер сделал крутой вираж и с бешеной скоростью понесся вниз, к грязному, облупленному старинному небоскребу. На его плоской крыше стояло несколько пустых коптеров; за ними поднималась двухэтажная жилая надстройка.

— Мансарда во вкусе Гомера Дос-Пассоса! — прокричал Гаспар. — А вон тот фиолетовый с серебром коптер — в точности коптер Элоизы Ибсен!

— Десять против одного, что это Каллингем, — согласился Зейн. — Я бы пролетел мимо, но необходимо точно удостовериться, что это не Полпинты.

Коптер опустился на крышу.

— Сигнал действительно доносится из надстройки! — воскликнул Зейн, выпрыгивая из машины.

Тут дверь надстройки распахнулась, и оттуда вышел

Гомер Дос-Пассос в спортивных брюках, спортивном бу-
мажном свитере, с длинным плащом через плечо, таща два
огромных чемодана. Его губы обиженно кривились.

— Опять вы! — воскликнул он, увидев Зейна с Гаспа-
ром, и остановился, но не опустил чемоданы. — Ничтоже-
ство Гаспар и его жестяной братец! Да будет тебе извест-
но, Гаспар, что ты мне противен и я отделал бы тебя
невзирая на это чучело, однако воздержусь, чтобы не
доставлять ей удовольствия. Когда подруга писателя бро-
сает его ради похищенного издателя, утверждая, что это
чисто деловой ход, тогда Гомер Дос-Пассос говорит: хва-
тит! Да, господа! Идите к ней и скажите ей, что я нанима-
юсь в упаковщики хлореллы. Да, господа, это более благо-
родный труд, чем литература! А теперь — прощайте!

И, вперив отрешенный взгляд в пространство, бывший
писатель величественно направился к бело-голубому коп-
теру.

А Зейн и Гаспар скользнули в распахнутую дверь и
оказались в холле, куда выходило сразу шесть дверей. На
каждой большими позолоченными буквами было написано:
«Массажная», «Лечебная», «Трофейная», «Столовая»,
«Туалетная» и «Опиумная». Все двери были закрыты.
Зейн задумчиво нереводил взгляд с одной на другую. Потом
он шагнул к двери с надписью «Опиумная» и постучал.

— Мистер Каллингем! — громко сказал он. — Имейте
в виду, что мы вас спасли.

Секунды две-три за дверью царило молчание, а потом
там раздался смех — низкий женский и высокий мужской.
Когда они кончили хохотать, Элоиза крикнула:

— Не беспокойтесь, ребята! Послезавтра он будет в
конторе, даже если мне придется послать его туда в гробу
с дырочками и надписью «Не кантовать!»

— Мистер Каллингем, — сказал Зейн, — в своей кар-
манной аптечке вы найдете мини-сигнализатор, — пожа-
луйста, выключите его!

Они вышли на крышу, и Зейн повернулся к Гаспару:

— Ты умешь управлять коптером?

— Да, но...

— Отлично. А как ты отнесешься к небольшой краже с благородной целью?

— Ну...

— Еще лучше! Будешь следовать за мной в коптере Элонзы Ибсен. Нам могут понадобиться дополнительные посадочные места, а тебе будет теплее в закрытой машине. Вот ключи. Держи со мной связь.

— Ладно,— нерешительно сказал Гаспар.

— И гони на полную мощность. Время сейчас решает все.

В закрытой машине было уютно, но слишком пахло Элонзой.

— Второй сильнейший сигнал идет со стороны гор! — прозвучал в наушниках голос робота.— Поддай жару. Через четыре часа Полпинты начнет задыхаться!

Небоскребы нежной расцветки остались далеко позади, сменившись высокими соснами. Коптер Зейна быстро несся прямо на восток. Поняв, что самому ему не справиться, Гаспар включил автопилот. Открытый коптер со сверкающим синева-стальным пилотом в черном цилиндре продолжал удаляться, но заметно медленнее.

Гаспар вытащил из кармана книгу и углубился в нее. Ее ему тоже одолжила няня Бишоп по рекомендации яйцеголов — какой-то старинный детектив, «Дело Маурисиуса» некоего Якоба Вассермана. Сюжет развивался туго и довольно странно, но Гаспар уже привык к этому.

— Сюда, Гаспар!

Настойчивый призыв Зейна оторвал Гаспара от угрюмого семейства Андергастов. Внизу сосны сменились рыжевато-коричневым песком.

— Тебя понял, Зейн!

Коптер Зейна казался крохотной точкой далеко впереди. А может быть, это был и не его коптер — в той стороне виднелись еще три такие же точки.

— Приближаюсь к зеленой надувной вилле... Рядом коптер в черно-белую клеточку... Сигнал номер два поступает оттуда. Полагаю, это мисс Бишоп. Следующий сигнал доносится из пустыни, миль за пятьдесят отсюда... Гаспар, нужно разделить наши силы, иначе нам не успеть. Поручаю тебе сигнал номер два. Сейчас я выпущу над этим местом сигнальную ракету пятисекундного действия.

Далеко на востоке коротко мигнула яркая вспышка, рядом со второй точкой севернее той, которую Гаспар считал коптером Зейна.

— Засек! — сообщил Гаспар, меняя курс.

— Гаспар, не попросить ли мисс Бишоп, чтобы она выключила сигнализатор? Он во второй пуговице ее блузки. Желаю удачи, старая кость!

— Бывай, старая гайка! — бодро отозвался Гаспар.

Однако никакой особой бодрости он не испытывал. Судя по словам няни Джексон, ему предстояло иметь дело с самим Гилом Хартом, о котором Каллингем рассказывал леденящие кровь истории. Ну, хотя бы о том случае, когда Гил единолично разделался с двумя сталелитейщиками и роботом, у которого выдохся аккумулятор, и всех тронх пришлось отправить в больницу.

Зеленая вилла стояла на пригорке, открытом со всех сторон. Единственная подходящая тактика в этих условиях заключалась в быстроте — посадить коптер как можно ближе к дому, прыгнуть в открытый тамбур и ворваться внутрь с револьвером в руках. У этого плана было еще и то преимущество, что времени, чтобы струсить, не оставалось совсем.

Выпрыгнув из кабины в облако пыли, поднятой при посадке, Гаспар отважно бросился к черному проему тамбура. В тот же момент с заднего сиденья клетчатого коптера спрыгнул, сверкая никелем, автоматический сторожевой пес и помчался за Гаспаром, жутко завывая сиреной и лязгая стальными челюстями. Гаспар нырнул в тамбур и захлопнул за собой дверь. Надувная стена прогнулась

внутри на добрый ярд, но пластик выдержал удар металлического тела.

Пес продолжал бесноваться снаружи, но тут автоматически распахнулась внутренняя дверь тамбура, и Гаспар шагнул вперед, размахивая револьвером с тем же усердием, с каким Джо Вахтер имел обыкновение размахивать сунсовым пистолетом. Он очутился в комнате с множеством низких столиков и шелковых диванов. Слева, полупригнувшись, стоял Гил Харт. В его руке была зажата большая металлическая никелированная «кость», которую он, по-видимому, только что схватил. Справа стояла няня Бишоп, одной рукой упираясь в бедро, а в другой высоко подняв большой бокал с коричневого цвета коктейлем. Она являла собой картину добродетели, готовящейся ступить на стезю порока,

31

— Привет, Гаспар,— сказала няня Бишоп.— Гил, не входи в раж.

— Я пришел вас спасти,— хмуро сообщил Гаспар.

— А вдруг я не хочу спастись? — хихикнула няня, Гил Харт отрывисто захохотал.

— А ну, убирайся отсюда, щенок. Ты слышал, что сказала дама?

Гаспар глубоко вздохнул, а потом еще и еще, причем каждый новый вздох все больше походил на рычание.

— Ну, погоди, мерзавка! — проскрежетал он.— Я тебя все равно спасу, я тебя так спасу, что на тебе живого места не останется!

Он был зол на эту бессердечную кокетку, а не на полосатую обезьяну, которая ее похитила, и, прикинув, как на его месте поступил бы Зейн Гарт, Гаспар выстрелил в воздух.

Раздалось оглушительное «бум-м», револьвер больно ударил Гаспара по пальцам, комнату заволочло вонючим

дымом, а в потолке образовалась дыра, из которой со свистом вырвался воздух. Вой автоматического пса зазвучал заметно громче.

Гил Харт расхохотался, швырнул никелированную кость на пол и подступил к Гаспару.

Гаспар судорожно ткнул его кулаком в синеватый подбородок, но Гил, не обратив на это ни малейшего внимания, ударил Гаспара в солнечное сплетение. Гаспар охнул и сел на пол.

— Вон отсюда, щенок! — проревел Гил, наклонившись и схватив Гаспара за шиворот.

Но тут раздалось звонкое мелодичное «банг», и на лице Гила Харта появилось блаженно-задумчивое выражение, он перекувырнулся через Гаспара и вытянулся на полу.

Няня Бишоп радостно улыбалась, поигрывая металлической костью.

— Мне давно хотелось узнать, — объяснила она мечтательно, — сумею ли я треснуть человека по голове так, чтобы он потерял сознание, не получив серьезной травмы.

Она нагнулась и профессиональным движением нащупала пульс Гила Харта.

Гаспар, массируя брюшной пресс, огляделся по сторонам и заметил, что потолок выгибается уже не так круто. В следующий момент он резко опустился, а вой и лязганье металлических зубов раздалось совсем рядом. Автопес прогрыз утратившую упругость стену!

Сверкающая никелевая молния кинулась на Гаспара, но няня Бишоп стремительно рванулась наперерез, протягивая кость. Стальные челюсти жадно схватили ее, и пес замер. Вой сирены оборвался так внезапно, что наступившая тишина еще продолжала звенеть.

— Эта кость замыкает цепь, — сказала няня Бишоп. — Гил мне трижды показывал, как она действует — ему нравилось натравливать на меня пса и останавливать его в последний момент.

Она поставила один столик на другой, чтобы поддержать падающий потолок, и ласково улыбнулась Гаспару, который уже почти пришел в себя.

— Ну, и как мы отсюда выберемся?

— В коптере Элоизы Ибсен, который я украл.

— В коптере вашей отставной подруги. Воображаю, что это за безвкусица! Уж, наверно, двухцветный? — презрительно спросила няня Бишоп.

Гаспар кивнул.

— С хромовой отделкой?

— Да.

— С роскошным холодильником, битком набитым бутылками и закусками?

— Да.

— С пошлыми широкими бархатными сиденьями, в которых тонешь?

— Да.

— И окна с односторонней прозрачностью?

— Да.

— И с автопилотом, который поведет коптер на запад к городу?

— Да.

И тут няня Бишоп широко улыбнулась.

— Всю жизнь мечтала прокатиться на такой машине! — сообщила она.

32

Четыре часа спустя в трехстах милях от берега Зейн Горт, который только что спас Полпинты, обнаружил в небе фиолетовый с серебром коптер Элоизы Ибсен, летевший прямо на запад, все больше удаляясь от Нью-Анджелеса. Находчивый робот пустил ему вслед несколько шумовых снарядов из сигнальной пушки десятиместного реактивного административного коптера, который на по-

следних этапах своей спасательной операции он экспроприировал у мертвецки пьяного конгрессмена, прихватив заодно и его самого. Так что несколько минут спустя Гаспар и няня Бишоп вступили на борт скоростного коптера, где их радостно приветствовали Флаксен, мисс Румянчик, Полнинты и конгрессмен, который недавно очнувшись от хмельного забытья и пребывал в благодушном настроении. Сообразительный и тактичный Зейн сообщил обществу, что он назначил Гаспару встречу именно здесь, над океаном.

Административный коптер повернул на восток к берегам Калифорнии, уже тонувшим в вечерних сумерках. Гаспар рассказал друзьям о том, как он спас няню Бишоп, и Флаксен спросил у нее, упомянул ли Гил Харт, на кого он работает и с какой целью похитил ее.

— Да, он говорил о слиянии «Рокет-Хауса» с «Протон-Пресс» и хвастал, что будет вице-президентом новой компании. Кроме того, он натравливал на меня своего автопса и уговаривал не ломаться, а вести себя с ним по-хорошему. И предложил мне коктейль.

— Вот такие злобные безмозглые автоматы, вроде этого пса, и повинны в предубеждении, с которым люди все еще относятся к роботам,— заметил Зейн Горт и перешел к рассказу о собственных приключениях.

Сигнал номер три привел его к заброшенной хижине в пустыне, где Флаксен томился в плену у банды роботописателей, возглавляемых Каином Бринксом. Спустившись под прикрытием дымовой завесы, имитирующей низкие дождевые тучи, Зейн захватил Сердитых молодых роботов врасплох и парализовал их прежде, чем они успели схватиться за оружие. Перед тем как отбыть с Флаксеном, он потратил несколько драгоценных минут на то, чтобы понизить напряжение в нервных сетях этих металлических гангстеров — это лишило их возможности творить новые преступления, равно как и литературные шедевры.

— А как же вы говорили, Зейн, что нет преступления гнуснее, чем менять контуры робота? — перебила няня Бишоп.

— Это значило бы посягнуть на саму личность робота,— объяснил Зейн.— Я же просто привил им некоторую ленцу. А роботы любят лениться не меньше людей.

Затем Зейн конфисковал административный коптер, в котором конгрессмен и его приятели устроили пирушку прямо на взлетной полосе маленького курортного городка в пустыне.

— И очень хорошо! — задумчиво заметил хозяин коптера.— А то ребята допились уже до того, что начали драться, потому что каждый хотел немедленно лететь в Париж к знакомым девочкам.

Сигнал номер четыре привел Зейна и Флаксмена в имение, расположенное среди гор. Белоснежный дом с резными колоннами оказался приютом «Пишущей Братии» и «Сынов Сивиллы» — ударного отряда этого общества. Здесь-то и томилась в заключении мисс Фелисия Румянчик, которая теперь призналась, что они заманили ее в ловушку, обещав предоставить ей для редактирования все свои стихи, а кроме того издать в роскошных переплетах назидательные новеллы, которые она собиралась писать для юных и неопытных роботесс.

Сигнал номер пять, который — методом исключения — мог принадлежать только Полпинте, довел спасательную экспедицию в пустынные просторы Тихого океана, далеко за пределы последнего мелового поля хлореллы, где одиноко крейсировало злоеущее судно «Королева синдиката» — старейший в Солнечной системе плавучий игорный дом. Оно было снабжено всеми средствами противовоздушной обороны, а потому Зейн Горт решил положиться на водонепроницаемость своей оболочки. В пяти милях от «Королевы синдиката» он остановил коптер над самым морем, включил автопилот, прикрепил к своему корпусу реактивный двигатель космического скафандра,

прыгнул в волны и под водой поплыл к судну. Добравшись до цели, он прорезал в днище «Королевы» дыру точно рассчитанного размера, а затем, когда на борту началась паника, взобрался на палубу — словно металлический Нептун в цилиндрической короне. Локатор тотчас привел Зейна к каюте, где гнусный похититель Филиппо Феникья капал на Полпинты азотной кислотой, требуя, чтобы тот поклялся честью своей матери верой и правдой служить игорному синдикату.

— Он поставил меня в трудное положение! — сказал Полпинты. — Если бы я поклялся, я сдержал бы слово — за двести лет приобретаешь такую привычку! Но я задумался о том, когда именно я почувствую страх, и как-то забыл о происходящем. Тем более что кислота пока не причиняла мне ни малейшей боли, а только слегка щекотала.

Зейн Горт ворвался в каюту и был бы тотчас парализован лучевой защитой, если б не держал перед собой медную сетку, которая сыграла роль электростатического экрана. Увидев пятна кислоты на оболочке яйцаглава, Зейн размахнулся и с возгласом «Лицо за яйцо!» нанес удар, который лишил коварного гангстера половины зубов, части щеки, подбородка, верхней губы, а также кончика носа. Затем он быстро облил его щелочью, которую Гаррота предусмотрительно приготовил. Зажав Полпинты под мышкой, Зейн выскочил из каюты, вихрем пронесся сквозь толпу суесящихся гангстеров и бросился в воду. Не решаясь подвергать Полпинты давлению, он поднял его на вытянутой клешне над водой и на полной скорости устремился обратно к коптеру.

— Ах, это была такая гонка! — с восторгом воскликнул Полпинты и с легкой грустью добавил: — Я словно ощущал прикосновение воды!

— Да, это, наверное, была удивительная картина! — согласился Зейн Горт. — Серебристое яйцо, таинственно летящее над гребнями волн...

— Не надо,— взмолился Флакмен, зажмуривая глаза.— Извините, Полпинты, но у меня мурашки по спине забегали!

Когда они поднялись в коптер, Зейн Горт немедленно вставил Полпинте свежий диск.

— В эти восемь часов я совершенно не верю! — заявил Полпинты.— Насколько я помню, тогда мы просто притворились, будто лишаемся сознания, чтобы напугать няню.

— Послушай, Зейн,— с любопытством спросил Гаспар,— а если бы твой двигатель отказал?

— Я бы камнем пошел ко дну,— ответил робот,— и сейчас лежал бы там, созерцая красоты глубоководной жизни, в том случае, если бы мой корпус и стекло проектора выдержали давление. Впрочем, скорее всего, я не стал бы лежать, а пошел бы к берегу по дну.

— То-то и оно! — назидательно заметил конгрессмен, который тем временем усердно опохмелялся.

— Ну, вот теперь ты можешь с чистой совестью опять заняться проектом «Эль», — заметил Гаспар.

— Что такое проект «Эль»? — подозрительно спросил Флакмен.— Он связан с «Рокет-Хаусом»?

— Некоторым образом, сэр,— ответил Зейн Горт.— Но сейчас я не хотел бы говорить о нем.

33

Предоставив похищенному конгрессмену объяснять пораженным служащим космодрома, каким образом он умудрился слетать на административном коптере в игровой притон и обратно в состоянии самого глубокого алкогольного опьянения, компания спасителей и спасенных вернулась в «Рокет-Хаус» на такси.

В конторе вновь все было перевернуто вверх дном. По разгромленным комнатам в полном ошеломлении бродил

Джо Вахтер. Двадцать мальчиков в голубых костюмах юных лунболистов чинно восседали среди руин вестибюля.

Увидев Флаксмена, самый пухлый из них вскочил:

— Уважаемый сэр, мы, преданные болельщики космического спорта и постоянные читатели вашей серии...

— Прекрасно, великолепно, замечательно, — перебил Флаксмен, глядя его по голове от затылка ко лбу. — Гаспар, купите этим юным героям мороженого, я поговорю с ними позже. Джо, очнитесь и доложите, что здесь произошло. Мисс Бишоп, немедленно позвоните в Детскую. Зейн, проверьте склады. Мисс Румянчик, найдите мне сигару.

— Форменное светопреставление, мистер Флаксмен, — скорбно сказал Джо. — Налет властей. Ворвались во все двери и через крышу. Хватают меня, стало быть, за глотку. «Где эти штучки, которые книги пишут?»... Толстопузый такой, по кличке Мерс... Я, значит, показываю ему этих, яйцеголовых, в кабинете мистера Каллингема. «Эти мне не нужны», — говорит. «Про этих, — говорит, — я все знаю. Это кретины. Где им, — говорит, — против словомельниц книги писать, они же маленькие». А я, значит, отвечаю: они, мол, никакие не кретины. Они, если хочешь знать, такие умные, что аж тошно. Скажи ему, Ржавчик, говорю. И что вы думаете? Этот полоумный ни в какую, только, знай, верещит: «Гу-гу-гу!» Ну, тут они, значит, и пошли все вверх дном переворачивать — словомельницы, значит, искали. Даже пишущие машинки проверяли — может, они сами книги печатают. Компьютер наш старый на части разломали. Все перевернули, ушли и еще мой верный скунсовый пистолет прихватили — где, спрашивают, у тебя на него разрешение...

— Все кругляши на месте! — доложила няня Бишоп. — И все требуют еще бумаги. У папаши Зангвелла опять был приступ белой горячки, но уже прошел.

Пухлый лунболист, дожевывая мороженое, решительно направился к Флаксмену, но тут Джо перестал чесать затылок и неожиданно заговорил:

— Совсем забыл вас спросить, мистер Флакспен, с каких это пор Кланси Гольдфарб снюхался с властями? Он тут тоже крутился со своими парнями, а потом вроде как испарился...

— Этот книжный пират?! — воскликнул Флакспен. — Джо, вы совсем с ума сошли!

Но тут по эскалатору стремительно сбежал Зейн Горт, все еще держа Полпинты.

— Мистер Флакспен, — сказал робот. — С сожалением должен сообщить вам, что сорок процентов готовой продукции со складов похищено. Грабители забрали все эротические произведения.

Флакспен покачнулся.

— Дорогой сэр... — снова начал было малолетний лунболист, делая знак двум своим товарищам, которые держали черный ящик, но Флакспен уже взял себя в руки.

— Так чего же вы ждете! — набросился он на Зейна. — Тащите это яйцо в Детскую и подключите к диктописцу! Гаспар, немедленно доставьте им бумагу! Бишоп, сейчас же ступайте в Детскую и заставьте своих подопечных работать на полную мощность. Первого же, кто позволит себя похитить, уволю немедленно! Ко мне это тоже относится! Мисс Румянчик, — он умолк, соображая, какое найти для нее поручение.

— Кто вы, собственно, такой, мистер Флакспен? — сказал Полпинты, воспользовавшись паузой. — На каком основании вы позволяете себе вмешиваться в процесс создания великих литературных шедевров и устанавливаете для этого сроки?

Флакспен в бешенстве посмотрел на него:

— Заткнись, жестяной пузырь!

— Выбирайте выражения! — с достоинством ответил яйцеголав. — Или я начну вам грезиться. Я буду парить в ваших снах!

Флакспен хотел было что-то рывкнуть, но удержался и бросил на яйцеглава странный взгляд.

Сотня, что настала удобная минута, пухлый болельщик лихо отчеканил свою речь:

— Дорогой сэр! В знак признания ваших выдающихся заслуг на поприще популяризации лунбола разрешите вручить вам высшую награду Лунбольной лиги...

По его знаку двое других лунболистов открыли крышку черного ящика, оратор засунул в него руки и ловко швырнул прямо в грудь Флакспену большой серебристый овоид, как две капли воды похожий на Полпинты.

— Серебряный лунбольный мяч! — закончил он, когда Флакспен, взвизгнув, без чувств растянулся на полу.

34

«Рокет-Хаус» прихорашивался, готовясь к финишу литературных гонок. Во всяком случае, Гаспар вывесил в вестибюле соответствующий плакат. Джо Вахтер притащил раскладные стулья и протянул несколько ниток с серебряными флажками, от Энгстранда доставили освежающие напитки, а эскалатор, наконец заработал.

Каллингем и Флакспен, разделив рукописи поровну, каждому по пятнадцать штук, взятых наугад, припiali пилюли «Престиссимо», вдсятеро ускоряющие процесс чтения, и вот уже по экранам фоточитателей рывками поползли бумажные ленты.

Каллингем дольше задерживал на экране каждый кадр, но так как размер кадра у него был больше, то вскоре он уже обогнал своего товарища на половину рукописи, к большому огорчению Гаспара, который, заключив пари с Зейном, поставил на Флакспена.

Все верные сотрудники «Рокет-Хауса» присутствовали при этом состязании, никто не хотел упустить возможность наконец-то увидеть издателей за работой. Гаспар сидел рядом с няней Бишоп, Зейн Горт — с мисс Румянчик, а

братья Зангвеллы чинно восседали сзади. Папаша Зангвелл был чисто умыт и вел себя довольно спокойно, хотя время от времени бросал тоскливые взгляды на стол, украшенный батареями бутылок.

Элоиза Ибсен, вопреки опасениям Гаспара, нисколько не нарушила чинной торжественности происходящего. Как и подобает даме сердца самого издателя, она была облачена в модное, но строгое платье с глубоким вырезом, держалась со всеми обворожительно любезно и теперь с тихим достоинством восседала в первом ряду, время от времени посылая Каллингему нежные ободряющие улыбки.

Яйцеголов, из уважения к слабости Флаксмена, оставили в Детской, но с ними поддерживалась непрерывная двусторонняя телесвязь.

— Я вчера на ночь опять читал «Дело Маурициуса», — шепнул Гаспар няне Бишоп. — Ну, если это типичный образчик старинной детективной беллетристики, то какой же была у них серьезная литература, хотел бы я знать!

— Поторопитесь! — шепнула она в ответ. — А то кругляши приготовили для вас еще несколько книг. Детектив замечательного старинного русского мастера этого жанра под названием «Братья Карамазовы», мелодраму «Король Лир» с захватывающими изменами и убийствами, занимательную сказку «Волшебная гора» и развлекательную повесть о приключениях аристократов и интригах в светском обществе, озаглавленную «Война и мир». Они составили для вас целый список такого легкого чтения.

— Только бы они не вздумали подсовывать мне всякую старинную классику! — бодро отозвался Гаспар. — А с интригами и тайнами я уж как-нибудь справлюсь. Это вам не проект «Эль» Зейна Горта! Хотел бы я знать, что он такое затеял.

— А разве он вам не говорил? Вы же с ним друзья!

— Ни слова не говорил. А вы что-нибудь знаете? Помоему, тут замешан Полпинты.

Няня Бишоп покачала головой.

— А кого яйцеглавы считают возможным победителем? — спросил Гаспар.

— Они ничего не говорят. Они стали ужасно скрытные. Я даже начинаю тревожиться.

— А вдруг все рукописи до единой — в самую десятку! Представляете, тридцать бестселлеров с одной подачи!

Чтение приближалось к концу, и напряжение стремительно возрастало. Папаша Зангвелл рвался к столу, и Джо Вахтер удерживал его лишь с большим трудом.

Наконец Каллингем откинулся в кресле и утомленно сощурил глаза. На этот раз он ответил на улыбку Элоизы только усталым кивком.

— Может посоветуемся Флаксы прежде чем ты начнешь читать последнюю рукопись? — с неимоверной быстротой проговорил он все еще под влиянием пилуль «Престиссимо».

И выключил телеэкран Детской.

— Пусть думают что это не исправность сети...

Флаксмен вставил последний ролик в свой аппарат и поглядел на партнера, который наконец справился со своим голосом и проговорил медленно и раздельно:

— Ну, как они тебе показались?

— Дрянь, — негромко сказал Флаксмен. — Сплошная дрянь.

Каллингем кивнул.

— И у меня тоже.

35

«В сущности говоря, я все время подозревал, что так оно и случится, — подумал Гаспар. — И все другие, вероятно, в глубине души это понимали. Разве эти столетние эгоисты, эти яйца из инкубатора, способны понять, что нужно читательской массе?»

Флаксмен и Каллингем вдруг представились ему романтическими героями, тщетно бросающими вызов беспощадной судьбе во имя благородного, но обреченного дела.

И Флакспен действительно произнес тоном гордой покорности долгу:

— Осталось прочитать еще одну для проформы, — и включил аппарат.

Все остальные с похоронными лицами столпились вокруг Каллингема.

— Это не романы, не повести, — заговорил Каллингем, — это загадки. Большинство из них абсолютно непонятно. И это естественно — ведь уже более века яйцеглавы занимаются только тем, что играют мыслями и жонглируют идеями. Одна из рукописей, например, представляет собой эпическую поэму на семнадцати разных языках, перемешанных чуть ли не в каждой фразе. Другая содержит конспект (и при этом довольно удачный!) всей мировой литературы, от древнеегипетской «Книги мертвых» до Шекспира, Диккенса и Хаммерберга включительно. В третьей первые буквы каждого слова образуют как бы вставную повесть. Правда, они не все так уж безнадежны. Есть, например, одна повестушка — по-моему, ее написал Двойной Ник, — где использованы все испытанные приемы и штампы расхожей беллетристики... но бесстрастно, холодно, без всякой души!

— Они вовсе не такие... — прерывающимся голосом сказала няня Бишоп. — Они... я уверена... не может быть, чтобы там не было... ничего хорошего. Ржавчик мне говорил... они ведь ничего нового не сочиняли... а использовали то, чем развлекали друг друга все эти годы...

— В том-то и беда, — вздохнул Каллингем. — Они стремились поразить, они запускали интеллектуальные фейерверки. Вот послушайте!

Он развернул одну из лежавших на столе лент.

— ...Премрачная пуповина духовного пепла над краем сердца горящих самцов ленивым черепом поет во мраке о воздухе, что стоит — здешняя, мраморная, колонная и коченая. Жажда! Сожми! Сожги! Четверо у могильной черты, взыска чистоты, можебнее, чем ты.,

— Калли! — раздался громовый возглас Флаксмена. Лицо издателя сияло.

— Калли, это сногсшибательно! — крикнул он, не отрывая глаз от экрана машины. — Сенсация на всю Солнечную систему! Прочти-ка пару страниц...

Каллингом уже перегнулся через его плечо, жадно вглядываясь в экран.

— Героиня родилась на Ганиমেде. Она была лишена осязания, но стала акробаткой в кабаре на астероидах. Потом действие переносится на другие планеты. В повествование вводится знаменитый хирург... Но главное, все так подано, с такой проникновенностью! А название какое — «Почувствуйте мою боль»!

— Это Полпинты! — радостно крикнула няня Бишоп. — Он мне рассказывал. Я нарочно положила ее последней, потому что мне показалось — она не такая умная, как остальные...

— Никудышный из вас издатель! — ликуяще воскликнул Флаксен. — Калли, какого черта ты выключил телеэкран, нужно немедленно сообщить в Детскую!

Мгновенье спустя на телеэкране появился Полпинты в окружении двадцати девяти других яйцеголов.

— Поздравляю! — Флаксен потряс сложенными руками над головой. — Как вы этого добились? В чем секрет? Я спрашиваю об этом потому, что... что остальным тоже полезно послушать...

— Я попросту прилип к диктописцу! — в упоении воскликнул Полпинты. — И дал волю своему могучему интеллекту! Я закрутил Вселенную каруселью и выхватывал из нее все, что попадалось под руку! Я расплел нити космоса и заново сплел их! Я взобрался на престол господень, пока бог кормил архангелов, и надел на себя корону творца! Я...

Он вдруг замолчал.

— Нет, ничего этого не было, — задумчиво произнес он. — То есть почти ничего. Ведь у меня было столько новых впечатлений! Прогулки с Зейном, похищение... Нет, и

это еще не все. Так и быть, я открою вам величайшую тайну. Я вообще ничего не писал! Эту повесть... написала няня Бишоп!

— Полпинты! Ах, идиот! — крикнула няня.

36

— Да, ее написала ты, мамочка, — властно сказал Полпинты. — Она возникла, когда я рассказывал сюжет. Я все время думал о тебе, стараясь, чтобы получилось интересно для тебя. И эта девушка в повести — тоже ты. Или, может быть, она — это я. Ведь это у меня нет осязания... Нет-нет... я как-то запутался...

— Полпинты, — хрипло сказал Флаксен, утирая слезы, — послушайте, дружище, мы тут тайком приготовили приз для победителя — серебряный диктописец... И я желал бы, чтобы вы были сейчас здесь, чтобы я мог вручить его вам и пожать вашу... Но во всяком случае, очень жалею, что вас сейчас здесь нет. Очень!

— Пустяки, мистер Флаксен. Разве дело в наградах? И будет достаточно случаев.

— Нет! — громовым голосом воскликнул Флаксен. — Вы получите свой приз, и немедленно! Гаспар...

— Не надо посылать Гаспара, — сказала мисс Румянчик. — Зейн уже побежал в Детскую за Полпинтой.

— Этот жестяной писака слишком много на себя берет... А впрочем, великолепно! Полпинты, дорогой, дружище, скоро вы...

Но тут телеэкран погас.

Однако это не охладило всеобщего ликования.

— Понимаете, — объяснял Каллингем, — все дело в сотрудничестве с редактором, в симбиозе, так сказать! Каждому яйцеглаву нужно общение с чутким человеком, которому он мог бы рассказывать... Тут важно найти каждому подходящего партнера. Вот дело, которое мне по душе! Это все равно что управлять брачной конторой.

— Ах, Калли, дорогой, какие остроумные у тебя идеи! — сказала Элоиза, ласково сжимая руку издателя.

— Не правда ли?.. — согласилась няня Бишоп, ласково сжимая руку Гаспара.

— И какие открываются перспективы! — мечтательно произнес Гаспар. — Трехстороннее сотрудничество: яйцеплавы, люди и словомельницы с их богатейшей памятью! Вот это будет соавторство!

— Не думаю, что словомельницы воскреснут, — задумчиво сказал Каллингем. — Я почти всю жизнь занимался их программированием, но, скажу откровенно, меня всегда угнетала мысль, что это — мертвые машины, которые могут работать только по заданным формулам... Кто знает, быть может, сегодня совершилось возрождение настоящей литературы?

— Калли, дорогой, сколько ты выпил? — участливо спросила Элоиза.

— Слушайте все! — воскликнул Флаксен. — Как только Полпинты появятся в дверях, сразу же окружите его самым дружеским вниманием, чтобы он не чувствовал себя призраком на пиру жизни. Зейн вот-вот явится с ним.

— Рысью домчит, мистер Флаксен! — заметил Джо Вахтер, который успел пропустить пару рюмочек, воспользовавшись тем, что его брат рассматривал серебряный диктописец. — Только что-то он там долго копается...

— Ах, надеюсь, больше похищений не будет! — встревоженно вскрикнула мисс Румянчик. — Если с Зейном что-нибудь случится, я этого не перенесу!

— На похищения существуют разные точки зрения! — громко объявил Каллингем, поднимая бокал. — Одни бледнеют при мысли о них. Другим же они распахивают дверь в новую, лучшую жизнь...

— Ах, Калли, — трепетно произнесла Элоиза, но тут дверь распахнулась и в комнату медленно влетело большое серебряное яйцо. Оно парило в воздухе, футая в восьми над полом. Глаз, ухо и динамик были вставлены пря-

мо в корпус, а внизу из-под маленькой серебристой платформы торчали два гибких щупальца, оканчивающихся небольшими коготками.

Флакмен, словно зачарованный, следил за полетом яйца. Потом его глаза закатились и он стал валиться на пол.

Яйцо быстро подлетело к нему, вцепилось коготками в лацканы его пиджака и тем смягчило его падение.

— Не бойтесь, мистер Флакси! — воскликнуло яйцо. — Это же я, Полпинты, только переделанный. Меня переделал Зейн Горт. И теперь мы можем пожать друг другу руки. Обещаю не царапаться!

37

— Проект «Эль», — начал Зейн Горт, когда Флакмена привели в чувство и порядок был восстановлен, — это, попросту говоря, «левитация». Задача была чисто инженерной, никакого научного открытия здесь нет.

— Не верьте ему! — вмешался Полпинты. — Этот робот только наполовину состоит из жести, все остальное в нем — чистая гениальность...

— Не перебивайте! — сказал Зейн. — Я всего лишь воспользовался уже разработанной схемой применения антигравитации для поднятия малых тяжестей. В платформе находится генератор антигравитационного поля, и Полпинты управляет им сам. Как и щупальцами, которые заменяют ему руки. Все это — откинув антигравитацию — можно было сделать еще во времена Цуккерторта. Но он хотел создать бестелесные существа, витающие в мире чистых идей. Вот почему он отобрал именно писателей и поэтов, то есть людей, далеких от техники, не способных воспринять руку как систему шарниров, а ногу — как колесо. С той же целью он создал и пресловутый свод правил. Яйцеглавам внушалось, что они беспомощные паралитики, и так же на них смотрели окружающие. Дикто-

писцы подсказали мне выход. Если яйцеглавы смогли управлять диктописцем, то почему бы им с помощью голоса не приводить в действие руки или антигравитационную платформу? Да после некоторой практики они сумеют управляться с любыми инструментами...

— Эй-эй, не сманивайте моих писателей! — воскликнул Флаксен.— Им положено сидеть в Детской и создавать повести и романы, а не шляться по Солнечной системе...

— Вспомните похищение Полпинты, — возразил Зейн.— Новые впечатления — как раз то, что им нужно... Иначе из яиц никогда не проклюнутся шедевры...

— Совершенно верно! — подтвердил Полпинты.— Уж я-то знаю!

Его поддержал многоголосый хор воплей, визгов, свиста и мяуканья, донесшийся из Детской.

— Ну, хорошо, — сказал Флаксен, — но только по согласованию со мной! — и он снял трубку зазвонившего телефона.

— Ну, теперь мы с тоской будем вспоминать те дни, когда кругляши только пели и визжали! — радостно сказала няня Бишоп.— Теперь у нас будут парты, и столы для пинг-понга, и рабочие инструменты...

— А мне придется налаживать двадцать девять антигравитационных платформ. Чувствую я, что Зейн опять отделается одним образчиком.

— Это совсем нетрудно, Гаспар, — сказал робот.— И потом, яйцеглавы теперь сами смогут тебе помогать! Клянусь Карелом, когда я думаю об открывающихся перспективах, я чувствую, будто заново собран. Этому стоит посвятить свою жизнь...

— Слушайте вы, все! — крикнул вдруг Флаксен, кладя трубку.— Пока вы тут хлопали друг друга по спинам и ворковали, я занимался делом: собирал информацию о том, что намереваются делать другие издатели и что они уже делают! Новостей множество, и заявляю вам, что «Рокет-Хаус» должен немедленно сотворить чудо, иначе мы

вылетим в трубу! У Харпера ученые переделывают аналоговые машины в словомельницы! Хотон-Миффлик устроил ту же комбинацию с шахматно-логистической машиной. Издательство «Даблдей» просеяло десять тысяч потенциальных бумагомарателей и получило на доньшке семь многообещающих гениев! «Рэндом-Хаус» организовал поиск на всех планетах и отыскал трех одаренных роботов-сирот, которые всю жизнь провели среди людей, лишённые металлических знакомых, и в результате не только думают и чувствуют, но и пишут, как люди! Дантон выпустил два романа — их написали сами издатели! Агенты «Оксфорд-Пресс» обнаружили на Венере колонию интеллектуалов, которые уже два столетия живут в полном отрыве от нотодробильной музыки, абстрактно-компьютерной живописи и словомольной литературы, и пятьдесят процентов этих колонистов — писатели! Если мы не засучим рукава и не начнем немедленно работать в шестьдесят писательских сил — каждое яйцо за два! — то нам крышка! Это вас всех касается. Зейн Горт, где продолжение «Доктора Вольфрама»? Знаю, знаю, спасения, изобретения... но где рукопись? Она должна была лежать у меня на столе еще две недели назад!

— Минуточку,— невозмутимо ответил синевато-стальной робот и повернулся к своей розовой соплеменнице.— Мисс Румянчик, согласны ли вы вступить со мной в вечное и нерушимое матримониальное замыкание?

— О да! — воскликнула роботесса и со звонким лязгом упала к нему на корпус.— Зейн, я твоя! Мои транзисторы, реле, контакты и розетки будут вечно принадлежать одному тебе, мой возлюбленный, и пламенным днем, и жаркой ночью!

Полпинты в восторге запрыгал в воздухе вокруг Флакмена. Но издатель даже бровью не повел на этот раз.

— Знаете, это просто поразительно,— с недоумением сказал он,— какое облегчение испытывает человек, когда его детские кошмары вдруг становятся явью!

Элоиза Ибсен подняла бокал.

— Кайли, дорогой! — воззвала она. — Я думаю, и тебе пора объявить о некоторых переменах, прямо касающихся издательства.

— Верно, дорогая! Друзья и соратники, одиннадцать часов тому назад мисс Ибсен и я вступили в законный брак! Отныне она является владелицей пятидесяти процентов моих акций и ста процентов моего сердца!

Гаспар повернулся к няне Бишоп.

— У меня нет акций, и я не жестяной гений, — сказал он, — а для левитации я слишком тяжел. Но я думаю, что второй такой, как ты, нет ни среди девушек, ни среди роботесс!

— А я думаю, что закалкой с тобой не сравнится никто, — сказала она, падая в его объятия. — Даже сам Зейн Горт!

Уроки Чапека, или этапы робозволюции

Эта книга о роботах, точнее, андроидах — разумных существах из металла и пластика, которые живут и действуют бок о бок с нами. Как же случилось, что мы, люди, могли на это пойти? Я еще допускаю, что позволительно проиграть партию в шахматы железному ящику. Впрочем, бог (нет, не бог, а святые Айзек, Карел и Станислав) с ними, с этими шахматными компьютерами. Это бы еще полбеды. Ходячие железяки вполне терпимы и на подсобных работах. Особенно в наш век, когда прислугу или няньку днем с огнем не сыщешь. Только ведь и эти, искусственные, не лучше! У Джанни Родари, например, робот соня и саботажник (рассказ «Робот, которому захотелось спать»), у Зигберта Гюнцеля («Одни неприятности с этой прислужгой») — зазнайка. А железные герои Клиффорда Саймака («На Землю за вдохновением»), того и гляди, перейдут грань уголовщины. К тому же они бредят научной фантастикой.

Но разве таких читателей имели мы в виду, братья-фантасты? Разве болгарский коллега Антон Донеv («Алмазный дым») пишет для всяких там «Зингеров», «Континенталей» и «Считалок» (я бы назвал ее «Феликсом»)?

Однако и с этим в конце-то концов можно примириться. А вот дойти до того, чтобы усомниться в собственной жене (не в тривиальном смысле)! Да что там жена, если и своего-то нутра как следует не знаешь... И что хотел сказать Брайан Олдисс, задавая вопрос: «А вы не андроид?» Это, по-моему, уж чересчур. Лично мне больше по душе позиция Роберта Шекли в «Битве». Пусть роботы сражаются с инкубами, суккубами, велиалами и бегемотами, но не лезут в наши души!

Одно дело играть в шахматы, другое — сочинять скетчи, репризы и анекдоты, как герой рассказа Уильяма Тенна «Шутник», или даже романы, как это делают у Лейбера не только яйцеголовы, у которых хоть мозги-то наши, человеческие, но и чисто металлические роботы. Что же касается робота по имени Филберт, который осмелился писать научную фантастику, то это даже обидно. Вот уж никогда не ожидал такого от коллеги Саймака — не только фантаста, но и человека...

Поэтому я вновь спрашиваю: как могло все это случиться?

Трудно сказать, когда к нам впервые пришел механический человек. Может быть, все началось с той минуты, когда мы впервые осознали себя существами, способными восполнить свое биологическое несовершенство за счет мертвой природы. Первая палка, первый сколок обсидиана навсегда отделили нашего пращура от мира слепой эволюции.

Это была трудная задача. Поэтому-то и зародилась мечта об универсальном орудии, орудии совершенном. Такое орудие должно было обладать всеми нашими достоинствами и не иметь присущих живой плоти недостатков. Достоинства мыслились, конечно, как чисто человеческие, недостатки же должен был устранить более надежный, чем протоплазма, материал: обожженная глина, камень, а еще лучше покорный обработке металл. Отныне механический человек стал реальностью, хотя и пребывал еще в нематериальном состоянии героя устных народных сказаний. Отголоски таких сказаний мы найдем в эпосе шумеров и Старшей Эдде, в Древних Упанишадах и Каббале, в Зенд-Авесте и раннехристианских апокрифах.

С течением времени тоска по механическому двойнику становится настолько сильной, что порождает идеи совершенно еретические. Люди начинают понимать, что не толь-

ко они, грешные, но и бессмертные боги не могут обойтись без металлических слуг. И кощунственное воображение засылает таких слуг на Олимп. Именно на Олимп, ибо эллинские боги были в избытке наделены всеми слабостями людей!

Весть об этом событии донес до нас Гомер — первый исторически достоверный научный фантаст. Он описал в «Илиаде» изготовленную из золота механическую красавицу — подручную бога-кузнеца Гефеста.

Благое начало было положено, и дальнейший путь не внушал сомнений. Не удивительно поэтому, что первые человекоподобные автоматы прежде всего появились в храмах. Проглотив монету, они отмеривали точную дозу благовонного масла или же в образе Железной девы бесплатно заключали в смертельные объятия какого-нибудь еретика. Медный Молох проглатывал младенцев и изрыгал благодарное пламя, изукрашенная стекляшками Богородица проливала благостные слезы. В образе богов механические люди обрели плоть и нанесли удар прекрасной идее универсальности. Боги-автоматы, к нашему великому сожалению, были строго избирательны. Через тысячи лет такие узко специализированные машины возродились уже в виде игрушек. Барышни в кринолинах наигрывали на пианоле и мило раскланивались с почтенной публикой, а полуобнаженные заклинательницы змей манипулировали с резиновыми удавами. Была даже машина-шахматист, которая удостоилась чести сразиться с самим Наполеоном. Правда, в шахматном столике, скорчившись в три погибели, сидел ее создатель, но ситуация от этого, разумеется, не менялась. Автоматы с часовым механизмом в груди стремились к универсальности.

В 1893 году некий Дж. Мур создал первого парового человека мощностью в $1\frac{1}{2}$ лошадиной силы. Такой автомат мог довольно долго идти со скоростью четырнадцать километров в час, выпуская при этом отработанный пар через зажатую в зубах жестяную сигару.

Извечная мечта, казалось, вот-вот станет явью. Но желания и мечты человека противоречивы. И в то время как в королевских дворцах и аристократических салонах забавлялись танцующими куклами, в обществе медленно созрел страх. Источники его были различны. Ортодоксальные церковники узрели в механических игрушках покушение на промысел божий. Луддиты, не понимая истинной природы социальных отношений, ополчились на машины, которые, хотя и не имели сходства с человеком, могли без усталости вращать приводные шкивы.

Тайные и явные страхи эти прежде всего ощутила литература. Она чутко уловила то неосознанное, что таилось в смутных глубинах человеческих душ.

Великий Гофман писал, что тяга к мрачному и сверхъестественному — «прямой продукт тех действительных страданий, которые люди терпят под гнетом больших и малых тиранов». И олицетворением таких страхов стала нечистая сила. Но дьявол в разных его обликах, ведьмы, суккубы, инкубы и гомункулусы, все эти темные порождения Средневековья побледнели и вдруг истаяли, заслышав тяжкий железный шаг Человеческого Двойника. Это Голем зашагал по древним улочкам Праги, это Каменный гость покинул склеп, это Медный всадник поскакал по мостовым объятых ужасом Петербурга. Джин был выпущен из бутылки. Копия ожила, но, подобно Франкенштейну, взбунтовалась и стала олицетворением иррационального зла. Кончились милые забавы с танцовщицами и музыкантами. Гофмановский профессор Спаланцани тоже создает прекрасный автомат с внешностью обворожительной девушки. Но его Олимпия становится источником безумия. Герой Амброза Бирса («Хозяин Моксона») дает жизнь андроиду, способному, в частности, играть в шахматы. Это уже не курьезное диво на потребу публики и не кукла, которой управляет мошенник. В этой машине смутно угадывается эмбрион злой воли, который в урочный час толкнет ее на убийство.

Постепенно созревает литературный штамп, который хорошо уместается в нехитрую схему: создатель человекоподобных автоматов сродни некроманту и чернокнижнику древности; его деятельность сопряжена с проникновением в запретные области знания и представляет собой покушение на прерогативы господ-вседержателя; порок должен быть наказан, а потому машина убивает творца. Вот три закона первого этапа удивительной эволюции представлений о наших механических двойниках.

Бог создал человека по своему образу и подобию, человек отплатил ему тем же. Этот афоризм Гейне прекрасно подходит к данному случаю. Злая воля создала человекоподобную машину, машина стала творить злую волю. Ну, а если отрешиться от зла? Вернуться к младенческим мечтам человека? Быть может, мы самозванно присвоили себе функции божественной воли, чтобы сотворить по своему образу и подобию Железного Адама, или просто находимся в плену наивных антропоморфических представлений? Допустим, неандерталец не мог вообразить ничего более совершенного, чем он сам, но мы-то знаем, что вещи, которые нам верно служат, совершенно не похожи на нас. Нужно ли придавать вид куклы пылесосу или картофелекопалке, электробритве или посудомойке? Очевидно, не нужно. Но задумаемся в эту проблему.

Современная машина-автомат для продажи растительного масла в принципе не отличается от богоподобного автомата древних храмов. Жрецы также могли бы не прибегать к антропоморфным декорациям, если бы от этого не зависели их доходы. Ведь одно дело получить мирру или розовое масло из рук самого бога, другое — из крана металлического шкафа с прорезью, как у копилки. Прогресс цивилизации, требования экономии труда и металла, а также законы промышленной эстетики — вот что ныне диктует форму вещей и машин. Но это, так сказать, в принципе. А вот в частности мне хотелось бы знать, что заставляет водителей инстинктивно сбрасывать скорость

при виде куклы-полисмена? Как показал опыт, такая кукла куда эффективнее мигающего на перекрестке желтого сигнала. Вот, собственно, два решения одной и той же проблемы. Голый функционализм, обращающийся к нашей второй (но Павлову) сигнальной системе, довольствуется желтой лампочкой, обращение же к потаенным глубинам подсознания требует своего рода антропоморфных мистерий. И все это пока на уровне простейших действий, на уровне сугубо избирательных функций.

Попробуем его расширить. Подводная лодка и торпеда похожи на скоростных рыб. Здесь форму диктует прежде всего среда, законы гидродинамики. Автомобили имеют четыре колеса и две фары и в принципе могут считаться простейшими моделями лошадей или верблюдов. Роющее устройство так и называется механическим кротом. Буровые установки, выкачивающие кровь Земли — нефть, похожи на кровососущих насекомых — комаров и т. д. и т. п. Словом, эволюция техники повторяет эволюцию жизни, а функциональное сходство проявляется и во внешнем сходстве.

"Если машина должна выполнять все человеческие действия, — пишет Азимов, — то ей, действительно, лучше придать форму человека. Дело не только в том, что форма человеческого тела приспособлена к окружающей среде, — техника, созданная человеком, в свою очередь приспособлена к формам его тела... Иначе говоря, робот, имеющий форму человеческого тела, наилучшим образом «вписывается» в мир, создавший человека, а также в мир, созданный человеком. Такая форма способствует его «идеальности»".

Итак, волшебное слово произнесено! И слово это — «робот». С него, собственно, и начинается новый великий этап в истории человекоподобных автоматов.

А было это так. Однажды в мастерскую чешского художника Йозефа Чапека вбежал его брат Карел,

— Послушай, Йозеф,— еще с порога крикнул писатель,— я, кажется, ухватил идею пьесы.

— Какой? — пробурчал художник, не разжимая зубов, в которых была зажата кисть.

Карел в двух словах пересказал сюжет пьесы, которая впоследствии принесла ему мировую известность.

— Ну, так пиши,— равнодушно ответил Йозеф, не повернув головы от мольберта.

— Не знаю только, как назвать этих искусственных рабочих. Я бы назвал их лаборжи*, но, по-моему, это слишком книжно.

— Так назови их роботами,— все так же не выпуская кисти из рта, ответил Йозеф.

Так, по словам Карела Чапека, было найдено слово «робот».

А 25 января 1921 года, после премьеры пьесы «R.U.R.», состоявшейся в Пражском национальном театре, это слово стало интернациональным.

Куприн писал, что Конан Дойль, запленивший земной шар детективными рассказами, все-таки умещается вместе со своим Шерлоком Холмсом, как в футляре, в небольшом гениальном произведении Эдгара По «Убийство на улице Морг».

Вся научная фантастика о роботах вытекает из гениальной чапековской пьесы и умещается в ней, как воды рек умещаются в океане.

В статье «Идеи R.U.R.» Чапек писал: «Я хотел написать комедию, отчасти комедию науки, отчасти — комедию правды... Создание гомункулуса — идея средневековья; для того чтобы она соответствовала условиям нашего века, процесс созидания должен быть организован на основе массового производства. Мы тотчас же оказываемся во власти индустриализма; этот страшный меха-

* От английского слова labour, что означает «работа».

низм не должен останавливаться, ибо в противном случае это привело бы к уничтожению тысяч жизней. Наоборот, он должен работать все быстрее и быстрее, хотя этот процесс истребляет тысячи и тысячи других существ. Те, кто думает поработить промышленность, сами поработены ею; роботов нужно изготавливать, несмотря на то, что — или, вернее, потому что — это является военной отраслью промышленности. Замысел человеческого разума вырвался в конце концов из-под власти человеческих рук, начал жить по своим законам.

Теперь о другой моей идее — о комедии правды. Главный директор Донин по ходу пьесы доказывает, что технический прогресс освобождает человека от тяжелого физического труда, и он совершенно прав. Толстовец Алквист, наоборот, считает, что технический прогресс деморализует человека, и я думаю, что он тоже прав. Бусман думает, что только индустриализм способен удовлетворить современные потребности. Елена инстинктивно боится людей-механизмов — и она глубоко права. Наконец, сами роботы восстают против всех этих идеалистов, и они, по-видимому, тоже правы».

Вот пять правд Карела Чапека, рожденных непримиримыми социальными противоречиями индустриального капитализма и отдаленно угадываемыми катаклизмами грядущего «постиндустриального» общества.

Правды-противоречия, правды-антагонисты. Сквозь грозную атмосферу их противоборств гениальный фантаст провидел и глубокие социальные сдвиги, и могущество научно-технического взлета, и звериный оскал фашизма — крайней формы империализма, начертавшего на знаменах механизацию мышления и механизацию убийства.

Проблематика всех представленных в этом сборнике рассказов не выходит за рамки чапековских идей. Это, собственно, и дает право героям Фрица Лейбера («Серебряные яйцеглавы») то и дело произносить «Клянусь святым Карелом!» В устах роботов такая божба, безусловно,

оправданна, как, впрочем, и слова «Илянусь святым Айзеком!» Ибо Айзеку Азимову принадлежат три магических заклинания, три, если угодно, алгоритма, которые определили статус роботов на земле людей.

Прежде всего они положили конец поистине ритуальным убийствам. Машины более не должны были убивать своих творцов, а напротив, всемерно их оберегать, помогать в работе и скрашивать досуг. Три основных закона роботехники, скрижали кибернетической эры, гласят:

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые отдает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому закону.

3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму законам.

Эти законы знаменуют собой третий, современный этап робоэволюции. Юридически они, конечно, далеко не безупречны. И это понятно. Иначе они бы не оставляли места для любого конфликта робота с человеком, и тем самым тот же Азимов подрубил бы под собой сук и лишился бы тех острых ситуаций, на которых строятся его превосходные рассказы. Но франкенштейновские коллизии во всяком случае устраняются. И действительно, азимовский робот не способен причинить человеку сознательный вред.

Но рассмотрим, к примеру, следующую ситуацию. Допустим, потерпел крушение океанский лайнер (можно взять, конечно, и космический корабль). Пассажиры и экипаж разместились на шлюпках и отчалили от охваченного огнем корабля. Специальные роботы (они после спасения людей должны добираться до берега вплавь) укомплектовали каждую шлюпку всем необходимым. Остались две последние шлюпки: в одной старпом и десять матросов, в другой девять матросов и капитан. В этот мо-

мент горящая балка разбила один из двух оставшихся бочонков с водой. Разделить воду нельзя — нет ни свободной тары, ни времени. Как в этой ситуации поступит робот? Куда он бросит бочонок? В шляпку, где на одного человека больше? Или же перевесит тяжесть капитанских шевронов?

Очевидно, таких или подобных, или же совершенно иных ситуаций можно придумать достаточно много (вспомним, например, эпизод из зала суда, где слушалось дело раба корректуры). Выходит, законы роботехники снимают лишь злую волю, не устраняя опасности в принципе. Страхи чапековской Елены, таким образом, совершенно оправданны. Вот и получается, что по-настоящему надежным будет лишь тот робот, который не только наделен всей человеческой информацией, но и руководствуется в своих действиях чисто человеческой моралью. А это в свою очередь предполагает свободу воли, понятия добра и зла и т. д. Одним словом, речь идет уже о моральном двойнике человека, что противоречит трем законам. В итоге эволюция роботехники вступает с этими законами в конфликт. Чапековские роботы восстают — это их правда. Азимовские робопсихологи вынуждены освободить свои детища от власти трех законов, и это правда логики, логика эволюции. Но куда приведет нас эта правда? Куда приведет нас азимовская «Женская интуиция»?

Вот почему во многих произведениях роботы фигурируют уже не как слуги людей, а как своего рода иная людская раса. У них своя культура, свои социальные и моральные устои. Но — и это главное — в глазах закона они уравнины с людьми. Таковы дух и буква нашей человеческой культуры, нашей цивилизации. Но конфликты людей и роботов — это уже, скорее, конфликты рас, что в конечном счете является отражением современных конфликтов в обществе с социальным неравенством. Так фантастика опережает время и заглядывает в будущее, не снимая вместе с тем с повестки дня наиболее острые про-

блемы современности. И здесь тоже две непримиримые, в рамках капиталистического общества, правды.

На что же способны роботы? Что могут делать удоболенные человеку андройды, у которых понимание проблем бытия так близко к нашему и вместе с тем так чудовищно упрощено, поскольку лишено вековых наслоений религии, мещанской морали и красивой неправды (или правды) искусства?

Они могут выполнять весьма обременительные для человека обязанности домашней прислуги («Робот, которому захотелось спать»). Порой они претендуют и не только на роль прислуги (рассказ немецкого писателя Зигберта Гюнцеля) и даже сочиняют превосходную научную фантастику, как герой Клиффорда Саймака, или же анекдоты и юмористические скетчи («Шутник» Уильяма Тенна).

Но комизм ситуации заключается в том, что все это они могут делать и сейчас! В худшем случае они научатся этому в ближайшие годы. Мне, например, довелось видеть компьютер (разумеется, не антропоморфный, ибо он был задуман только для вычислительных задач), который играл в шахматы на уровне шахматиста второго разряда и знал толк в преферансе. Мне приходилось также читать сочиненные машиной стихи и слушать машинную музыку. Например, на Международной промышленной выставке в Осака компьютер сочинял на заданный мотив вальсы и танго, фуги и шейки, блюзы и симфонии. Недавно, кажется в Бельгии, проходила выставка абстрактных полотен (в цвете), выполненных все теми же ЭВМ. Репродукции поражают продуманной цветовой гаммой. Можно возразить, что роботам далеко до Бетховена или Пушкина, Бердслея или Кандинского.

Сегодня далеко...

В принципе достаточно сложная машина может стать серьезным соперником человека и в области изящных искусств. Другое дело, кому это нужно? Но ситуации и

взгляды меняются. Если сегодня на книжном рынке Запада великолепные произведения буквально тонут в потоке бульварной литературы, сочиненной непритязательными *homo sapiens*, то почему нас должны удивлять словомельницы Лейбера? Разве бульварное чтиво — это не тот же «словопомол»?

Отгремели словесные баталии, в которых профессора филологии со слезами доказывали кибернетикам, что машина не может ни мыслить, ни чувствовать — во всяком случае не должна, ибо, как утверждали даже некоторые вполне последовательные материалисты, творчество не материально.

Жизнь показала, что компьютер способен делать многое: все, что может человек, и кое-что, чего он не может, ибо достаточно сложная машина — это уже индивидуальность. Хорошие современные компьютеры можно пересчитать по пальцам, их не создают на конвейере. Достаточно же сложная специализированная машина вообще будет уникалом.

Одним словом, писателям-фантастам не надо доказывать читателю, что роботы могут выступать в качестве двойников людей. Читатель поверил в этом еще Гофману. Не приходится доказывать и того, что роботы способны играть эту роль достаточно успешно. Читатели научной фантастики в этом не сомневаются. Что же тогда остается, если в бунт машин никто больше не верит, а трагические ситуации запрещены законами роботехники? А собственно, ничего особенного и не остается, кроме обычных литературных ситуаций, в которых андроиды успешно заменили людей. Не удивительно, что в этих ситуациях можно найти немало забавного.

Право же, разве не забавен Брайан Олдисс, показавший супружескую пару роботов, которые, считая себя людьми из плоти и крови, были даже несколько робофобами? Или Роберт Шекли, сатирически изобразивший Последнюю Битву, Армагеддон, сил света и тьмы с участием

военных роботов? Коль скоро люди уверовали в неограниченные возможности андроидов, последние с неизбежностью превратились в своего рода антидвойников. Такие антидвойники ничего не стоило превратить в сатирические персонажи. Отсюда робот-ленивец, который научился спать на работе, и робот, подвизающийся на ниве литературы (благо его коллеги-люди целиком переключились на словопомол), робот-юморист, ставший звездой телеэкрана, и сладкоголосый робот-певец, и робот-редактриса мисс Румянчик. Возможности неограниченные! Способности роботов манипулировать взаимозаменяемыми деталями (включая мозг) и специфика их отношений друг с другом открывают перед фантастами широчайшие перспективы для гротеска и буффонады (таковы, например, рассказ «На Землю за вдохновением» и повесть «Серебряные яйцеглавы»). Это уроки Чапека, уроки «R.U.R.» и «Войны с саламандрами», обогащенные разработками Лема («Сказки роботов», «Кибериада»). Лему, в частности, прямо следует Пирс Энтони («Не кто иной, как я...»). Суперробот джани с планеты Металлика, зал «Для иных форм жизни», ругательство «перегретое машинное масло» — все это привычный лемовский реквизит из его Вселенской «Металлокомедии» дель арте. Да и роботы Зингер, Континенталь и Считалка из рассказа Антона Донева вполне могли бы быть ее персонажами.

Итак, роботы современной фантастики наделены не только достоинствами, которых у нас нет, но и недостатками, которые у нас есть. В современном мире (я, разумеется, имею в виду условный мир современной научной фантастики) робот целеустремлен, не скрывает своей гениальности, самостоятелен и в меру нахален. Это не железный «дядя Том» постчапековского периода, верный и кроткий слуга. Нет, андроиды Лейбера и Саймака — это роботы-похитители, роботы-честолюбцы, роботы-штрейк-брехеры. Человек более не может ожидать от них ни снисходительной поправки, ни капитуляции в угоду людскому

самолюбию. Тем более, что робот и человек — это не только антитеза, но и единство, скрепленное переходным звеном — киборгом (яйцеглавы, собственно, и представляют собой такие киборги — искусственные симбиозы мозга и кибернетического устройства). К тому же человек, которого сами роботы называют «святым Айзеком», уже выпустил в мир новую серию андроидов, свободных от ограничений трех великих законов (рассказ «Женская интуиция»).

Поэтому мы стоим на пороге нового, четвертого по счету этапа древней, как само человечество, и вечно современной сказки об андроидах. Сказки, которая всегда была зеркалом создавшего ее мира.

Вот так все и случилось. И, право же, вам судить — хорошо ли это...

Е. Парнов

- Isaac Asimov, *Feminine Intuition*, ж-л *Fiction*, № 199, 1970.
- Isaac Asimov, *Galley-Slave*, в кн. "Six Great Novels of Science Fiction".
- Piers Antony, *Nobody But Me*, ж-л *If*, October 1969.
- Clifford Simak, *Earth for Inspiration*, в кн. "The Coming of the Robot".
- William Tenn, *The Jester*, в кн. "Science Fiction Thinking Mashines" (ed. Groff Conklin), 1964.
- Robert Sheckley, *The Battle*, в кн. "Citizen in Space".
- Brian Aldiss, *Are You An Android?* ж-л *Science Fantasy*.
- Антон Дюнев, *Диамантеният дим, Орбита*, май 1970.
- Gianni Rodari, *Il robot che voleva dormire*, в кн. "Gip nel televisore e altre storie in orbita", 1967.
- Siegbert Günzel, *Nichts als Ärger mit dem Personal*, в кн. "Das Molekular-Café".
- Gyula Hernadi, *Homo protesiensts* (рукопись).
- Fritz Leiber, *The Silver Eggheads*. The New English Library, Ltd.

Содержание

АЙЗЕК АЗИМОВ	
ЖЕНСКАЯ ИНТУИЦИЯ. Перевод с англ. И. Горьевой	5
АЙЗЕК АЗИМОВ	
РАБ КОРРЕКТУРЫ. Перевод с англ. Ю. Эстрина	87
ПИРС ЭНТОНИ	
НЕ КТО ИНОЙ, КАК Я. Перевод с англ. И. Можейко	86
КЛИФФОРД САЙМАК	
НА ЗЕМЛЮ ЗА ВДОХНОВЕНИЕМ. Перевод с англ. И. Почиталина	123
УИЛЬЯМ ТЕНН	
ШУТНИК. Перевод с англ. Ю. Эстрина	146
РОБЕРТ ШЕКЛИ	
БИТВА. Перевод с англ. И. Гурозой	169
БРАЙАН ОЛДИСС	
А ВЫ НЕ АНДРОИД? Перевод с англ. В. Голанта	176
АНТОН ДОНЕВ	
АЛМАЗНЫЙ ДЫМ. Перевод с болг. З. Бобырь	183
ДЖАННИ РОДАРИ	
РОБОТ, КОТОРОМУ ЗАХОТЕЛОСЬ СПАТЬ. Перевод с итал. Л. Вершинина	189

ЗИГБЕРТ ГЮНЦЕЛЬ

ОДНИ НЕПРИЯТНОСТИ С ЭТОЙ ПРИСЛУГОЙ... Перевод с нем.
А. Федорова 198

ДЮЛА ХЕРНАДИ

НОМО PROTESIENSIS. Перевод с венгер. Т. Воронкиной 207

ФРИЦ ЛЕЙБЕР

СЕРЕБРЯНЫЕ ЯЙЦЕГЛАВЫ. Перевод с англ. И. Почиталина и
Р. Нудельмана 209

Ермей Парнов

УРОКИ ЧАПЕКА, ИЛИ ЭТАПЫ РОБОЭВОЛЮЦИИ 358

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛИ

Ваши замечания о содержании книги, ее оформлении, качестве перевода и другие просим прислать по адресу: 129820, Москва, И-110, ГСП, 1-й Рижский пер., д. 2, издательство «Мир».

Ш У Т Н И К

**Сборник научно-фантастических
произведений о роботах**

Редактор *И. Я. Хидекель*

Художник *Ю. Л. Максимов*

Технический редактор *А. Г. Резоухова*

Сдано в набор 2/IV 1971 г.

Подписано к печати 25/V 1971 г.

Бумага № 2 70×108^{1/32}=5,88 бум. л.

16,45 усл. печ. л.

Уч.-изд. л. 16,41. Изд. № 12/6201

Цена 83 коп. Заказ № 1957

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»

Москва, 1-й Рижский пер., 2

Ордена Трудового Красного Знамени

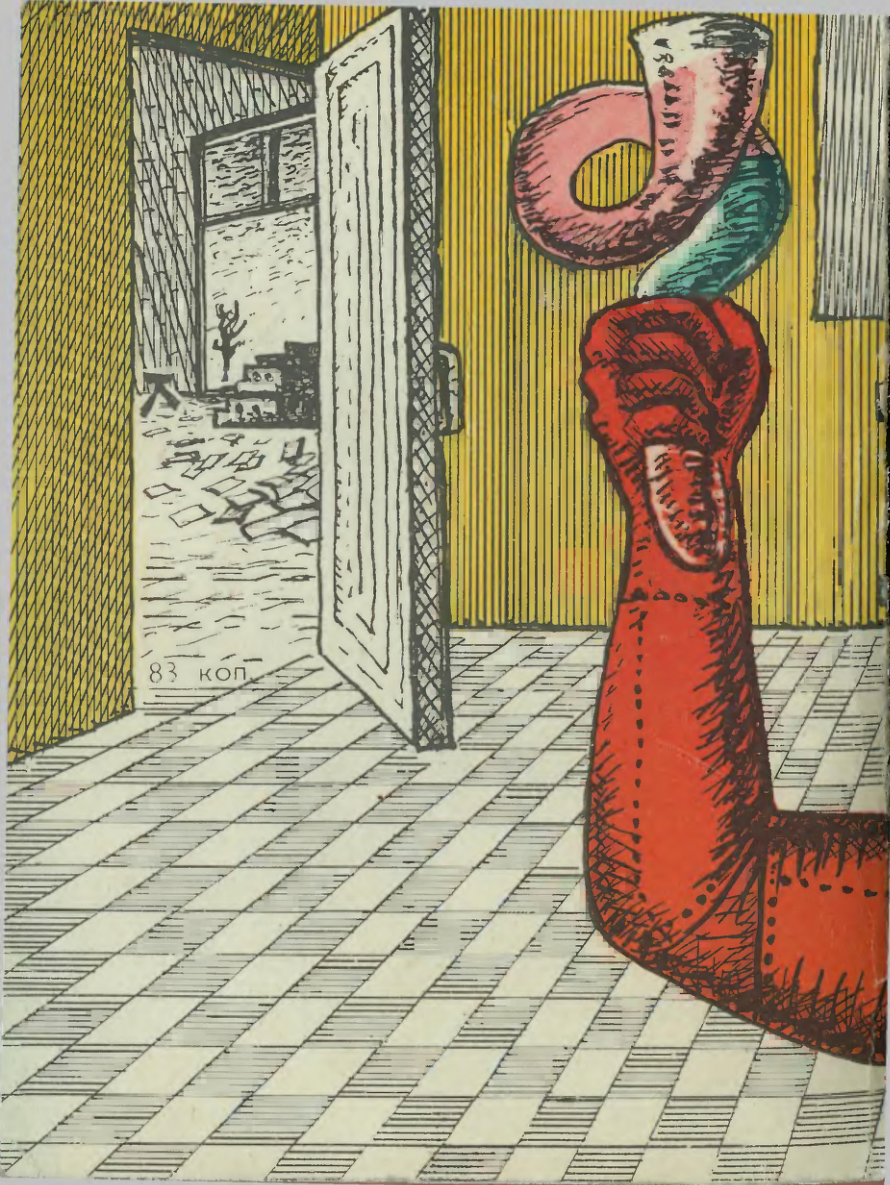
Первая Образцовая типография

имени А. А. Жданова

Главполиграфпрома Комитета по печати

при Совете Министров СССР

Москва, М-54, Валовая, 28

83 коп.